АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СИНТЕТИЧЕСКИХ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ СИСТЕМ

Ответственные редакторы
доктора филол. наук Е.И. Убрятова, Ф.А. Литвин

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем/Черемисина М.И., Бродская Л.М., Скрибник Е.К. и др. – Новосибирск: Наука, 1986.

В монографии освещается теоретическая концепция сопоставительно-типологического исследования сложных предложений, вводятся и уточняются понятия об инфинитных формах глагола, предикативное употребление которых определяет специфику гипотаксиса в агглютинативных языках. Описываются структурные типы сложных предложений в пяти алтайских и двух самодийских языках Сибири. Выявляются и сопоставляются конкретные модели сложных предложений в названных языках.

Работа рассчитана на специалистов в области языков народов СССР, общего языкознания, синтаксистов широкого профиля.

М.И. Черемисина, Л.М. Бродская, Е.К. Скрибник, Л.А. Шамина, Н.Н. Коваленко, И.П. Сорокина, М.В. Оюн

Рецензенты Б.В. Болдырев, К.А. Тимофеев

С $\frac{4602010000-863}{042(02)-86}$ 319-86-III

© Издательство "Наука", 1986 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография представляет собою продолжение и развитие исследования сложного (полипредикативного) предложения в языках разных систем. Первым систематическим изложением результатов этого исследования была вышедшая в 1984 г. работа "Предикативное склонение причастий в алтайских языках", посвященная исследованию и описанию основного синтаксического механизма алтайского гипотаксиса – использования морфологического аппарата склонения для выражения синтаксических отношений, т.е. и формального подчинения, и содержательных зависимостей между предикативными компонентами полипредикативного комплекса. На материале шести языков – трех тюркских, бурятского и двух тунгусо-маньчжурских (эвенкийского и маньчжурского) – были показаны принципиальное единство этого синтаксического механизма и последовательные, систематические схождения языков вплоть до многих второстепенных, периферийных функций отдельных падежей, реализующихся в системе предикативного склонения причастий; по существу речь идет о склонении зависимых предикативных единиц (ЗПЕ), возглавляемых именными глагольными формами определенного класса, традиционно для алтаистики именуемыми причастиями.

В настоящей монографии основным объектом исследования являются конкретные формы синтетических полипредикативных конструкций (ППК) в языках алтайской типологической общности, т.е. таких конструкций, в которых показатель связи – не отдельное служебное слово, а морфема в составе синтетической словоформы зависимого сказуемого. Помимо алтайских языков, которые исследовались в предыдущей монографии, к анализу привлекаются два самодийских языка – энецкий и нганасанский.

На предыдущих этапах исследования уже были выявлены основные, самые крупные структурные типы изучаемых синтаксических построений. Было установлено, что главный структурный, конституирующий компонент синтетических ППК в алтайских языках – это сказуемое зависимой части, ее предикативная вершина. Как словоформа оно сочетает в себе лексический компонент, представленный основой глагола (с синтаксической точки зрения это свободная переменная), и аффиксальную, грамматическую часть, которая и служит выразителем синтаксической зависимости, синтаксического смысла полипредикативной конструкции.

Основные типы форм, которые в алтайских языках выполняют эту функцию, известны. Это, во-первых, именные формы глагола, называемые причастиями, которые являются объектом предикативного склонения, т.е. принимают падежные формы и личные показатели посессивного типа. Выступая в определенных падежных формах или без падежного оформления, они способны сочетаться с послелогами и служебными именами. Они сочетаются и с частицами, которые могут иногда существенно модифицировать синтаксическую семантику конструкций, а в бурятском языке они сочетаются со служебными словами, условно называемыми "квазисоюзами" (*haa*, *хада*, *аад*). Второй большой класс зависимых предикатов – это деепричастия. В каждом изучаемом языке они представлены набором конкретных форм со своими свойствами; деепричастия не склоняются, многие из них и не спрягаются, не обладают субъектно-подлежащной валентностью. Некоторые деепричастия обладают такой валентностью, но личных аффиксов не принимают. Но есть и спрягаемые деепричастия. Все эти формы обслуживают, в общем, один структурно-функциональный тип ППК – разнообразные конструкции обстоятельственной семантики, с примыкающей зависимой частью.

Третий класс составляют инфинитные глагольные формы, функционирующие как определения и сказуемые определительных ЗПЕ. Именно эти формы заслуживают названия причастных, которое в алтаистике оказалось соотнесенным с множеством форм (или даже основ), которые в разных функциях приобретают специфические парадигмы.

В этой работе мы ставим перед собой несколько задач, иерархически между собою связанных. Первая задача, определяющая собою практическую значимость проведенного исследования для составления синтаксического описания языков Сибири, заключается в том, чтобы выявить и рассмотреть (описать) все основные типы и разновидности синтетических ППК в изучаемых языках, включая и аналитико-синтетические, базирующиеся на использовании в роли сказуемого ЗПЕ инфинитных глагольных форм в сопровождении аналитических уточнителей их синтаксической семантики. Естественно, не на всех типах мы останавливаемся одинаково подробно; некоторые уже были освещены в предыдущих работах нашего коллектива, на которые мы делали ссылки; некоторые, наоборот, пока еще исследованы недостаточно.

Мы надеемся, что нам удалось в первом приближении решить задачу инвентаризации синтетических ППК в изучаемых алтайских языках. Выработанная здесь методика сможет быть использована при решении аналогичных задач на материале других языков, полипредикативный синтаксис которых еще систематически не исследован, в частности нганасанского, энецкого и других самодийских.

Изучаемые конструкции мы стремились описывать в единой системе терминов и понятий и представлять в формализованной записи, выполненной с помощью одних и тех же заранее оговариваемых символов. Эта символика разрабатывалась в течение ряда лет, проверялась и уточнялась в наших публикациях, в частности, в монографии "Предикативное склонение..." /1984/. Но теперь построение формул

приобрело для нас более самостоятельное значение: из приема исследования формулы стали способом представления итогового знания о каждой отдельной конструкции.

До сих пор мы представляли полипредикативную конструкцию структурной формулой зависимого предиката. Зависимый предикат – это конструктивный центр синтетической ППК, существенно предопределяющий и структурную организацию, и обусловленную ею синтаксическую семантику целого. Но в процессе работы перед нами не раз возникали вопросы, связанные с тем, что одна форма зависимого предиката иногда формирует несколько разных ППК. Поэтому мы сейчас переходим к более адекватному представлению ППК формулами, в которых отражаются существенные признаки обеих предикативных частей.

За символами, из которых строятся формулы, мы усматриваем категориальные признаки, способные дифференцировать модели ППК. Модель ППК мы понимаем как эмическую сущность, стоящую в одном ряду с такими сущностями, как фонема, морфема, лексема. Все они суть конструкты науки, абстракции, требующие специальных способов представления. Синтаксические сущности не могут быть записаны с помощью букв и слов: фразы лишь иллюстрируют их. Предлагаемые нами формулы и есть способ фиксации этих сущностей.

Уровень полипредикативных конструкций легче других уровней поддается системному описанию того типа, который с таким успехом применяется в фонологии; в особенности это относится к подсистеме синтетических конструкций, составляющей ядро всей системы сложного предложения в языках алтайской типологической общности (и, видимо, в других типологически сходных языках). Мы стремимся к построению такой классификации, которая не заканчивалась бы выявлением более или менее широких (постепенно сужающихся) типов объектов, но доходила бы до единичного объекта – "эмы" данного уровня. В фонологических таблицах естественно предполагаются пустые клетки, но если в какой-то клетке таблицы оказывается более чем один фонологический элемент, это значит, что процедура анализа и системного описания не доведена до логического конца. В перспективе мы хотели бы построить такую же классификацию структурных моделей ППК (модель ППК понимается как "значащая форма", имеющая в системе языка свое назначение, связанная со специфическим, выражаемым ею синтаксическим смыслом).

На пути к решению намеченной задачи стоит еще много задач такого типа, которые на протяжении ряда лет решались специалистами при выделении фонем и лексем. Это прежде всего "проблема тождества", остро и четко поставленная в лексикологии А.И. Смирницким, – проблема соотношения инвариантов и вариантов, а затем также "эм" и "архи-эм".

Мы пока еще не можем предложить читателю матрицу, фиксирующую эмические сущности анализируемой подсистемы ППК. Построение таких матриц, своих для каждого языка, выходит за рамки задач сопоставительного исследования. Однако в этом направлении мы провели подготовительную теоретическую работу, которая заключается в следующем.

Построение исчерпывающих классификаций предполагает заранее выполненными определенные условия. Одно из них заключается в том, что подлежащее делению множество должно мыслиться как конечное и дискретное. Традиционные синтаксические описания из такого представления не исходят и его не конструируют. Они оперируют понятиями "тип", "разновидность", термином "предложения" (во множественном числе), который позволяет подразумевать множество разных фраз одного типа (одной модели) или несколько разных конструкций с этим союзом, моделей или вариантов, например: Прежде чем ты уйдешь, я скажу и Прежде чем уходить, скажи. Наше представление о модели как единице языка, противопоставленной другим моделям данного языка, отвечает сформулированному выше условию. Множество моделей ППК каждого языка мыслится нами как конечное и дискретное, иначе мы не могли бы ставить практической задачи его инвентаризации.

Второе условие состоит в том, что исчерпывающая классификация предполагает подготовленную процедуру выявления существенных, системообразующих признаков, по которым могут противопоставляться друг другу не отдельные модели, а значительные их ряды. Такие признаки в их взаимной противопоставленности составляют категории. Грамматическим категориям (типа падежа, времени, лица) соответствуют фонологические категории (например, для согласных – место образования, способ образования, участие голоса, наличие придыхания и др.). Вопрос о категориях полипредикативного синтаксиса до сих пор, насколько нам известно, не ставился. Мы пытаемся поставить этот вопрос, хотя для этого созрели еще далеко не все предпосылки. Наши исследования позволяют утверждать, что такие категории существуют, они ожидают фиксации в форме понятий и дальнейшего изучения на материале конкретных языков. В частности, должна проверяться их способность дифференцировать модели ППК каждого данного языка. Возможно, что некоторые выделенные нами признаки связаны так, что появление одного исключает или детерминирует появление другого. Это еще предстоит изучить. Сейчас мы представляем на обсуждение лишь состав тех признаков, которые, по нашим данным, различают модели ППК в изучаемых языках.

Первый из этих категориальных признаков – тип инфинитной формы в роли сказуемого зависимой части. Три самых крупных типа таких форм – это именные глагольные формы, традиционно именуемые причастиями, деепричастия и причастия как формы глагольных определений. Нашему термину "именные глагольные формы" в традиционном описании тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков соответствует представление о причастии в нефинитном и неопределительном употреблении, напр., о формах типа T_V=ган, T_V=р (тюрк.), T_V=ха, T_V=даг, T_V=пан (бур.), T_V=ча (эвенк.) в роли сказуемого в управляемых (т.е. изъяснительных, дополнительных, отчасти подлежащных) и некоторых других ЗПЕ. Деепричастные формы понимаются нами в соответствии с традициями монголистики и тунгусоведения, но несколько шире, чем это традиционно для тюркологии; мы включаем в этот разряд формы, чаще именуемые косвенными наклонениями (тюркские условно-временное на =са; в тувинском – предельное на =гыже). Термин "причастие" в этом ряду понимается в узком значении: это те формы, которые принимают глагол, выступая в роли определения и сказуемого определительной ЗПЕ.

Тип инфинитной формы, использованный в роли сказуемого зависимой части, предсказывает более или менее точно структурно-функциональный тип полипредикативного построения, но никак не конкретную модель ППК. Каждый из названных типов в каждом из языков представлен множеством конкретных форм. Каждая форма порождает свои модели, одну или несколько. Выявление этих моделей и было основной задачей нашего исследования – и под углом зрения составления "инвентарных списков" для каждого изучаемого языка, и под теоретическим углом зрения, поскольку каждую модель можно рассматривать как "точку пересечения" дифференциальных синтаксических категорий-признаков.

К числу категориальных признаков ППК относится наличие (или отсутствие) послелога, присоединение которого позволяет существенно расширять диапазон отношений (напр., временных), выражаемых падежными показателями. В структурных формулах моделей ЗПЕ (и ППК) падежные показатели и послелоги обычно отражаются независимыми символами. Однако, сочетаясь с падежно не оформленной основой, послелог выступает как эквивалент падежного аффикса, а не как уточнитель независимо выраженного падежного значения.

Важный аспект исследования – выяснение значимости параметров, связанных с субъектным аспектом зависимых звеньев синтетических ППК. Могут ли модели с тождественной формой зависимого сказуемого противопоставляться друг другу падежом подлежащего (родительный или прямой) или наличием-отсутствием показателей лица у сказуемого, типом этих аффиксов, их обязательностью или факультативностью? Интересно сравнить в этом аспекте не только разные конструкции одного языка, но и взаимно подобные конструкции разных изучаемых языков.

Непосредственным объектом нашего внимания в этой работе постоянно остается форма. Мы выявляем модели структурной организации ППК. Но коль скоро мы стремимся к выделению единиц данного уровня, в поле нашего зрения с необходимостью попадает семантика. Именно она часто оказывается тем критерием, который разрешает или не разрешает, требует или запрещает отождествлять некоторые формы как варианты одной модели или видеть в них взаимно противопоставленные модели – разные единицы системы. Уяснение этой стороны синтаксического анализа также составляет одну из важных задач этой работы.

И наконец, наше исследование не было бы сопоставительно-типологическим, если бы оно не ставило целью выявление схождений и расхождений между изучаемыми языками во всех тех аспектах, в которых изучаются нами полипредикативные конструкции. Эта установка проходит через все разделы работы.

Предлагаемая монография является результатом коллективной

работы. Авторский коллектив состоит из семи человек: д-р филол. наук, проф. М.И. Черемисина – руководитель темы, канд. филол. наук Е.К. Скрибник, канд. филол. наук Л.М. Бродская, канд. филол. наук И.П. Сорокина, Л.А. Шамина, Н.Н. Коваленко, М.В. Оюн. Л.М. Бродская представляет Иркутский ГПИ, И.П. Сорокина – ЛО ИЯ АН СССР, Н.Н. Коваленко – кафедру иностранных языков НИСКТ.

Эвенкийские материалы разрабатывались Л.М. Бродской, бурятские – Е.К. Скрибник, тюркские – М.И. Черемисиной, Л.А. Шаминой, М.В. Оюн. Нганасанские материалы были подготовлены Н.Н. Коваленко, энецкие – И.П. Сорокиной. Большую помощь в подготовке и обработке материалов по алтайскому языку нам оказала А.Т. Тыбыкова, по хакасскому языку – Т.Н. Боргоякова, по определительным конструкциям шорского языка – А.В. Есипова.

Вопрос об индивидуальном авторстве по разделам затрудняется тем, что, как и в монографии "Предикативное склонение причастий", разработка фактического материала по различным привлеченным к анализу языкам постоянно пересекается и переплетается с разработкой теоретических проблем, относительно единых для всех или для многих из изучаемых языков. Редактирование разделов внутри авторского коллектива осуществлялось в основном М.И. Черемисиной и Е.К. Скрибник.

С учетом сказанного выше авторство определяется следующим образом: введение, раздел I, главы первая и вторая – М.И. Черемисина. Раздел II состоит из трех глав, имеющих сходную внутреннюю структуру: в каждой главе представлены параграфы, посвященные отдельным исследуемым языкам. Вводные и заключительные параграфы в главах первой и второй написаны М.И. Черемисиной, в главе третьей – Е.К. Скрибник. Параграфы, освещающие тюркские языки, написаны М.И. Черемисиной и Л.А. Шаминой, в главе третьей – также М.В. Оюн. Параграфы, посвященные эвенкийскому языку, написаны Л.М. Бродской, бурятскому – Е.К. Скрибник, нганасанскому – Н.Н. Коваленко, энецкому – И.П. Сорокиной. Заключение – М.И. Черемисина, приложения – весь авторский коллектив.

Мы благодарим всех прочитавших работу и отдельные ее разделы в рукописи и высказавших свои критические замечания, которые мы постарались учесть: Я.Г. Биренбаума, А.П. Володина, Д.А. Монгуша, В.И. Рассадина, Н.П. Романову, Ш.Ч. Сата, Ц.-Ж.Ц. Цыдыпова, Л.Д. Шагдарова, Н.Н. Широбокову. Мы пользуемся случаем выразить нашу признательность нашим информантам и всем коллегам, помогавшим нам в сборе и обработке фактического материала: А.Р. Бадмаеву, Е.Ю. Булыгиной, Е.Н. Кузьминой, А.Т. Тыбыковой, Т.П. Филистович, Т.П. Шубиной; особую благодарность мы приносим коллегам из отдела языкознания Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР и доценту Тартуского госуниверситета Айно Валмет.

Раздел I

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава первая

ОБЩИЙ ПОДХОД К СТРУКТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ ППК

§ 1. Основные проблемы типологического исследования ППК

Исследования сложного предложения в последние десятилетия интенсивно расширяются и углубляются. Объектом изучения стал уже весь класс полипредикативных синтаксических построений, включающий в себя наряду с общепризнанными сложными предложениями и такие, в оценке которых исследователи не единодушны, а также и такие, которые традиционно признаются простыми, содержащими "полупредикативные" блоки. По мере того как в синтаксическое описание вовлекаются все новые типы таких конструкций, и главное – по мере того как конструкции, принадлежащие разным языкам, начинают сопоставляться между собой, все острее и непреложнее становится задача построения общей классификации, а затем и типологии этих синтаксических форм.

В Советском Союзе проводятся синтаксические исследования на материале многочисленных языков – и западных европейских, и восточных, и разнообразных языков народов нашей страны. Естественно, что глубже всего, детальнее исследован синтаксис русского языка, в частности русское сложное предложение.

Современные теоретические концепции, связанные в русистике со сложным предложением, прямо или косвенно восходят к основополагающим в этой области работам Н.С. Поспелова (1949, 1950 и след.) – это концепции В.А. Белошапковой, С.Г. Ильенко, С.Е. Крючкова, Л.Ю. Максимова, И.П. Распопова и других. Эти концепции, как в свое время концепции А.Б. Шапиро, С.И. Абакумова, не говоря о еще более ранних представлениях, восходящих к Ф.И. Буслаеву, постоянно оказывали определенное влияние на теоретические представления о сложном предложении в других европейских языках. Они отразились в работах В.Г. Адмони, Е.В. Гулыги на материале немецкого языка, Л.Л. Иоффик, М.Я. Блоха, Я.Г. Биренбаума на материале английского, Е.А. Реферовской – на французском языковом материале и других; ср. также монографическое описание сложного предложения в языке хинди В.П. Липеровского, существенно, вплоть до деталей, опирающееся на концепцию В.А. Белошапковой. Отечественные синтаксисты, работающие в области индоевропейских и в первую очередь западноевропейских языков, безусловно, систематически учитывали и

критически, с учетом специфики изучаемых ими языков, осваивали все достижения русской лингвистической мысли. Но больше, чем русисты, учитывали они и синтаксические концепции зарубежных синтаксистов, изучавших и описывавших родные языки. В итоге общие представления советской лингвистики о природе и типологии сложного предложения (полипредикативных конструкций) в разных живых языках Европы оказались не вполне идентичными, хотя и сводимыми к некоторому общему инварианту.

Говоря о принципиальном единстве теоретических представлений, лежащих в основе описания сложного предложения в европейских языках, нужно иметь в виду, что индоевропейские языки Европы, о которых сейчас шла речь, связаны не только генетической, но и историко-культурной общностью. На протяжении столетий они развивались и функционировали в условиях постоянных многосторонних контактов. Это должно было наложить существенный отпечаток на строй сложного предложения.

За рамками этой языковой семьи и культурно-исторической общности, в иносистемных языках, объективная ситуация другая. Грамматические описания разносистемных языков народов Советского Союза – тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, самодийских (в меньшей мере финно-угорских), кавказских ("горских"), палеоазиатских, – несут на себе явный отпечаток синтаксических концепций русистики; все они "отталкиваются" от эталонного представления о сложном предложении и его релевантных признаках, которое сложилось в русистике. Но признаки, действительно присущие подавляющему большинству моделей русского, английского, немецкого, французского сложного предложения, а именно – финитная организация обеих частей и союзный характер связи между ними, – для языков аггютинативного строя в целом вовсе не характерны. Функциональными (и соответственно переводными) аналогами сложных предложений русского и других европейских языков являются здесь своеобразные синтаксические конструкции, в структурном отношении резко отличающиеся от типичных европейских сложных предложений именно отсутствием двух названных выше признаков; см., например, сопоставительные исследования тюркских и европейских сложных предложений А. Умарова (1965), К.С. Чонбашева (1968), Э.А. Ханмурзаевой (1982) и др.

В составе таких специфических полипредикативных конструкций агглютинативных языков зависимая предикативная часть содержит инфинитный предикат, т.е. такую форму глагольного (реже – именного) сказуемого, которая не способна организовать простое автономное предложение. В этой роли выступает широкий круг форм, обладающих разными свойствами и носящих различные терминологические имена. Но понятия, которые стоят за большинством этих терминов, очень неопределенны, их границы расплывчаты; по мере возможности мы будем уточнять содержание тех терминов, которыми будем пользоваться.

Это множество форм ярко представляют эвенкийские деепричастия. Русские деепричастия, с которыми прежде всего ассоциируется этот термин, характеризуются очень узким диапазоном синтаксического функционирования, а соответственно и морфологического варьирования. Эвенкийские "притяжательные деепричастия", как и близкие их аналоги в бурятском и монгольских языках, сохраняют важнейший признак собственно глаголов они способны не только вступать в сочетание с субстантивной или прономинальной формой, представляющей субъект данного действия, но и спрягаться, т.е. передавать важнейшие параметры субъекта – его грамматическое лицо и число – своей грамматической формой. Сочетание форм "имя субъекта действия + спрягаемое деепричастие в соответствующей личной форме" мы рассматриваем как предикативный узел, конституирующий зависимую предикативную единицу. В этой роли могут также выступать спрягаемые деепричастные формы 1-го и 2-го лица ед. и мн. ч. без личного местоимения, которое могло бы занимать при нем позицию субъекта-подлежащего: коль скоро субъект с точностью до референта (в данном коммуникативном акте) выражен глагольной формой, местоимение становится избыточным и выполняет в основном эмфатическую функцию. Впрочем, регулярность употребления местоимений или их отсутствия для каждого языка определяется действующей в нем нормой (если и такая сложилась), или узусом.

Действующими нормами (узусом) каждого языка определяется и грамматическая форма субъектного имени или местоимения в конструкциях с инфинитными предикатами. Во многих языках агглютинативного строя субъект зависимой ПЕ с инфинитным сказуемым более или менее регулярно принимает форму родительного падежа. Так, в бурятском языке форма родительного падежа зависимого субъекта характерна для многих полипредикативных конструкций с зависимым предикатом в деепричастной, причастно-падежной и причастно-послеложной формах. Неопределенный падеж субъекта характерен для определенной части деепричастных зависимых ПЕ, а в остальных случаях он встречается, скорее, как исключение. Эвенкийский и якутский языки родительный падеж утратили, поэтому субъект действия имеет здесь форму неопределенного падежа. Но в баргузинском диалекте эвенкийского языка, как показали наши экспедиционные материалы, в этой позиции нередко появляются притяжательные формы личных местоимений и даже личных имен: минни вместо би, синни вместо си и т.д., Людани, Толяни (см. подробнее Черемисина, 1983). В тюркских языках спрягаемые деепричастия редки, субъект при них ставится в прямом падеже.

Насколько позволяют судить те сведения, которые нам удалось извлечь из грамматических описаний "горских" языков Кавказа, грамматическая ситуация в этих языках довольно близка к наблюдаемой в алтайских языках. Разумеется, говоря о типологическом сходстве, нужно иметь в виду те серьезные поправки, которые обусловлены полиперсональным характером спряжения в этих языках, т.е. тем фактом, что в словоформе не только прямопереходного, но и косвеннопереходного глагола бывают представлены грамматические показатели объектов, которых может быть до пяти; см. монографические описания грамматики аварского языка Е.А. Бокарева (1949), чеченского языка – Н.Ф. Яковлева (1940) и Я.У. Эсхаджиева (1971), даргин-

ского – З.Г. Абдуллаева (1971), лезгинского – М.М. Гаджиева (1963), табасаранского – Б.Г.-К.Ханмагомедова (1970) и многие другие работы.

Изменение инфинитных форм в аспекте грамматического лица, а применительно к кавказским языкам, возможно, и в аспекте классов, мы оцениваем как спряжение, а координацию этих форм с формой субъекта действия – как свидетельство предикативного характера сочетания, т.е. того факта, что перед нами предикативный узел. Отсюда ясно, что для нас неприемлема идущая от европейской грамматики трактовка инфинитных форм как "именных", "неличных" и "неспрягаемых"; с такими формулировками приходится иногда сталкиваться в описаниях языков, где объективная ситуация вовсе не такова. Безусловно, спрягаются вовсе не все инфинитные формы глагола, не все инфинитные предикаты; доля спрягаемых форм в общем множестве инфинитных форм в одних языках оказывается больше, в других меньше. Но ведь и финитные формы даже в индоевропейских языках вовсе не всегда получают морфологические показатели грамматического лица. Так, в английском маркируется только 3-е лицо ед.ч. present; финитное спряжение в аспекте лица совершенно отсутствует в монгольском, маньчжурском, японском, китайском и во многих других языках.

Для нас сейчас важно, что инфинитные формы остаются формами глагольного слова, сохраняя важнейшее свойство глагола – способность вступать в предикативные отношения с именными и прономинальными формами, организуя предикативный центр зависимого блока полипредикативной конструкции. Разумеется, не все инфинитные формы в одинаковой мере сохраняют это свойство глагола, – и все они в целом сохраняют его в меньшей мере, чем финитные формы; но вопрос о мере его сохранения – это уже вопрос конкретных исследований, который должен решаться на материале конкретных языков.

В монголистике и в японистике (а отчасти и в тюркологии) используются специальные термины, объединяющие финитные и инфинитные формы в общем синтаксическом и морфологическом понятии и противопоставляющие их друг другу: термины "конечные" глагольные формы, "конечные сказуемые" и "неконечные" (в монголистике, тюркологии) или "срединные" (в японистике) формы и сказуемые. Конечная форма завершает предложение, ее вхождение делает его формально законченным – будь то простое, монопредикативное предложение или полипредикативное, сложное, где кроме конечного есть еще одно или несколько неконечных сказуемых. Неконечные формы правомерны только в таких синтаксических конструкциях, в составе которых представлена и конечная форма, т.е. в составе полипредикативных конструкций. Свойство "быть правильным, законченным предложением" синтаксическая конструкция обретает только тогда, когда в нее входит "конечная" форма.

Почему же "срединные" формы не могут быть сказуемыми простых предложений, какое свойство отличает их от финитных форм? Это кажется очевидным. В структуре инфинитной формы присутствует некоторый формальный элемент (может быть, не один), который сигна-

лизирует о ее подчиненности чему-то другому. Этим "другим" как раз и является конечное сказуемое или та предикативная единица, в которую оно входит. Простейший, элементарный случай бинарной полипредикативной конструкции – конструкция, состоящая из одной "главной", доминирующей предикативной единицы (части) и одной зависимой. Реально в текстах на монгольском, маньчжурском и на других языках обычны усложненные полипредикативные конструкции, в которых насчитывается до десяти и более предикативных звеньев. При последовательном подчинении одна инфинитная форма подчиняется другой, и только в конечном счете над всей цепочкой доминирует конечное сказуемое, завершающее все построение. В большинстве алтайских языков конечное сказуемое линейно заканчивает предложение; но сказуемое во многих языках мира может стоять и в середине и в начале предложения, будучи тем единственным компонентом, без которого предложение "состояться" не может.

В тех языках, с которыми мы работали, – а это в основном алтайские, в меньшей мере уральские языки, – количество инфинитных форм бывает довольно значительным, особенно если считать разными формами падежные и падежно-послеложные формы причастий и имен действия (или именных форм глагола; о терминах подробнее скажем ниже). А для того чтобы считать эти формы разными морфологическими и синтаксическими единицами, мы видим веские основания. С учетом таких форм общее количество инфинитных предикатов в одном языке достигает несколько десятков.

Эти множества форм, сколько бы элементов они в себя ни включали, в каждом языке составляют свою, специфическую систему, в которой каждая форма занимает свое структурное и функциональное место. Каждая из них в составе полипредикативного целого передает вполне определенный синтаксический смысл, выражает некоторое отношение между событиями. Общее множество смыслов, передаваемых этими формами, в агглютинативных языках Сибири практически исчерпывает собой те содержательные отношения событий, которые носителями этих языков осознаются как "разные отношения". Союзные бифинитные модели применяются в этих языках несопоставимо реже, и семантическая нагрузка, ложащаяся на них, относительно невелика.

Таким образом, морфологические показатели инфинитных предикатов, противопоставляясь друг другу в рамках общей системы, выполняют совершенно те же функции, которые в европейских языках выполняют союзы, сочетающиеся с финитными предикативными формами (союзы мы понимаем сейчас как аналитические скрепы разных типов и разновидностей).

Финитные формы, предназначенные для функционирования в автономных предложениях, не выражают, не могут и не должны выражать никакого отношения к чему-то другому. Именно поэтому, чтобы связать такие формы в единое целое, в сложное предложение, и необходим внешний показатель связи – "союз". Если же сама глагольная форма при помощи встроенных в нее морфологических показателей, формантов, уже выражает определенное отношение "к чему-то другому", потребности в союзе не возникает. В естественно развивающих-

ся агглютинативных языках практически и нет союзов, – они начинают формироваться под влиянием внешнего окружения и тех экстралингвистических процессов, которые требуют от языков ускоренного развития. В условиях интенсивных контактов возникает потребность в ускоренном создании способов, форм для выражения отношений, которые уже ранее были осознаны контактирующим языковым коллективом и получили выражение в этом другом языке. В условиях нашей страны таким "другим" языком чаще всего оказывается русский (хотя имеют место и другие языковые ситуации; например, относительно языка нганасан более продвинутым оказывается долганский, в свою очередь испытывающий влияние более развитого якутского языка).

Задачи такого рода решаются с помощью различных приемов и способов. Прежде всего мобилизуются внутренние ресурсы данного языка, создаются более или менее естественно новые формы, по формальной организации и по общему типу функций подобные существовавшим ранее. Так, во многих тюркских языках образовались так называемые "вторичные" формы причастий и деепричастий, которые активно втягивались в сферу функционирования инфинитных предикатов; в бурятском языке интенсивно протекал (и, видимо, протекает) процесс образования новых причастно-послеложных форм инфинитных предикатов, обеспечивающих тонкую дифференциацию передаваемых синтаксических смыслов; например, система форм, выражающих отношения предшествования главного события зависимому ('перед тем, как'), в бурятском языке насчитывает более десяти форм, позволяющих передать тонкие оттенки этого синтаксического смысла.

Нередко входят или вводятся в язык также заимствованные или искусственно сконструированные аналитические показатели, союзы и их "функциональные аналоги". Прямым заимствованием из русского является союз а в тувинском и алтайском языках, союз йес'лиф (из русских диалектов Сибири) в селькупском, диалектный же причинный союз дак в эвенкийском (баргузинский диалект) и др. В среднеазиатских тюркских языках находим союзы арабского происхождения (от слов заман 'время', себеп 'причина' и др.). Такие союзные сочетания, как тув. чүге дээргэ и тем более алт. ненин учун дезе – букв. 'чего-для если сказать', были созданы для передачи семантики общей (не строго необходимой) причинной мотивировки в соответствии с русскими потому что, так как. Сейчас эти формы, несмотря на свою громоздкость, укореняются и приобретают статус союзов. Об этом свидетельствует, в частности, нередкое у ряда писателей отсутствие запятых, маркирующих выражение ненин учун дезе как вводное предложение. Но систематическое использование этого выражения перед запятой в начале новой фразы свидетельствуют о том, что процесс еще далеко не завершен.

Становление литературной формы ранее бесписьменного языка, закономерно связанное с интенсивным культурным развитием, которое требует и от языка ускоренных темпов развития и совершенствования, естественно влечет за собой, во-первых, заметное увеличение доли полипредикативных конструкций (фраз) в текстах, а во-вторых, увеличение удельного веса аналитических показателей связи в

общем множестве показателей. Пока язык бытует лишь в устной форме (включая и устную передачу произведений устного народного творчества, эпических сказаний), общая система осознанных и выражаемых определенными языковыми средствами отношений между событиями остается относительно простой и стабильной. Становление письменного литературного языка неразрывно связано с расширением тематики и углублением проблематики текстов, с индивидуализацией авторства, с увеличением расстояния между автором и адресатом. В этих условиях значительно возрастают требования к точности выражения синтаксических смыслов, которые все больше дифференцируются.

Этот процесс удобно проиллюстрировать на примере темпоральных конструкций. Общие закономерности развития этой подсистемы представляются нам едва ли не универсальными. Поэтому можно их показать на фактах русского языка, не углубляясь в его далекое прошлое. Первичным в этой системе является отношение "общей временной соотнесенности событий", которое выражается архаичным союзом как (Как приедешь домой, позвони) и современным литературно-разговорным союзом когда. Союз когда фиксирует лишь факт наличия временной связи, которая может иметь место и между одновременными событиями, и между разновременными, причем маркированное, "зависимое" событие может и следовать за "главным", и предшествовать ему. Например, Когда он вошел, мы пили чай (частичная одновременность: краткое зависимое событие "вписано" в длительность главного события); Когда он придет, я уйду (главное следует за зависимым); Когда я вернулся, он уже уехал из Киева (главное предшествует зависимому). Союзы после того как, вслед за тем как, перед тем как, до того как и др. выражают более четкие отношения во времени, ср.: После того как он придёт, я уйду – но Он уехал из Киева до того, как ты вернулся. Однако союз после того как семантически менее определен, нежели союз как только и особенно – фразеосхема не успел..., как. Сравним: После того как он пришел, я ушел; Как только он пришел, я ушел; Не успел он прийти, как я ушел. Эти скрепы не только выражают определенную последовательность событий, но и оценивают временной интервал между ними как "незначительный" и "ничтожно малый" с точки зрения говорящего; фразеосхема, кроме того, вносит момент экспрессии (ср.: Не успеет он на порог появиться, как я исчезну!).

Чем тоньше смысловые оттенки, передаваемые той или иной моделью, т.е. чем богаче ее семантика, тем сложнее оказывается и формальная организация как конструкции, так обычно и скрепы: однословный союз (когда, как) проще трехсловных союзных скреп с предложно-местоименным компонентом; эти союзы проще идиоматизированного сочетания наречно-прономинально-союзной формы как с частицей только. И наконец, фразеосхема не успел..., как – случай еще более сложный.

Усложнение формальных средств выражения отношений протекает параллельно тому, как усложняются и дифференцируются передаваемые содержательные отношения. Это отчетливо прослеживается и на материале тюркских языков Сибири: падежные формы причастий (формы

местного падежа =ган=да, =р=да, а в тувинском – и дательного, =р=га) передают отношения общей временной соотнесенности; дифференцированные отношения разновременности передаются, как правило, с помощью причастно-послеложных конструкций. Маркирование временного интервала как незначительного достигается с помощью частиц, которые могут передавать и некоторые другие дополнительные оттенки смысла. Например:

Якут.: Чурапчы ааттаахтарын кытта көрсүһүүнү өйдөөтөрбүн эрэ, Г.Н. Федоров кэлин эппитин өйдүү түһэбин (Хотугу сулус) – Как только я вспоминаю встречу с передовиками из Чурапчи, так сразу вспоминаю о том, что потом говорил Г.Н. Федоров.

Здесь сказуемое зависимой части – форма условного наклонения в сочетании с частицей эрэ. Эта инфинитная конструкция передает значение близкого следования – или регулярной, постоянной воспроизводимости временной связи событий, например:

Кини Айаяны коро түстэр эрэ, мэлдьи ол тураах атагынны хараара чэрдийбит атахтаах уолчааны санаае кэлэрэ (С. Данилов) – Как только она видела Аяна, она всегда вспоминала того мальчика, у которого ноги были в мозолях, словно лапки ворона.

Ср. конструкции того же типа в хакасском и алтайском языках:

Хак.: Чит=се=ң=ок, письмо пазыбызарзың – Как (только) доедешь, напиши письмо.

Здесь зависимое сказуемое – форма на =са (условновременная) в форме 2-го л. ед. ч. с усилительной частицей =ок (< ох), которая именно и передает оценку следования как близкого, непромедлительного. Аналогично в алтайском:

Городко кел=зе=ң ле, телеграмма бер – Как только приедешь в город, дай телеграмму (частица ле).

До определенной поры языки агглютинативного строя изыскивают внутри себя ресурсы, позволяющие обеспечивать требуемую степень точности выражения мысли. В самом агглютинативном строе не заключены никакие ограничения такого рода. В частности, он позволяет относительно легко образовать новые инфинитные формы, активно включающиеся затем в обслуживание синтаксических построений, выражающих отношения между событиями. Но в ситуации интенсивного культурного, экономического, политического и лингвистического контакта с народом, значительно дальше ушедшим по пути социально-политического и культурно-исторического развития, перед языками, о которых мы говорим, возникает задача исключительной трудности. От них требуется не постепенное развитие системы собственных языковых средств, но быстрое освоение содержаний, которые во влияющем на них языке развивались веками. И в таких случаях, по-видимому, заимствование, как прямое, так и косвенное, т.е. разного рода семантическое калькирование, оказывается наиболее эффективным способом решения задачи. К описанию семиотических процессов тоже применимо понятие "критической массы", уже перешедшее из физики в общественные науки. Если в некотором языке с течением времени накапливается значительная масса аналитических показателей связи, "союзов", сопоставимая с массой исконных, синте-

тических форм, то можно прогнозировать, что в соперничестве между этими принципами организации полипредикативного целого победа в конечном счете останется за аналитикой. Этот принцип проще и экономней. Вероятно, этот путь завершают сейчас наиболее развитые финно-угорские языки, в частности финский и эстонский. Они стали уже последовательно союзными агглютинативными языками, однако в разговорной сфере еще сохраняют целый ряд исконных, несоюзных синтетических построений.

Но и в наши дни, в конце второго тысячелетия нашей эры, на Земле существует еще немало агглютинативных языков, сохраняющих в почти исконном состоянии свой полипредикативный синтаксис или пребывающих на ранних этапах намеченного выше пути. И наша задача состоит не в том, чтобы прогнозировать пути дальнейшего развития синтаксической системы этих языков, тем более что далеко не всем языкам действительно предстоит длительное, многовековое развитие и совершенствование. Мы должны осмыслить, охватить единым теоретическим представлением те реальные, весьма многообразные формы полипредикативных конструкций и их специфических зависимых предикатов, которые функционируют в этих языках сейчас. Видя главную свою задачу в том, чтобы осмыслить и описать формальную специфику полипредикативных конструкций в алтайских и отчасти уральских языках Сибири, мы стремились выявить именно те черты этих синтаксических построений, которые прямо или косвенно обусловлены агглютинативным строем. Поэтому наше исследование лежит в предмете не столько урало-алтаистики или той потенциальной лингвистической дисциплины, которая ведала бы агглютинативными языками мира, сколько в предмете общего языкознания, общей теории синтаксиса.

Описывая разнообразные типы полипредикативных конструкций названных языков, авторы стремились к максимальной согласованности используемого понятийно-терминологического аппарата. Это было не просто, потому что изучение каждого языка или группы родственных языков представляет собою отдельную, более или менее обособленную грамматическую традицию, в которой воспитан и которой стремится придерживаться каждый профессионал. Но понятийно-терминологические системы разных традиций между собою не совпадают. Об этом ярко свидетельствует использование термина "инфинитив" в финноведении, в русистике и в тюркологии или термина "деепричастие" в русистике, в алтаистике, в работах по кавказским и палеоазиатским языкам. Поэтому сопоставительно-типологическое исследование вынуждено формировать на базе этих разноречивых и нередко противоречивых терминоупотреблений собственную понятийно-терминологическую систему, не совпадающую в точности с терминоупотреблением ни одной из традиций. Наш концептуальный аппарат может вызывать если не возражения, то раздражение у последовательных представителей каждой из этих традиций. Но другой возможности у нас просто нет.

Мы не считаем возможным дедуктивно "выводить" и "задавать" эту систему терминов и понятий "сверху". Опыт 60-70-х гг. показал, что понятия, заданные таким образом, слишком жестки для рабо-

ты с реальными, естественными языками. Двигаясь "снизу", от конкретных языковых форм со свойственными им функциями, от конкретных грамматических традиций со свойственным им терминоупотреблением – от русистики, тюркологии, монголистики, тунгусо-маньчжуристики, – мы пришли к обнадеживающему выводу о том, что при наличии доброй воли и желания сотрудничать лингвисты разного профиля, представители разных грамматических традиций и лингвистических школ могут достичь взаимного понимания. Мы не надеемся уже в этой книге достичь того единства понятийно-терминологической системы и теоретических представлений, к которому мы стремимся. Но мы полагаем, что определенный шаг в этом направлении здесь будет сделан.

Остановимся теперь немного подробнее на задачах, которые перед нами стоят, и на тех теоретических представлениях, в свете которых мы предполагаем решать эти задачи.

§ 2. Полипредикативные конструкции как объект анализа

Синтаксические сущности, как и вообще сущности, "эмы" любого уровня языка, непосредственному наблюдению, естественно, не поддаются. Они являются нам в речи, точнее, в текстах, в графической записи, поскольку с звучащей речью лингвисты, за исключением фонетистов, как правило, не работают.

Отрезок текста, характеризующийся относительной автономностью, можно называть фразой. Термин "фраза" употребляется в разных работах по-разному (см., например: Апресян, 1967; Ахманова, 1966, 502). Мы будем понимать фразу как отрезок текста, содержащий некоторое сообщение, т.е. как речевую реализацию предложения. Фразу, которая без привлечения других отрезков (фрагментов) текста моделирует некоторую ситуацию действительности (в этом мы видим операциональный критерий "понятности"), будем считать автономной, автосемантичной.

Фраза для нас – это явление синтаксической сущности, обычно именуемой предложением. Но этот термин часто неудобен, так как неоднозначен. До сих пор еще не умолкли споры о том, принадлежит ли предложение языку или речи, но эту неясность как раз и создает термин, совмещающий в себе эти значения, в принципе уже давно разведенные в алло-эмической системе понятий. В контекстах, которые требуют в этом смысле определенности, "предложение" можно и нужно заменять термином "фраза" – когда речь идет о конкретном речевом построении, об отрезке текста "от точки до точки"; термином "модель" – когда речь идет о языковой сущности, об эталоне, образце или программе, в соответствии с которой строятся фразы или их части (Черемисина, 1980а).

Модели "воплощаются", реализуются во фразах. Но в одной фразе естественного текста может реализоваться одновременно несколько синтаксических моделей, в соответствии с которыми строятся и

соединяются между собою ее "блоки". Например, фраза Л.Н. Толстого: Княгиня Щербацкая находила, что сделать свадьбу до поста, до которого оставалось пять недель, было невозможно, так как половина приданого могла не поспеть к этому времени; но она не могла не согласиться с Левиным, что после поста было бы уже и слишком поздно, так как старая родная тетка князя Щербацкого была очень больна и могла скоро умереть, и тогда траур задержал бы еще свадьбу (Анна Каренина) – может, конечно, быть описана единой схемой, состоящей из многих "блоков". Но естественный язык не был бы экономной и мощной семиотической системой, если бы подобные построения в нем программировались как "целое". Конечно, программируются лишь блоки таких построений и способы их соединения между собой.

Термин "модель" подразумевает синтаксическую сущность, инвариант, подобно тому как фонема подразумевает фонологическую сущность-инвариант, морфема – морфологическую, лексема – лексическую. Но сам синтаксис в системе современной лингвистики предстает как единство нескольких "уровней" со своими сущностями-инвариантами: это словосочетание, простое предложение (или "предложение") и сложное предложение. Г.А. Золотова добавляет к ним словоформу (1982, 48). Можно было бы добавить сюда и некоторые другие синтаксические субстанции, например: оборот, предикативная и полупредикативная единица, сочиненная группа и др. Во всех этих случаях можно говорить об отношениях сущности и явления, инварианта и вариантов. Каждому типу синтаксических субстанций соответствует своя система синтаксических моделей (кроме словоформы, которой соответствуют морфологические модели, синтетические или аналитические). Поэтому термин "модель" обязательно предполагает уточнение: модель какого синтаксического объекта? В центре нашего внимания будут модели полипредикативных конструкций (ППК). Они строятся из предикативных частей, предикативных единиц (ПЕ), которые тоже строятся по определенным моделям, разным для главной и зависимой ПЕ (ГПЕ и ЗПЕ). Модель ППК представляет собою поэтому "модель объединения" двух ПЕ. Отдельные компоненты синтаксических конструкций (в частности, ПЕ и их компоненты) тоже могут представлять собою конструкции: морфологические, морфолого-синтаксические или синтаксические. Этим конструкциям соответствуют свои модели. В контексте нашего исследования будут важны модели предикативных узлов в составе ПЕ, особенно ЗПЕ, и модели сказуемых, особенно сказуемых зависимой части. Сказуемое ЗПЕ в алтайских и других агглютинативных языках, как уже отмечалось, может выражаться разного рода аналитическими конструкциями, например сочетаниями определенного причастия в падежной или внепадежной форме, с личными показателями или без них, со служебным именем, с послелогом или с аналитическим показателем обусловленности (который, в принципе, также способен принимать личное оформление), а также с частицами и др. Например:

Алт.: А бу кижи сура=ба=йтан ла болзо деп, бажын партаныҥ алдына арай ла сугуп ийбей отурып jат (БУ.С, 152) – Он сидит, прячa голову под партой, лишь бы тот человек (его) не спросил (букв.: А этот человек лишь бы не спрашивал чтобы...).

Зависимое сказуемое здесь – довольно сложная морфолого-синтаксическая конструкция: во-первых, оно включает в себя сочетание причастной формы на =атан (с отрицанием: =байтан) с аналитическим показателем условия болзо. Этот последний содержит морфологическую позицию личных показателей (в 1-м лице было бы ...сурабайтан болзо=м) и тем отличается от союза; этимологически это условная форма бытийного глагола бол=. Во-вторых, зависимое сказуемое в этой фразе включает в себя усилительную частицу ла. В-третьих, все это построение "подчинено" заключительному компоненту – служебному слову деп, которое представляет собой деепричастие от глагола говорения де= и может условно передаваться на русский частицами дескать и мол или союзом что, чтобы. В данном случае этим способом передается содержательное отношение "антистимула" (прогнозируемое нежелательное событие, для предотвращения которого совершается действие ПЕ).

В свете сказанного очень значим вопрос о способах представления моделей в синтаксическом описании. Как известно, для представления фонем используются либо обычные буквы, либо специальные графемы – знаки фонологической транскрипции. Для представления морфем и лексем также используется буквенная запись. Морфема обычно предстает в своем основном варианте, но ее можно изобразить и с учетом фонематического варьирования, например русский корень бег= или бе$\frac{г=}{ж}$. Лексемы представляют буквенной записью определенных их форм: существительные – формой им. п. (кошка, пассажир); прилагательные – формой им.п., м.р., ед.ч. (красный, съедобный); глаголы в русской традиции – инфинитивом (копать, рыдать, уважать), в бурятоведении – причастием будущего времени на =ха (мордохо, бодохо, халаха). Как же представить сущности синтаксического уровня?

Традиционные грамматические описания пытались идти в синтаксисе тем же путем, что в морфологии: синтаксические конструкции разного типа, разной степени сложности предъявлялись читателю сериями примеров, записанных обычным графическим способом. Словосочетания, сочиненные группы, обороты демонстрируются отрезками, кусочками фраз, предложения – фразами, предпочтительно выписанными из авторитетных источников. Однако в каждой фразе, наряду с существенными признаками данной модели, неизбежно оказываются представленными и признаки, с этой точки зрения совершенно случайные. Подобные "шумы" отчасти взаимно погашаются, когда конструкцию представляет большая серия фраз. Но в этом случае читатель оказывается вынужден сам отвлекать существенное от несущественного: исследователь как бы передает ему часть своих полномочий. Читатель же, решая эту задачу, наталкивается на другую трудность: чем больше список фраз, демонстрирующих модель или тип (традиционно говорят о типах, а не о моделях), тем вероятнее в нем обнаружатся варианты, специфические признаки которых останутся не выявленными и не противопоставленными релевантным признакам модели-инварианта. В этом мы видим едва ли не основную

причину того, что об эмических сущностях синтаксических уровней языка до сих пор говорится чрезвычайно глухо, а термины "предложение" и "сложное предложение" упорно сохраняют свою амбивалентность, соотносясь и с языком, и с речью (то с языком, то с речью).

Мы считаем адекватной лишь символическую запись, т.е. представление синтаксических моделей формулами, которые строятся из заранее оговоренных символов, указывающих на существенные признаки данной модели. Совокупность символов, составляющих каждую конкретную формулу, должна быть необходимой и достаточной, чтобы отличить данную модель от любой другой, и прежде всего от тех ближайших других моделей, которым данная модель непосредственно противопоставлена.

В нашем коллективе в течение ряда лет формировалась и в основном сложилась символика, которая хотя и требует доработки, но уже позволяет, как нам кажется, удовлетворительно описывать и представлять те синтетические и аналитико-синтетические объекты, с которыми мы работаем, изучая полипредикативные конструкции агглютинативных языков. Этой символикой мы будем пользоваться в основных разделах этой работы, попутно вводя и комментируя символы (полный их список представлен в конце работы). А сейчас остановимся на тех специфических трудностях, которые не только не снимаются введением символов, но, наоборот, именно в этом случае становятся явными; при обычном "иллюстративном" представлении синтаксических форм они обычно не попадают в сферу внимания.

Первая из этих трудностей – это отбор тех существенных признаков модели, которые должны отобразиться в символах, в противопоставлении тем не существенным (или просто менее существенным?), которых формула модели отображать не должна. По существу, это вопрос о ранжировании признаков моделей по значимости. Поскольку готовых, уже разработанных кем-то критериев такой ранжировки нет, те решения, которые мы принимаем, всегда в какой-то мере оказываются волевыми и могут быть вовсе не оптимальными.

Вторая трудность, тесно связанная с первой, – это отграничение модели-инварианта, с одной стороны, от вариантов, а с другой – от "архи-моделей", т.е. от ближайших классов (типов) моделей, – ср. понятие "архифонема" у Н.С. Трубецкого (1960, 87) и разработку этого понятия И.И. Ревзиным (1962, 10). Модель – это единица системы, класс и тип – множества. Но ведь и модель-инвариант можно рассматривать как множество, а архи-эму, архимодель можно рассматривать как своего рода сущность, инвариант, имеющий более широкий диапазон варьирования.

Когда в системе традиционного синтаксического описания говорят о разных структурных и функциональных типах сложных предложений, слово "предложение" употребляют обычно во множественном числе: "бессоюзные сложные предложения", "предложения соответствия", "предложения с придаточным следствия". Форма множественного числа прямо подразумевает множественность денотата, т.е. фраз данного типа, делая десигнат довольно туманным. Так, терминологическое выражение "противительные предложения с союзом но", где названо

несколько признаков, позволяет предполагать, что существуют не только противительные, но и другие предложения с союзом но, что есть и другие способы выражения противительных отношений. Формулы же типа $/(\text{ПЕ}_{\text{фин}})\,(\underline{\text{но}}\,(\text{ПЕ}_{\text{фин}}))/$ являются чисто структурными; они не отражают в точности того содержания, которое связано с приведенными выше формулировками. Чтобы привести их в соответствие, надо было бы "в знаменателе формулы" указать семантику.

Но если не противительных предложений с союзом но в русском языке нет, это не значит, что множество, подразумеваемое этой формулой, совершенно едино. Такие множества всегда как-то варьируют внутри себя, и важно понимать принципы их варьирования. Для этого нужно четко оговаривать границу той сущности -инварианта, которая подвергается варьированию, в ее противопоставленности другим сущностям-инвариантам. Варианты данного инварианта тоже суть языковые сущности, но низшего ранга, которые в системе данного описания рассматриваются как несамостоятельные.

Использование названий типов предложений в форме множественного числа маскирует эту проблему: ведь на денотативном уровне мы всегда имеем дело с множествами реальных и потенциальных объектов. Переход к модельному представлению синтаксических сущностей сразу же ставит нас перед вопросом о том, как и где проводить границу, отделяющую одну сущность от всех других, какие различия можно и нужно, а какие нельзя интерпретировать как вариативность, и почему.

Особенно остро стоит этот вопрос применительно к синтаксическим формам с тождественными линейными показателями связи. При тождестве показателей варьирование может быть обусловлено "лексическим наполнением частей". Но с позиций синтаксиса правильнее говорить не о самом "лексическом наполнении", ибо это не синтаксическое понятие, а о релевантных с синтаксической точки зрения параметрах этого наполнения. Лексическое наполнение становится значимым, например, в том случае, если данная семантика модели обусловлена покомпонентными соотношениями предикативных частей, их синонимией, их семантической противопоставленностью, их референционным или денотативным тождеством (анафорические отношения) и др. Синтаксическая значимость этих отношений в сфере сравнительных конструкций показана в работе М.И. Черемисиной "Сравнительные конструкции русского языка" (1976). Значимость их в сфере противительных, сопоставительных и других сочинительных конструкций известна (ср. Крейдлин, Падучева, 1974; Крейдлин, 1979; Усова, 1980 и др.).

Вопросы, связанные с разграничением инвариантов и вариантов, не могут решаться априорно. Их решение предполагает серьезные эмпирические исследования, причем проведенные на материале широкого круга синтаксических форм, принадлежащих разным, по возможности разносистемным языкам. Но, с другой стороны, эмпирическое исследование с типологической ориентацией не может быть плодотворным и перспективным, если центральные понятийно-терминологические вопросы не будут обсуждены и согласованы заранее. Поэтому

сейчас постараемся коротко сформулировать те основные принципы (решения), к которым мы пришли в процессе уже проведенных исследований. В исследовании полипредикативных конструкций любого языка мы исходим из представления о том, что вершиной, конструктивным центром ППК всегда является показатель связи ее предикативных частей. Сложное предложение (ППК) как единица языка - бинарная структура, бином; "многочленность" характерна для речевых построений (особых многочленов мы сейчас касаться не будем). Собственная функция ППК как особой единицы языка состоит в выражении отношений между двумя событиями. Поэтому показатель этого отношения и является "главным членом", главным компонентом, семантическим и структурным центром ППК. Изучение, описание, осмысление, классификация показателей связи на материале языков разных систем - центральная задача "полипредикативного синтаксиса" как раздела общего языкознания.

Показатели связи чрезвычайно разнообразны. Первым основанием деления их общего множества на два класса мы считаем их лексико-синтаксическую или морфологическую природу. Термины "синтаксический" и "морфологический" традиционно составляют пару, которая, казалось бы, корреспондирует с терминами "аналитический" и "синтетический". Но в действительности синтетическим показателям, морфемам и цепочкам морфем, противостоят лексические показатели - служебные слова и их объединения. На службе же у синтаксиса находятся и те, и другие.

Морфологический показатель связи - это морфема, встроенная в словоформу. В языках, которые мы изучали, такой словоформой обычно было сказуемое, чаще глагольное, но иногда и именное. Так, в алтайском и хакасском языках сказуемым простого предложения могут быть существительные в местном падеже, в настоящем времени употребляемые без связки; в составе ЗПЕ они принимают второй аффикс местного падежа (ср. Субракова, 1980):

Хак.: Харындазы осхазы хырын=да=да, аӈаа кӱс кірчеткен осхас пілдир парған (ТБ, ХС, 70) - Когда тот, кто был ему как брат, находился рядом, показалось, будто силы возвращаются к нему (хырын=да 'рядом', хырын=да=да 'когда рядом').

Яркие примеры именных форм с морфологическим показателем связи дает японский язык, где, как известно, инфинитные, в частности, деепричастные формы принимают как глаголы, так и прилагательные.

Аналитический показатель связи - это отдельное слово или группа служебных слов, которая может быть организована очень по-разному. Показатель, состоящий из нескольких слов или "словоподобных" единиц, можно назвать конструкцией; например, русские союзные скрепы типа не только потому, что...", но и потому, что... или несмотря на то что, хотя..., но тем не менее и многие другие. Подобные сложные скрепы есть и в агглютинативных языках, например в алтайском - скрепы с компонентом эмес: эмес, база..., тегин эмес, а..., јаныс ла..., је и др. Однако такие многокомпонентные показатели составляют лишь часть общего множества аналитических скреп. Скрепы вполн-

не могут быть однокомпонентными, как русские и, но, если, ибо, поскольку, а также многокомпонентными, но неразрывными, ср. так как или алт. ненин' учун дезе, тув. чуге дээргэ и т.д. Поэтому, противопоставляя термину "морфологический" термин "лексический" показатель, нужно иметь в виду, что лексичность не предполагает однокомпонентности, "однословности".

Деление показателей на синтетические (морфологические) и аналитические (лексические) применительно ко всем языкам Земли не является таким ясным и исчерпывающим. В языках, где нет ударения, сингармонизма и вообще специальных средств, которые в других языках "цементируют" многоморфемную словоформу, грань между морфемой и словом, особенно служебным словом, оказывается трудноуловимой, как, например, в японском, маньчжурском, китайском и др.; это вынуждает специалистов искать обходные пути в представлении различных служебных элементов. О таких трудностях говорит, например, В.М. Алпатов, предлагая термин "формант" для японских показателей падежей (1979, 14; см. также: Предикативное склонение...., 1984, 17).

В агглютинативных языках, сохраняющих сингармонизм, эта грань тоже не всегда очевидна и бесспорна. Наиболее частотные послелоги имеют здесь тенденцию срастаться с именными основами и превращаться в падежные аффиксы. В современных алтайских языках можно наблюдать разные фазы этого процесса: от случаев, когда процесс уже завершился, бывшее "слово" подчинилось гармонии знаменательного соседа и полностью превратилось в аффикс (например, в хакасском аффикс творительного падежа =нан/=нең, восходящий к послелогу менен, фонетически совпал с аффиксом исходного падежа), до случаев, когда "послелог-аффикс" не гармонирует, но пишется или через дефис (-биле в тувинском), или слитно (=мен в казахском; все это - показатели творительного падежа, восходящие к послелогу; ср. также негармонирующий аффикс отрицания в бурятском, =гүй).

В естественных языках классификационные деления никогда не бывают совершенно "чистыми". Переходные и промежуточные случаи есть и будут всегда. В целом же деление показателей связи, а соответственно и конструкций, основанное на указанных признаках, представляется нам фундаментальным. Классы конструкций, выделяемые на этом основании, - синтетические и аналитические, - обнаруживают глубокие типологические различия, которые обусловлены принципиальным различием между морфологическими показателями и "союзами" (в широком понимании термина, т.е. включая местоименные средства связи, корреляты и др.).

Каждый из этих классов можно и должно дифференцировать далее. Следующий важный шаг - разделение синтетических полипредикативных конструкций на собственно-синтетические и аналитико-синтетические. Аналитико-синтетические конструкции (а следовательно, и формирующие их показатели) - это не третий тип, существующий наряду с аналитическими и синтетическими, и тем более не подтип аналитических. Речь идет о таких конструкциях, где связь между частями выражается при помощи "цепочек", состоящих из морфологических компонентов, аффиксов в составе инфинитной предикативной словоформы, и из сопровождающего ее служебного слова. Это может быть послелог, частица или слово неясного лексико-грамматического статуса (например, лексикализованные глагольные формы - алт. болзо, бур. һаа и хада; или слова типа казахского егер и т.п.; иногда их условно именуют союзами).

Аналитические компоненты таких показателей нередко модифицируют тот синтаксический смысл, который выражается инфинитной формой без этого компонента. Но аналитический компонент может присоединяться и к словоформе, материально тождественной основе, и к форме неопределенного падежа глагольно-именной формы. В этом случае послелог выступает как функциональный аналог, "заместитель" морфологического показателя, падежного аффикса. Сочетание такого форманта с основой оказывается эквивалентным целостной инфинитной форме. Основа без аналитического форманта в данном контексте не является законченной словоформой. Хотя ее пишут отдельно, а потому обычно оценивают как форму неопределенного падежа причастия, она грамматически и лексически неполноценна. Проиллюстрируем сказанное примерами из бурятского языка:

Үүдэр гара=ха=тай=нь зэргэ ургадажа барихаб (Дорж., 5) - Из ворот выйдет=он как только, укрюком поймаю я (о коне). Здесь послелог зэргэ лишь уточняет комитативное значение, выражаемое совместным падежом. Формы падежа с аналогичной семантикой в других языках (а изредка и в самом бурятском) и без послелогов используются для выражения очень близкого, непосредственного следования (ср. рус. встать с зарей, с петухами - 'вместе, одновременно, сразу вслед за'). Сравним:

Алексей Платонович, танда округой инженер бай=һан тулада=тнай горитой ехэ эрхэ үгтэнэ бэзэ? - Алексей Платонович, вам, поскольку вы окружной инженер (есть), весьма значительные права предоставлены, должно быть? Здесь послелог тулада сопровождает падежно неоформленную причастную словоформу, с которой он составляет несравненно более тесное грамматическое единство, чем в предыдущем примере. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что и падежное и лично-притяжательное оформление (аффиксы =да=, =тнай) принимает здесь не причастие, а именно послелог, даже линейно занимающий ту позицию, которую занимал бы падежный аффикс - перед лично-притяжательным аффиксом (Черемисина, Скрибник, 1980, 53).

В подобных случаях мы имеем основание распространить и на алтайские языки термин "формант", понимаемый как языковая форма, промежуточная между морфемой как частью синтетической словоформы и служебным словом как компонентом аналитической формы.

Не задерживаясь на типологии показателей связи в рамках уже выделенных классов, перейдем к следующему вопросу, связанному с проблемой тождества моделей ППК самим себе и с вопросом о том, где и как должна проходить граница между варьированием и нарушением тождества инвариантов.

Важнейшим условием тождества модели ППК мы считаем материальное тождество показателя связи. Но само установление тож-

дества (или нетождества) показателя – не всегда элементарная операция. Рассмотрим эту проблему сначала на общедоступном материале русских союзов. Союз так как, по-видимому, распознается и отождествляется сам с собой без каких-либо трудностей. Он двухкомпонентен, но части его соединены жестко, и этим он четко противостоит союзно-местоименной скрепе так, как. Это разные показатели, формирующие разные синтаксические конструкции. Например: Я поступил так, как ты мне советовал (*Я поступил, так как ты мне советовал) – Я бросил курить, так как мне угрожал инфаркт (*Я бросил курить так, как мне угрожал инфаркт). Сложнее обстоит дело с членимыми союзами типа потому что..., потому что..., потому..., что..., а также с союзами типа если..., то в составе условных и в составе сопоставительных конструкций. Эти трудности серьезны, но в принципе разрешимы и составляют один класс.

Другой класс трудностей связан с отношениями показателей тождественной или очень близкой семантики. Семантическое тождество никогда не означает тождества показателей, если они материально различны. Союз потому что не тождествен союзам так как, поскольку и др. Трудность возникает только тогда, когда при семантической близости мы сталкиваемся и с материальной близостью, не доходящей до тождества. Простейший пример такой ситуации – союзные формы чтобы и чтоб (которые мы склонны признать вариантами общего инварианта) и, далее, чтобы/чтоб – и для того чтобы/чтоб. Та же проблема возникает и применительно к различным сочетаниям союзов с частицами и некоторыми другими "вспомогательными словами". В русистике давно обсуждается, но так и не решен вопрос о статусе союзного сочетания как если (бы), чем если (бы) и многих других связанных союзных пар.

Сходные проблемы возникают и перед исследователями полипредикативного предложения в агглютинативных языках. Но общее состояние знаний в этой области пока еще не позволяет ставить их отчетливо и обобщенно; и сами морфологические показатели, и их сочетания со служебными словами еще требуют углубленного изучения под этим углом зрения на материале разных конкретных языков. Разработкам такого рода и будут посвящены соответствующие разделы предлагаемой монографии, а сейчас говорим о возникающих на этом пути трудностях во избежание ложного впечатления о пройденности этого пути, об отработанности классификационной процедуры даже на первых ее этапах.

Обсуждавшиеся выше основания классификации показателей связи и конституируемых ими полипредикативных конструкций имеют в наших глазах принципиальную значимость. Она состоит в том, что морфологические показатели синтаксической зависимости, встроенные в простую, синтетическую, или в многокомпонентную аналитическую форму сказуемого ЗПЕ, лишают эту форму свойства финитности. ПЕ, возглавляемая сказуемым с таким показателем, конструктивно и коммуникативно не самодостаточна, – это очевидно; но точно так же конструктивно и коммуникативно не самодостаточна и та ПЕ в составе союзного сложного предложения, которая содержит аналитический показатель связи – союз. Только легкость элиминации союза, в результате чего обычно получается правильное простое предложение, маскирует этот факт. Элиминировать морфологический показатель связи с такой же легкостью невозможно, потому что остается "обрубок", сопоставимый только с основой слова.

§ 3. Понятия "сложное предложение" и "полипредикативная конструкция": содержание, границы, типология

Полипредикативные конструкции, формируемые с помощью морфологических показателей, функционально вполне эквивалентны сложноподчиненным и сложносочиненным конструкциям "союзного типа". В структурном же отношении они отличаются от последних столь серьезно, что многие исследователи алтайских, уральских, кавказских языков отказывали и до сих пор отказывают им в статусе сложных предложений. На этой позиции стояли (и стоят) такие специалисты, как М.Ш. Ширалиев (1956, 94-95), Т.А. Бертагаев (Бертагаев, Цыдендамбаев, 1962, 123-125) и др.; подробнее см. у Е.И. Убрятовой (1976, I, 15-24). В наши дни этот давний спор, как нам представляется, теряет былую остроту. По мере того как накапливаются положительные знания о конструкциях, являющихся объектом спора, становится все ясней терминологическая, а не сущностная подоснова многих разногласий. Поскольку же при описании этих конструкций исследователи неизбежно сталкиваются с недостатком нужных терминов и понятий в сфере синтаксиса простого предложения и с наличием их в сфере синтаксиса сложного предложения, постольку многие специалисты склоняются к признанию за конструкциями с морфологическими показателями связи, с инфинитными формами зависимых сказуемых права именоваться сложными. Разумеется, имеются в виду случаи, когда выполняется важнейшее условие сложности – наличие в каждой части своего предикативного узла. Без предикативного узла нет и предикативной единицы. Но в составе ППК один предикативный узел может быть "дефектным", неполноценным, поскольку мы стремимся различать полипредикативные конструкции как род и сложные – как один из видов этого рода. Полипредикативные конструкции, не обладающие всем комплексом признаков, который мы связываем с понятием "сложное предложение", удобно, как это делает Х.М. Есенов и другие синтаксисты-алтаисты, называть осложненными (Есенов, 1982, 38); но очень существенно, что осложненное предложение в отличие от традиции русистики не понимается ими как разновидность простого предложения. Простые предложения монопредикативны, мы же говорим о конструкциях, где достаточно отчетливо выявляется второй, хотя и ослабленный предикат, часто с подчиненными ему словами и со специфическими средствами соединения с основной, финитной частью предложения.

В той типологии сложных предложений, которая сформировалась в европейском языкознании и которая базируется на оппозициях со-

юзности: бессоюзности и сочинения: подчинения, нет места сложным предложениям с морфологическими показателями связи. Они не являются "бессоюзными" в обычном для европеистики (русистики) смысле термина. Бессоюзная связь квалифицируется в русистике как слабая по сравнению с союзным подчинением. Авторы, признающие сложность алтайских конструкций с инфинитными зависимыми сказуемыми, относят их к классу сложноподчиненных (Е.И. Убрятова, Т.Ч. Сат, Л.М. Бродская, Л.М. Горелова и другие). Но связь их предикативных частей качественно не меньше отличается от союзного подчинения, чем бессоюзная, хотя и в "обратную сторону". Поэтому очень удачен термин "сложноспаянная конструкция", "сложноспаянное предложение", предложенный В.Г. Адмони (1982, 35): подчеркивая тесноту морфологической связи по сравнению с союзной, он снимает неоднозначность, связанную с тем, что в русистике "бессоюзие" приравнивается к отсутствию показателей связи вообще, а в алтаистике отсутствие союза и отсутствие показателя связи – вещи совершенно разные.

Мы видим и еще одно преимущество, связанное с укоренением этого термина: он стоит вне оппозиции "сложносочиненное: сложноподчиненное предложение". В синтаксических описаниях разных языков этим взаимно противопоставленным понятиям приписана высокая значимость, а между тем внутренняя, содержательная сторона этой категории остается совершенно непроясненной.

Деление русских предложений на сложносочиненные и сложноподчиненные почти целиком базируется на различении и противопоставлении двух групп союзов. При этом обе группы союзов задаются списками, а список союзов, именуемых сочинительными, оказывается очень коротким. Обычно он включает в себя (кроме парных и повторяющихся типа: ни...ни, или...или) шесть – восемь союзов: и, а, но, да, или, либо – и еще, по усмотрению автора: однако, зато, а то, если..., то (в сопоставительном значении). Предполагается, что каждый специалист может продолжить этот список. Но даже самые серьезные синтаксисты затрудняются это сделать, а оценки отдельных союзов разными профессионалами нередко существенно расходятся между собой.

Применительно к алтайским языкам проблема сочинения и подчинения еще более запутывается. Содержательные отношения, выражаемые по-русски "заведомо сочинительными" союзами – и, а, но – в монгольских, тунгусских, тюркских языках успешно выражаются с помощью конструкций с первой частью, содержащей деепричастное сказуемое одной из простейших, древнейших (а функционально – сложнейших) форм. В тюркских языках это в первую очередь деепричастие на =п; примеры его употребления с собственным подлежащим собраны в монографии А.А. Юлдашева (1977). Приведем некоторые из них, чтобы суть вопроса была яснее:

Кирг.: Жаз айлары бүтүп, жай айлары башталды – Кончились весенние месяцы, начались летние месяцы; алт.: Дьас келип кар кайылды – Пришла весна, и снег растаял; шор.: Паштапкы кар чагып (чаап) соок пола перди – Выпал первый снег, стало холодно; ср. также у Махмуда Кашгарского: Туман туруб толы йағды – Поднялся туман и пошел град (Юлдашев, 1977, 244).

Как видно из переводов, эти конструкции, где в первой части представлено сочетание подлежащего со сказуемым – деепричастием на =п, выражают отношения соединительного типа, на которые могут накладываться причинно-следственные, иногда выступающие и на первый план; ср. башк.: Ел сығып, болоттар таралды – Поднялся ветер, и тучи рассеялись.

В монгольских языках подобную функцию выполняет обычно деепричастие на =ж (бур. =жа):

Тээ хажуудань электро-хүрээ шууяжа, рама дороһоонь хаха хүрээдэһэн гонзогор гонзогор модонууд гулдиран гарана – Совсем близко от него зажужжала электропила, и из-под рамы стали выскакивать распиленные длинные доски (Бертагаев, Цыдендамбаев, 1962, 170). Ср. также использование этой формы при передаче сопоставительных отношений: Бадма тэргэ дээрэ һуужа, Доржо мори унтаба – Бадма сел в телегу, а Доржо верхом на площадь сел (Там же).

"При подобном противопоставлении значения деепричастного оборота значению предложения смысловая зависимость оборота может быть доведена почти до нуля, однако грамматическая зависимость его ведущего деепричастия от основного глагола сохраняется", – пишет Т.А. Бертагаев. Он не ставит вопроса о сочинении предложений, поскольку не признает деепричастные обороты предложениями (предикативными единицами). Но о факте грамматической зависимости оборота он говорит с полной определенностью (Там же, с. 172).

Противительные отношения, в русской грамматике относимые к числу сочинительных, поскольку они выражаются противительным союзом но, в алтайских языках часто предстают "с обратным знаком", т.е. как уступительные, с соответствующим перемещением частей по сравнению с противительной конструкцией. Ср. по-русски: Листья рябины уже опали, но гроздья ягод еще висят – Гроздья ягод еще висят, хоть листья уж опали. В бурятском языке в составе подобных уступительно-противительных конструкций (по содержанию они скорее противительные, но в переводе предстают как уступительные в силу маркированности именно первой части) используются деепричастия на =аад:

Ахань гэртээ ороод дүүнь газаа үлэбэ – Старший зашел в избу, а младший остался во дворе; Колхознигууд Москва ошоод, зариманиинь бусаба – Колхозники поехали в Москву, но некоторые из них уже вернулись.

"В этом примере, – говорит Т.А. Бертагаев, – показано не противопоставление двух равноправных или симметричных событий, а столкновение явлений, из которых одно представлено как вытекающее из другого и следующее за ним" (Бертагаев, Цыдендамбаев, 1962, 174).

С нашей точки зрения, факт деепричастного, а не лично-финитного оформления сказуемых в составе синтаксических единиц, свидетельствует о подчиненном характере соответствующей предикативной единицы. Нечеткость смыслового отношения между событиями не может быть аргументом в пользу признания таких полипредикативных (сложных) предложений сочиненными, если мы не хотим отказываться от

формально-синтаксической интерпретации понятий "сочинение" и "подчинение". Способ выражения связи между предикативными частями здесь, как и в рассмотренных выше случаях, синтетический: показатель связи – деепричастный аффикс сказуемого зависимого предикативного компонента.

Факт деепричастного оформления одного из сказуемых, в противоположность финитному оформлению второго сказуемого, – с нашей точки зрения, явное свидетельство синтаксического неравноправия частей. Деепричастие есть форма глагола, специально предназначенная выражать подчинение другому глаголу. Настало время четко различать формальные, синтаксические связи между компонентами синтаксических конструкций и те содержательные отношения между событиями, которые передаются тем или иным способом, с помощью той или иной синтаксической связи. Напомним интересную концепцию М.М. Копыленко, который предлагал терминами "паратаксис" и "гипотаксис" обозначать содержание отношений между событиями, т.е. означаемое синтаксической связи, а терминами "сочинение" и "подчинение" – формальную синтаксическую связь, способ выражения пара- или гипотактических отношений (1954). В этой системе терминов отношения, выраженные в приведенных выше примерах, можно оценить как паратактические. Но способ их выражения остается подчинительным.

Предложенное М.М. Копыленко употребление этих терминов не привилось, но эта понятийная призма помогает понять существо вопроса. Коль скоро мы говорим о формальных отношениях, соединяющих части такого полипредикативного целого, мы должны говорить о подчинении. Анализируя же содержательные отношения между событиями, выраженные этим способом, согласимся, что "сложноподчиненное предложение со сказуемым на =ып/=п очень часто не выражает ни времени, ни способа, ни причины, ни условия" и что тем самым по функции "форма на =ып/=п иногда очень близка к сочинительным союзам" (Закиев, 1963, 294).

Заслуживает серьезного внимания оригинальная синтаксическая концепция Е.И. Убрятовой, которая избежала тех противоречий, которые неизбежно следуют за смешением формальных и содержательных оценок и представлений. Ее классификация сложных предложений якутского языка последовательно опирается на формальные критерии, на структурные, а не семантические характеристики синтаксических построений. Все сложные предложения синтетического типа в этой классификации попадают в разряд сложноподчиненных. Далее, уже внутри этого класса, они последовательно распределяются по разрядам в зависимости от того, какой тип инфинитного сказуемого (т.е. какая из глагольных форм: деепричастие, причастие в падежной форме или причастие с послелогом и т.д.) конституирует данную конструкцию и каким способом синтаксической связи зависимая часть подчиняется главной. Речь идет о тех подчинительных связях, которые известны и в сфере простого предложения: это управление, примыкание и изафет. Такому морфологическому (синтетическому) подчинению Е.И. Убрятова противопоставила аналитическую, союзную

связь, которую она оценила как сочинение – тоже независимо от того, какие именно смысловые отношения этим способом выражаются (1976, I, 12-13). В частности, причинные отношения в разных алтайских языках могут выражаться конструкциями и сочинительными, и подчинительными, т.е. организованными и по принципу союзной связи (ср. тув. чүге дээргэ, алт. ненин учун дезе – причинные союзы), и по принципу морфологического подчинения (например, формами исходного падежа преимущественно именных предикатов, или причастиями прошедшего времени в исходном падеже с послелогом и другими подобными формами).

Подход Е.И. Убрятовой очень интересен тем, что именно в этом случае подчинение и сочинение в системе сложного предложения противопоставляются друг другу по тому же самому основанию, по которому они противопоставлены в системе простого предложения. В простом предложении все виды подчинительных связей изначально рассматривались как выражаемые морфологически. Даже примыкание – связь, которая выглядит как простое "соположение", – базируется на соотношениях морфологических классов слов. Понятие "союзного подчинения" проникло в синтаксис простого предложения из синтаксиса сложного предложения, причем сравнительно поздно; см. работы А.М. Пешковского (1938, 416), И.Г. Чередниченко (1941), В.Н. Роговой (1956, 270-293). Применительно к сложному предложению подчинение изначально понималось как специфическое содержательное отношение, выражаемые специфическими, не свойственными простому предложению средствами. Союзы, которые в синтаксисе простого предложения были хорошо известны как показатели однородности членов предложения, в синтаксисе сложного предложения сохранили название сочинительных, а те союзы, которые в простом предложении не употреблялись (или в то время считалось, что не употребляются), были осмыслены как подчинительные.

К сожалению, терминоупотребление Е.И. Убрятовой, при всей его четкости и внутренней логичности, не представляется возможным непосредственно использовать в сопоставительно-типологическом исследовании языков разных систем, в число которых, разумеется, входят и европейские языки. Если мы хотим, чтобы нас понимали, мы не должны вступать в резкое противоречие с существующей традицией употребления терминов "сочинение" и "подчинение" в сложном предложении, хотя сама эта традиция в данном случае лишена логической базы.

Термин "сложноспаянные предложения" позволяет выйти из этих затруднений, попутно снимая противопоставление "сочинения" и "подчинения" как структурно необоснованное для конструкций данного класса. Сложноспаянным предложениям в алтайских, а также в ряде других языков должны противостоять и "союзные", и "бессоюзные" предложения. Признаком, который позволяет противопоставить сложноспаянные предложения объединению союзных (сложносочиненных и сложноподчиненных) и бессоюзных предложений, является монофинитность первых и бифинитность вторых.

Понятия "финитность", "бифинитность" и "монофинитность" тоже

требуют и определения, и комментария. Как и все другие различения и противопоставления в естественных языках, эти различения не являются совершенно строгими. Однако они могут быть проведены с той степенью строгости, которая позволяет использовать их в научном исследовании. Бифинитными мы называем такие сложные предложения, обе части которых содержат финитные сказуемые. В идеале при элиминации аналитических показателей связи каждая из оставшихся частей будет правильным простым предложением. Нередко это так и бывает, например: Завтра занятий не будет, потому что студенты едут на сельскохозяйственные работы/Завтра занятий не будет. Студенты едут на сельскохозяйственные работы; Если завтра выпадет снег, то выезд в колхоз не состоится/Завтра выпадет снег. Выезд в колхоз не состоится; О том, что Петрова подала заявление об уходе, я ничего не слышал/ Петрова подала заявление об уходе. Я ничего не слышал.

В первом из этих сложных предложений элиминируется один союз потому что в зависимой части, во втором – двухместная скрепа с дистантными компонентами если..., то, в третьем – сложная местоименно-союзная скрепа о том, что (одна из падежно-предложных форм скрепы то, что – Черемисина, 1982а, 19); знаменательная часть главной ПЕ, остающаяся после ее элиминации, структурно и содержательно недостаточна; местоименный компонент скрепы фиксировал синтаксическое место сильноуправляемой формы, без которой объектная валентность глагольного предиката остается незамещенной. Типы сложных и не вполне сложных полипредикативных предложений, части которых после элиминации показателей связи оказываются не вполне правильными предложениями, очень разнообразны. Нередко требуется еще определенная коррекция, чтобы привести эти части к "правильному виду". Это и изменение порядка слов, и замена местоименных слов их нарицательными антецедентами, и другое. Например: Озеро такое чистое, что видны все камни на дне; Сколько веревочке ни виться, а кончику быть; Видел ли ты ту, о ком рассказывал мне летом? Сделал ли то, что собирался? Дом, в котором мы жили, был построен в восемнадцатом веке (сравним: Мы жили в доме; дом был построен в восемнадцатом веке).

Но для нас сейчас существенно то, что подобные перестройки не затрагивают принципиальной схемы строения предикативных узлов в составе ПЕ: формы сказуемого в составе ПЕ те же, что в соотносительных простых предложениях.

Бинарная полипредикативная конструкция оценивается как монофинитная, если только в одной из ее частей сказуемое имеет финитную форму, а вторую возглавляет инфинитная форма, не способная конституировать автономное простое предложение. Так, деепричастия формируют очаг связанной предикации, не способной реализоваться в виде отдельного предложения.

Глава вторая

ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ТИПАХ ИНФИНИТНЫХ ПРЕДИКАТОВ

§ 1. Инфинитные формы глагола и инфинитные предикаты

Для лингвистического описания общей системы форм глагольного слова традиционным является разделение этих форм на финитные и инфинитные. Важнейшим отличительным признаком финитных форм считается их спрягаемость, т.е. изменяемость прежде всего в аспекте лица, а также в аспекте времени и наклонения. Этот тип словоизменения является закономерным следствием выполнения этими формами функции сказуемого. Для инфинитных форм глагола характерно отсутствие ориентации на роль сказуемого в простом предложении. В европейских языках эти формы, как правило, не имеют прямой субъектной валентности, а соответственно, и личных форм, парадигмы личного спряжения. Но это правило не без исключений: в некоторых романских языках инфинитивы получают личное оформление по притяжательному типу (Вольф, Никонов, 1965, 93). Многие европейские инфинитные формы вообще лишены механизмов дальнейшего формообразования; но не все: так, русские полные причастия характеризуются склонением адъективного типа; английский инфинитив может быть активным и пассивным, перфектным и неперфектным, длительным и недлительным; те же формы отмечаются у герундия и причастия-1. О русском инфинитиве тоже можно было бы сказать, что он имеет совершенный и несовершенный вид, если бы категория вида была чисто грамматической. Но о русском деепричастии не принято говорить, что оно имеет две видовые (видовременные, при относительном понимании времени) грамматические формы; говорят, что русский язык располагает двумя неизменяемыми деепричастиями.

Многие авторы, описывая различные инфинитные формы в разных языках, отмечают их "неизменяемость". Но если мы говорим об инфинитных формах глагола, то должны видеть в них прежде всего результат формообразования, а не объект дальнейшего формообразования. Ведь не говорим же мы, что винительный падеж существительных есть "неизменяемая (далее) форма". Это обстоятельство значимо потому, что у каждой формы, если это действительно форма, а не новое слово, должна быть какая-то специфическая, "ее собственная", конституирующая ее синтаксическая функция, какое-то специальное назначение. Если же внимание исследователя фиксируется на наличии или отсутствии у нее дальнейшего формоизменения, эта сторона дела неизбежно остается в тени: морфологический взгляд мешает пробиться синтаксической точке зрения.

В традиционно построенных грамматических описаниях языков инфинитные формы в целом получают скорее негативную, чем позитивную характеристику. Мы лучше представляем себе те свойства, которыми они не обладают, чем те, которые им присущи. Глядя на ин-

финитные формы под функциональным углом зрения, можно сказать, что им присущи два существенно разных типа ролей. Один тип – синтаксические функции того порядка, которые называются членами предложения, хотя не всегда просто бывает сказать, "каким членом" и "членом чего" призвана быть та или иная форма. Другой тип ролей – это роли компонентов в составе разного рода аналитических форм.

Роли второго типа в разных языках выполняют формы, называемые и инфинитивами, и деепричастиями, и причастиями. В одном и том же языке бывают представлены и такие деепричастия, которые перегружены подобными "не синтаксическими" ролями – например, деепричастие на =п в тюркских языках, на =ж (=жа) в монгольских, – и такие деепричастия же, которые этих ролей не выполняют совсем. Нет необходимости напоминать о том, как сильно задействованы причастия в образовании аналитических, "сложных" глагольных форм в западноевропейских языках; в их образовании участвуют и инфинитивы, тяготеющие к будущему времени и формам потенциальной модальности. В общем множестве функций, выполняемых инфинитивами, львиную долю составляют именно те, которые или совсем не могут оцениваться как роли членов предложения, или подводятся под эту категорию с большими натяжками. В алтайских языках аналогичные функции ложатся, кроме названных деепричастий, на причастия настояще-будущего времени (в монгольских на причастие на =х, в тувинском – на =р, в других тюркских – на формы =р=га, =мак, =у и др.).

В этой работе нас не будут специально интересовать инфинитные компоненты аналитических форм. В центре нашего внимания будут "инфинитные предикаты". Вводя это понятие, мы имеем в виду объединить в нем подмножество инфинитных форм и их функциональных вариантов, которое связано с той специфической функцией типа "члена предложения", которая возникает в сфере зависимой предикации: с ролью главного предикативного члена зависимой ПЕ в составе полипредикативной конструкции синтетического типа.

Полипредикативная конструкция в нашем понимании должна содержать более чем один предикат: Сложное предложение состоит как минимум из двух предикативных частей, со своим предикативным узлом каждая. Модель сложного предложения как единицы языка в общем случае представляется соединением именно двух предикативных частей. Особых замечаний требует понятие "оборот", подразумевающее конструкцию, возглавляемую инфинитной формой, не создающей полноценного предикативного узла, – "полупредикативную". В оппозиции "монопредикативное (простое) предложение: не монопредикативное (не простое, полипредикативное)" конструкции "с оборотами" попадают, конечно, во второй класс. На следующем шаге они должны быть противопоставлены "настоящим сложным" как "не вполне сложные" – осложненные (см. Есенов, 1983).

Инфинитные предикаты представлены тремя типами: 1) простые инфинитные формы глагола, в обычном понимании этого термина, например, деепричастные, причастно-падежные и т.п.; 2) аналитические формы, содержащие одну или несколько простых инфинитных форм и не содержащие финитного компонента, например, причастно-послеложные, формы со вспомогательными глаголами типа бур. Tv=жа бай=дпр и т.п.; 3) функциональные варианты форм, которые способны употребляться и как финитные, например, тув. Tv=пышаан, алт. Tv=ганча, в какой-то мере бур. Tv=лаар и др.

К числу инфинитных традиционно относятся формы, именуемые инфинитивами, супинами, деепричастиями, герундиями, герундивами, причастиями, масдарами, именами действия, глагольными именами и даже "отглагольными именами". Но эти терминологические имена, встреченные нами в описаниях, почти ничего не говорят о содержании стоящих за ними понятий, о том, какими свойствами обладают, чем различаются и чем объединяются подразумеваемые ими классы форм. Четкого ответа на эти вопросы не дают и грамматические описания, из которых выбраны эти термины. Это не удивительно, ибо описания конкретных языков ставят целью представить читателю инфинитные формы, обнаруженные в этом языке, но не преследуют цели определять сами понятия. Ниже мы попытаемся в какой-то мере восполнить этот пробел, т.е. осмыслить эти понятия и отношения между ними.

§ 2. Причастие

Центральное место в описании общей системы инфинитных форм и инфинитных предикатов алтайских языков, по-видимому, занимает сейчас представление о причастии, хотя среди названных терминов "причастие" – самый туманный, сложный и внутренне противоречивый. В разных грамматических традициях он трактуется по-разному, и в одной традиции его трактовки нередко противоречат друг другу.

О.С. Ахманова дает такое определение причастия: "Причастие (родовое глагольное слово, склоняемое глагольное имя), англ. participle, фр. participe, нем. partizip. Именная форма глагола, грамматически изменяющаяся (в русском языке) подобно именам прилагательным и обозначающая действие (состояние, процесс), приписываемое лицу или предмету как их признак (свойство), проявляющийся во времени" (1966, 363). Очевидно, что это определение, излишне привязанное именно к русскому языку, не адекватно пониманию причастия даже в самой русистике. Сравним у Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой: "Глагольная форма, сочетающая в себе признаки глагола с признаками прилагательного" (1976, 339-340). Заметим, что в посвященной причастию статье указываются причастия страдательные прошедшего времени – но только полные: читанный, виденный, проведенный, взятый и др.; формы типа взят, съеден, умыт, куплен из состава причастий выпадают.

В.В. Виноградов, как известно, вообще выносил атрибутивные причастия за рамки глагольного слова и описывал их в разделе, посвященном имени прилагательному (1972, 221-230). Но в позднейших грамматических описаниях этот подход не закрепился. Причастия рассматриваются обычно как формы глагола, но их право на вхождение в систему глагольных форм, их место в этой системе, их специфика

остаются, как правило, не мотивированными или мотивируются весьма своеобразно. Сравним, например, у И.Г. Милославского: "Действительные причастия могут быть в принципе образованы от любого инфинитива и любой личной формы глагола... Такая регулярность в образовании действительных причастий позволяет считать их словоформами глагольной лексемы. Однако страдательные причастия не являются регулярными образованиями от личных глагольных форм или инфинитива. Как известно, существуют также важные содержательные и синтаксические различия между страдательными причастиями, с одной стороны, и личными формами глагола и инфинитивом – с другой. Наличие таких различий при отсутствии регулярности образования не позволяет считать страдательные причастия глагольными словоформами. Однако между действительными и страдательными причастиями нет содержательных различий, а существующие различия в сочетаемостных свойствах являются грамматическими. На этом основании можно утверждать, что страдательные причастия представляют собой формы действительных причастий. Поскольку сами действительные причастия являются глагольными формами, то и страдательные причастия можно считать глагольными словоформами" (1981, 309).

С наших позиций общее множество форм, традиционно называемых в русистике причастиями, естественно распадается на два разнообъемных подмножества. Первое составляют атрибутивные формы, выступающие в предложении в тех же ролях, что и прилагательные, и имеющие общую с ними парадигму формоизменения. Эта парадигма обеспечивает соответствие (хотя и не однозначное) между формами определяемого и определяющего слова (синтаксический механизм согласования). В отличие от прилагательных эти причастия ("полные") слабо ориентированы на роль сказуемого. Это понятно: атрибутивное причастие есть глагол, сдвинутый с предикативной позиции в атрибутивную; поэтому предикативная позиция не может быть "открыта" причастиям в той мере, в какой она открыта прилагательным. Русские прилагательные в ходе исторического развития сформировали специальную краткую предикативную форму, лишенную способности склоняться "вслед за существительным" и не выполняющую атрибутивной функции. Русские адъективные предикаты личного оформления не принимают; они не спрягаются, не меняются по времени, не образуют деепричастных форм – что в принципе (в других языках) не исключено: японские прилагательные последние две возможности реализуют.

Таким образом, аналогия между причастиями и прилагательными в русском языке наблюдается лишь в сфере атрибутивного функционирования. В отношении к предикативной функции они расходятся, и это расхождение имеет принципиальный характер. Парадигматическое место предиката, соотносительное с действительными причастиями, занято самим глаголом, что делает краткую форму причастия избыточной. Применительно к страдательным причастиям это не так, поскольку в системе русского глагола "не причастные" формы пассива отсутствуют. "Краткие формы страдательных причастий", иначе формы на =н и на =т, образуемые от основ прошедшего времени переходных глаголов совершенного вида (или от соответствующих действительных причастий), в общей системе форм русского глагола занимают место, соответствующее финитным формам, каковыми они, разумеется, и являются. Они составляют второе подмножество форм, традиционно именуемых причастиями. Применительно к ним термин "причастие" приобретает совершенно иной смысл, и поэтому будет проще, если мы предпочтем ему термины "пассив", "формы пассивного спряжения". Эти формы вообще не должны рассматриваться, когда речь идет об инфинитных предикатах. Правда, парадигма пассивного спряжения не является "личной" в том смысле, который имеется в виду, когда речь идет о спряжении в настояще-будущем времени в современном русском языке, аориста и имперфекта в древнерусском и старославянском, презенса в немецком – да и во французском, учитывая специфику выражения лица местоименными проклитиками. Но русский пассив спрягается точно так же, как прошедшее время индикатива на =л, как сослагательное наклонение и форма "несостоявшегося прошедшего" на =л было. Мы имеем здесь дело с парадигмой классного типа. В личном спряжении в форме глагола фиксируется та роль, которую субъект действия играет в данном коммуникативном акте (Ты стоишь – 'стоит тот, к кому сейчас обращена моя речь'). В классном спряжении форма глагола фиксирует некоторые признаки субъекта речи, безотносительные к данной речевой ситуации. Это те признаки, которые предполагаются вхождением данного слова-названия в определенный именной класс: активность или пассивность (инактивность), личность или неличность, одушевленность или неодушевленность, мужской или женский пол, а также "единственность – не единственность" (ед. или мн. число). Родовое деление неодушевленных существительных в русском языке есть пережиток прошлого, а число сохраняет свой классный характер и сейчас. Во всяком случае эти признаки – род и число – не зависят от данной речевой ситуации.

Спряжение этих форм в аспекте времени использует аналитические формы с вспомогательным глаголом быть, поэтому в будущем времени парадигма оказывается совмещенной: аналитическая форма своим служебным компонентом фиксирует коммуникативную роль субъекта состояния, наступающего как результат направленного на него действия, а лексический ее компонент отражает классификационные признаки; "число" фиксируется дважды: (я) буд=у разочарован=∅, обижен=∅/одет=а, забыт=а, (мы) буд=ем опрошен=ы и т.д.

Парадигма спряжения этих форм в целом представляет всю систему русского пассива. В ней представлен и индикатив с его временами, и императив: будь одет к 4-м часам, и сослагательное наклонение: (он, я, ты) был бы убит, и условно-ирреальное: будь (я, ты, он) убит. Две последние группы форм не являются финитными, но не потому, что "причастие – инфинитная форма глагола". Эти аналитические формы глагола в качестве предикатов простого предложения явно неполноценны, они формируют не автономные высказывания, но только "части", ПЕ, которые должны соединиться между собой, чтоб обрести коммуникативную самодостаточность: Он был бы одет прекрасно, будь у него хоть немного вкуса; Будь соус отравлен, монах умер бы первым; ср.: Будь соус отравлен, повар был бы казнен; Будь каша отравлена, повариха была бы казнена.

Все формы пассива аналитичны, кроме исходной формы, которая входит во все остальные в качестве лексического компонента, но функционирует также и самостоятельно в значении, которое можно назвать перфектно-презентным. Видеть в составе форм типа ребенок умыт, причесан; я удивлен (такой постановкой вопроса); вы испуганы (таким поворотом дел) и т.п. "нулевую связку", по-видимому, можно, хотя при интерпретации формы на =л мы обходимся без подобного допущения. Но сейчас для нас важнее то, что формы типа съеден, размыт ни при каких условиях нельзя относить к числу инфинитных предикатов.

Таким образом, инфинитны только полные формы русских причастий, ориентированные на роль определения при существительном. Удобившись прилагательным в аспекте морфологии (характер склонения) они сохраняют глагольные категории модальности-времени (индикатив, прошедшее и настоящее относительное) и систему семантических валентностей глагола, его ролевое окружение, хотя эта система и подвергается определенной перестройке в связи с качественно новым отношением причастного "процессуального признака" к субъекту-носителю. Это позволяет считать русские причастия глагольными, а не "отглагольными" формами.

Собственную функцию русского причастия как специфической инфинитной глагольной формы мы видим в том, что эта форма призвана выразить формальное и семантическое подчинение глагола имени существительному. Подчинение существительного глаголу выражается с помощью падежей, "обратное отношение" выражается с помощью причастий-определений, позволяющих представить действие как признак предмета.

В основных языках Западной Европы на причастия, особенно прошедшего времени, ложится значительно большая, чем в русском языке, "несинтаксическая" нагрузка, поскольку здесь имеются развитые, богатые системы аналитических финитных форм. Такие аналитические формы суть функциональные аналоги синтетических финитных форм, занимающие в парадигмах те места, которые могли бы занимать и синтетические, простые формы. Поэтому о "внешних" функциях этих форм в предложении мы сейчас не говорим вообще, а внутренняя их функция в составе аналитических форм нас не интересует в силу своей несинтаксичности.

В германских и романских языках не произошло тех процессов, которые в русском привели к формированию деепричастий в их четкой формальной и функциональной противопоставленности причастиям. Поэтому здесь оказалась более значимой оппозиция причастий прошедшего и настоящего времени, а также то "внутреннее продолжение" этой оппозиции, которое прошло через функционально-семантическую структуру причастий настоящего времени. Причастия как самостоятельно функционирующие формы закрепили за собой функцию определений при существительных. Но причастия настоящего времени гораздо полнее, чем прошедшего времени развили способность "определять глаголы". Причастия прошедшего времени тоже обладают такой способностью:

A peine debarques... le patron m'appela (A. Daudet); Arrived at the port, the ship dropped anchor (Бархударов, 1975, 153).

Но для них это скорее потенция, а для причастия настоящего времени – живая, актуальная синтаксическая функция. Тем самым последние оказываются функционально ближе к русским деепричастиям. На базе причастий настоящего времени в некоторых языках развились производные формы деепричастного типа, например, французский жерондиф с показателем en и без èn; но не равносильно ли признание формы T_v=ant (без en) формой жерондиф'а признанию "раскола" формы participe present на два функциональных варианта, приравниваемые к формам-омонимам? В английской грамматике в качестве отдельной формы, омонима причастия настоящего времени, выделяется и осознается герундий, функционально отклоняющийся в сторону "имени действия".

В алтайских языках мы сталкиваемся с ситуацией иного порядка. Впрочем, корректнее различать "алтайские языки" и "алтаистику" как определенный, оснащенный традицией способ представления этих языков. Термин "причастие" в алтаистике определяется обычно через ту самую атрибутивную функцию, которая органически присуща причастиям в русском языке и в языках Западной Европы. Называться причастием в алтаистике "имеет право" лишь такая глагольная форма, которая способна выступать в роли определения при существительном. И соответственно, форма, которая способна выступать в этой роли, должна называться причастием, а не иначе. Правда, второй тезис прямо не формулируется и не все алтаисты на деле придерживаются его, но имплицитно он заключен и в сознании, и в работах многих тюркологов и монголистов.

Получается, таким образом, что категоризация некоторой глагольной формы, признание (или непризнание) ее причастием, зависит не столько от того, какова парадигма ее формоизменения, и не от того, какие функции она выполняет, каков набор этих функций и регулярность, частота их реализации, сколько от того, есть ли в этом наборе определенная синтаксическая функция – функция определения.

Конечно, и о русском причастии можно было бы сказать, что это форма, способная быть определением, потому что русское полное причастие способно выступать и в некоторых других ролях, например, Он выглядит утомленным, Ты у нас действительно отстающий и т.п. Однако для русского причастия подобные употребления, безусловно, второстепенны, эпизодичны, они следуют из основного назначения причастной формы, и поэтому в общей характеристике причастия о них можно не упоминать. С алтайскими же причастиями дело обстоит значительно сложнее.

Чтобы понять ситуацию, которая связана в алтаистике с термином "причастие", сформулируем сначала свое понимание "отдельной" формы глагола. Вопрос этот в полном его объеме потребовал бы специальной работы – мы коснемся его сейчас только в той мере, в какой это необходимо в данном контексте. Как отграничить какую-то

одну форму от другой или от других, сходных с нею материально? Связь между формами и функциями сомнению не подлежит, но несомненно и то, что формы могут быть полифункциональными. На что же опираться в такой ситуации? Когда следует говорить об одной полифункциональной форме, когда – о нескольких разных? Мы уже видели, что в германистике и романистике на основании различия функций говорят о формах-омонимах: причастие настоящего времени и жерондиф (франц.) или герундий (англ.).

Задача, которую ставит перед нами алтайский материал, "проще" хотя бы в том смысле, что здесь нет необходимости проводить границу между полифункциональностью и омонимией. В структуре глагольного слова – сложной, многоярусной структуре, изобилующей формами, способными к дальнейшему формообразованию, – существенным признаком отдельной формы должно быть наличие у нее самостоятельной субпарадигмы формоизменения, противопоставляющей ее другой субпарадигме, "возглавляемой" омонимом той же словоформы. Частным случаем такой субпарадигмы может быть "нулевая" – если одна из глагольных форм не имеет дальнейшего формообразования; ср. в немецком Adverb и Partizip I: Er sah lesend – но Ich sehe den lesenden Schüler/die lesende Frau и т.д. Крайний случай – отсутствие субпарадигм у обеих форм (participe present и жерондиф).

Исходя из такого понимания отдельной формы, можно далее сказать, что в алтаистике термин "причастие", вопреки определениям, которые даются ему в специальной литературе, регулярно подразумевает не одну грамматическую форму с определенной парадигмой, соответствующей назначению этой формы в языковой системе, а совокупность нескольких форм с разными парадигмами. Еще точнее: термин "причастие" в его современном употреблении в алтаистике (имея в виду преимущественно тюркологию и монголистику, но отчасти и тунгусоведение) подразумевает не столько форму (формы) глагола, сколько производную основу глагола, от которой образуется по меньшей мере три типа форм, характеризующихся своими парадигмами.

Не все производные основы такого типа в том или ином языке образуют все три возможные формы. На базе одной группы основ в данном языке может быть представлено три, на базе другой группы основ – две, на базе третьей – всего одна какая-то форма. Но сейчас нам важно осмыслить общий принцип, грамматический механизм порождения разных форм, противопоставленных и в функциональном аспекте, и в аспекте парадигм формоизменения, но по сложившемуся обычаю именуемых одним термином "причастия".

Так называемые причастия оказываются в принципе способны к выполнению трех типов синтаксических функций: это, во-первых, функция конечного сказуемого, которая не должна была бы принадлежать причастию как инфинитной форме. Во-вторых – действительно инфинитная функция срединного сказуемого в предложениях разных структурных и функциональных типов. В-третьих, это функция определения при существительном, "предикативного" – если причастие имеет позицию собственного подлежащего.

В тюркских и монгольских языках причастие в роли непредикативного определения выступает как неизменяемая форма, материально тождественная производной основе глагола, включающей уже и залоговые аффиксы, и аффикс отрицания (если они есть), и тот модально-временной показатель, который как раз и считается показателем данного причастия. Например, в тюркских языках кыпчакской группы аффикс =ган – отличительный признак основного причастия прошедшего времени, аффикс =р – причастия настояще-будущего времени. Однако в отличие от русского языка, где аффиксы причастий прошедшего и настоящего времени совершенно отличны от показателей прошедшего и настоящего времени финитных глаголов, в алтайских языках это обычно одни и те же аффиксы: и форма на =ган, и форма на =р употребляются как финитные формы соответствующих времен. Этой их роли соответствует парадигма финитного спряжения. В роли же непредикативных определений они не склоняются и не спрягаются. В эвенкийском языке определения могут согласоваться с определяемыми существительными в числе и падеже. Подобные отношения наблюдаются и в самодийских языках. Подробнее об этом будет сказано ниже (см. 3 главу в разделе II).

Причастное определение выражает "процессуальный признак" предмета. Оно характеризует предмет через совершаемое или совершенное им действие, отнесенное к определенному модально-временному плану. Например, бур.: городһоо ерэ=һэн хүн 'человек, который приехал из города', городһоо ерэ=хэ хүн 'человек, который приедет (должен приехать) из города', городһоо ерэ=дэг хүн 'человек, который постоянно приезжает из города', и т.д.

Спрягаемая форма с теми же аффиксами и тем же модально-временным значением в роли конечного сказуемого соотносится с подлежащим, что закономерно ведет к формированию у нее парадигмы личного спряжения. В большинстве алтайских языков в составе таких парадигм аффиксы грамматического лица соотносительны с прямыми формами местоимений и называются "лично-предикативными" (в тюркологии – "1-го типа"). В тувинском, как мы уже говорили, это не аффиксы, а энклитики, материально полностью тождественные личным местоимениям: мен берген мен 'я дал', силер берген силер 'вы дали' и т.д. 3-е лицо в большинстве тюркских и бурятских парадигм этой системы спряжения выражается нулевым показателем. Например, бур.: (би) марта=даг=би 'Я (постоянно) забываю', (би) марта=ха=б 'Я забуду', Ши марта=ха=гүй=ш 'Ты не забудешь'; Бадма мартаха=гүй=Ø 'Бадма не забудет'; Доржи марта=ха=Ø 'Доржи забудет'.

Форма 3-го лица, не имеющая маркера, материально совпадает с формой, выступающей в функции определения. Необходимо подчеркнуть, что здесь нет отношений тождества, но только отношения типа омонимии. При этом, однако, перед нами не омонимы, а только омоформы, ибо материально тождествен определительной форме лишь один элемент из парадигмы финитной спрягаемой формы. Это совпадение форм имеет закономерное обоснование в системе языка. Но ведь и по-русски материальное совпадание форм типа печь (глагол)/печь (существительное), течь/течь тоже не совершенно случайно; не так,

как, например, в случае газ ('состояние вещества') и газ ('ткань'). Но главное, что печь и печь – элементы двух разных парадигм. Поэтому здесь не возникает вопроса о том, что это одна и та же форма. Нет тождества и между причастным определением и финитной формой 3-го лица той же основы. Сама эта основа в сопоставительно-типологических исследованиях, в системе общего языкознания не должна называться причастной. Но в рамках алтаистики эта терминология привычна, специалисты понимают друг друга, и мы не хотим вмешиваться в эту традицию.

На базе той же самой глагольной основы в алтайских языках образуются формы, функционирующие в роли сказуемого зависимой части сложных (полипредикативных) предложений. Этой третьей функции, самой сложной, соответствует особая парадигма, четко противопоставленная парадигме финитного спряжения.

Вопрос о специфике парадигм "причастных зависимых предикатов" в алтайских языках подробно рассматривался нами в монографии "Предикативное склонение..." (1984). Сейчас мы ограничимся лишь самой общей характеристикой этих парадигм. Они специфичны и разнятся не только "от языка к языку", но и в рамках одного языка от одного предиката к другому. В целом же для обсуждаемых сейчас форм характерно сочетание формально выраженных изменений, грамматического варьирования и в аспекте падежа, т.е. "склонения", и в аспекте лица, т.е. "спряжения".

Специфика этих форм в аспекте склонения состоит в том, что, во-первых, в нем участвуют обычно не все падежи, и, во-вторых, набор падежных форм у разных конкретных форм этого класса не одинаков; для якутского языка система таких парадигм описана в монографии Е.И. Убрятовой (1976, I, 135-136). Падежные аффиксы присоединяются в бурятском и эвенкийском языках непосредственно к основе, в тюркских – после показателей лица. Основу, к которой присоединяются личные и падежные показатели, в алтаистике принято называть причастной, но правильнее ее называть глагольно-именной. Оформляясь показателями различных падежей, зависимые предикаты глагольно-именного типа передают самые разнообразные отношения зависимого события к главному. Например, форма местного падежа формы на =ган в алтайском передает общую временную соотнесенность событий, постоянно воспроизводимых вместе, а тот же падеж формы на =р – временную соотнесенность единичных событий:

Алт.: Кижи јиит бол=гон=до неден де коркубайт – Когда человек молод, он ничего не боится; Бис уйуктап кал=ар=ыс=та, кем де бистин кемебисти уурдай берген – Когда мы заснули, кто-то угнал нашу лодку.

Парадигма спряжения инфинитных предикатов данного типа обычно также существенно отличается от парадигмы финитного спряжения того же языка. Прежде всего, не во всех языках, в частности не во всех тюркских языках Сибири спряжение этих инфинитных форм оказывается регулярным. В якутском, тувинском и алтайском языках оно узуально и регулярно, а в хакасском и в ряде языков не сибирских ареалов, например в казахском, личное оформление "причастных" зависимых предикатов наблюдается лишь изредка.

Во-вторых, в качестве показателей грамматического лица в системе инфинитного спряжения используются не те лично-предикативные аффиксы, которые обычно маркируют финитные формы, т.е. не "аффиксы 1-го типа", а другие, материально совпадающие с аффиксами принадлежности. Эти аффиксы соотносят с генитивными формами личных местоимений. Может быть, было бы точнее говорить не именно о генитивных, но о "косвенных основах" личных местоимений, потому что с подобными двумя (и более) рядами личных показателей мы сталкиваемся и в таких языках, где специальной формы генитива исследователи не усматривают.

Аффиксы, восходящие в этим косвенным (генитивным) основам местоимений, материально тождественные или чрезвычайно близкие к посессивным, несомненно, имеют общее с последними происхождение. Но функционально они противопоставлены друг другу как показатели принадлежности, оформляющие имена, показателям грамматического лица, оформляющим глагольные формы. В составе притяжательных словосочетаний эти посессивные аффиксы указывают на субъект обладания, например, алт.: (менин) ак торбог=ым '(мой) белый теленок=мой'. В составе глагольной формы материально те же самые аффиксы указывают на грамматическое лицо производителя данного действия, и потому называться посессивными не должны. Например, алт.: Мен сени кулакта=ды=м 'Я схватил тебя за ухо'; (Мен) сени кулакта=за=м 'Если я схватил тебя за ухо...'; Мен сени кулакта=ар=ым=да 'Когда я схватил тебя за ухо...'.

"Показатели 2-го типа", материально совпадающие с посессивными, во всех алтайских языках проникают в систему финитного спряжения, присутствуют в ней. Показатели "1-го типа", соотнесенные с прямыми формами местоимений, в систему инфинитного спряжения проникают исключительно редко. Нам известно лишь описанное Е.И. Убрятовой спряжение якутских деепричастий с помощью лично-предикативных аффиксов (1976, I, 43).

В монгольских и тунгусских языках спряжению подвергаются основы, уже снабженные показателями падежей, уже поставленные тем самым в определенное формальное и содержательное отношение к доминирующей ПЕ. Склонение здесь предшествует спряжению. Например, бур: мордо=хо=до=мни 'уехал=когда=я' (=до= показатель дательно-местного падежа, =мни= – 1-го лица ед.ч.). В тюркских языках, наоборот, личный аффикс ставится перед падежным, например, алт.: бар=ар=ым=да 'уехал-я-когда' (=ым – 1-е лицо ед. ч., =да – местный падеж). Таким образом, здесь спряжение как бы предшествует склонению. В определенное отношение к доминирующей синтаксической форме ставится уже лично оформленная основа.

В тувинском языке лично-притяжательное оформление глагольно-именных зависимых предикатов строго обязательно практически во всех случаях их употребления (конечно, с учетом того, что 3-е лицо маркируется нулевым показателем в одних случаях и "положительным" показателем – в других). В хакасском языке обязательным посессивным оформлением характеризуются только причастные предикаты сильно управляемых ЗПЕ; во всех тюркских языках Сибири пре-

дикат ЗПЕ в этих конструкциях получает положительный показатель не только в формах 1-го и 2-го, но и в форме 3-го лица:

Алт.: Оныӊ ойто кел=ер=ин=е мен бӱтпей јадым – Я не верю (тому), что он вернется; ср.: Бригадир кел=ер=де, бис ончобыс иште болгоныс – Когда пришел бригадир, мы все работали.

Это как раз тот случай, когда система личных показателей максимально сближается с системой показателей посессивных.

Особый теоретический интерес представляет в этом плане ситуация, наблюдаемая в алтайском языке (имеется в виду литературная форма и базовый диалект алтай-кижи). Здесь в финитном спряжении совсем не используются показатели "1-го типа" – все финитные формы снабжаются аффиксами "2-го типа", материально совпадающими с посессивными, и 3-е лицо обычно маркируется нулем. Таким образом, финитное спряжение по характеру личного оформления не противопоставляется инфинитному спряжению, а "склонению" подвергаются непосредственно личные финитные формы глаголов. Например: Мен кел=ер=им 'Я приду, прихожу'/Мен кел=ер=им=де 'Когда я пришел'; Мен кел=ге=м 'Я приходил, пришел'/Мен кел=ге=м=де 'Когда я приходил...".

Для алтайских языков в целом такое непосредственное склонение финитных глагольных форм не характерно. Алтайский язык является исключением на фоне всей типологической общности (и в нем наблюдается сейчас некоторая тенденция к расподоблению форм, "неправомерно совпавших"). Но в языках агглютинативных вообще и в сибирских в частности – это не такое редкое исключение. Например, в кетском языке личные формы способны принимать падежные аффиксы, в частности, аффикс дательного падежа, о чем пишет Н.М. Гришина (1979). "Для чанского языка, – пишет Г.А. Климов, – очень характерно введение придаточного предложения падежной формой (чаще всего формой родительного или дательного падежа) финитного глагола" (1979, 126). Подобные, хотя и менее определенные, сведения относительно целого ряда древних языков Передней Азии находим в известной статье А.П. Рифтина (1937), а позже в работах Н.И. Фельдман (1952), И.М. Дьяконова (1967, 1979) и других.

Что же, в свете сказанного, следует понимать под термином "причастие"? В алтаистике по этому поводу ясности нет. Часть авторов говорит о том, что причастие выступает "в роли финитных форм", т.е. в функции конечного сказуемого, которую могут выполнять и причастия. Так, в бурятском языке собственно финитными признаются лишь формы прошедшего времени на =ба и настоящего на =на, а все остальные и, в частности, форма будущего на =ха признаются "причастиями в финитной функции". Основанием для признания особого, финитного статуса за формами на =ба и =на является то, что эти формы не функционируют ни как определения, ни как зависимые сказуемые. Они имеют только одну парадигму – финитное спряжение. Поэтому их называют в бурятоведении изъявительными формами глагола (Грамматика бурятского..., 262). Форма же на =ха способна быть и определением, и сказуемым, финитным и инфинитным. Поэтому она в любой из этих функций оценивается как причастие. По той же логике в тюркских языках собственно-финитной оказывается только одна форма – прошедшего времени на =ды/=ди; но даже ее Н.А. Баскаков причисляет к причастиям (1966, 514) на основании ее предположительного исторического прошлого. Все остальные формы, выступающие в роли конечных сказуемых, но способные также быть и определениями (а многие и зависимыми предикатами), регулярно именуются причастиями "в функции сказуемого" (см., например: Грамматика бурятского..., 1962, 262-263; Дыренкова, 1940, 142; и др.).

В функциональной структуре алтайских причастий представлены разные "наборы" ролей (см. Черемисина, 1982б). Наряду с приведенными выше "чисто финитными" (и потому уже "не причастными") формами возможны и "чисто определительные причастия", например, тувинское причастие на =иган, обозначающее "склонность или способность к совершению действия"; например, чан=ыган 'имеющий привычку, склонный убегать домой (о домашних животных)'; хою=ган (от хой 'пугаться, шарахаться с испугу') 'пугливый' (Исхаков, Пальмбах, 1961, 313).

По-видимому, возможны и такие формы, которые не употребляются ни в финитной, ни в атрибутивной функциях, но только в функции зависимого сказуемого. Однако эти формы мы вряд ли найдем среди тех, которые регулярно фигурируют в описаниях алтайских языков под именем причастий. Полифункциональная форма, "растерявшая" все остальные функции, закономерно изолируется, оказывается лишенной своей специфической сложной парадигмы и оценивается как деепричастие. Тем не менее в конкретных языках могут обнаруживаться формы, так сказать, "становящиеся на этот путь". В этом плане специальный интерес могут представить некоторые отрицательные формы, "уклоняющиеся" от своих положительных параллелей (ср. бурятское "причастие" на долгий гласный, не участвующие в предикативном склонении, и его склоняемую "негативную форму": =аа=гүй=дэ, =аа=гүй=е, =аа=гүй=нее и т.д.). Могут обнаружиться и формы, выполняющие функции конечного и зависимого сказуемого (алт.=ганча), или конечного сказуемого и определения, или зависимого сказуемого и определения (правда, нам они пока не встретились, но ведь мы специально их не искали).

Формам, различающимся числом и составом выполняемых функций, можно было бы дать разные терминологические имена. Однако более рациональным представляется другой путь, а именно "расщепление" того глобального представления о "причастии", в котором отождествляются минимум три разные формы, в том числе одна финитная и две инфинитные.

Термин "причастие", учитывая его употребление в других грамматических традициях, целесообразно закрепить за формами, специализированными на атрибутивной функции. В тюркских, монгольских и большинстве тунгусских языков им соответствует "нулевая" падежная парадигма. В эвенкийском языке, как и в русском, а также в нганасанском и ряде других причастия имеют парадигму адъективного (согласовательного) типа, ориентированную на грамматические категории существительного в этих языках.

При таком понимании класса причастий к глагольным образова-

ниям, выступающим в атрибутной функции, должно предъявляться требование сохранения несинтаксических категорий глагола, т.е. времени-наклонения (которые могут трансформироваться в относительные или относительно-абсолютные), вида в широком понимании термина, а также системы валентностей, которая, правда, несколько трансформируется, когда одна из валентностей "замыкается" на определенное существительное. С этим моментом связан вопрос о том, три или четыре формы глагола скрываются в современном представлении о причастии. Определять существительное может не только одиночное причастие или причастие с зависящими от него дополнениями и обстоятельствами, например, алт.: Эртен тура школдан јан=ган уулчак... 'Утром из школы вернувшийся мальчик...'. В роли определения может выступать и придаточное предложение с собственным подлежащим, сказуемое которого будет материально выражено той же самой формой. Например, алт.: Уулчактын кедир=ген кызычак 'Девочка, которую мальчик привел (заставил прийти)'; причастия в функции сказуемых придаточного определительного (определительной ПЕ), разумеется, сохраняют свою подлежащую валентность. В некоторых языках – например, в тувинском, алтайском – причастия в этой позиции приобретают способность получить личное оформление с помощью все тех же показателей "2-го типа", материально совпадающих с посессивными.

Мы будем пока исходить из представлений о том, что определительная (атрибутивная) форма глагола одна, и именно ее мы будем называть причастной. Она может выступать в роли простого, не предикативного определения и в роли сказуемого определительного придаточного. Она обладает, в числе других валентностей, субъектной валентностью подлежащего, но если субъект представлен определяемым словом, то субъектно-подлежащная, предикативная валентность замещается атрибутивной ориентацией. Аналогичная перестройка происходит и в тех случаях, когда определяемое имя называет объект причастного действия: соответствующая валентность глагола замещается ориентацией на определяемое существительное, падежная форма которого определяется не этим отношением, а отношением его к конечному сказуемому (или к другому слову в составе главной части, от которого оно зависит).

Предикативный узел определительной ЗПЕ организуется по структурной схеме изафетного сочетания, которая, однако, подвергается более или менее серьезным модификациям, которые заметно варьируют от языка к языку. Для алтайских языков важнейшая из этих модификаций усматривается в том, что второй член изафетной группы – сказуемое ЗПЕ – не получает посессивного оформления, которое как раз и создает синтаксическую специфику "турецкого изафета". Но более подробный анализ отношений, возникающих в определительных ЗПЕ разных языков, сейчас не входит в нашу задачу; подробнее этот вопрос будет рассмотрен во второй части данной монографии.

§ 3. Именные формы глагола (имена действия) как предикаты ЗПЕ

Термином "именные формы глагола" мы называем довольно пестрое множество форм разных языков, традиционно включаемых в объем глагольного слова и занимающих определенные грамматические места в общей системе глагольных форм. Речь идет о формах глагола, а не об отглагольных существительных. По типу своей категориальной семантики именные формы соотносятся именно с существительными, а не с прилагательными или наречиями; это функциональные аналоги существительных, но они представляют свой денотат как само действие, а не как лицо или предмет, связанный с данным действием как его субъект или как его результат, например, рус. труд, рождение – а не трудящиеся, новорожденный, сказанное и т.п. Такие формы называют нередко именами действия, противопоставляя их причастиям как функциональным аналогам прилагательных и деепричастиям как формам, ориентированным на обстоятельственные функции и в этом смысле сопоставимым с некоторыми типами наречий. Но термин "имена действия" и в алтаистике, и в самодистике прилагается к таким образованиям от глагольных основ, относительно которых часто остается неясным, следует ли считать их формами глагола или самостоятельными словами. Термин "имена действия" закрывает этот вопрос, не решая его. Поэтому мы предпочитаем ему как более четкий термин "именные формы глагола".

Таким образом, именными формами глагола мы называем формы, регулярно образуемые от глагольных основ, представляющие действие в номинализованной семиотической форме и сохраняющие при этом категориальные признаки глагола: модальность, время, субъектно-объектные валентности, видовые (аспектуальные) и залоговые характеристики. Именно сохранение этих категориальных признаков глагола и обеспечивает именным формам законное место в парадигме глагольного слова, т.е. статус глагольных форм, а не лексических производных глагола.

Традиционного общего термина для обозначения аналогов существительного, остающихся в рамках глагольного слова, термина, который использовался бы в описаниях разных языков, к сожалению нет. Англисты говорят о герундиях, арабисты – о масдарах, близкие аналоги которых называют инфинитивами. В тюркологии терминами "масдар" и "инфинитив" разные ученые называют нередко те же формы, которые другие называют именами действия, а иногда и причастиями. В описаниях картвельских языков и семитских термины масдар и инфинитив подразумевают формы со специфическими наборами признаков субстантивного типа.

В системе русского языка регулярные отглагольные образования с семантикой имен действия – это отглагольные существительные с суффиксами =аний(е)/=ений(е): блуждание, засыпание, приготовление и др. Они не входят в парадигму формообразования глагола, так как не сохраняют грамматических категорий глагола. Таким образом, самой близкой к существительному глагольной формой оказывается ин-

финитив, который способен представлять действие как тему сообщения (Курить вредно) или объект другого действия (Попроси его написать записку). Термин "инфинитив" аналогично употребляется в описаниях большинства европейских языков. Но в финноведении он используется иначе: для обозначения самых разнообразных инфинитных форм, которые различаются аффиксами и "номерами".

Но дело не только в пестроте и неупорядоченности терминов. Сами формы, даже называемые одинаковыми терминами, своими свойствами существенно различаются от языка к языку. Английский герундий – это далеко не "то же самое", что арабский или грузинский масдар, а "имя действия", например, на =мак, в разных тюркских языках обладает совершенно разными свойствами. В тюркологии под именем действия подразумеваются обычно четыре специфические формы глагола: на =мак, на =у, на =гу и на =иш/=ис. Их обычно противопоставляют причастиям на =ган, на =р, на =галак и др., во-первых, потому, что их глагольность оказывается приглушенной, модально-временные, аспектуальные, залоговые характеристики стертыми. Во-вторых, – и этот критерий, более поверхностный, фигурирует чаще – потому, что эти формы не выступают в роли определений существительных. Это закономерно: названные формы являются номинализациями, они выражают "опредмеченную" идею действия, а эта семантическая специфика делает их способными скорее принимать определения, нежели определять.

Положение каждой формы в каждом языке заслуживает специального анализа. Но в тюркских языках Южной Сибири, которые были объектом нашего исследования, вторичные отглагольные формы с этими показателями живут собственной жизнью и именами действия не являются (например, от формы на =гу – тув. на =гы дег, на =гыже, алт. и шор. на =гадый). Отдельные образования с формантами =у, =иш являются отглагольными существительными.

Некоторые тюркологи (например, Дыренкова, 1940, 142) термин "имена действия" распространяются и на такие формы, которые обычно оцениваются как причастия, выступающие не в роли определений, но в ролях актантов и сирконстантов, а также сказуемых соответствующих придаточных (или "абсолютных оборотов"). Сравним, например: алт. кел=ер кижи 'человек, который должен прийти", где кел=ер – причастное определение, и Кел=ер=им=ди билдим 'Ты знал, что я должен прийти (приду)', где кел=ер=им=ди – "та же форма", но с аффиксами 1-го лица ед. ч. =им. и вин. пад. =ди, выступает в роли прямого дополнения при глаголе бил= 'знать'. Фразы такого типа нередко переводятся с помощью лексических номинализаций: 'ты знал о моем приходе'. Но такой перевод грамматически менее точен: в оригинале актант сохраняет и модально-временные, и аспектуальные, и залоговые характеристики, свойственные глаголу.

В английском языке в типологически сходных конструкциях может употребляться герундий, нередко в сочетании с предлогами, которые компенсируют отсутствие падежных форм. Герундий многими англистами признается омонимом причастия настоящего времени, "другой" ing-овой формы (часть англистов считает, что ing-овая форма в английском одна, а различны ее функциональные роли). Ситуация, которую мы наблюдаем в алтайских языках, побуждает нас присоединиться к первой точке зрения, только здесь не приходится говорить об омонимии форм, поскольку каждая из них имеет свою парадигму.

Термин "глагольные имена" содержательно не противопоставляется термину "имена действия". Ими пользуются параллельно, например, в самодистике, в описаниях энецкого, нганасанского и других языков – см. работы Н.М. Терешенко (1979), И.П. Сорокиной (1973), Н.Н. Коваленко (1982, 1984) и др. Слабая изученность этих языков не позволяет пока провести четкую грань между именными формами глагола и отглагольными существительными. Но исследования, уже проведенные в этом направлении, выявляют некоторые формы, которые могут оцениваться как имена действия, входящие в глагольную парадигму, например, нганасанская форма на =бӱ", описанная Н.Н. Коваленко, и ряд энецких форм, описанных И.П. Сорокиной (см. с. 67–142).

Нас будут интересовать именные формы глагола, выражающие опредмеченное, номинализированное представление о действии. Термин "номинализация" подразумевает такую перестройку представления о действии во всем богатстве его процессуальных характеристик, которая обусловлена мысленным изъятием действия из ситуации его протекания и состоит в отрыве его от первичных модально-темпоральных и субъектно-объектных координат, т.е. в сведении представления о действии к представлению о "факте", с которым можно оперировать так, как мы оперируем с представлениями о вещах. Термином "номинализация" (или "номиналь") обозначаются также формы, являющиеся результатом процесса номинализации. Имена действия – это номинализации, не выходящие за рамки глагольной лексемы. Отглагольные существительные – это лексические номинализации, существительные, отколовшиеся от системы глагола.

Именные формы глагола способны формировать собственные, но зависимые предикативные узлы. Это конструктивные вершины, центры номинализованных предложенческих форм, отражающих представления не о действиях (процессах) как таковых, но о ситуациях, которые задаются предикатами, непосредственно связанными с актантами и сирконстантами. Центром ситуаций остается представление, выраженное предикатом, – "процесс", названный глагольным корнем. Поэтому именная форма глагола и должна сохранять, пусть в существенно трансформированном виде, аспектуально-модально-темпоральные и субъектно-объектные характеристики. Типологическое разнообразие имен действия в значительной мере связано как раз с тем, что в процессе номинализации могут в разной мере сохраняться или утрачиваться разные "наборы", комбинации названных характеристик, например, залог и аспект, аспект и время, или модальность, залог и аспект и т.д. Чем больше этих параметров сохранено, тем органичнее имя действия вписано в систему глагола. Формы на =ган, =р, =чатхан и др., именуемые причастиями, но выступающие в составе синтаксических номинализаций, вписаны в систему глагола несравненно глубже и органичнее тех четырех форм, которые принято называть именами действия.

Имена действия четко противостоят другим аналогам субстантивов в системе глагола – субстантивированным причастиям. Субстантивируясь, причастия приобретают значения либо "номина агентис" (рус.: трудящиеся, восставшие, нижеподписавшиеся и др.), либо названия предметов – результатов действия (мороженое). Имена действия представляют не источник, не результат действия, но само действие, способное иметь и источник, и результат, и субъект.

Имена действия наиболее четко противостоят финитным формам в системе глагольного слова (или шире – глагольной архилексемы). Они представляют действие в максимальном отвлечении от первичных предикативных характеристик. Система семантических валентностей глагола у них сохраняется, но подвергается формально-грамматической перестройке; и чем она сильнее, тем имя действия ближе к именам существительным.

В системе русского языка лексические номинализации составляют широкое множество форм с разными показателями: ходь=ба, уход=Ø, паспорт=изация, пи=т'=ьо и др.; самый регулярный разряд имен действия – слова на =$\frac{а}{е}$=ние. Они не вписываются в парадигму глагола, но в функционально-семантическое поле вербальности, безусловно, втянуты. Об этом свидетельствует соотношение этих форм в структуре связного текста (...приехал Валерий... Приезд Валерия...). Русские отглагольные существительные лишены "подлежащной" валентности именительного падежа, которая трансформируется в притяжательную генитивную: субъект действия принимает грамматическую форму "субъекта обладания"; это правомерно потому, что между действием и "обладателем действия" собственно притяжательные отношения невозможны: мой приход, отъезд моего товарища. В составе именного словосочетания утрачивается предикативный двусторонний характер связи: я приду, моя жена уезжает, он никогда не уехал бы. В сочетаниях типа отъезд жены связь компонентов односторонняя, имя "объекта обладания" (=действия) управляет именем субъекта, требуя от него родительного падежа или притяжательной формы (ср. материна шапка, отцовы рукавицы, ваши перчатки, ученики нашей школы). Имя субъекта никак не отражается в форме объекта: мой, твой, отцов, отцовский пиджак – или приезд. Имя, представляющее действие, в русском языке не принимает никаких грамматических показателей лица. Перестраивается и объектная валентность переходных глаголов: я поздравляю тебя – мое поздравление тебе; ср., с другой стороны: Петр поздравил Ивана – поздравление Ивана Петром, где винительный прямого дополнения замещается генитивом, а именительный субъекта – творительным (при пассивизации). Значимость этих перестроек – важный аргумент против включения русских отглагольных имен в глагольную парадигму.

В алтайских языках дело обстоит иначе. Номинализация связана здесь не столько с образованием специальных аффиксальных производных от глагольных основ (хотя и такие процессы имеют место), сколько с оппозицией разных парадигм формоизменения, специфика которых, в свою очередь, обусловлена функциональной спецификой этих форм. Конструкции, в которых реализуется интересующая нас

"функция номиналей", многими алтаистами квалифицировались как осложняющие простое предложение абсолютные обороты, в которых "ведущее причастие" может иметь при себе "субъектное имя", см. работы Т.А. Бертагаева (Бертагаев, Цыдендамбаев, 1962, 117, 123), Н.А. Баскакова, Б.А. Серебренникова и многие другие. Об абсолютных оборотах в простом предложении европейских языков говорят В.Г. Адмони (1963, 250-251; 1973, 162) и А.И. Смирницкий (1957), но понятийный смысл этого термина у них несколько иной. Н.К. Дмитриев считал, что "обороты" при наличии у них своего подлежащего становятся придаточными "переходного типа" или "предложение – подобными членами" (1962, 390). С.А. Соколов, вслед за Ж. Дени, говорит о "квазипредложениях" (1971, 160), А.П. Поцелуевский – о "потенциальных предложениях" (1943, 59), Х.М. Есенов считает предложения с подобными оборотами "осложненными", противостоящими одновременно и простым, и сложным, откуда следует и специфическая оценка им самих зависимых, "оборотных" конструкций (1982, 38). С нашей точки зрения существенно и очевидно, что предложения, содержащие в качестве членов предикативные номинализации, не монопредикативны, ибо в них заключены как минимум два предикативных узла.

Критерием, позволяющим отграничить алтайские имена действия и от причастий, и от деепричастий, и от финитных глагольных форм является способность принимать падежное оформление, т.е. иметь живые, не застывшие падежные формы, а также сочетаться с аналитическими показателями значений падежного типа, послелогами, а в принципе и предлогами. Этот критерий мы считаем более важным, чем способность принимать личные (лично-притяжательные) показатели, потому что их могут принимать и другие, в частности финитные формы.

Система валентностей имен действия в алтайских языках сохраняет бóльшую близость к валентностной системе глагола, чем в европейских. Главная особенность "вторичной" системы состоит в том, что субъектная валентность, замещаемая у финитных глаголов формами неопределенного ("прямого") падежа, у имен действия может замещаться формами генитива. Однако генитив в этой позиции всегда соперничает с формами неопределенного падежа, если язык вообще сохраняет генитив. В якутском, где генитива нет, нет и соперничества. В тех языках, где представлены оба падежа, отношения между ними применительно к интересующей нас функции складываются по-разному. Так, по нашим предварительным наблюдениям, в непринужденной речи в алтайском и в хакасском языках в составе предикативных актантов номинатив и генитив встречаются примерно одинаково часто, но в более строгой литературно-книжной речи генитив резко преобладает. В сирконстантных ЗПЕ в тюркских языках генитивная форма субъекта встречается как очень редкое исключение, в бурятском же генитив безусловно преобладает.

Как номинализации, имена действия способны выполнять и актантные, и сирконстантные функции, естественные для косвенных падежных форм существительных. Материалы всех алтайских языков, имеющиеся в нашем распоряжении, подтверждают функционирование

именных форм глагола в этих ролях. Но их природа как имен действия в полной мере проявляется именно тогда, когда они замещают синтаксические позиции структурно обязательных именных членов предложения: подлежащего и "первого" дополнения при переходном или непереходном, но сильно управляющем предикате. Ср.: сын обрадовался подарку; я доволен поездкой; Катерина боялась грозы.

Вхождение предикативного актанта в состав простого предложения, как мы уже говорили, лишает это предложение качества монопредикативности", т.е. простоты. Но далеко не случайно именно этот тип конструкций вызывает у специалистов больше всего сомнений и споров относительно признания их сложными, даже при наличии в составе актанта собственного подлежащего. Если оно имеет форму родительного падежа, грамматисты обычно остерегаются называть его подлежащим; если же оно выступает без показателя генитива, возникает вопрос о том, не является ли эта форма "родительным неоформленным", или же о том, что она в этой позиции неправомерна, что это речевая ошибка, недосмотр автора или корректора. Мы не будем сейчас обсуждать этот вопрос, но должны сказать, что по крайней мере в тюркских языках и эти конструкции как целые, и их зависимые предикативные блоки в ряде существенных моментов действительно устроены иначе, чем синтаксические конструкции других типов.

Заканчивая этот параграф, нужно заметить, что и в самих алтайских языках, и тем более в других – уральских, кавказских, палеоазиатских – существуют разные формальные приемы номинализации. В самодийских языках это в основном аффиксация; она используется и в языках палеоазиатских, и в кавказских. В японском же языке используются аналитические показатели номинализации – субстантиваторы но, кото, моно и др. (Сыромятников, 1971, 243); нечто подобное и в маньчжурском =нгэ (Пашков, 1963, 57). В русском языке синтаксическая номинализация предложений достигается с помощью "оператора", состоящего из склоняемого компонента то и неизменяемого что: он ушел: то, что он ушел (Черемисина, 1982, 13-14).

§ 4. Формы деепричастного типа

1. Деепричастие

Термин "деепричастие" широко используется морфологами и синтаксистами, описывающими разносистемные языки народов нашей страны. Этот термин, начавший свою миграцию из русистики, в самой русистике обозначает глагольные формы, выражающие подчинение глагола другому глаголу. В этом мы видим вообще главное назначение деепричастий. Но в русском языке возможность такого подчинения ограничена требованием "сквозного субъекта": оба действия должны производиться одним и тем же лицом (предметом), которое бывает названо подлежащим финитного глагола или выражено его личными показателями: Иду, стараясь не наступать на грядки; Не глядя в нашу сторону, Диканов продолжал диктовать текст телеграммы. Собственной субъектно-подлежащной валентности русские деепричастия не

имеют (подробнее см. Рябова, 1982). Поэтому конструкции, которые содержат зависимую часть с деепричастием в качестве инфинитного предиката, всегда моносубъектны. Не будучи собственно-сложными, они тем не менее, безусловно, полипредикативны.

В грамматических традициях, связанных с изучением агглютинативных языков (алтайских, уральских, кавказских), термин "деепричастие" расширил свой объект и несколько изменил содержание. В этот класс естественно и органично вошли формы, способные иметь собственное подлежащее: в алтайских языках даже самые простые, "истинные" деепричастия ("echte converba" по Рамстедту – Ramstedt, 1903, 56-57), обычно ориентированные на субъект-подлежащее доминирующего глагола, в отдельных случаях могут иметь и свое отдельное подлежащее, выраженное существительным (реже – местоимением) в форме прямого падежа. Далее этот термин распространился и на такие формы, для которых наличие собственного подлежащего, не совпадающего референционно с подлежащим главной части, является обычным и регулярным, и в частности на такие формы, которые регулярно или не регулярно, обязательно или факультативно отражают грамматическое лицо субъекта, производителя действия, при помощи показателей посессивного типа. Таким образом, класс деепричастий в современной лингвистике предстает как широкий, внутренне богатый класс инфинитных предикатов, разные разряды которого характеризуются своими морфологическими и конструктивными свойствами.

В языках, где деепричастий мало, их семантика оказывается слабо определенной. Так, в русском языке грамматическая традиция признает только два активных, живых деепричастия, на =а и на =в, которые взаимно противопоставлены как выражающие одновременность или разновременность зависимого и главного действий, т.е. как передающие относительные временные значения настоящего и "не настоящего". Это значение обычно реализуется как относительное прошедшее (предшествование деепричастного действия главному). Сравним однако: Он снял валенки, оставшись (после этого, а не до этого!) в одних носках. В соответствующих контекстах эти деепричастия, особенно форма на =в, способны передавать условные, причинные, уступительные отношения между зависимым и главным действиями, но формального выражения эта синтаксическая семантика в русском языке не получает.

В языках, богатых деепричастиями, эти формы, противополагаясь друг другу, передают разные, тонко дифференцированные содержательные отношения между событиями. Прежде всего деепричастия обслуживают темпоральную сферу, выражая различные оттенки временных отношений. Так, бурятские деепричастия на =мсаар и =халаар передают отношения следования главного события за зависимым, по-разному оценивая разделяющий эти события временной интервал; деепричастие на =тар выражает предел, ограничение главного действия зависимым деепричастным действием, двустороннее или одностороннее, в финале (ср. рус. союз пока – 'до тех пор' и 'в течение того времени, пока'); аналоги этой формы есть и в тюркских языках – это деепричастия на =ганча. Значение ограничения в начальной фазе

действия (ср. рус. с тех пор как) в изучаемых нами тюркских языках выражается деепричастием на =галы (=гала).

Семантические возможности деепричастий не ограничиваются только темпоральными отношениями. Во всех изучаемых нами языках, в том числе и в самодийских, где вообще деепричастий немного, обнаруживаются деепричастия условной семантики. Таково, например, бурятское деепричастие на =бал, эвенкийское условно-временное деепричастие на =рак, а также тюркская условно-временная форма на =са/=за, о грамматическом статусе которой мы будем подробнее говорить ниже. В нганасанском условно-временным называют деепричастие на =бу"/=ху", в энецком условным деепричастием - форму на =б/=п с последующим соединительным гласным =у=.

С нашей точки зрения, специфическое деепричастие условно-ирреальной семантики представлено и в современном русском языке. Это форма, которую в системе русской грамматики называют "омонимом" формы повелительного наклонения (2-го лица ед.ч.), ее показатели (в графической форме) можно представить рядом =и/=й/=ь. Например: Предупреди он меня, я бы его подождал; Знай мы это вчера, не поехали бы в такую даль.

Омонимия ее с повелительным наклонением, возможно, и обусловлена общностью происхождения, однако это не имеет никакого отношения к вопросу о современном статусе этой формы. Совершенно очевидно, что в приведенных примерах перед нами не повелительное наклонение. В свете того, что мы знаем о деепричастиях в других языках мира, принадлежность этой формы к классу деепричастий нам представляется несомненной. В отличие от признанных русских деепричастий она ориентирует свое действие на собственный субъект, который может не совпадать и обычно не совпадает с подлежащим главной части (подробнее об этой форме см. Черемисина, 1976). В разных алтайских языках можно найти и уступительные, и причинные, и заместительные, и сравнительные деепричастия. Весьма разнообразны бывают "наборы" деепричастий и в палеоазиатских языках. Например, в эскимосском Г.А. Меновщиков и Н.Б. Вахтин выделяют три условных деепричастия; условно-ограничительное, предупредительно-предположительное и противительное. Однако критерии, в силу которых тем или иным формам некоторого языка грамматикой приписывается статус деепричастия, далеко не всегда прозрачны. Этот вопрос еще требует проверки и обоснования, как с позиций грамматического описания каждого конкретного языка, так и с позиций общего языкознания. О связанных с этим трудностях скажем несколько ниже.

Общим структурным (морфологическим) признаком деепричастий - признаком, который конституирует этот класс форм в его противопоставленности другим классам инфинитных форм (и инфинитных предикатов) - является наличие в их составе, в определенной линейной позиции целостного морфологического "показателя деепричастия". Говоря о целостности, мы имеем в виду синхронное, современное восприятие этого аффикса носителями языка как "одного", а не пары следующих друг за другом аффиксов. Между тем лингвисты хорошо знают, что подавляющее большинство деепричастий этимологически

представляют собой изолировавшиеся и "окаменелые" падежные, а иногда и падежно-послеложные формы "причастий", имен действия, инфинитивов, т.е. разных других инфинитных, а иной раз и финитных глагольных форм. А это значит, что "статус деепричастия" присваивается или должен присваиваться тем формам, которые уже завершили свою эволюцию, "прибыли в порт назначения".

Понятно, что в любом алтайском языке (а возможно, и в уральском или палеоазиатском - но не в европейских) в каждый данный момент, в том числе и сейчас, немало форм, которые еще "пребывают в пути". Чтобы выработать определенное отношение к тем инфинитным формам разного происхождения в языках агглютинативного строя, которые подвергаются деепричастизации, важно понять, что "толкает их в путь", т.е. каковы причины и условия этого процесса.

Главным условием, инициирующим этот процесс, является употребление инфинитных предикатов (в частности, падежных и послеложных форм имен действия) в функции сказуемых обстоятельственных ПЕ. Эта грамматическая ситуация сопоставима с той, в которой происходило и происходит становление наречного фонда в лексике. Русские наречия формировались в основном за счет падежных и падежно-предложных форм существительных (значительно реже - адъективных и глагольных форм), отрывающихся от своих парадигм и лексикализующихся как отдельные слова, главной и обычно единственной функцией которых является функция обстоятельства. Процесс "выхода из парадигмы" длителен, постепенен, ср. весной, но ранней весной, взять под руку, идти под ручку; так же длителен и постепенен процесс "кристаллизации" деепричастий, срастания ранее отдельных аффиксов в единый целостный показатель через забвение внутрилексемных связей и отношений.

Лексикализация деепричастий естественно наступает в тех случаях, когда из языка в силу тех или иных причин уходит либо та форма (имени действия, причастия), от которой образована данная производная, либо тот падеж или послелог, с помощью которого она образована. Так, уже упоминавшиеся бурятские деепричастия на =мсаар и =халаар формой своего показателя указывают как будто на свое происхождение от форм орудного падежа (аффикс =аар); но форм, от которых мог быть образован этот падеж, форм на =мс(а), =хал(а) в современном бурятском нет, и потому эти формы нельзя интерпретировать никак иначе, чем как деепричастия с целостными, нечленимыми аффиксами. Другой пример - тофаларская форма на =кыша, которой в тувинском соответствует форма на =гыже; их источник - имя действия на =гу/=гы, с аффиксом, этимологически тождественным общетюркскому полисемантичному аффиксу =ча/=че. Этот аффикс передавал и передает в разных современных тюркских языках значения предела, направления, уподобления, сравнения. В современном тувинском языке представлен направительный падеж на =ча, в большинстве тюркских языков или не сохранившийся, или, наверно, не сформировавшийся. Поскольку имени действия на =гу/=гы в современном тофском и тувинском языках нет, форму на =гыже называют формой предельного наклонения (Исхаков, Пальмбах, 1961, 404-407; Сат, 1955, 698-699). Но ниже мы попыта-

емся показать, что "наклонения" такого типа – не что иное, как один из типов деепричастий (ср. Рассадин, 1978, 179-180).

Сложнее бывает оценить форму как деепричастие, если компоненты ее показателя в данном языке воспринимаются как живые. Так, в алтайском, хакасском и многих других языках аналогом только что рассмотренных тофской и тувинской форм являются формы с тем же показателем =ча/=че (и его фонетическими эквивалентами), но образованные не от малоупотребительного имени действия на =гу, а от живой, чрезвычайно активной основы на =ган: формы на =ганча (... =ганша, =ганса... (Гаджиева, 1973, 237-259, 271-283; Юлдашев, 1977, 83-84). В якутском языке форма на =ча с той же семантикой предела во времени (ср. рус. союзы пока, до тех пор пока) образуется от основы на =быт (< =мыш; это огузский аналог кыпчакской формы на =ган): =бычча (Убрятова, 1976, I, 132). Но при каких условиях можно оценивать эти формы в разных тюркских языках как деепричастия, при каких условиях – как формы причастия на =ган?

Разные исследователи решают этот вопрос по-разному и часто интуитивно, не выкладывая на стол аргументов, которые привели их именно к такой точке зрения. Мы очень важным считаем критерий членимости. Если между компонентами =ган и =ча может встать лично-притяжательный аффикс, даже если он редко появляется в этой позиции, сама позиция продолжает существовать; раз компоненты не образуют еще единого, неразрывного целого, перед нами еще не окончательно сложившееся деепричастие. Так, как нам кажется, обстоит дело в хакасском и казахском языках. Но в алтайском языке ситуация оказывается существенно иной.

Алтайская форма на =ганча, выражающая значение предела во времени, может совсем не получать личных показателей (если субъект данного действия назван существительным или местоимением в прямом падеже в составе данной фразы или если он ясен из контекста); если же эта форма получает личное оформление, то аффиксы лица она принимает только как целое, в исходе всей аффиксальной цепочки, которая именно в силу этого уже должна оцениваться как один аффикс – =ганча: мен кел=генче=м, сен кел=генче=н 'пока я приду', 'пока ты придешь'. Носители языка единодушно отвергают возможность введения аффиксов =м, =н (или =ым, =ын) между =ган= и =ча: формы кел=ген=им=че или мен келге=м=че в данной позиции совершенно невозможны. Однако в другой ситуации с другой семантикой форма T_V=ган=ым=ча, например, айт=кан=ым=ча, возможна и правомерна: она значит 'в соответствии с тем, что я сказал' (Тадыкин, 1971, 116-117). Наличие этой оппозиции делает несомненным тот факт, что в современном алтайском языке вполне сформировалось факультативно спрягаемое деепричастие предела на =ганча, противопоставленное именной форме глагола на =ган-//=ча, где аффикс =ча, выражающий отношения соответствия, выступает как функциональный аналог падежного аффикса.

Те же проблемы возникают и при оценке других форм, в которых отчетливо просматривается их историческое прошлое. Например, во всех кыпчакских тюркских языках употребляется форма местного падежа от основы на =ган – форма =ганда с семантикой общевременного соответствия ('когда'). Но одни авторы, например Н.З. Гаджиева, называют ее деепричастием (1973, 279), другие видят в ней падежную форму причастия. В этих оценках может и не быть никакого противоречия, коль скоро речь идет о разных формах на =ганда, принадлежащих разным языкам и обладающих разными свойствами. В одних языках эта форма может употребляться без личных показателей, "разрезающих" ее и вклинивающихся между ее частями; по-видимому, так и обстоит дело в азербайджанском и турецком языках. В других же языках, в частности в тувинском и алтайском, эта форма, наоборот, регулярно употребляется с личными показателями, которые, будучи обязательными, всегда занимают позицию между двумя компонентами этого сложного аффикса. Ясно, что в этом случае нет оснований говорить об одном сложном аффиксе деепричастного типа. Это спрягаемый инфинитный предикат другого типа с характерной для него цепочкой аффиксальных позиций: аффикс глагольной основы (=ган) + + личный аффикс посессивного типа + аффикс местно-временного падежа (в темпоральном семантическом варианте). Например, в тувинском языке:

Тайгада чайлаавыска бар=ган=ывыс=та, өөвүс чанында – суг эриинде черге чаашкын=даа дүшпес, изигде хүн=даа дегбес одаавыс бар (СС.А,49) – В тайгу на летнее стойбище приезжаем=когда, около нашей юрты – (на месте) около воды есть кострище-наше, куда дождь не падает, в жару солнце не трогает.

Однако статус целого ряда форм разных языков алтайской типологической общности на данном этапе развития этих языков объективно остается неоднозначным: с одной стороны, они функционируют совершенно аналогично деепричастиям данного языка; но, с другой стороны, в нашем распоряжении нет достаточных фактов, чтобы уверенно говорить об их выпадении из парадигмы причастного предикативного склонения. Это относится в основном к бурятскому и тунгусским языкам, где порядок следования аффиксов иной, чем в тюркских, и поэтому не может быть критерием различения типов форм. Так, в бурятском языке имеется высокочастотная форма на =х=да=//, которую некоторые исследователи называют деепричастием (Бертагаев, 1964, 241). В ее составе =ха – аффикс "причастия" (или глагольной основы) будущего времени, =да – аффикс дательно-местно-временного падежа, =// – позиция лично-посессивного аффикса; структурно подобна ей и форма на =нан=да=//, где =нан – аффикс причастия (или основы) прошедшего времени. Обе эти формы функционируют в роли инфинитных предикатов в составе зависимых ПЕ обстоятельственных типов: формы на =ха=да=// обслуживают временные ППК (с семантикой общей временной соотнесенности), формы на =нан= =да// – каузальные (с семантикой общей причины, которая регулярно развивается на базе темпоральных конструкций предшествования зависимой части, т.е. релятивного прошедшего времени). Здесь спряжению подвергается уже падежно оформленная основа, поэтому деепричастное спряжение не имеет собственной специфики по сравнению со спряжением имен действия.

Поскольку деепричастия – это широкий класс форм, объединяющий в себе множество форм с различными конструктивными и структурными свойствами, постольку желательно упорядочить это множество, наметив классификационные признаки, различающие и противопоставляющие возможные разряды деепричастий.

В аспекте конструктивных свойств мы считаем значимым деление всех деепричастий на имеющие собственную субъектно-подлежащную валентность, т.е. способные ориентировать свое действие не на исполнителя главного действия, а на другое лицо или предмет, и не обладающие такой способностью. В этом случае, который иллюстрируется русскими деепричастиями, подлежащная валентность глагола замещается валентностью деепричастия, ориентированной на доминирующий глагол, а через него – на его субъект (подлежащее). Для алтайских языков более характерны деепричастия первого типа. Однако для более детальной квалификации типа (разряда) деепричастия целесообразно учитывать не только его способность иметь собственный субъект (подлежащее), но и то, типична ли для данного деепричастия реализация этой способности. Соответственно, выделятся разряды деепричастий, по преимуществу ориентированных на субъект главного действия, и деепричастий, регулярно реализующих собственную субъектно-подлежащную валентность. Деепричастия, не допускающие отдельного субъекта, и деепричастия, всегда имеющие собственный субъект, окажутся тем самым полюсами шкалы, на которой будут выделяться несколько градусов.

Второй важный конструктивный признак деепричастий, допускающих собственный субъект (подлежащее), связан с формой, которую принимает этот член конструкции, выраженный отдельной словоформой: прямого или родительного падежа. В бурятском представлены оба типа деепричастий, в тюркских же языках деепричастия, способные иметь свой субъект, всегда требуют от него прямого падежа.

В класс деепричастий следует, видимо, включить и немецкий Adverb, и французский жерондиф в двух его вариантах – с предлогом en и без предлога:

En entrant au journal il remit encore trois francs à l'huissier (Maupassant) – Войдя в редакцию, он занял еще три франка у портье; Elle reprit sa place, et se penchant sur le bras de son fauteuil, elle dit: ... – Она заняла свое место и, склонившись к ручке кресла, она сказала: ...

Что касается структурных (морфологических) признаков, дифференцирующих деепричастия, то это прежде всего признак спрягаемости (или неспрягаемости) и далее – характер формальных показателей спряжения. В большинстве агглютинативных языков, привлеченных нами к анализу, спрягаемые деепричастия получают личное оформление посессивного типа. Исключение составляет якутский язык, где деепричастия получают лично-предикативные показатели. В принципе можно допустить отражение в формах деепричастий грамматических характеристик не только субъекта действия, но и его объекта при помощи личных или классных показателей. Однако ни в алтайских, ни в уральских языках такие примеры нам не встречались.

2. Формы косвенных наклонений

Особого обсуждения заслуживают две тюркские формы, которые специалистами оцениваются по-разному. Одна из них – это форма на =са/=за, представленная, видимо, во всех тюркских языках (в якутском ее аффикс имеет специфический облик – =тар; (Убрятова, 1976, I, 44; Коркина, 1970, 170). Одни авторы называют ее условным или условно-временным наклонением (Кузнецов, 1953, 156; Щербак, 1976, 17), другие – деепричастием (Павлов, 1956, 248), а Н.А. Баскаков даже причастием (1966, 514). Другая – специфическая тувинская форма "предельного наклонения" или, по оценке других авторов, деепричастие. Как показал специальный анализ этой формы, выполненный Л.А. Шаминой (1983), она, наряду с деепричастными свойствами, обнаруживает и некоторые причастные свойства.

Главная особенность формы на =са, отличающая ее от тюркских деепричастий, состоит в том, что эта форма спрягается точно по той же схеме, что и финитная форма на =ды, в то время как в тюркологии существует довольно устойчивая точка зрения на деепричастия как на формы неспрягаемые. Поскольку наше исследование является сопоставительно=типологическим, мы не можем признать спрягаемость признаком, несовместимым с квалификацией данной формы как условного деепричастия. Условные деепричастия фиксируются в очень широком круге языков, в частности, и в бурятском, и в эвенкийском, где они тоже принадлежат к числу спрягаемых. Эвенкийская форма на =рак вначале интерпретировалась Г.М. Василевич как форма условного наклонения (1940, 163-164), но современные авторы единодушно оценивают ее как деепричастие. Кроме того, и для тюркских языков спрягаемые деепричастия не являются таким раритетом. Выше мы уже говорили об алтайском спрягаемом деепричастии предела на =ганча, которое оформляется точно теми же личными показателями, что и формы на =са и на =ды. В туркменском языке регулярно спрягаются инфинитные формы, являющиеся аналогами формы на =ганча – это деепричастие предела на =йанча и некоторые другие формы.

Несколько сложнее обстоит дело с оценкой тувинских форм: как предельного наклонения на =гыже, так и условного на =за/=са. Обе эти формы характеризуются тождественными или весьма сходными, причем весьма своеобразными парадигмами спряжения. В отличие от других тюркских языков тувинская условная форма в 1-м и 2-м лицах не заканчивается личным аффиксом: после него появляется так называемый "внешний аффикс", то же самое =за: мен бар=зы=м=за 'если я уйду', сен бар=зы=н=за 'если ты уйдешь', бис бар=зы=выс=са 'если мы уйдем'...; в 3-м лице ни личного показателя, ни внешнего аффикса не появляется: ол бар=за 'если он уйдет'. Парадигма спряжения предельной формы типологически сходна с парадигмой условной формы и в какой-то мере объясняет ее. Форма на =гыже тоже спрягается с помощью внешнего аффикса; он появляется только в собственно-лицах, 1-м и 2-м. Но в этой роли выступает не весь аффикс =гыже, а только его второй компонент =же (=че): мен бар=гыже=м=че, сен бар=гыже=н=че. В тувинском языке аффикс =че функционирует как

показатель направительного падежа, который другими тюркскими языками утрачен. Таким образом, типологическая близость его к падежным аффиксам несомненна, и это позволяет интерпретировать аффикс =гыже как деепричастный, сформировавшийся на базе показателя глагольно-именной формы на =гы/=гу (ее иногда оценивают и как причастие) и падежного аффикса =че (=же). Возможно, появление внешнего аффикса в спряжении формы условного наклонения связано с ожиданием падежного аффикса в позиции после личного аффикса.

Таким образом, модель спряжения этих тувинских форм можно осмыслить как деепричастное спряжение, формально выровненное по образцу спряжения имен действия ("причастий"): за позицией личного показателя, который следует за деепричастным аффиксом и в системе деепричастного спряжения завершает словоформу, в тувинском языке сформировалась позиция, как бы перенесенная из другой модели. Там, где у "причастий" ожидается падежный аффикс, у условной формы появляется "дубль" ее собственного показателя, который никак не соотносится ни с каким падежом. В составе же аффикса предельного наклонения усматривается компонент, этимологически родственный аффиксу сохранившегося в тувинском языке направительного падежа =че/=же, вновь появляющийся в финальной позиции словоформы: мен кел=гиже=м=че 'до тех пор, пока я (не) приду'. Но кроме аффикса направительного падежа, просто дублирующего внутренний компонент, потерявший статус отдельного падежного аффикса, во "внешней" позиции могут появляться и аффиксы других, "действующих" падежей, чаще всего дательного, гораздо реже исходного. После форм с аффиксами =че и =га (датив) нередко появляется также послелог чедир (см. подробнее Шамина, 1983).

Это резкое формальное своеобразие парадигм спряжения рассматриваемых тувинских форм, также как и определенная их содержательная специфика (которая еще подлежит углубленному изучению), свидетельствуют о специфичности грамматического статуса этих форм. С нашей точки зрения, эти формы принадлежат общему деепричастному типу, однако занимают в нем особое место и имеют право на особое категориальное имя. Их можно называть и "косвенными наклонениями", хотя этот термин имеет свои недостатки. Но если пользоваться им, необходимо помнить и иметь в виду, что подобные "косвенные наклонения" есть один из разрядов широкого класса деепричастий.

3. Инфинитивы

Из всех терминов, обозначающих различные типы и подтипы инфинитных форм, термин "инфинитив" имеет самое неопределенное понятийное содержание, которое в разных грамматических традициях, на разном языковом материале получает различные интерпретации. В европейских языках это не столько имя грамматического понятия, которое определялось бы некоторым фиксированным набором признаков, сколько условное терминологическое имя множества глагольных форм, которые в рамках тех языков, которым они принадлежат, легко распознаются благодаря своим чисто формальным, внешним приметам. Это избавляет грамматистов от необходимости определять те неявные, внутренние свойства, которыми оправдывается именование их этим термином. В русском языке инфинитивами называются формы на =ть, =ти, =чь, в латыни – на =re; в английском – формы с инфинитивным форматом, бывшим предлогом to; ср. в немецком использование обоих этих способов – (zu) T_V=en.

Функции европейских инфинитивов очень разнообразны. В разных языках они совпадают далеко не полностью, однако "область пересечения" их функций весьма значительна. Но в основной своей части она приходится как раз на те функции инфинитивов, которые сейчас нас интересуют в минимальной степени, потому что это функции, выводящие инфинитивы за рамки инфинитных предикатов (в понимании, принятом в этой работе).

Общей для инфинитивов многих европейских языков является функция лексического (знаменательного) компонента аналитических форм глагола, в основном форм будущего времени; например, сложное будущее в русском языке: буду писать, будете вспоминать; французские формы immediat, прошедшего и будущего в настоящем или прошедшем: passe immediat – je viens d'ecrire, passe imm. dans le passe - je venais d'ecrire (инфинитив с предлогом de); futur imm. – je vais ecrire, futur imm. dans le passe – j'allais ecrire (инфинитив без предлога); немецкая форма (Futurum I) – Er wird darüber selbst erzählen и т.д.

Вторая общая функция европейских инфинитивов – это участие в разного рода глагольных сочетаниях, круг и статус которых в грамматике не очерчен сколько-нибудь определенно, но в целом они характеризуются тем, что формально доминирующий их компонент в большей или меньшей степени грамматикализован. Сюда входят, например, сочетания, формируемые модальными глаголами, глаголами намерения, побуждения, фазовыми и т.п., например, хочу написать, пришлось написать, собираюсь писать/написать, не решаюсь/начинаю/прекрати/перестаньте/бросив писать и т.д. Как видим, форма доминирующего глагола свободна, а формально зависимый, лексический компонент ставится в форме инфинитива.

Располагая доминирующие глаголы таких сочетаний в порядке нарастания в их семантике удельного веса лексических компонентов смысла, мы столкнемся с необходимостью провести в какой-то точке этой шкалы границу, отделяющую словосочетания свободного типа от сочетаний, которые претендуют на право считаться аналитическими. Выбор такой точки в какой-то мере является волевым. Мы склонны провести такую границу перед глаголами движения, т.е. считать глаголы движения в сочетании с инфинитивами, пришел поговорить, еду оппонировать и т.д., уже свободными, ср.: пришел, чтобы поговорить с тобой о путевках. Сочетания с глаголами движения провоцируют концентрацию целевой семантики у инфинитивной формы. Не случайно поэтому в древнерусском языке с ними сочеталась особая форма супина, отличная от инфинитива: пошелъ рыбъ лови=тъ, с =ъ, а не =ь, после =т=. В бурятском языке в подобных сочетаниях выступают обычно целевые деепричастия.

Русские инфинитивы, кроме этих функций, выполняют также функции инфинитных предикатов в составе определенного типа полипредикативных конструкций, анализу которых были посвящены диссертации и серии статей А.М. Слепцовой (1967), Л.Е. Юркасовой (1970) и И.В. Бондаренко (1981, 1082). Как известно, инфинитивы в русском языке бывают и финитными сказуемыми: А царица хохотать; Быть беде; Не быть тебе генералом; Встать! и др. Предложения (предикативные единицы) с такими сказуемыми могут входить в состав определенных типов сложных предложений: Я всегда знала, что не быть тебе генералом!; Я же предупреждал тебя, что в город сегодня не дозвониться. Однако наряду с такими полипредикативными конструкциями, которые подлежат анализу в общем ряду со сложными предложениями аналитического типа, в русском языке есть и специфические модели с зависимым инфинитивным предикатом, который не имеет прямой аналогии с независимым инфинитивным предикатом. Например: Вместо того, чтобы помочь матери, ты до ночи собак гонял! После элиминации союза вместо того чтобы остается сочетание помочь матери, лишенное предикативного характера, если рассматривать его вне отношения к союзу и через союз – к главной части, а через финитный глагол – к его субъекту: именно "ты", тот, кто гонял собак, должен, с точки зрения говорящего, "вместо этого" помочь матери.

Подобные специфические инфинитивные зависимые предикативные единицы вводятся и некоторыми другими союзами, и именно такими, которые содержат (и/или предполагают) семантический компонент потенциальности: Если идти через лесок, через час будете на станции; Перед тем как (прежде чем) лезть в драку, сообрази, из-за чего дерутся и т.п. В алтайских языках все эти значения могут передаваться формами деепричастного типа.

В языках Западной Европы инфинитивы выполняют определенные функции, позволяющие говорить о них как об инфинитных предикатах, но в каждом конкретном языке эти функции требуют отдельного анализа и осмысления. Я.Г. Биренбаум рассмотренные выше русские конструкции и их английские аналоги склонен расценивать как "свернутые придаточные" (1980, 10). Мы избегаем терминов "свернутые", "трансформированные" и т.п., поскольку они наводят на мысль не столько о субъекте речи (языка), сколько об исследователе: кто "свернул" или "трансформировал"? Если же четко подразумевать внутриязыковые отношения между формами в синхронии (а не диахронические процессы свертывания, преобразования, замены чего-то чем-то), то в русском материале мы как раз не видим той другой конструкции, с которой устанавливались бы эти отношения: Вместо того, чтобы спать, ты телевизор смотришь, но нельзя: *Вместо того, чтобы ты спал, ты смотришь телевизор.

Русские инфинитивы, как и русские деепричастия, в подавляющем большинстве своих употреблений в роли зависимых предикатов ориентированы на субъект главного действия. Они формируют не собственно сложное, а моносубъектное полипредикативное предложение. Именно в силу этого они выглядят как бы "укороченными", "свернутыми" по сравнению с собственно сложными: их зависимая часть не содержит позиции собственного подлежащего. Сравним:

(1) Прежде чем сесть за стол, дети вымыли руки.

(2) Прежде чем дети сели за стол, я заставила их вымыть руки.

(3) Прежде чем разрешить детям сесть за стол, я заставила их вымыть руки.

(4) Прежде чем я разрешила детям сесть за стол, они вымыли руки.

(5) Прежде чем я разрешила детям сесть за стол, я заставила их вымыть руки.

(6) Прежде чем дети сели за стол, они тщательно вымыли руки.

Как видим, инфинитив "замещает" финитную форму "вместе с ее подлежащим".

В целом же русский инфинитив, во всяком случае применительно к функциям зависимого предиката, представляется нам достаточно типичной формой деепричастного типа. Его системное место определяется характерной семантикой потенциальности, которая противопоставляет его "индикативным", реальным деепричастиям на =в и на =а и создает явную предпосылку для более специфической оппозиции между формами на =в и на =ть при передаче значений разновременности: форма на =в представляет действие совершившимся раньше, форма на =ть – позже "главного" действия.

Что касается морфологических характеристик инфинитива, то в большинстве европейских (западных) языков он предстает как форма неизменяемая, точнее, не спрягаемая, не изменяющаяся в аспекте грамматического лица субъекта (и объекта), не имеющая личных, субъектно (или объектно) маркированных форм. Однако в иберо-романских (португальском, испанском) языках возможно оформление инфинитивов посессивными показателями (Вольф, Никонов, 1965, 93).

Вопрос об изменяемости или неизменяемости инфинитива по другим грамматическим категориям глагола – по залогам, видам, времени, перфектности и др. – оказывается сложным прежде всего в силу неясности статуса этих категорий и системных отношений между ними в парадигмах отдельных языков, а еще более – в силу неясности, неоговоренности объема и содержания понятия "отдельная форма" и "форма формы", подверженных дальнейшему изменению. Например, в русском языке есть формы делать, сделать, быть сделанным. Они противопоставлены по виду (1:2) и по залогу (1,2:3). Но следует ли в подобных случаях говорить об "изменяемости" одного и того же инфинитива или о разных инфинитивах? Нам ближе последняя точка зрения. В английском, например, языке мы говорили бы об инфинитивах, противопоставленных по залогу, по перфектности: to be: to have been to make: to be made и т.д.

Ввиду теоретической неразработанности вопроса "отдельности формы" вообще, конкретный вопрос об изменяемости или неизменяемости инфинитива в некотором языке (или о наличии в этом языке нескольких инфинитивов) становится не столько содержательным, сколько терминологическим. Мы склонны решать его в пользу признания множественности инфинитивов, если они характеризуются разными морфологическими показателями (например, инфинитивы с zu/to

и без этих формантов в германских языках). Видовые различия в русском безусловно не являются "различиями инфинитивов": это лексико-грамматические различия лексем. То же относится и к залоговым, и к другим отношениям. Так, например, в алтайских, в частности в тюркских, языках разнообразные аспектуальные и акционсартные значения передаются сочетаниями деепричастий "лексического" глагола с полузнаменательными глаголами: алт. тур=, отур= и др. выражают длительность, процессуальность, ал=, бер=, кел=, сал=, ий= и ряд других – разнообразные виды краткости, результативности, завершенности, целостности действия и т.п. Понятно, что такие "сложные глаголы" (Тыбыкова, 1966) могут принимать любую форму, в том числе и форму инфинитива, если таковой в языке выделяется. В алтайском, хакасском и многих других тюркских языках инфинитивов считается форма на =рга. Но было бы крайне неразумно говорить об "изменяемости инфинитива на =рга по аспектам и акционсартам.

Вообще же ситуация с инфинитивами в алтайских языках запутанна и сложна. Это связано прежде всего с тем, что функции, которые в европейских языках ложатся, как правило, на одну форму, здесь оказываются распределенными между несколькими формами, выполняющими и другие функции, а потому имеющими и собственные терминологические имена: деепричастие (например, деепричастие на =жа в бурятском и монгольском, на =п в тюркских языках, на =ми в эвенкийском), причастие (например, причастие на =ха в бурятском, на =р в тувинском; форма на =рга – этимологически – дательный падеж безличного склонения причастия на =р), имя действия (например, туркменская форма на =мак, казахская форма на =у, выступающие словарными представителями глагола в этих языках). В этой внутренне противоречивой объективной ситуации одни специалисты (за которыми нередко следуют и другие грамматисты, описывающие именно данный язык) говорят об отсутствии в таком-то языке инфинитива вообще (бурятская, эвенкийская, тувинская традиции), другие говорят о нескольких инфинитивах (например, польский тюрколог А. Дубиньский), третьи называют инфинитивом какую-то одну форму; обзор этих точек зрения см. у И.В. Бондаренко (1980).

О своеобразии использования термина "инфинитив" в грамматической традиции изучения финского языка мы уже упоминали выше: инфинитивами называют здесь вообще всякие инфинитные предикаты; им присваиваются номера и затем описываются их индивидуальные специфические свойства. В соответствии с этими свойствами в нашей системе понятий эти формы должны распределяться по разным группам.

В финской грамматике различаются пять инфинитивов, три из которых считаются употребляемыми регулярно. Это 1-й инфинитив, форма на =a (с фонетическими вариантами), которая может выступать как краткая или "длинная", удлиненная за счет притяжательных аффиксов и аффикса =kse, сообщающего ей целевое значение. Например: Han tuli tuoda=kse=ni minulle kukkia 'Он пришел, чтобы принести мне цветов'; ср. tuoda=kse=si 'принести тебе'; Emme ela syada=kse=mme baan syomme elaa=kse=mme 'Мы не живем, чтобы есть, но едим, чтобы жить'

2-й инфинитив – падежная форма инессива от 1-го инфинитива (краткого): saada=essa 'получая', syoda=essa 'кушая' и т.д., то есть "что делая?", например: Han tuli sittenkin, tie taessa, etta se on asjaton 'Он все-таки пришел, зная, что это напрасно'. "2-м инфинитивом" называется также инструктивная форма 1-го инфинитива, употребляемая редко; она, как и инессивная форма, представляет действие как одновременное, параллельное главному, например: Gytot tulivat laulaen 'Девушки пришли, распевая (поя)'.

3-й инфинитив – форма на =ma, =mä, имеющая пять падежных форм, которые имеют каждая свою семантику и свои функции. Особый вид 3-го инфинитива называется "5-м инфинитивом" (адессив с притяжательным суффиксом); эта форма представляет действие длящимся, а его субъект – пребывающим в состоянии данного действия, например: Me olimme lahtemaisi llammi kun puhelin soi 'Мы были в состоянии готовности уйти, когда зазвонил телефон'.

4-й инфинитив – форма на =minen, "название действия" – могла бы быть названа именем действия (как ее и называют в грамматиках эстонского языка): luke=minen – чтение, oppi=minen – учеба.

Термин "инфинитив", как общее имя всех этих форм, практически вовсе не корреспондирует с содержанием понятия "инфинитив" в его противопоставленности причастиям, деепричастиям, имени действия. Он охватывает общее представление об инфинитном предикате в его противопоставленности финитной форме глагола (см. Дубровина, 1977; Морозова, 1982; и др.).

Мы не собираемся вмешиваться в финскую грамматическую традицию с ее терминологией. Но в сопоставительно-типологическом исследовании эти формы должны оцениваться в той же системе терминов, в которой оцениваются инфинитные формы других языков.

* * *

В этом разделе мы изложили теоретические принципы предлагаемого исследования, те позиции, с которых мы будем вести анализ фактического материала. Однако в ходе такого анализа мы снова и снова будем сталкиваться с вопросами, не имеющими однозначных решений и касающимися тех или иных форм каждого данного языка, тех или иных конструкций, тех или иных терминов и понятий. Каждый язык – живая, гибкая, подвижная система, в которой наряду с четкими, "классическими" формами того или иного класса обязательно обнаруживаются и такие формы, которые противоречивым образом сочетают в себе релевантные признаки одного класса с релевантными же признаками другого класса, – и исследователь оказывается вынужденным пренебречь одними в пользу других. Например, тувинское деепричастие на =гаш обнаруживает реликтовую способность изменения по падежам, форма на =гыже – свойства и причастий, и деепричастий; в хакасском, бурятском и энецком языках деепричастия вдруг оказываются способны сочетаться с послелогами и т.д.

Ниже, в основной части работы, мы будем вести анализ в соответствии с выделяемыми нами структурными типами полипредика-

тивных конструкций, каждому типу посвящая по отдельной главе. Это, прежде всего, конструкции с именными формами глаголов в роли сказуемых зависимых ПЕ, выступающих в роли актантов при конечном глагольном или не глагольном сказуемом либо выполняющих обстоятельственные функции. Им будет посвящена первая глава монографии. Во второй главе будут рассмотрены конструкции с деепричастными формами в роли предикативной вершины ЗПЕ (подобные ЗПЕ выступают почти исключительно в обстоятельственных функциях), в третьей главе – конструкции с собственно-причастными формами, функционирующими как определения (и предикативные вершины определительных ЗПЕ). Внутри каждой главы материал будет располагаться по параграфам, посвященным данному типу конструкций в определенном изучаемом языке или группе родственных языков: данные по трем тюркским языкам мы постарались объединить и представить одним параграфом, когда возможно, объединяются и самодийские языки. В параграфах будет освещаться состав форм, выступающих в таких конструкциях, традиционное представление о них в существующих описаниях, а также позиция нашего авторского коллектива в основных спорных дискуссионных вопросах, связанных с этими формами и конституируемыми ими полипредикативными конструкциями. Сопоставительный анализ в рамках глав будет представлен эпизодически: главную задачу мы видели в представлении самого фактического материала, который до сих пор системно никогда не описывался. Поэтому итоги сопоставления, которое выполнялось авторским коллективом в ходе первичного описания, выносятся в развернутое заключение.

Раздел II

ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ППК В АЛТАЙСКИХ И САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Глава первая

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ИМЕННЫМИ ФОРМАМИ ГЛАГОЛА В ПАДЕЖНОЙ И ПОСЛЕЛОЖНОЙ ФОРМЕ

§ 1. Предварительные замечания

В этой главе объектом анализа будут полипредикативные конструкции, в составе которых зависимое сказуемое принимает определенную падежную форму или же сочетается с послелогом. В последнем случае возможны разные варианты: глагольная форма может выступать в форме одного из косвенных падежей по требованию данного послелога, – и тогда говорят о том, что данный послелог управляет именной формой глагола. Но послелог в отличие от русских предлогов (и подобно предлогам английского или французского языков) может сочетаться с падежно неоформленной знаменательной частью. В этом случае алтаисты говорят обычно о форме неопределенного падежа (casus indefinitus), но связь между послелогом и этим предшествующим компонентом оценивают как примыкание. В этой оценке как бы имплицитно присутствует сомнение в том, что перед нами действительно падежная форма. Нельзя исключить и другую интерпретацию: эту форму можно считать внепадежной, и даже не "словоформой", а компонентом аналитической словоформы, которая представлена сочетанием глагольной основы с послелогом. Послелог в этом случае сопоставим с аналитическим показателем падежа. Он не уточняет, не модифицирует грамматическое значение, выражаемое падежной формой без него, но создает это значение подобно тому, как падежный аффикс создает ("приписывает") основе значение данного падежа.

Сами послелоги представляют собою довольно пестрое множество служебных слов, которое еще требует серьезного исследования, теоретического анализа и классификации. В данной работе термин "послелог" понимается как имя класса, включающего, как минимум, два подкласса: собственно послелоги и служебные имена.

Служебные имена противопоставляются послелогам прежде всего применительно к тюркским языкам, в которых раньше других была осознана и описана специфика изафетной конструкции, т.е. сочетания двух имен, из которых одно (в алтайских языках первое) представляет субъект притяжательных отношений, в терминах членов предложения интерпретируемый как определение, второе выражает объект обладания и понимается как определяемое. Главное своеобразие связи

этих имен, оправдывающее специфический термин "изафет", состоит в том, что "определяемое" принимает аффикс принадлежности, в котором "отражается" грамматическое лицо субъекта обладания. Послелоги именного происхождения, сохраняющие именную природу и связывающиеся со знаменательным компонентом описанным способом, т.е. "изафетной связью" (ср. Убрятова, 1976, I, 168) или отношениями "отражения" (Аврорин, 1981, 6-7), называются служебными именами.

Служебные имена характеризуются стандартной структурой: основа имени с абстрактным, часто пространственным значением, затем притяжательный аффикс 3-го лица (в ориентации на существительные или на глагольные имена, формально "определяющие" служебное имя), затем падежный аффикс. Некоторые тюркологи называют служебные имена "именами неполного изменения". Действительно, многие служебные имена в тюркских языках Южной Сибири располагают четырьмя, пятью или тремя формами. Однако в сферу полипредикативного синтаксиса втягиваются далеко не все служебные имена и далеко не все их падежные формы.

В финно-угроведении, где представлены подобные же формы, термин "служебные имена" не употребляется, но здесь говорят о серийных послелогах, которые образуются от одной основы прибавлением разных падежных аффиксов (см., например: Сайнахова, 1966). Поскольку в наших материалах представлены такие формы, мы будем говорить о серийных служебных именах.

Задача этой главы, как и последующих глав, заключается прежде всего в том, чтобы охарактеризовать структурные особенности полипредикативных конструкций определенного типа на материале разных привлеченных к анализу языков. В первой главе будут рассматриваться конструкции с именными формами зависимых предикатов, которые в тюркологии и монголистике выступают под именем "причастий". Как уже говорилось выше (см. главу 2 в разделе I), мы считаем необходимым различать три разные формы глагола там, где тюркологи и монголисты говорят об одной причастной форме, функционирующей как финитный глагол, т.е. в роли конечного сказуемого, в роли определения и в роли зависимого сказуемого, где эта форма принимает определенную падежную или послеложную форму. Именно последние и будут объектом анализа в этой главе.

Материал будет расположен далее по языковым группам или отдельным языкам. В каждом параграфе вначале будут рассматриваться полипредикативные конструкции с падежными формами зависимых сказуемых, затем будут анализироваться причастно-послеложные конструкции.

Поскольку обозначение рассматриваемых форм термином "причастия" в монголистике и тюркологии глубоко укоренено, постольку и в данной монографии этот термин неизбежно будет встречаться, тем более что в тюркологии термином "имена действия" обозначают специфическую группу форм, значительно дальше "причастий" (в падежной и падежно-послеложной форме) сдвинутую в сферу имен существительных. Это уже обсуждавшиеся в разделе I формы на =мак, =гу, =у и =иш/=ис; они широко функционируют в тюркских языках среднеазиатского региона, и их поведение в одном языке существенно отличается от того, что наблюдается в другом или в других языках. Но в тюркских языках Южной Сибири эти формы представлены только отдельными образованиями, которые принадлежат системе имени, а не глагола. Например, в тувинском языке согуш 'драка', тыныш 'дыхание', илбек 'крючок' (ил= 'вытаскивать'), чырыткы 'освещение' и т.п.; в алтайском языке мӧрӧш 'мычание', айдыш 'разговор', ичиш 'питье, пьянство', кыйгы 'крик', азыйгы 'прошлое', каруу 'ответ', кабыру 'надзор за скотом' и т.п.; в хакасском языке хорылыс 'беспокойство, суета', ӧрініс 'радость', сыдамах 'выдержка', чарғы 'суд' и др.

В казахском языке имеется форма, которую Х.М. Есенов, с нашей точки зрения, совершенно правильно оценил как деепричастие. Эта форма на =ісі=мен/=ысы=мен, этимологически - форма творительного падежа имени действия на =іс. В алтайском и хакасском языках мы таких форм не встречали. В тувинском же представлена форма на =гы дег, несомненно являющаяся производной от имени действия на =гу (которое Е.И. Убрятова считает древним уйгурским причастием); но эта форма выступает в качестве конечного сказуемого и поэтому в данной главе нас интересовать не будет: ни в сочетании с послелогами и служебными именами, ни в падежных формах она нам никогда не встречалась.

Главный вопрос, который всегда возникает в связи с падежными и послеложными формами "причастий" и "имен действия" как в агглютинативных языках - это вопрос о том, в какой мере они принадлежат сфере глагола, в какой - сфере имени. В зависимости от этого оценивается их синтаксическая функция: являются ли они сказуемыми зависимых ПЕ в составе сложного (полипредикативного) предложения, или это именные члены предложения, остающегося простым: подлежащие, дополнения, именные обстоятельства разного рода с зависимыми словами. Например, бур.: Тэдэнэй (род. п.) гара=нан=ай һүүлээр балай удааншье болонгүй зүүн хүршынхинь орожо ерэбэд (Б-76-6, 22) 'После того, как они ушли (или: после их ухода), вскоре пришло много их соседей'. Здесь гара=нан=ай һүүлээр - сочетание послелога һүүлээр 'после', с причастием прошедшего времени на =нан от глагола гара= 'уходить, выходить' (=ай - показатель родительного падежа, которым управляет послелог).

Работая с языками Сибири, мы оценивали именные формы как формы глагола, выступающие в роли сказуемых зависимых ПЕ, на том основании, что они сохраняют те основные грамматические категории глагола, не присущие именам, существование которых позволяет говорить об антитезе глагола и имени. Это категории модальности, времени, аспекта (вида: предельность - непредельность, завершенность, точечность или незавершенность, протяженность), а также залога и лица.

Попадая в позицию зависимого сказуемого, эти формы должны соотноситься с главным сказуемым, и естественно, что многие характеристики называемых ими действий в этих позициях становятся относительными: время, модальность и грамматическое лицо могут отсчитываться не в абсолютных координатах, задаваемых речевой

ситуацией и выражаемых формулой "действительно, здесь, сейчас", а в координатах относительных: до, позже или одновременно с главным событием (время), с тем же исполнителем или с другим (лицо), в том же или в ином отношении к реальности (модальность). Но такая перестройка, переориентация предикативных глагольных категорий отнюдь не означает их утраты или даже существенного их ослабления. Поэтому форма, сохраняющая эти грамматические параметры, продолжает оставаться одной из форм глагола, составляющих парадигму глагольного слова.

Так как задача этой главы – рассмотреть формальные структурные особенности конструкций, формируемых охарактеризованными выше формами зависимых сказуемых, поясним, что именно мы понимаем под формальными, структурными особенностями конструкций, какие параметры (признаки) ППК мы рассматриваем как значимые с точки зрения их структурной организации.

Во-первых, существенно, какую именно конкретную форму принимает зависимое сказуемое, падежную или послеложную, и какую именно из падежных и послеложных; соответственно, какие типы конструкций и какие конкретные модели могут быть выделены с учетом названных признаков и какие из них встречаются (или не встречаются) в данном языке или языках.

Во-вторых, важным признаком полипредикативной конструкции является ее способность или неспособность формировать фразы с собственным субъектом зависимой ПЕ (разносубъектность – моносубъектность). Понятно, что структурная организация моносубъектных ППК проще. Однако и тут возможны несколько типов в зависимости от того, как выражается факт моносубъектности. Он может выражаться отсутствием личного показателя у сказуемого ЗПЕ при условии, если в составе ЗПЕ с собственным субъектом такой показатель есть. Может он выражаться также лично-притяжательным аффиксом при условии, что в разносубъектных конструкциях ЗПЕ должна иметь собственное подлежащее, но зависимое сказуемое своей формой не выражает его грамматического лица. Моносубъектность может выражаться также специальными показателями, как в тунгусских и монгольских языках, где, кроме личных, есть еще субъектные посессивные аффиксы.

В-третьих, при структурной характеристике разносубъектных ППК значимо наличие или отсутствие парадигмы спряжения у каждой из моделей данного класса. Соотношение спрягаемых и неспрягаемых моделей в каждом изучаемом языке позволяет судить о важных синтаксических свойствах самого данного языка. Как будет показано ниже, тувинский язык в этом плане четко противостоит хакасскому, но оказывается близок не только алтайскому, но также бурятскому и эвенкийскому языкам.

При наличии у некоторой модели парадигмы спряжения зависимой части существенно, какова эта парадигма. Какие возможности здесь существуют – это становится относительно ясным в итоге исследования. Но и заранее можно назвать некоторые параметры, релевантность которых уже установлена раньше.

1. Устройство личной парадигмы: личное оформление может быть "положительным" во всех трех лицах (бурятский, эвенкийский языки) или только в "собственно-лицах", когда 3-е лицо маркируется нулем, как в финитной парадигме бурятского и многих форм тюркских языков. В тюркских языках возможны парадигмы зависимых сказуемых обоих типов.

2. Обязательность/факультативность личного оформления: оно может быть обязательным независимо от того, есть ли в составе ЗПЕ свое подлежащее, либо оно может быть обязательным лишь при отсутствии подлежащего, а при его наличии – факультативным или вообще невозможным. Возможны и различия по этому параметру у моносубъектных и разносубъектных фраз: так, в бурятском личное притяжание (в РСФ) факультативно, а субъектное (в МСФ) для большинства моделей обязательно.

3. Место личного оформления: так, в послеложных формах зависимых сказуемых, если эти формы имеют парадигму спряжения, личное оформление может принимать глагольный компонент, но может и послелог (служебное имя). По-видимому, присутствие личных показателей и у глагольной формы, и у служебного имени, встреченное в нескольких фразах, полученных у носителей тувинского языка (типа кел=ер=им мурн=ум=да 'перед тем как я пришел'), не является узуальным.

В-четвертых, важным структурным признаком моделей ППЕ являются грамматические характеристики подлежащего зависимой части. В простом предложении подлежащее во всех изучаемых языках нормально принимает форму прямого, неопределенного падежа. В составе зависимой части открываются другие возможности. Это прежде всего возможность генитивного оформления зависимого подлежащего, которая непосредственно подсказывает исследователям именную интерпретацию сочетания: 'я (род. пад.) приехал' – 'мой приезд'.

В разных языках эта возможность используется в разной степени; естественно, что в языках, не имеющих родительного падежа в своей парадигме, такая возможность кажется исключенной; однако мы не будем торопиться с таким выводом, поскольку в таких языках могут обнаружиться какие-то специфические формы притяжательного типа, например притяжательные местоимения, притяжательные формы личных имен (ср. рус. отцова шапка, сестрин платок), способные занять позицию зависимого подлежащего (как это выявилось в баргузинском говоре эвенкийского языка).

В бурятском языке подлежащее в родительном падеже зафиксировано в широком круге конструкций и с косвенно-падежными, и с послеложными формами зависимых предикатов и в других конструкциях, включая некоторые деепричастные модели и модели с "квазисоюзами" һаа, хада. Наряду с генитивным подлежащим многие модели (а возможно, и все) допускают и формы прямого (неопределенного) падежа. Задача будущих исследований – выяснить, чем может определяться или подсказываться предпочтение, отдаваемое одной из этих форм в составе определенных моделей.

Еще одна возможность состоит в устранении подлежащего, особен-

но в 1-2-м лицах обоих чисел, т.е. в предпочтении односоставной определенно-личной модели. Об этом признаке речь уже шла выше.

Пятый параметр, по которому может даваться характеристика полипредикативных (сложных) предложений в аспекте их структурной организации, связан с соотношением видо-временных и модальных планов частей. Но в отличие от признаков, рассмотренных выше, этот параметр можно назвать "глубинным". На поверхности нам дано только соотношение форм сказуемых. Каждая форма из числа тех, о которых пойдет речь в этой главе, несет определенный набор значений, как бы не зависящий от контекста: тюркское причастие на =р, бурятское на =ха, эвенкийское на =дяңа называются причастиями будущего времени. Это значение они реализуют и в роли конечных сказуемых, и в роли определений при существительных. Но сохраняют ли они это значение, выступая в роли зависимых сказуемых в той или иной падежной или послеложной форме? Этот вопрос, который требует ответа применительно к каждой конкретной модели. Ясно, что бурятская форма на =ха=да=// (дательно-местный падеж) абсолютного значения будущего времени не сохраняет: она выражает лишь общую временную соотнесенность событий, абсолютная временная локализация которых (в целом, как единой цепочки) определяется формой конечного сказуемого. Однако такого рода знание относительно этой бурятской формы еще не предрешает ответа на тот же вопрос относительно других конструкций с падежными и послеложными формами зависимых сказуемых в изучаемых языках.

Вопрос о закономерных трансформациях временных значений (абсолютных в относительные или относительно-абсолютные) в грамматической литературе в общем разработан. Значительно менее разработан в общетеоретическом плане вопрос об аспектуальных формах, об их роли в структурной организации ППК и о том, в какой мере они подвержены "трансформациям", попадая в позицию сказуемого зависимой части.

Известно, какую решающую роль в выражении аспектуальных значений играют в тюркских языках, а также в бурятском вспомогательные полузнаменательные глаголы, которые образуют с деепричастными формами лексических, знаменательных глаголов специфические аналитические формы; эти формы иногда называют "сложными глаголами" (см. например: Тыбыкова, 1966).

В тюркских языках эти полузнаменательные глаголы четко распределяются между двумя классами. В один из них входят четыре глагола, с помощью которых выражается идея длительности, протяженности, течения действия, в другой - многочисленные глаголы, выражающие недлительность, краткость, точечность, мгновенность, результативность, т.е. самые разнообразные оттенки значений, свойственных русскому совершенному виду; очень часто эти значения оказываются связаны с различными экспрессивными созначениями.

Вопрос этот представляется чрезвычайно интересным, но одновременно и слишком сложным и трудоемким, чтобы мы могли надеяться уже в этой работе дать на него ответ. Однако провести некоторые наблюдения в этом направлении желательно и даже необходимо. Речь идет о следующем.

Число полузнаменательных глаголов в тюркских языках Южной Сибири достигает двух десятков, а может быть и больше. Частота их появления в текстах далеко не одинакова, но в целом они появляются достаточно часто, чтобы судить о регулярности этой функции для каждого из глаголов, включаемых в список.

Предварительные наблюдения свидетельствуют, по-видимому, о том, что в функции сказуемого ЗПЕ аналитические формы сложных глаголов, построенные по схеме "деепричастие лексического глагола + требуемая конструкцией форма вспомогательного глагола", встречаются регулярно. Но состав глаголов, выступающих во второй позиции, оказывается суженным. За счет чего происходит это суждение? Какие глаголы не получают места в составе зависимого сказуемого или появляются в этой позиции значительно реже, чем в составе сказуемого в простом предложении?

Мы сочли бы свою задачу перевыполненной, если бы смогли охарактеризовать основные конструкции изучаемых языков по всем пяти названным выше параметрам. Мы будем считать ее выполненной, если охарактеризуем эти конструкции хотя бы в общих чертах по четырем параметрам и определим круг вопросов, которые нужно решить для ответа на "пятый пункт" программы.

§ 2. Конструкции с именными формами глагола в роли сказуемых ЗПЕ в тюркских языках Южной Сибири

1. Модели с падежными формами глагольно-именных (причастных) сказуемых ЗПЕ

В тюркологии именные формы глагола традиционно понимаются как род, куда входят причастия, деепричастия, инфинитивы, масдары, имена действия. Мы используем в этом значении термин "инфинитные формы глагола"; деепричастия (и инфинитивы) именными формами мы вообще не считаем, а термин "причастие", на наш взгляд, перегружен смыслами, нередко противоречивыми и мешающими друг другу. По определению, причастия должны иметь определительную функцию и могут не иметь никаких других. Но многие формы, называемые причастиями, выполняют и другие функции, финитные и инфинитные. В данном разделе нас будут интересовать глагольные формы, выступающие в синтаксической роли сказуемых ЗПЕ, замещающие именные позиции актантов и сирконстантов и принимающие в соответствии с этим падежное оформление. Именно их мы и называем именными формами глагола.

Роль синтаксического актанта непосредственно связана с номинализацией того представления о событии, которое первично выражается предложением - самой адекватной формой представления событий. В тюркских языках номинализация достигается использованием специальных глагольных форм, которые, в свою очередь, имеют парадигму склонения и спряжения с помощью посессивных аффиксов.

Роль обстоятельства в меньшей мере предполагает номинализацию представления о событии. Спряжение обстоятельственных ЗПЕ в изучаемых тюркских языках отличается от актантного. В алтайском и тувинском языках эта парадигма сближается с парадигмами условной и предельных форм (тув. на =гыже, алт. на =ганча), с нулевым показателем в 3-м лице. В алтайском эта парадигма, как и финитная для соответствующих форм, характеризуется стяжением и переразложением финальных показателей основ на =н: =ган, =атан, =гажын (=н усекается в 1-м и 2-м лицах: бар=га=м, бар=га=ң, вследствие чего в составе формы 3-го лица он выступает как маркер 3-го лица: бар=га=н). Это различие парадигм спряжения падежных форм мы связываем с различением и противопоставлением обстоятельственной и актантной функций ЗПЕ в составе ППК.

Именные формы глагола, обслуживающие актантные функции, соотносительны с отглагольными существительными, называющими процесс, действие, ср. приближение, полет, варка, косьба, труд – как процесс, но не труд как книга, не варенье, не трудящийся, не косец. В тюркских языках Средней Азии и Поволжья они представлены именами действия на =у, =ш/=с, =мак, =гу (см. Есенов, 1972, 20; Благова, 1976 и др.). В тюркских языках Южной Сибири имен действия нет; нерегулярные образования с этими аффиксами, лишенные модально-временной определенности, оцениваются как отглагольные существительные.

Падежные формы сказуемых в актантных и сирконстантных ЗПЕ (тюркологи называют их причастными, а мы хотели бы назвать именными глагольными формами), сохраняют все основные свойства глагола, кроме способности быть сказуемыми простого предложения. Этой возможности их лишает падежное оформление, сигнализирующее об их зависимом положении в предложении в целом; оно необходимо этим формам так же, как именам существительным. Форма неопределенного падежа в этой парадигме тоже маркирована – аффиксами принадлежности. Эти формы имеют свое модально-временное значение, свою особую субъектно-подлежащную валентность, ориентированную на формы родительного или неопределенного падежа, общее с глаголом объектное управление, общие залоговые значения. Это, вне сомнений, глагол, но принявший такую форму, которая позволяет ему занять любую управляемую позицию при другом, доминирующем глаголе.

Три именные формы (далее будем их называть привычным для алтаистов термином "причастия") употребляются в актантной функции во всех изучаемых языках: на =ган (прош. вр.), на =р (наст.-буд. вр.) и, значительно реже, на =галак (еще не осуществившееся действие). В алтайском еще употребляется форма на =атан, в хакасском – на =чатхан (наст.-прош.), на =иган (настоящее) и на =чан (прошедшее неожиданное). Причастия с семантикой возможного будущего: алт., хак.=гадый, тувин. =гу дег в интересующей нас роли практически не встречаются (об их семантике подробнее см. главу 3 этого раздела).

Выступая в роли предикативного событийного актанта, каждая из этих форм принимает показатели того падежа, которого требует управляющий глагол. Но событийными актантами управляют глаголы

строго определенных семантических типов, прежде всего обозначающие психические процессы. Семантический тип глагола в тюркских языках достаточно четко связан с требованием от актанта того или иного падежа. Это позволяет представить данный структурно-семантический тип ППК как единую серию моделей, которой соответствует единая обобщенная формула. Главной переменной в этой формуле является, конечно, падеж. Уточняя значение падежа для той или иной конкретной модели ППК, одновременно можно (и нужно) указывать ее специфическую семантику. Общую формулу представим так:

$$(N_{2-1} \leftrightarrow T_V = \text{прч} = // = \text{пад}) \; (N_1 \leftrightarrow V_{\text{фин}}).$$

Этим конструкциям была посвящена основная часть монографии "Предикативное склонение..." (1984), поэтому сейчас ограничимся тем, что приведем лишь основные структурно-семантические формулы с минимумом иллюстраций и комментариев.

1. Модели с актантами=подлежащими (в прямом падеже):

(1) $(N_{2-1} \leftrightarrow T_V = \text{прч} = // = \emptyset) \leftrightarrow (N^S_{\text{вин}} \leftarrow V^{\text{эм}}_{\text{каузэ}})$;

(2) $(N_{2-1} \leftrightarrow T_V = \text{прч} = // = \emptyset) \leftrightarrow (\{N^S_{\text{дат}} \leftarrow\} \; L^{\text{оц/эм}})$.

Доминирующий предикат в модели (1) – эмотивный глагол в каузативном залоге ('событие А радует меня'), в модели (2) – слово с оценочной семантикой: 'хорошо' – 'плохо', 'приятно', 'трудно', 'ясно', 'ложь', 'грех'. Например:

Тув. Оон, ындыг дүрген чоруй бар=ган=ы бисти элдепсин=дир=ген – То, что он уехал так скоро, нас удивило; алт. Онызы jакшы, кулун учун адаанын алып тур=ган=ын (Ш.АК,43) – Это хорошо, что ты вступился за жеребенка; хак. Аҕаа киртін пар=ган=ын, синін, алчаа=зын, – Что ты ему поверил, твоя ошибка.

2. Модель с винительным падежом:

$$(N_{2-1} \leftrightarrow T_V = \text{прч} = // = \text{вин}) \; (N_1 \leftrightarrow V^{\text{оц}}_{\text{фин}}).$$

Этого падежа требуют глаголы (и их производные) с семантикой оперирования информацией. Например:

Хак.: Анын, пу хоосты хоостап=чатхан=ын сахысха кир килгем – Я вспомнил, что он рисовал эту картину.

3. Модель с дательным падежом:

$$(N_{2-1} \leftrightarrow T_V = \text{прч} = // = \text{дат}) \; (N_1 \leftrightarrow V^{\text{эм}}_{\text{фин}}).$$

Этого падежа требуют эмотивные глаголы:

Алт.: Меге покос келиш=пе=ген=ин=е мен бӧркӧдим – Я рассердился (тому), что мне не досталось покоса; тув.: Демги бир кымыскаякты хилинчектеп, кемдет=кен=им=ге хомудадым-даа (СС.А,68) – Что одного даже муравья, искалечив, замучил я, сожалею.

4. С исходным падежом:

$$(N_{2-1} \leftrightarrow T_V = \text{прч} = // = \text{исх}) \; (N_1 \leftrightarrow V^{\text{укл}}_{\text{фин}}).$$

Этого падежа требуют глаголы с семантикой 'бояться', 'стыдить-

ся', 'иметь отвращение', 'уклоняться' (символ – укл.): Хак.: Маллар хыраға кір пар=ар=ы=наң хорыхчам – Боюсь, что скот заберется на пашню.

Модели с другими падежами значительно менее продуктивны. Например, в алтайском языке форму творительного и направительного падежей принимает сказуемое зависимой части с лексическим значением указания, рекомендации, если главная часть представляет действие, выполненное в соответствии с указанием. Формулы мы записываем так:

$(N_{2-1} \leftrightarrow T_V^{\text{указ}}$ =ган=//=ла$)\,(N_1 \leftrightarrow V_{\text{фин}})$;

$(N_{2-1} \leftrightarrow T_V^{\text{указ}}$ =ган=//=ча$)\,(N_1 \leftrightarrow V_{\text{фин}})$.

Алт.: Сенин айт=кан=ын=ла (айт=кан=ын=ча) бис ончозын эттис – Мы сделали все так, как ты сказал.

Местного падежа требует ограниченный круг предикатов типа 'вина – заслуга' (чья-то в чем-то), например:

Тув.: Сээң буруун, чедип кел=ген=иң=де эвес, а сен бисти баш удур сагындырбаанында – Твоя вина не в том, что ты приехал, а в том, что ты нас не предупредил.

Формула этой модели:

$(N_{2-1} \leftrightarrow T_V$ =прч=//=местн$)\,(N^{\subseteq}_{2}\,N_1$ =//$)$.

Здесь N_1 – имена семантической группы 'вина/заслуга'. Несколько особняком в этом ряду стоит модель:

$(N_{2-1} \leftrightarrow T_V$ =прч=//=род$)\,(\ldots N^{\text{отн}}$ =/Зл/$\ldots)$.

Родительного падежа от ЗПЕ требует существительное, которое эта ЗПЕ формально определяет. Это может быть либо служебное имя, т.е. послелог именного происхождения – такие случаи мы рассмотрим позже; либо существительное, называющее определенный тип отношений: 'причина', 'цель', 'следствие' и т.п. Например:

Тув.: Ооң амырап тур=ар=ы=ның, ужуру база-ла билдингир (Сүр., 58) – Причина того, что он радуется, тоже ясна; Бо кезек кижи оортан салдын=маан=ы=ның, ачызында, маңаа мурнап келгени бо (Сүр., 59) – Благодаря тому, что эти люди не отстали, здесь они оказались первыми (букв.: милостью, в милости того, что...).

Алт.: Уулын јозоры јаандап тур=ган=ы=ның шылтузы болбой олдеп, энези кокурлады (Ш.АК,26) – Это, наверное, (и есть) причина того, что твой сын так быстро подрастает, – пошутила его мать.

Важнейший дифференциальный признак этого типа ППК заключается в том, что падежное оформление ЗПЕ определяется требованием, исходящим от доминирующего предиката и существенно предопределяемым его типовой семантикой. Это и позволяет называть такие ЗПЕ управляемыми и противопоставлять их другим, нередко в тех же самых падежах, но не управляемым, а примыкающим к главной части. Самой своей падежной формой они выражают определенные обстоятельственные значения.

Обстоятельственные ППК представлены прежде всего темпоральными конструкциями, на базе которых формируются производные, структурно более сложные конструкции (модели), выражающие причину, условие или уступку. Основное темпоральное отношение – общая временная соотнесенность событий – в тюркских языках передается формами местно-временного падежа. Эту форму принимают почти все причастия изучаемых нами языков: на =ган, на =р, на =галак, хак. на =чатхан, на =чаң, на =гадый, но не алт. на =атан и =гадый. Каждое причастие конституирует свою модель, семантика которой определяется специфическим для каждого языка местом этой модели среди других. Так, в алтайском языке ППК модель $(N_1 \leftrightarrow T_V$ =ган=//=да$)$ (ПЕ) выражает временную связь между регулярно повторяющимися событиями, а модель $(N_1 \leftrightarrow T_V$ =р=//=да$)$ (ПЕ) – между конкретными событиями:

Куйдаң ырап бер=ге=м=де, кара-кула эригип, мени бедиреп турατан (Сур., 36) – Когда я, удаляясь от пещеры, уходил, лев, скучая, меня искал; Бис јаратка јууктап кел=ер=ис=те, ол агаш аразында јажынып калган – Когда мы подплывали к берегу, он скрылся в лесу.

В хакасском языке модель $(N_1 \leftrightarrow T_V$ =ган=да$)$ (ПЕ), противопоставляясь прежде всего модели $(N_1 \leftrightarrow T_V$ =чатхан=да$)$ (ПЕ), выражающей одновременность, приобретает значение следования. Например: Лейтенант іди те=ен=де, Васянаң, Анка пір үннең, тоғыр полғаннар: – Нанзын! (ИК.МН,9) – Когда лейтенант так сказал, Вася с Анкой в один голос запротестовали: – Пусть идет домой!

В тувинском отношения моделей сложнее, так как кроме местного падежа в выражении временной соотнесенности активно задействован дательный падеж. Эту форму принимает только причастие на =р, но соответствующая модель $(N_1 \leftrightarrow T_V$ =р=//=га$)$ (ПЕ) в тувинском более активна, чем редкая модель с зависимым сказуемым в форме =ган=//=да и не очень частотная модель со сказуемым на =р=//=да. Содержательные отношения этих моделей подробнее освещены в работе Л.А. Шаминой (1982).

Причастие еще не совершившегося действия, принимая форму местного падежа, выражает временную соотнесенность главного действия с тем моментом, который предшествует совершению главного действия, например:

Тув.: Сат чугаазын төндүр=гелек=те, Козулина үзе киришкен (Д.С,33) – Когда Сат еще разговор не закончил, Козулина прервала (его).

Конструкции с этой формой развивают значение предшествования: если событие А случилось, когда В еще не произошло, то, очевидно, А произошло до В, прежде В, перед В.

Не будем выписывать подробно все модели этого типа, – все они строятся по единой структурной схеме. В позиции подлежащего зависимой части всегда выступает форма прямого падежа; в алтайском и тувинском языках сказуемое зависимой части характеризуется обязательным спряжением при помощи показателей 2-го типа, с нулевым показателем 3-го лица. В хакасском языке личное оформление, как

правило, отсутствует; даже если во фразе нет подлежащего. Общий вид этой группы моделей для тувинского и алтайского языков:

$(N_1 \leftrightarrow T_V$ =прч=//пад)~(ПЕ);

для хакасского языка:

$(N_1 \leftrightarrow T_V$ =прч=пад) (ПЕ)

или $(N_1 \leftrightarrow T_V$ =прч=//=пад) (ПЕ)

Здесь // – символ факультативной позиции.

Поскольку непроисшедшее событие трудно использовать для соотнесения с ним во времени другого события, постольку отрицательные формы в роли темпоральных сказуемых ЗПЕ выступают редко. Их употребление ведет обычно к большей или меньшей семантической переориентации модели. В тувинском форма T_V=баан=//=да формирует ППК с семантикой конечного предела во времени. Например:

Тув.: Хар эри=вэ=эн=де, бис лыжалыг ан,нап турган бис – Пока снег не растаял, мы ходили на охоту на лыжах; Шаавыс төн=мэ=эн=де, бурунгаарлап чоруур турган дыр бис – Силы=наши не кончились пока, надо было идти вперед нам.

В алтайском с помощью формы T_V=ба=ган=//=да выражается причинное отношение типа 'раз, если, поскольку':

Көөжиң чыгар=ба=га=ң=да, кемниң курсак јиир күүни келер (Сур.) – Кому придет желание есть, если ты не вынул свой чугунок; Укпагамда, кайдаң билейин (Ш. АК, 15) – Раз я не слышал, откуда узнаю (могу знать).

Вопрос о том, следует ли считать синтаксические построения со сказуемыми типа T_V=ба=ан//=да, T_V=бас=//=та отдельными, самостоятельными моделями, или рассматривать их как варианты соответствующих положительных форм T_V=ган=//=да, T_V=р=//=да, мы пока оставляем открытым; для управляемых конструкций мы решаем аналогичный вопрос четко в пользу вариантности, но в сфере обстоятельственных конструкций действуют другие закономерности, которые еще ожидают пристального исследования.

Мы уже сказали о том, что в тувинском языке форму дательного падежа принимает ЗПЕ с семантикой общей временной соотнесенности. Структурная формула этой модели отличается от формулы модели с предикативным актантом в дательном падеже:

темпор. $(N_1 \leftrightarrow T_V$=р=/$^{\text{пред}}_{2\ \text{тип}}$/=га~(ПЕ);

актант. $(N_{2-1} \leftrightarrow T_V$=прч=/посс/=га) $(\ldots \overbrace{V}^{\text{эм}})$, где прч – =ган, =р, =галак. Их различия особенно наглядно проявляются в 3-м лице. Например:

Тув.: Оон, дириг үн=эр=ин=ге бүзүрээр мен! – Я верю, что он останется жив; Машина кэ=эр=ге хоорай баар бис – Когда придет машина, мы поедем в город.

В хакасском языке форму дательного падежа принимает иногда зависимое сказуемое в форме на =галак; на базе модели $(N_1 \leftrightarrow T_V$=

=галак=ка) (ПЕ) формируется далее производная модель с частицей ох, которая втягивается в основу:

Макрей чазы чит=келек=к=өк школаа парган (НТ.ТКӨ, 117) – Макрей еще до того, как возраст позволил, в школу пошла (подробнее об этих конструкциях и их отношении к моделям с местным падежом см. Черемисина, Боргоякова, 1981).

Говоря о дательном не управляемом в изучаемых тюркских языках, нельзя не упомянуть об одной своеобразной моносубъектной модели причинно-реактивной семантики. В ней сказуемое ЗПЕ, принимающее эту форму, представляет эмоцию субъекта, которая становится причиной-стимулом его поступка – действия главной части:

Сүүн=ген=им=е айттым: ... (Ш. АК, 13) – Обрадовавшись, я сказал: ...

Ср. аналогичную модель с исходным падежом:

Ады да, бойы да коркы=ган=ы=наң изип калган ошкош (JK.OJ, 34) – И конь, и он сам от испуга, кажется, даже разгорячились.

Во всех изучаемых языках представлены модели с исходным падежом причастия на =ган: алт. $(N_1 \leftrightarrow T_V$=ган=//=даң) (ПЕ) и ее прямые аналоги в тувинском и хакасском. Ее семантика – следование во времени, а уже отсюда – причинная обусловленность. Но употребляется эта модель очень редко. На ее базе развились в каждом языке модели с послелогами, которые ее практически почти вытеснили. Форма исходного падежа наиболее прочно удерживается в составе модели причинной семантики с именным сказуемым ЗПЕ, формулу которой мы записываем так:

$(N_1 \leftrightarrow T_V$=//=даң) (ПЕ).

Тув.: Хамык багай чүве, мээң өскүз=үм=ден – Все беды мои от того, что я сирота; алт.: Бастыра сениң түбектериң өскүс бол=гон=ын=наң – Все беды твои от того, что ты сирота; хак.: Прай хыялар өкіс пол=ған=ым=наң (смысл тот же).

Мы не будем останавливаться на моделях всех обстоятельственных конструкций в изучаемых языках. Наша задача – представить общий тип моделей ППК с обстоятельственной ЗПЕ в его противопоставленности актантному типу и охарактеризовать дифференцирующие их признаки. Зная эти признаки, можно записать формулу любой конкретной конструкции.

2. Модели ППК с причастно-послеложными формами сказуемого ЗПЕ

Кроме синтетических форм ППК, в зависимой части которых выступают глагольно-именные формы ("причастия"), в изучаемых нами языках широко представлены аналитико-синтетические модели, где глагольно-именную форму сопровождает служебное слово (послелог), модифицирующее падежное значение этой формы или компенсирующее собою отсутствие падежного оформителя. Послелоги делятся на два типа: собственно-послелоги, которые управляют именной формой или примыкают к падежно неоформленному компоненту, и слу-

жебные имена, которые связываются с именными формами посредством изафета, т.е. принимают посессивный показатель; знаменательный компонент принимает форму прямого или родительного падежа.

В причастно-послеложных конструкциях обеих типов участвуют те же причастия, что и в причастно-падежных конструкциях: T_V=ган, T_V=р, T_V=галак (естественно, реже), в алтайском T_V=атан, в хакасском T_V=чатхан, T_V=иган. Состав служебных слов в каждом языке свой, и пересечения не особенно велики. Конструкции эти так разнообразны, даже в одном языке, что рассмотреть их все нет никакой возможности. Мы ограничимся демонстрацией основных структурных типов этих моделей, сначала с собственно-послелогами, затем со служебными именами.

2.1. Конструкция с собственно-послелогами

Рассмотрим сначала конструкции с послелогами, управляющими косвенным падежом причастия. Значительная группа послелогов управляет исходным падежом; есть послелоги, управляющие дательным, творительным падежами ЗПЕ, но их меньше. Исходным падежом управляют послелоги алт. бери (тув. бээр, хак. пеер), алт., хак. бейин, хак. сыҕара, алт. ала. Сочетаясь с причастием прошедшего времени на =ган, они выражают значение ограничительного следования: действие главной части начинается с того момента, как происходит (начинается или заканчивается действие зависимой части). По-русски это значение передается союзом с тех пор как. Приведем примеры:

Тув.: Чай эгел=эн=ден бээр, оглум бажыҥга шуут олурбастаан – С тех пор как началось лето, сын совсем не сидит дома; алт.: Одой јаныҥ кел=ген=и=неҥ бери алты кӱнге јууктай берген (Ш.АК, 37) – Скоро шесть дней с тех пор, как Одой вернулся домой (букв.: приблизилось к шести дням); хак.: Область кікіндегі имнег туранзынзар Макрей килібіскеннеҥ пеер нинҷе – де ай алыс парҕан (НТ.ТКӦ, 207) – С тех пор как Макрей в областную больницу перешла, несколько месяцев прошло.

Для этой модели характерны фразы, где зависимая часть намечает точку, от которой отсчитывается время; это единственное "событие" фразы, ибо течение времени событием в обычном понимании не является. Фразы, где эти формальные отношения связывают действительно два события, строятся по моделям этой группы реже, например:

Тув.: Иванны шеригже аппар=ган=ын=дан бээр, кым=даа оон чагаа албаан – С тех пор как Ивана взяли в армию, никто не получал еще от него письма; Бо чудуктар зоотехниктиҥ, бажыҥ тудар деп тур=ган=ын=дан бээр мында чыдарлар – Эти бревна лежат тут с тех пор, как зоотехник собирался дом строить.

Эту группу моделей представим обобщенной формулой:

$(N_{1(2)} \leftarrow T_V$=ган=//=исх бээр) (ПЕ).

Здесь бээр представляет любой послелог данной группы, N_{1-2} означает, что подлежащее в ЗПЕ этого типа может принимать форму родительного падежа, а причастие и в 3-м лице (в алтайском и тувинском языках) может принимать притяжательный аффикс.

Ср. также более редкие примеры с причастием на =р и соответственно с другой семантикой:

Караҥгы имир дӱж=ер=ден бээр картошканы казып доозаар – бис – До того как наступят сумерки, мы докопаем картошку; Хӱн ӱн=ер=ден бээр бис артка чоокшулаар бис – До того как взойдет солнце, мы подъедем к перевалу.

Исходного падежа требует также алтайский послелог улам, формирующий с причастием прошедшего времени причинную конструкцию. Формула этой модели очень близка к приведенной выше. Примеры:

Алт.: Кайру=Бажыныҥ салкынына ла соокторына эмес, а Текемейле куучындашпай тур=ган=ы=н=наҥ улам чичкечек эриндери јаантайын ла чийе-чийе јарылгылап калган јӱретен ошкош (БУ.С, 31) – Не от ветра и холода Кайру-Бажын, а от того, что с Текемеем не разговаривают, тонкие губы даже как будто потрескались.

Послелоги с семантикой исключения, требующие исходного падежа, формируют преимущественно моносубъектные конструкции: Это тув. өске, башка, аҥгыда 'кроме', алт. өскӧ, башка, хак. пасха. Например:

Тув.: Манап олур=ар=дан аҥгыда, бис чӱнӱ канчаар бис – Что же нам делать, кроме как сидеть и ждать; разносубъектная фраза: Сени бажыҥда чок дэ=эр=ин=дек өске аҥаа чӱнӱ-даа чугаалавадым – Я ей ничего не сказал, кроме того, что тебя нет дома.

С алтайским послелогом озо, который управляет исходным падежом причастия на =р и =галак, строятся фразы, выражающие предшествование во времени. По модели (... T_V=р=даҥ озо) ($N_1 \leftarrow V_{фин}$) строятся преимущественно МС-фразы. По модели ($N_1 \leftarrow T_V$=р=ы=наҥ озо) (ПЕ) нередко строятся и разносубъектные фразы; природа=ы= здесь не вполне ясна, поскольку лично-притяжательных аффиксов 1-го и 2-го л. причастие не принимает. Например:

Олор терлеп-бурлап чайла=ар=даҥ озо, өзӧктӧ баштапкы солдат Кумбус јаныҥ келгени керегинде айдышкан (БУ.С, 283) – Прежде чем распивать чай, они поговорили о том, что первый солдат Кумбус вернулся из армии в деревню; Айылчылар јуулып баште=ар=ы=наҥ озо, меге керип бар- Зайди ко мне перед тем, как гости начнут собираться; ср.; Мен кижиге бар=ган=наҥ бир јыл озо, адам бистиҥ эски тураны садып ийди – За год до того, как я вышла замуж, отец продал наш старый дом. Но примеры с причастием на =ган редки.

Последовательно моносубъектна модель с послелогом болгой: Бир катап бийтке де јилиридеҥ болгой, ачу=корон сооко тоҥуп, кату иш те этпеген (БУ.С, 43) – Его не то что вошь ни разу не кусала, но и, на жестоком морозе замерзая, тяжелую работу не пробовал.

Дательным падежом управляет тувинский послелог чедир (алт. јетире) 'до', а также алт. тӱҥгей 'как, подобно'. Творительного па-

дежа требует от причастия алтайский послелог кожо – 'вместе с ...', передающий значение одновременности:

Бистиҥ алтай јайлардыҥ јыды сениҥ кел=ген=и=ле кожо тумчугымда орой согуп ийди, Борбок Кара (БУ.С, 27) – Запахи нашего алтайского лета одновременно с твоим приходом ударили мне в нос, Борбок Кара; Је күн чыгарга јетире эмди де узак (БУ.С, 103) – До того как взойдет солнце, еще долго; тув.: Аалчылар чыглып кел=ир=ин==ге чедир ам=даа солуй кеттинип четтигиптер мен – До того как соберутся гости, я еще успею переодеться.

Все рассмотренные модели можно представить обобщенной формулой

$$(N_1 \leftrightarrow T_V = \text{прч} = // = \text{пад послелог})\ (\text{ПЕ}).$$

С падежно неоформленной глагольно-именной формой сочетаются следующие послелоги: тув. төлээде, болгаш, алт. и хак. учун (в тувинском почти не употребляющийся) – с причинной семантикой; алт. сайын 'каждый раз, когда'; тув. биле, билек 'одновременно, сразу, как только'; тув. ёзугаар – 'так, в соответствии с ...' и некоторые другие:

Тув.: Олар чоруй бар=ган төлээде, далашпайн барып болур турган – Можно было не торопиться, так как они уже ушли; Бичии уруг, буттары өл чора=ан болгаш, аарый берген боор – Наверное, ребенок заболел из-за того, что ходил с мокрыми ногами; Сен кайнаар-даа бар=бас болгаш, чүнү-даа билбес-тир сен – Так как ты никуда не ходишь, ничего и не знаешь; Бис бүгү чүвеҥни сээҥ, чугаала=ан=ыҥ, ёзугаар кылган бис – Мы сделали все так, как ты говорил; ср. алт.: Кара булуттар койыл=ган сайын сөөк салкын келип турды (ЎС, 27) – По мере того как сгущались черные тучи, стал дуть холодный ветер.

Тюркские послелоги не принимают личных показателей; значение грамматического лица в конструкциях этого типа может выразить, в принципе, только причастие. Однако это не значит, что оно действительно всегда его выражает; рассматриваемые конструкции как разных языков, так и одного языка характеризуются в этом отношении весьма различными свойствами.

Так, например, алтайскую причинную конструкцию с послелогом учун мы представляем следующей формальной записью:

$$(N_1 \leftrightarrow T_V = \text{прч} = \overset{\text{II}}{\emptyset}\ \text{учун})\ (\text{ПЕ})$$

Символ прч раскрывается здесь как любое из употребительных причастий в положительной или отрицательной форме на =ган, =р, =атан, =галак (а также как слова јок, бар).

Карган энезин ончозы Энебей деж=етен учун, улус та Энебей дежер болгон (ЈМ, ТТ, 5) – Так как в семье все звали бабушку Энебей, и люди стали звать Энебей; Бистиҥ адыс письмодо бол=бо=й тон учун, таайларыма мен эмештеҥ ачынып јүретем (БУ.С, 146) – Я немного обижался на своих дядей за то, что в письмах не было наших имен; Ол узак јылдарга оорып, төжөктөҥ јат=кан=ы учун мыҥан алдында бисле кожо кайдаар да барбайтан (БУ.С, 107) – Так как он долгие годы, болея, лежал, не вставая с постели, до этих пор с нами (он) никогда не ходил; Мен Кириштиҥ адазы кем болгонын ук=па=гам учун, јиткемди тырмап айдар сөс тапай бардым (АТ, 200) – Так как я не слышал, кто был отец Кириша, то, почесывая затылок, не находил, что сказать; Мен эртен једип кел=ер=им учун, бис база көрүжерис – Так как я завтра вернусь, мы еще увидимся.

Аналогичной структурной формулой характеризуется модель ППК с послелогом сайын с семантикой 'каждый раз, по мере того как'; но она допускает только одно причастие на =ган:

Күн там ла кырга јуукта=ган=ы сайын, куштардыҥ чур-чумаганы астап ла јоголып турды (БУ.С, 336) – По мере того как солнце склонялось к горам, птичий щебет постепенно смолкал (уменьшаясь, исчезал); Энир койыл=ган сайын бөкөнөктөр ло томоноктор там ла көптөйт (БУ.С, 297) – По мере того как сгущаются вечерние сумерки, комарья становится все больше.

Весьма своеобразна структурная формула тувинской ППК со сказуемым ЗПЕ – причастием с послелогом ужун. Именное его происхождение известно, однако в сфере ППК он обычно проявляет себя как послелог, а не как служебное имя. Но в тувинском языке он сочетается с причастием как в прямом, так и в родительном падеже:

Шурганнар үэгелэ=эн=и=ниҥ, ужун мен чоруур ужурга таварышкан мен – Я вынужден был уехать, так как начались бураны; Сээҥ, белектенип алба=ан=ыҥ, ужун бистер автобустан озалдап каар чадавас бис – Из-за того, что ты до сих пор не собрался, мы можем опаздать на автобус.

В формуле мы должны отразить такое варьирование, вследствие чего она усложняется:

$$\left(\begin{matrix} N_1 \leftrightarrow T_V = \text{ган} = // = \text{род.} \\ N_2 \leftrightarrow T_V = \text{ган} = // \end{matrix} \text{ужун}\right)\ (\text{ПЕ}).$$

Однако широкая вариативность моделей далеко не всегда "узаконена". Не все модели вариативны. Так, тувинские послелоги биле и билек требуют посессивного оформления причастия. Например:

Тув.: Даҥ, адып кээ=р=и–биле, куштар ырлажи бээр – С наступлением рассвета птицы запоют; Хун үн=ер=и билек, бис балыктап эгелээн бис – Как только взошло солнце, мы начали рыбачить; ср. в другой модели: Оолдуг бол=ган=ыҥ–биле байыр чедирип тур мен – Поздравляю тебя с тем, что у тебя родился сын.

Это довольно редкий случай, когда конечное сказуемое управляет ЗПЕ через послелог.

2.2. Конструкции со служебными именами

Служебными именами в тюркологии называют послелоги именного происхождения, которые связываются со знаменательным компонентом изафетными отношениями; первое слово в таком сочетании, "определяющее", принимает показатель родительного падежа или не

принимает, и тогда его интерпретируют либо как неопределенный падеж, либо как "родительный неоформленный" (Щербак, 1961, 86=87; Батманов, 1964, 79; Оралбаева, Балтабаева, 1983, 45 и след.; Балтабаева, 1984; и другие). Д.В. Насилов в докладе на Советском комитете тюркологов (1985 г.) высказался за признание этой формы внепадежной. Второе имя, "определяемое", снабжается посессивными аффиксами в соответствии с грамматическим лицом определения. В нашем случае в роли первого имени выступает "имя события", выраженное ЗПЕ. Эта ЗПЕ (ее сказуемое) может получить аффикс родительного падежа или не получить его; может получить личное оформление, а может и не получить. Служебное имя закономерно оформляется посессивными показателями 3-го лица по соотнесенности с "событийным именем". Однако оно может получить личное оформление в соответствии с реально действующим лицом – подлежащим (субъектом) ЗПЕ.

Как видим, этот тип конструкций заключает в себе много различных возможностей внутренней организации. Он представлен множеством моделей, – в трех языках их более шестидесяти; они группируются в несколько разрядов со своими типовыми структурными формулами. Мы представим их ниже.

Релевантные признаки этих конструкций: 1) подлежащее ЗПЕ обычно в прямом падеже, но родительный не исключен; 2) у причастия возможно личное оформление, но оно может отсутствовать (тип спряжения пока не уточняется); 3) причастие может иметь показатель родительного падежа; 4) служебное имя содержит морфологическую позицию посессивного аффикса; это может быть аффикс 3-го лица по согласованию с именем события (ЗПЕ с причастным сказуемым) или аффикс лица субъекта действия по согласованию с подлежащим ЗПЕ (это может быть местоимение 1-го и 2-го лица); 5) показатель местного падежа у служебного имени типичен, но у него возможны и другие падежные аффиксы. Обобщенную формулу мы не приводим, поскольку она слишком громоздка.

Ниже мы рассмотрим конкретные типы моделей, выделенные нами в результате анализа материала по трем языкам. Но, предваряя этот анализ, необходимо заметить следующее. Все изучаемые нами языки – младописьменные. Схемы, по которым строятся здесь ППК, не подчиняются жестким нормам. Поэтому наряду с наиболее частотными, регулярными вариантами некоторых моделей в текстах разных авторов и экспедиционных материалах, полученных в разных местах от разных информантов, встречаются отклоняющиеся варианты. Диапазон такого варьирования требует специального исследования. В частности, далеко не всегда очевидно, какие из причастий данного языка могут или не могут встречаться с тем или иным служебным именем. Поэтому во многих формулах мы не расшифровываем символ при. Предлагая формулы с конкретизацией этого символа, мы опираемся на регулярные повторяющиеся характеристики моделей, иногда отмечая относительно регулярные варианты. Поскольку в конструкциях рассматриваемого типа организация главной части практически не влияет на организацию ЗПЕ, мы будем далее рассматривать только первую часть формулы.

1. Структурно самый простой тип – модели без личного оформления ЗПЕ. Их общая формула:

$(N_1 \rightarrow T_V$ =прч+сл. имя) (ПЕ).

К этому типу относятся модели хакасского языка со служебными именами алнына, пасха, паста, аразында, аразына, соонда, соонаң, туста, тусха:

Мин андар сiрер пар=ар алнындох килербiн – Я приду туда до того, как вы уедете; Син ҥарыбыс=хан соонда, пiс ам даа ӱр чоохтасхабыс – После того, как ты ушел, мы еще долго разговаривали; Алексей Федорович чоохтан=ар аразында, кӧлдең, пеер пазох "Му...му..." истiл сыххан (ТБ.ХС, 23) – Не успел Алексей Федорович заговорить, как из озера снова донеслось "Му...му...".

К этому же типу относится модель алтайского языка

$(N_1 \rightarrow T_V$ =ган соңында (~ соондо)) (ПЕ).

2. Модели с относительно устойчивым личным (лично=посессивным) оформлением причастия, не принимающего формы родительного падежа, и с неизменным служебным именем, например, алт.:

$(N_{1-2} \rightarrow T_V$ =прч=/пос/ + керегинде) (ПЕ)

В составе этой модели используется широкий круг причастий.

Уй игистеп төрӧзӧ, ол бозуларды экилезин сууга салып ий=етен=и керегинде кеп куучын да угуп jӱргем (БУ.С, 43) – Когда корова отелится двойней, этих телят в воду опускают (о=том=что), слышал я народное поверье; Менiң Борбок-Кара андый ат-нерелӱ бичиичиле кожо бир ӧйдӧ jуртап jат=кан=ы керегинде кайдаң билетен эдi! (БУ.С, 64) – Откуда узнал мой Борбок-Кара, что (он) с таким известным писателем одно время ходил; Мен кенетийин Леонид Максимович Леоновтың ар бӱткен ле оны кичe=ep=и керегинде бичигендерин эске алындым (БУ.С, 64) – Я вдруг вспомнил, что писал Л.М. Леонов о природе и о ее охране; Ол письмодо Одой бойының озогы бурузын алыным, эjелерине тӧгундет=кен=и керегинде бичиген (ЛК.АК) – В этом письме Одой, признавая свою вину, писал о том, что был обманут своими сестрами; Оның согуп jаны фильминде бӧрӱ ле кижинiң тушташканы ла согуш=кан=ы керегинде бир jакшынак ӱзӱк болор учурлу (БУ.С, 40) – В фильме, который он снимает, самый лучший кусок должен был быть о встрече и сражении волка с человеком.

3. Третью группу составляют модели с генитивным оформлением причастия; но не во всех моделях оно строго обязательно. Причастия могут принимать на себя личное оформление; в тувинском языке оно обязательно, в алтайском же есть модели, где оно факультативно и даже невозможно. О степени обязательности генитивного оформления нам пока судить трудно из-за ограниченности материала: многие из этих моделей встречаются очень редко. Общая формула моделей этой группы:

варианты: ($N_{1-2} \rightarrow T_v$=прч=$\frac{//}{\emptyset}$=$\frac{\text{род.}}{\emptyset}$ + сл. =$\frac{//}{\text{ын}}$ имя) (ПЕ);

($N_{1-2} \rightarrow T_v$=прч=//=род.+сл. имя) (ПЕ),

($N_{1-2} \rightarrow T_v$=прч=$\emptyset$=род.+сл. имя) (ПЕ),

($N_{1-2} \rightarrow T_v$=прч=$\emptyset$=$\emptyset$+сл. имя) (ПЕ),

($N_{1-2} \rightarrow T_v$=прч=//=$\emptyset$+сл. имя) (ПЕ),

($N_{1-2} \rightarrow T_v$=прч=$\emptyset$=$\emptyset$+сл=//=имя) (ПЕ).

Приведем некоторые тувинские примеры:

Машина чок бол=ган=ы=ның, хараазында доп-дораан эмчиге чедирер ужурлуг турган аарыг кижи чок апарган – Из-за того, что машины не было, больной, которого надо было везти в больницу, скончался; А чогум бурганның, авыралындан эки-ле сеткил ханган чүвем-даа чок, арай хараадап чора=ан=ым=нын, кырындан, орукка бир бөлүк аныяктар: песня – дижип ырлашкан (СС.А, 155) – А вообще-то от благодати божьей не получал хорошего удовлетворения души своей, даже немножко сомневался в нем, так к тому же по дороге группа молодежи пропела...; Бистер оон-биле боттарывыстың, чер=бажың,ывыска дыка-ла хөй кежээлэрде, дүүнелерде олуруп, үлетпурчиннерниң, болгаш солдаттарның, царьны канчаар дүжүр октапкан дугайында, Советтерниң, холунче эргечагырганың, канчап шилчий бер=ген=и=нин, дугайында оон таваар, далаш чок дыңзыг чугаазын даңнап турган бис (СТ, 113) – Мы с ним в нашей землянке много вечеров и ночей просидели, о том, как рабочие и солдаты сбросили царя, и о том, как власть в руки Советов перешла, его спокойную, увесистую речь слушали мы; Маңаа доңуп олур=ар=ы=ның, орнунга, ушкан кургаг ыяштан чыып алгаш, одагдан салып алыылың,ар – Вместо того чтобы тут сидеть да мерзнуть, давайте соберем валежник да разведем костер.

По последней модели всегда строятся МС=фразы с формой 3-го лица причастия. Ср. аналогичную модель МСК в алтайском языке – без личного оформления причастия:

Оның сурагына карру берердиң ордына, јеен уул удура сураган – Вместо того чтобы отвечать на этот вопрос, племянник встречно спросил.

В наших материалах все фразы этих моделей представлены с генитивным оформлением причастия. Проиллюстрируем теперь вариативные модели этого типа.

Тув.: Аңнаашкын дугайында чугаалаж=ыр=ывыс=тың, мурнунда, бис үр-ле шайлап олурдувус – Перед тем как рассказывать об охоте, мы долго пили чай; Сен чору=ур=ун мурнунда, мен сээн-биле чугаалажыксап тур мен – Прежде чем ты уедешь, я хочу поговорить с тобой.

Алт.: Мен јүре бер=ген кийн=им=де нени де айтсаң кем-јок – После того как я уйду, говори что угодно; Олордың тойы күскиде болор, ашты јуунадып бол=гон кийин=ис=те – Их свадьба будет осенью, после того как уберем урожай; Сен јартаган=ың=нының кийининде, үзе јарт болды – После того как ты объяснил, все стало ясно.

В двух первых алтайских примерах личный показатель видим в составе служебного имени, в третьем – в составе причастия, перед аффиксом генитива.

4. В четвертую группу мы включаем модели, в составе которых личное оформление устойчиво принимает на себя служебное имя. По многим другим признакам эти модели различаются между собой, но ввиду недостаточной изученности этого материала в целом мы представим их без дальнейшей классификации. К этому типу относятся представленные во всех тюркских языках модели с полуслужебными именами, исходно обозначающими понятие 'время', сохраняющими это значение в сочетании с глагольными формами: алтайское слово туш, в местном падеже туш=//=та (ср. хак. туста), тув. шаа=//=да (см. о них Гордлевский, 1928, 120; Гаджиева, 1973, 247; Демесинова, 1974, 144-145). Причастие перед ними ни личного, ниподежного оформления не получает. Проиллюстрируем примерами две тувинские модели:

($N_1 \rightarrow T_v$=баан шаа=/пос./=да) (ПЕ)
'пока не'

($N_1 \rightarrow T_v$=р шаа=/пос./=да) (ПЕ)

Мен бодум оттуп кел=бе=эн шаа=м=да мени оттурба – Не буди меня, пока сам не проснусь.

ЗПЕ в этой модели сообщает об отсутствии действия (события), которое должно длиться, ограничивая наступление события ПЕ: пока я не проснулся (=сплю), не буди (=обеспечивай покой).

Аныяк чору=ур шаа=м=да мен база лыжага дыка дүрген маңнаар турган мен – Когда я была молодая, я тоже быстро ходила на лыжах.

В алтайской модели слово туштa в 3-м лице, как правило, выступает без посессивного оформления, которое оно получает в 1-м и 2-м лицах; формула:

($N_1 \rightarrow T_v$=прч туш=//=та) (ПЕ).

Мен слерге неме немени јартаа=р тужы=м=да орустап та, калмыктап та јартабай јадым ине... (КТ.Т, 172) – Когда я вам что-то объясняю, то не объясняю же по-русски или по-калмыцки...; Эй бистиң кажыбыс ла бу чанкыр Алтайдың – чанкырын, бу агару ла ак Алтайдың – агын, бу јажылын, оның бастыра јүзүн будуктарын көрүп јүр=ген туж=ыс=та, слерди ундып болбозыс, ундыбаганыс, кайран энелер, шыраны јенген алтай энелер! (БУ.С.190) – Эй, каждый из нас, кто видит голубого Алтая голубизну, белоснежного Алтая белизну, его зелень, все его цвета, не забудет и не сможет вас забыть, дорогие матери, одолевшие беду алтайские матери.

Сравним, однако, в ЗПЕ с неопределенно-личным значением:

Трос буула=йтан туж=ын=да (обоонын) алдын көндөйлоп койгон (JK.OJ, 214) – В то время, когда надо было привязывать трос, его (стога) переднюю часть раскопали.

К этому же типу относится алтайская модель ($N_1 \rightarrow T_v$=

$=\frac{\text{ган}}{\text{р}}$ öй=//=дö) (ПЕ) и тувинская ($\{N_2\rightarrow\}T_V$=ган хире=//=де) (ПЕ).

Тув.: Сээң бурууң Захаровтуң, ол өске кижилерин кайнаар апар чытканын кер=ген хире=ң=де чогуур өйүнде кымга-даа чугаалавааң=дыр сен – А твоя вина (в том, что), хотя ты видел, куда Захаров этих чужих людей повез, ты вовремя никому не сказал.

В некоторых моделях этой группы причастие выступает в формах прямого и, факультативно родительного падежа по формуле:

$(N_{1-2}\leftrightarrow T_V$=прч=$\frac{\emptyset}{\text{род}}$+сл=$\frac{//}{\text{ын}}$=имя) (ПЕ).

Например, в алтайском языке:

А мен черӱге атан=ар алд=ым=да бис экӱ качан да кандый да öйдö айрылышпас болуп сöзис берген эдис (КТ.Т, 82) – А перед тем, как мне уйти в армию, мы оба давали слово никогда, ни в какое время не расставаться; Je јакшы болзын, уул, – деп, Максим адына мин=ер алд=ын=да Аткырга колын берди (БУ.С, 171) – Ну, парень, будь здоров, – сказав, Максим, перед тем как сесть на лошадь, Аткыру протянул руку; Јадып уйукта=ар алд=ын=да Јантыгаш јеңезине јакып айтты: ... – Перед тем как ложиться спать, Дьянтыгаш невестке своей дала наставления...

Тувинские конструкции, тоже с прямым падежом:

Бис чемненип олур=ар ара=выс=та, бир кижи ийи катап соктады – Пока мы ели, два раза кто-то стучал; Курстарга өөренип тур=ган үе==м=де мен общежитиеге чурттап турдум – В течение того времени, что я учился на курсах, я жил в общежитии; Силерниң мээң чугаалап турганымдан аңгы кыл=ган ужур=уңар=дан, айыыл болду – Из-за того, что вы сделали не так, как я советовал, вышла беда; Дагны эрт=кен соо=ңар=да орук апаар – После того, как вы перевалите через гору, дорога будет хорошая.

Таким образом, при несомненной близости между изучаемыми тюркскими языками в принципах построения ППК с именными формами глаголов в роли сказуемых ЗПЕ специфика каждого языка проявляется с достаточной очевидностью.

§ 3. Конструкции с ЗПЕ, возглавляемыми именными формами глагола, в бурятском языке

1. В бурятском языкознании все именные формы глагола именуются причастиями и определяются как формы, "которые совмещают в себе морфологические и синтаксические свойства как имени, так и глагола" (Грамматика бурятского..., 266). В качестве инфинитных форм причастия противостоят только деепричастиям. Но причастия – не чисто инфинитные формы.

Для бурятских причастий характерны широкие синтаксические функции: 1) сказуемое простого независимого предложения как со связками, так и без связок; 2) определение к имени; 3) зависимое сказуемое в ЗПЕ, выступающей в функции предикативных подлежащего, дополнения или обстоятельства. Это функции, общие практически для всех бурятских причастий, хотя многие из них обнаруживают тенденцию к употреблению преимущественно в некоторых ролях. Определительная функция в этом наборе, видимо, считается ведущей, поскольку терминологическое имя для этих форм выбрано именно с ее учетом; понятийно-терминологческое различение причастий и имен действия, проводимое, хотя и непоследовательно, в тюркологии, в монголистике не проводится.

Количественный и качественный состав бурятских причастий, по-видимому, еще нельзя считать окончательно установленным. В грамматике бурятского языка (1962) приведено девять форм: настояще-прошедшего времени на =аа (с фонетическими вариантами), прошедшего времени на =һан, завершенно-прошедшего времени на =нхай, будущего времени на =ха, постоянное причастие на =ааша, многократное на =даг, однократное на =гша, возможности на =маар, страдательное на =аатай. Ц.=Ж.Ц. Цыдыпов к этому списку добавил причастие на =хаар, которое он назвал причастием возможности, а для причастия на =маар предложил более точное название – целесообразности (1972, с. 200).

Отрицательные формы мы отождествляем с положительными в представлении об отдельном причастии, но такое решение не бесспорно, поскольку они имеются не у всех причастий. Так, отрицательным эквивалентом к причастиям на =һан и =нхай служит форма =аа=гүй, непосредственно образованная от причастия настояще-прошедшего времени на =аа. Нет отрицательной формы и у причастия на =аатай; ей соответствует также форма =аа=гүй от основы с аффиксом страдательного залога =гд=. От причастий на =маар и =хаар отрицательная форма образуется при помощи частицы бэшэ (=хаар бэшэ, =маар бэшэ); от причастий на =ха, =даг и =гша – при помощи аффикса =гүй (=ха=гүй, =даг=гүй, =гша=гүй). Другой отрицательный аффикс, =дүй=, выражает значение 'еще не' (если осуществление действия с уверенностью ожидается говорящим); он обнаружен в сочетании только с причастием на =аа (=аа=дүй).

В роли сказуемых ЗПЕ интересующих нас типов причастия могут выступать, только принимая специальные показатели зависимости. В управляемых конструкциях это падежные аффиксы и отдельные управляемые послелоги изъяснительного значения (например, тухай 'о том, что'). Для обстоятельственных позиций круг средств связи гораздо шире: кроме падежных аффиксов и послелогов это разнообразные служебные слова, называемые союзами, частицами, послелогами-союзами и др. (например, аад 'но', хада 'поскольку', һаа 'если', а также серия служебных слов с семантикой сравнения: мэтэ, шэнги, юумэдэл и т.п 'будто, словно'). В качестве уточнителей содержательных отношений, выраженных тем или иным способом, используются и отдельные частицы=морфемы: уступительная частица =шье (=ш) в сочетании со служебными словами һаа, хада, а также сравнительная частица =дал. Частица =дал и частица уподобления =шуу могут использоваться также в качестве самостоятельного средства связи в составе причастного зависимого сказуемого.

Не все причастные формы, положительные и отрицательные, в равной мере участвуют в образовании различных структурных типов конструкций. Поскольку соответствующий материал еще не подвергался разностороннему систематическому изучению, мы не сможем остановиться на употреблении многих редких причастий и рассмотрим только самые частотные формы: =лан, =аа (=аа=гүй, =аа=дүй), =ха (=ха=гүй), =даг (=даг=гүй), а также формы имен наличия/отсутствия признака на =тай/гүй и существительных в предикативном употреблении (именные сказуемые).

2. Причастно-падежные конструкции бурятского, как и других алтайских языков, подразделяются в первую очередь на два основных типа: управляемые, в которых постановка падежного аффикса определяется требованиями управляющего слова (обычного глагола) в главной части, и не управляемые, обстоятельственные, в которых постановка падежного аффикса определяется тем отношением между главной и зависимой частью, которое говорящему необходимо выразить.

В управляемых конструкциях ЗПЕ занимает позицию прямого или косвенного дополнения, а также подлежащего; в неуправляемых, обстоятельственных, ЗПЕ занимает обстоятельственную позицию, т.е. выражает такие отношения между главной и зависимой частью, которые принято характеризовать как обстоятельственные – временные, причинные и т.п.

По принципам оформления управляемые и неуправляемые ЗПЕ в бурятском языке не различаются, в отличие, например, от тюркских языков. В обоих случаях имя субъекта зависимой части выражается именем в родительном падеже, его грамматическое лицо выражается притяжательными показателями, располагающимися после падежного аффикса (субъектно-притяжательными в случае тождества субъектов главной и зависимой ЗПЕ, лично=притяжательными – в случае их несовпадения). Одинаковы и закономерности выражения субъекта зависимой части: если он выражен лексически, его грамматическое выражение при помощи притяжательных показателей становится избыточным, и наоборот; одновременное появление обоих способов обычно служит особому выделению субъекта. В моносубъектных фразах аффиксы субъектного притяжания, как правило, обязательны; исключение составляют только конструкции с формами исходного падежа на =лаа и со служебным словом лаа 'если', где субъектно-притяжательный аффикс должен иметь вид =н (=лаа=н), однако встречается практически крайне редко. В сущности, эти закономерности едины для всех РРК с синтетическими средствами связи в бурятском языке. Поэтому причастно-падежные конструкции с теми падежами, которые могут быть и управляемыми, и не управляемыми, различаются только устройством главной части – наличием/отсутствием в ее составе управляющего слова, символ которого необходимо вводить в формальную запись таких конструкций.

Из семи падежей бурятского языка (неопределенный, родительный, дательно-местный, винительный, орудный, совместный и исходный) неопределенный падеж оформляет ЗПЕ в позиции подлежащего, реже именного сказуемого; родительный используется в специфических приименных конструкциях; остальные падежи могут выступать и как управляемые, и как обстоятельственные.

Структурные типы таких конструкций мы представим очень сжато, поскольку этот материал был подробно проанализирован в монографии "Предикативное склонение..." (1984).

2.1. Ядро подсистемы управляемых причастно-падежных конструкций составляют конструкции с ЗПЕ в формах четырех падежей: винительного, дательно-местного, исходного и неопределенного. Они управляются глаголами и именами, обозначающими разные виды психической деятельности человека по отражению событий действительности, а также результаты этой деятельности. Это так называемые модусные предикаты. Глаголы с таким значением делятся на несколько лексико-семантических групп; основные две – глаголы оперирования информацией и эмотивные глаголы. К ним примыкают более мелкие группы: прогностические глаголы, глаголы адаптации и др. Имена с модусным значением выражают в основном результаты деятельности сознания: оценки, отношения и т.п. В алтайских языках каждая такая ЛСГ имеет свои особенности в управлении падежами и ограничения на выбор причастной формы сказуемого ЗПЕ. В целом временные значения причастий в таких конструкциях сохраняются, хотя могут релятивизироваться (прошедшее время → предшествование, будущее → следование и т.п.). Это объясняется общей семантикой моделей данного класса – описание процессов отражения действительности в сознании: временные координаты отражаемого объекта обычно не зависят от координат акта отражения и могут выражаться во фразе эксплицитно.

Конструкции с винительным падежом причастия формируются двумя семантическими группами глаголов: глаголами оперирования информацией ('знать', 'говорить', 'видеть') и глаголами каузации и намерения ('заставлять', 'намереваться'). В первой группе конструкций могут появляться разные причастные формы, реализующие свои временные значения (в относительном плане). Эти конструкции представлены как моносубъектными, так и разносубъектными реализациями. Во второй группе выступает только форма причастия будущего времени на =ха. Конструкции с глаголами намерения преимущественно моносубъектны, хотя и встречаются и разносубъектные реализации. Конструкции с каузативными глаголами разносубъектны.

В моносубъектных реализациях модели причастная форма не имеет аффикса винительного падежа =ые; видимо, он выпадает перед показателем субъектного притяжения, ср.: =н=ые=// – лан=аа, =даг=ые=// – =даг=аа, =х=ые=// – =хаяа (форма на =хаяа функционирует и как целевое деепричастие – см. Грамматика бурятского..., 291), =тай=е=// – =тай=гаа, =гүй=е=// – =гүй=гөө (формы имен наличия/отсутствия признака).

Общая схема конструкций с винительным падежом:

$$(\{N_2\}\rightarrow)T_v\text{=прч=вин.=//}(N_1\rightarrow)V_{\text{фин}}\text{ ОИ/...})$$

Символ $\{N_2\}$ обозначает, что по данной модели могут строиться как МСФ, так и РСФ. Подлежащее главной части может располагаться либо перед группой главного сказуемого, либо в абсолютном начале конструкции, перед ЗПЕ.

Проиллюстрируем отдельные модели с ЗПЕ в форме винительного падежа.

1. (N_2 ↔) T_v=прч=вин.=//) (N_1 → $V_{фин}$ ОИ).

Примеры РСФ: Балдамаа һамган=ай=нь (род. п.) хүгшэн эхэтэйнь тааража шад=аа=гүй=е=нь, үхибүүдыень багтаахагүй бай=һ=ые=нь, гансал өөрынгөө түрэһэн басага хэнһээшье үлүүгээр бодо=дог=ые=нь мэдэдэг (Б-76-6, 12) – Знал, что жена его Балдама не могла сойтись с его старушкой-матерью, что не терпела его детей и думала только про свою родную дочь, что лучше всех; Үнэндөө Майдар=ай (род. п.) гэм=тэй, хабаа=тай=е хэн мэдэхэ бэлэй (Х., 22) – В самом деле, кто узнал бы, что Майдар виноват, имеет к этому отношение.

Примеры МСФ: Ханда хүгшөө, хари гүрэнөөр яба=һан=аа бидэндэ хөөрэжэ үгыт (Дамб., 117) – Бабушка Ханда, расскажите нам, как вы ездили по иностранному государству; ...дайнай урда тээ бөөлжэхөө һанатараа эди=дэг=ээ һанажа, ... (Лубс., 57) – Вспоминая, как перед войной до тошноты наедался, ...; Тээ хажуудань Цыбаан бүтүү улаан болошонхой, басагаяа хорижо аба=хаяа=шье, хараа=хаяа=шье, магта=хаяа=шье ойлгожо ядашоод, үгэ дуугүй зогсобо (дамб., 135) – Неподалеку Цыбан, сильно покрасневший, стоял молча, не понимая, то ли отговаривать дочь, то ли ругать, то ли хвалить.

2. [($N_{вин}$) (... T_v=х=ые=//) N_1 ↔ $V_{фин}$ кауз] с каузативными глаголами:

Жамбал абгай үдхэн газартань һайнаар тааража һэли=х=ые=мнай заабарилна (Тул., 34) – Дядя Жамбал наказал, чтобы мы там, где густо, хорошенько ворошили.

3. (... T_v=хаяа) (N_1 ↔ $V_{фин}$ номер).

(N_{1-2} ↔ T_v=х=ые=//) (N_1 ↔ $V_{фин}$ номер) – модель с глаголами намерения, более частотный вариант – моносубъектный, более редкий – разносубъектный:

... Хадамда жэдэмэ гара=хаяа тэгүүлһэн байгаа гү? (Х., 94) – Или собралась выйти замуж? Майдар... хүсэл бодолыень бушуу мэдэ=хээ оролдобо (Х., 7) – Майдар старался побыстрее узнать ее желания; ... һанаагаа ехээр бү зобыт даа, – гэжэ Дамба бригадир иибиимни һанаа заһа=х=ые оролдоно (Тул., 7) – ... Не беспокойтесь, – бригадир Дамба старался, чтобы моя бабушка изменила свое мнение.

Конструкции с дательно-местным падежом причастия формируются эмотивными глаголами ('любить', 'сердиться' и т.п.). Наиболее часто в этих конструкциях используется форма причастия прошедшего времени на =һан, однако возможны и другие причастия. Формула модели:

(N_2 ↔) T_v=прч=да=//) (N_1 ↔ $V_{фин}$ эм).

Примеры РСФ: Минии (род. п.) заабари заншал хэлэ=һэн=дэ=мни дураа бү гутагты (Дамб., 117) – Не сердитесь, что я вам наставления читал (букв.: говорил); Харин үдэшэлэн радиогойнгоо (род. п.) дуугар=ха=гүй=дэ, ехэл гайхаба (Тул., 81) – Но вечером очень удивилась тому, что радио не разговаривает.

Примеры МСФ: ...Хүн бүхэнһөө удаан унташа=һан=д=аа аягүйрхэн, ...(Лубс., 53) – Расстроившись от того (букв.: тому), что проснулся позже всех, ...

Дательным падежом ЗПЕ управляют также глаголы и имена семантических групп 'вина/заслуга' и 'польза, помогать':

Майдарай үгы бололгондо, үбгэнэй уршалаа һуу=һан нюурайнь (род. п.) һүлдэ дорьбогүйгөөр үзэгдэ=һэн=дэ зэмэтэйдэл, ... (Х., 55) – Как будто (он) виноват в отсутствии Майдара, в том, что морщинистое лицо старика выглядит бессильным, унылым...; Энэ үглөөгүүр Дугар ... эжынгээ (род. п.) үнеэгээ һаа=ха=да=нь туһалалсаа (Бат., 5) – Этим утром Дугар... помог матери доить коров (букв.: мать коров=своих доила=она=в этом помог ей).

Конструкция с исходным падежом причастия формируются подгруппой эмотивных глаголов с семантикой 'бояться', 'уклоняться' и т.п. (символ "укл."). Благодаря прогностическому компоненту семантики в этих конструкциях употребляется только форма причастия будущего времени на =ха. Специфической чертой конструкций с исходным падежом является редкость притяжательного оформления, личного и, особенно, субъектного. Формула модели:

(N_2 ↔) T_v=ха=һаа(=//)) (N_1 ↔ $V_{фин.}$ укл).

Гансал үхибүүдыень тэжээлсэжэ байдаг үнезень гэмтээ=хэ=һээ айжа, бүдүүн шидамаар буулгадаггүй (Бадл., 38) – Боясь покалечить его корову, кормившую единственного его сына, толстой палкой не бил; Бишыхан Дарима минии (род. п.) ерэ=хэ=гүй=һөө=мни айна – Маленькая Дарима боится, что я не приду (РСФ этой модели редки).

ЗПЕ с исходным падежом причастия встречаются также при глаголе эхил= 'начинать':

Үндыжэ хүл дээрээ гара=ха=һаа эхилээд, ... түрэһэн эхээ һанадаг ха юм (Дамб., 50) – начиная с того времени, как на ноги встал, заботиться о родной матери.

Построения с другими косвенными управляемыми падежами очень редки; здесь мы их приводить не будем (см. Скрибник, 1980б).

Конструкции с неопределенным падежом причастия формируются: 1) именами оценки ('хорошо/плохо'); 2) именами эмоционального состояния на =тай/=гүй, однокоренными с эмотивными глаголами; 3) формами страдательного залога от глаголов оперирования информацией и побудительного залога от эмотивных глаголов. Эти конструкции всегда разносубъектны, поскольку ЗПЕ занимает в них позицию подлежащего; соответственно в них возможно только лично-притяжательное оформление. Оно практически обязательно (примеров без него у нас очень мало). Это отличает конструкции данного типа от косвенно-падежных конструкций, где обязательно только субъектное оформление. Формула модели:

$(N_2 \leftrightarrow T_V$ =прч=$\emptyset$=//$) \leftrightarrow (..L^{оц})$.

Понирхо=пон=$\emptyset$=шни болоо даа (Тул., 66) – Хорошо, что (ты) заинтересовался; Теэд хүнэй шэг шарайпаа хамаг юумэн=эй (род. п.) дулдыда=даг=гүй=$\emptyset$=нь элитэ ааб даа (Б–83–5, 72) – Но ведь ясно, что от красоты лица не все зависит (букв.: все вещи не зависят).

Модель со значением эмоционального состояния:

$(N_2 \leftrightarrow T_V$ =прч=$\emptyset$=//$) \leftrightarrow (N$ =тай/=гүй$^{эм} (\rightarrow N_{дат.}^{s}))$.

Саг=ай (род. п.) түргэн ошо=хо=нь, хүбүүн=эймни (род. п.) түргэн томо боло=хо=нь гайхалтай (Мунг., Б3, 59) – Удивительно, как быстро течет время, как быстро мой сын становится большим; ...огтошье хадуужа, хэрэгсээжэ аб=аа=гүй=мни гэмшэлтэй байна (Дамб., 55) – Жалко, что я совершенно не запоминал, не придавал значения.

Модель со значением каузации эмоций:

$(N_2 \leftrightarrow T_V$ =прч=$\emptyset$=//$) \leftrightarrow (V_{кауз}^{эм} \rightarrow N_{вин.}^{s})$.

... Элүүр энхэ тухайнь панаагаа зоболсожо бай=даг=$\emptyset$=нь Соёлмаа=е (вин. п.) гайх=уул=аа (Б–83–5, 72) – То, что она беспокоится о его здоровье, Соёлму удивило (=уул= – показатель побудительного залога).

Модель со значением пассивного восприятия –

$(N_2 \leftrightarrow T_V$ =прч=$\emptyset$=//$) \leftrightarrow (V_{пасс}^{ои} (\rightarrow N_{дат.}^{s}))$.

Бүтэ=хэ, боли=хо=нь мэдэ=гд=ээ=дүй (Бадл., 32) – Еще неизвестно, осуществится или нет; ...абашагүй ехээр гутапан голхор=пон=иинь Дамба=да (дат. п.) пана=гда=жа ... (Мунг., Б3, 6) – Дамбе вспомнилось, как сильно он огорчился... (=гд=, =д= – показатель страдательного залога). В таких конструкциях с глаголами дуул=да= 'слышаться', хара=гда= 'виднеться' возможно отсутствие притяжательных показателей – при наличии лексического выражения субъекта:

Хэн=эйшьеб (род. п.) хурхир=ха дуул=да=на (Тул., 53) – Слышится, что кто-то храпит.

Таким образом, конструкции с неопределенным падежом причастного сказуемого ЗПЕ вступают в сложные системные отношения с косвенно-падежными конструкциями. Глагольные сказуемые, распространяемые ЗПЕ в неопределенном падеже, – это залоговые производные модусных глаголов, в прямой залоговой форме требующих от ЗПЕ-дополнения определенного косвенного падежа, винительного, дательно-местного или исходного. Именные сказуемые, распространяемые ЗПЕ в неопределенном падеже, – это имена оценки (эмоциональной или "интеллектуальной"), являющейся результатом тех психических процессов, которые описываются модусными глаголами.

Конструкции с родительным падежом причастия употребляются при именах, обозначающих отношения между действиями (обусловленности, временные и др.) либо характеристики действия. Само управляющее имя может занимать в главной части любую именную позицию. Формула модели:

$(\{N_2 \leftrightarrow\}$ T_V =прч=род.=//$)$ $N^{отн}$...

Примеры: Намда пургуулидаа ошо=хо=гүй=н шалтаг үгы – У меня нет причин не ходить в школу; Юрэдоо тиишэ ошо=пон=ой=нь тупа байгаагүй бшуу – От того, что (он) туда пошел, пользы ведь не было; Уулза=пан=айн=гаа баяр хубаалдаял даа! (анг., 29) – Давай же разделим радость того, что мы встретились! (букв.: встретились=сами).

На базе этой модели, при грамматикализации доминирующего имени отношения, возникают многочисленные послеложные модели обстоятельственной семантики.

2.2. Неуправляемые, обстоятельственные причастно-падежные конструкции.

Наиболее активно в обстоятельственной подсистеме используются формы дательно-местного, затем исходного падежей от причастия будущего =ха) и прошедшего (=пан) времени. Остальные формы встречаются значительно реже. В конструкциях с обстоятельственным значением причастия утрачивают свои абсолютные временные характеристики; падежные формы начинают идиоматизироваться, противопоставляться друг другу не по временному, а по какому-либо другому признаку. Так, формы датива от причастия будущего времени (=ха=да) выражают общую временную соотнесенность в любом абсолютном временном плане, а та же форма причастия прошедшего времени (=пан=да) – причинную обусловленность.

Обстоятельственные причастно-падежные конструкции могут реализоваться как в моносубъектных, так и в разносубъектных фразах; закономерности выражения субъекта в ЗПЕ те же, что были описаны выше. Приведем формулы основных обстоятельственных конструкций:

1. $(\{N_2 \leftrightarrow\}$ T_V =ха=да: //$)$ (ПЕ) 'когда'
2. $(\{N_2 \leftrightarrow\}$ T_V =ха=гүй=дэ=//$)$ (ПЕ) 'поскольку не'
3. $(\{N_2 \leftrightarrow\}$ T_V =пан=да=//$)$ (ПЕ) 'поскольку'
4. $(\{N_2 \leftrightarrow\}$ T_V =аа=гүй=дэ=//$)$ (ПЕ) 1) поскольку не; 2) 'пока не';
5. $(\{N_2 \leftrightarrow\}$ T_V =аа=дүй=дэ=//$)$ (ПЕ) 'пока еще не'
6. $(\{N_2 \leftrightarrow\}$ T_V =пан=паа=//$)$ (ПЕ) 1) 'с тех пор как'; 2) 'поскольку'
7. $(\{N_2 \leftrightarrow\}$ T_V =аа=гүй=пөө=//$)$ (ПЕ) 'поскольку не'
8. $(\{N_2 \leftrightarrow\}$ T_V =ха=паа=//$)$ (ПЕ) 1) 'прежде чем'; 2) 'поскольку'

Как видим, в обстоятельственных моделях форма причастия фиксирована и является одним из компонентов, дифференцирующих модели. Имеются примеры, когда причастие на =пан заменяется причастием многократным на =даг (T_V=даг=та=// 'поскольку обычно'), но эти случаи редки. Варьирование причастий с сохранением временного значения наблюдается только в модели с исходным падежом сравнительной семантики:

9. $(\{N_2 \leftrightarrow\}$ T_V =прч=паа=//$)$ ... $L^{оц}$ ... .

Выразительные возможности перечисленных моделей повышаются за счет использования в роли зависимого сказуемого аналитических глагольных форм с различными вспомогательными глаголами (чаще с бытийным глаголом бай=).

Модель ({N2↔} T_V=ха=да=//) (ПЕ) передает недифференцированное отношение во времени, общую временную соотнесенность:

... орожо ерэ=хэ=дэ=нь=шье һэреэгүйб (Тул., 53) – Даже когда (они) вошли, я не проснулся; Хүндэ ашаатай тэргынгээ (род. п.) шабар руу голдоо хүрэтэр орошо=хо=до, тэрэ даажа ядан зүдхэнэ (Тул., 11) – Когда тяжело груженная телега погружается в грязь до самых осей, она (лошадь) еле-еле тащится; һургуулида һуража эхил=хэ=д==ээ, тоо тооложо, ном уншажа шададаг болохоб (Дамб., 12) – Когда начну учиться в школе, смогу считать, читать книги.

Как видим, форма на =ха=да имеет относительное временное значение, выражая приблизительную одновременность событий в любом временном плане: прошлого (=ээ=гүй – отрицательная финитная форма одного из прошедших времен), настоящего (=на) и будущего (=ха).

Временное отношение, выражаемое конструкцией с формой =ха=да, может конкретизироваться за счет аспектуальных характеристик зависимой части, выражаемых аналитическими формами глагола. Например, форма со значением продолженного действия (=жа бай=) в составе сказуемого ЗПЕ придает фразе значение одновременности – полной, если главное сказуемое также представлено формой длительного вида, частичной, если главное действие представлено как кратковременное:

Мүнөө буугай һомоной (род. п.) толгойнь оройгоор хиигана=жа бай=ха=да, үбгэнэй һанаае ондоо бодол ... эээл=жэ бай=ба (Тум., ТБ, 17) – Сейчас, когда над головой свистели ружейные пули, ум старика занимала другая мысль ...; Тиигэжэ аашал=жа бай=ха=да=нь, хуурсаг соо хэбтэгшэ хүмнай хүдэлжэ эхилбэ (Бат., 37) – Пока он так дурачился, лежащий в гробу человек зашевелился (начал шевелиться).

Аналитическая форма =аад бай= со значением завершенности действия в составе зависимого сказуемого придает фразе значение следования главного действия за зависимым:

Ада, азарга̄аа буу=гаад бай=ха=д=аа, "..." – гэбэ (Тум., ТБ, 106) – Ада, когда (после того как) спустилась с коня, сказала: ...

В роли зависимого сказуемого встречаются и другие аналитические аспектуальные формы, которые по-разному характеризуют и зависимое действие, и тип его временной соотнесенности с главным:

Нэгэтэ Талын Бүргэд бидэ хоёр, дайсадта баригда=ха боло=хо==д=оо, мүльһэнэй хүнхи доро ороод гараа һэмди (Тум., ТБ, 42) – Однажды мы со Степным Орлом, когда нас настигали враги, спрятались в пустотах во льду (букв.: когда становились быть схваченными, т.е. перед тем как нас чуть-чуть не схватили); Гэрэй ажал хэжэ шада=даг=гүй бай=ха=да=нь, хүхөөр үхибүүтэй һамган шэнги, олон хоногоор талаар гараха аргагүй байгааб (Дамб., 118) – Когда он не мог (долго) делать домашнюю работу, я, подобно женщине с грудным ребенком, сутками не могла выйти из дому.

Эта конструкция может передавать и неопределенное условно-

временное значение, если действие главной части представлено как вневременное, постоянное или потенциальное:

Нүхэдтөө хэлэ=хэ=дэ=м үнэншэ=хэ=гүй (Бат., 38) – Друзьям когда/если расскажу, не поверят.

Модель ({N2↔} T_V=ха=гүй=дэ=//) (ПЕ) передает значение причинной обусловленности главного события:

Гансал үхибүү гарта=ха=гүй=д=өө нүхэрһөө һалаа (Х., 66) – Только потому, что не родила ребенка, разошлась с мужем; ... тэрэнэй (род. п.) даха=ха=гүй=дэ, дахин һөргөө бусажа, гиинан шүргөөнэ (Дамб., 69) – ... поскольку она не пошла следом, (пес), вернувшись назад, повизгивая, трется (о ноги).

Модель ({N2↔} T_V=пан=да=//) (ПЕ) передает причинные отношения между событиями: ... Шуран солбоноор дайлалдадаг бай=һан=да=тнай тиигэжэ һананаб (Тум., ТБ, 89) – Так я думаю потому, что вы отважно воевали; – Г-горо=до=ой, – гэжэ амисхалаа хөөрэшэ=һэн==д=өө аахи-уухи болон бүришье һөөлдүүгээр харюусаба (Б=83=5, 16) – Г-городская, – ответил он совсем сипло, тяжело дыша, поскольку запыхался.

Модель (N_2↔T_V=аа=гүй=дэ=//) (ПЕ) передает либо причинную обусловленность несовершившимся событием, либо временное значение 'пока не'. В первом случае отрицательная форма причастия на =аа служит эквивалентом причастия на =һан в отрицательном контексте:

Мяха эд=еэ=гүй=д=өө үхэхэгүйш (Тул., 41) – Из-за того, что мяса не поешь, не умрешь.

Однако чаще конструкция с =аа=гүй=дэ выражает временные отношения – предел во времени 'пока не':

Аржагар мүшэд=эй (род. п.) унтар=аа=гүй=дэ, алтан наран мандаггүйл, хүр сана̄н=ай (род. п.) хайл=аа=гүй=дэ хүхэ ногоон ургадаггүйл (Б=76=1, 99) – Пока не погаснут яркие звезды, золотое солнце не всходит, пока не растает глубокий снег, не вырастает зеленая трава; Зөөнгэрээ ол=оо=гүй=д=өө гэртээ бусажа ерэхэгүйб (Дорж., 33) – Пока не найду своего Зэнгэра, домой не вернусь.

Данная конструкция может передавать уступительное значение, если в ее состав входит частица =шье, и условное значение, если действие главной части представлено как вневременное, потенциальное:

– Гарахань, – гэжэ һур=аа=шье=гүй=дэ=нь ... мин̄эрэлдээ (Х., 112) – Сейчас выйдет, – сказав, хотя он и не спрашивал, улыбнулась...; Зүрхэ муутай, уур ехэтэй хүнүүдтэ юумэ дадхаажа хэл=ээ==гүй=дэ, аюулынь ехэ юм ха (Х., 99) – Если людям нервным, с больным сердцем не говорить осторожно (постепенно), то опасность очень велика.

Имеется устойчивая фразеологизованная конструкция, в которой эта форма всегда имеет условный оттенок значения:

Минии ол=оо=гүй=дэ хэн олохо юм? (Б=78=2, 43) – Пока/если я не найду, кто найдет?; ... эдэ гурбанай бар=яа=гүй=дэ хэн бариха гээшэб? (Б=78=3, 20) – Пока/если эти трое не построят, кто построит?

Модель ($\{N_2 \leftrightarrow\}T_v$=аа=дүй=дэ=//) (ПЕ) передает значение 'когда еще не' → 'прежде чем':

...Хоёр боецүүдэй (род. п.) хүрэхэ газартаа хүр=өө=дүй=дэ=нь баһа буугай һүрэхэ дуулдажа, тэдэнэр доро хоробо (Тум., ТБ, 47) – Когда два бойца еще не достигли назначенного места (прежде чем достигли), снова раздались ружейные выстрелы, и они укрылись внизу; Шүүдэрэй (род. п.) хат=аа=дүй=дэ үрдэһэ хэжэ абая (Тул., 38) – Когда еще не (прежде чем) высохла роса, возьмемся-ка за работу.

Конструкции с причастным зависимым сказуемым в форме дательно-местного падежа имеют разную степень встречаемости: форма на =ха=да употребляется чрезвычайно широко, формы на =һан=да и =аа=гүй=дэ встречаются в 8–10 раз реже. Так же редки формы на =ха=гүй=дэ, и еще реже – форма на =аа=дүй=дэ. Это понятно: чем специализированнее семантика, тем реже появляется потребность в использовании соответствующих форм – широкие по значению формы используются наиболее часто. Всякий раз, когда говорящему нужно отразить временное отношение событий в самом общем виде, он выбирает недифференцированную форму типа =ха=да.

Рассмотрим теперь модели на базе исходного падежа:

($\{N_2 \leftrightarrow\}T_v$=һан=һаа=//) (ПЕ);

($\{N_2 \leftrightarrow\}T_v$=аа=гүй=һөө=//) (ГПЕ).

Они имеют в основном причинное значение – 'поскольку' и 'поскольку не':

Комбадай (род. п.) эгсэ сэхэ һанаатай, өөрынгөө хэлэһэниие хубилга=даг=гүй бай=һан=һаа=нь ...эдээндэ ямаршье хэмжээ абадаггүй байгаа (Тум., ТБ, 113) – Комбат, поскольку был человеком очень прямым и не менял то, что сам сказал, ... никаких мер к ним не принимал.

Зависимое сказуемое здесь – аналитическая форма с вспомогательным глаголом бай=, позволяющая выразить аспектуальную характеристику мотивирующего действия (=даг – причастие многократное, обозначающее постоянное действие).

... Сомоной зуугаад шахуу эрэшүүлэй дайнһаа бус=аа=гүй=һөө хүшэ хүрэгдөөгүй (Б-83-5, 15) – ... Поскольку около ста мужчин сомона не вернулось с войны, сил не хватало.

Эти конструкции могут выражать и временное значение 'после того как': ... Бригадын тогоонһоо олонхи хүнүүдэй (род. п.) эди=һэн=һээ=нь юунэйшье үлэхэгүй байһаниинь түрүүлэгшэдэ мүн лэ эли (Бадл., 22) – Председателю тоже ясно, что после того как многие питающиеся из бригадного котла люди поедят, ничего не останется.

Однако гораздо чаще формы исходного падежа сопровождаются в этом значении временными послелогами.

Модель ($\{N_2 \leftrightarrow\}T_v$=ха=һаа=//) (ПЕ).

Примеры с отрицанием нам не встретились; передаются также причинные отношения:

... Юумэнэй (род. п.) түр=тар гэ=хэ=һээ залд гээд һэришэбэ (Лубс., 42) – Оттого, что что-то загрохотало, вздрогнув, проснулся; Уһанһаа бэшэ, шулуунай (род. п.) мүргэсэлдэ=хэ=һөө гал гарадаг байжа болоо (Тум., ТБ, 93) – Не из воды, а из-за того, что камни сталкиваются, огонь возникает, должно быть.

Эта конструкция используется и для выражения временных отношений – она передает значение 'прежде чем' (также чаще с послелогами):

Теэд урдань айхабтар үдхэн гэшүүһэтэй нүүлэ тушаалдажа, тэрэнээ алхажа гара=ха=һаа=н нилээд удаан һааташаба (Тул., 86) – Но ему (букв.: перед ним) попался (попавшись) валежник со страшно густыми ветвями, и он довольно сильно задержался, прежде чем двинулся (дальше), через него перебравшись (пример с субъектно-притяжательным аффиксом =н).

Модель ($\{N_2 \leftrightarrow\}T_v$=прч=һаа=//)...$\lfloor$^{оц}... .

Здесь форму исходного падежа принимает ЗПЕ со значением эталона сравнения по требованию оценочного имени (чаще прилагательного, но возможно наречие и др.), называющего признак, по которому ведется сравнение. Это имя признака может занимать разные синтаксические позиции: именного сказуемого, определения к имени или к глаголу. Примеры:

Амиды үлэ=хэ=һөө үнэтэй юун бииб! (Тум., 92) – Что может быть лучше, чем в живых оставить!; Хүдэлжэ бай=һан=һаа=шье дутуугүй эсэнэ (Б=78=3, 35) – Устает не меньше, чем когда работала; Шинии (род. п.) дробовик баряад, нэгэ хоёр склад һахи=гша=һаа бэрхэ ажал байха (Дамб., 115) – Будет труднее работа, чем (то, что) ты, взяв дробовик, один-два склада охраняешь.

Итого мы рассмотрели 20 причастно-падежных моделей бурятского языка: 11 моделей с управляемыми падежными формами, из которых 4 имеют моносубъектные и разносубъектные варианты, а остальные 7 только разносубъектные; 9 моделей с неуправляемыми падежными формами обстоятельственного значения, которые могут давать как моносубъектные, так и разносубъектные варианты (при том, что мы учитываем только две причастные формы, два падежных и два отрицательных аффикса).

3. Почти все причастно-послеложные конструкции выражают обстоятельственные отношения между событиями; управляемой является только небольшая группа изъяснительных послелогов – тухай 'о том, что', тушаа 'о том, что', которые оформляют ЗПЕ со значением темы при глаголах говорения и ряда других глаголов оперирования информацией.

Причастно-послеложные конструкции используются в бурятском языке чрезвычайно широко; нами выделено около 60 моделей, и этот список далеко еще не полон. Причастно-послеложные модели определяются конкретным послелогом в сочетании с определенной падежной

формой одного из причастий; на принципах их выделения нам хотелось бы остановиться подробнее.

Список послелогов, встреченных нами в составе причастно-послеложных конструкций, не вполне совпадает со списками, представленными у других авторов, не отделявших причастно-послеложные конструкции от послеложно-именных (Грамматика бурятского..., 301-314; Цыдыпов, 1972, 235-255; Шагдаров, 1974, 241-245; Дамдинов, 1972, 235-255; и др.). Видимо, в бурятском, как и в якутском, с причастиями употребляются не все послелоги (Убрятова, 1976, II, 167). С другой стороны, число моделей причастно-послеложных конструкций несколько превышает число послелогов. Многие послелоги были встречены с несколькими причастиями, а некоторые обнаружили способность сочетаться с разными падежными формами, так что возникает вопрос, в каждом случае тождество модели как единицы языка не нарушается, а в каком случае нужно различать несколько моделей, образуемых одним послелогом.

Рассмотрим вначале вариативность причастных форм. Чаще всего в причастно-послеложных конструкциях встречаются причастия на =ɬан, =ха, =даг. Последнее причастие, передающее обычное, регулярно повторяющееся действие, полностью сохраняет свою семантику и может появляться взамен других причастий там, где нужно выразить этот оттенок значения. С временными же причастиями дело обстоит сложнее.

Во-первых, имеются послелоги, при которых причастия сохраняют свои временные значения, хотя они могут сдвинуться в относительный план (предшествование - непредшествование вместо прошедшее - будущее). К их числу относится прежде всего изъяснительный послелог тухай 'о том, что', а также причинные послелоги (дээрэ-ɬээ и др.):

Таровай ерэ=хэ тухай тэрэ мэдэɬэн байгаа (Б=76=5, 105) - О том, что Таров приедет, он заранее знал (причастие на =ха здесь показывает, что действие зависимой части происходит после действия главной); Жамбал аха, Бадма ахын галуу ала=ɬан тухай=нь хөөрэжэ үгыт (Б-76-1, 27) - Дедушка Жамбал, расскажите, пожалуйста, о том, как дядя Бадма гуся убил (причастие на =ɬан здесь выражает предшествование события рассказу о нем).

В таких случаях, видимо, фразы с разными причастиями представляют собой варианты одной и той же модели с формой сказуемого ЗПБ: Ту =ха/=ɬан/=даг тухай=//.

Во=вторых, имеются послелоги, которые употребляются с разными причастиями, но такие фразы различаются не временным значением, а некоторыми другими моментами смысла. Таковы, например, послелоги түлөө, тула и тээшэ. Послелоги түлөө и тула с причастиями прошедшего времени передают значение причины ('из-за того, что'), а с причастием будущего времени - значение цели ('для того чтобы'), например:

Иимэ үлзытэй ɬайхан эхи тата=ɬан=ай=мни түлөө нэгэ хундага аягалха ёɬотойлта даа (Б=78=1, 42) - За то, что (я) положил такое удачное хорошее начало, одну рюмку вы мне, конечно, должны

налить; Амидар=х=ын түлөө тэмсэхэ, хоротондо харюу үгэхэ болоо бэзэбди даа (Тул., 97) - Чтобы остаться в живых, мы должны бороться, дать врагу ответ.

Послелог тээшэ с причастием прошедшего времени имеет значение 'в том направлении где (куда)', с причастием будущего времени - 'к тому времени как':

... Шэрэнгиин (род. п.) шэнгэр=ɬэн тээшэ, зүүн тээшэ, Шараɬанайнгаа голɬоо холодон ошобо (Анг., 18) - Пошел, удаляясь от реки Шараган, на восток, в том направлении, где роща редела; Үбɬэ хуряалгын (род. п.) дүүрэ=хэ тээшэ буутай хүнүүд тоогүй олон болошодог (Тул., 47) - К тому времени, как заканчивается сенокос, людей с ружьями становится бесчисленное множество.

Мы в дальнейшем будем считать подобные варианты разными моделями, тем более, что они могут различаться и другими, второстепенными признаками; например, причинный вариант с послелогом түлөө показатели личного притяжания принимает свободно и регулярно, целевой же - чрезвычайно редко, хотя потенциально такие показатели возможны (имеется единственный пример).

В-третьих, имеются случаи, когда при чередовании причастных форм нам не удалось обнаружить смысловых различий - возможно, они обнаружатся при более тщательном анализе с участием носителей языка. Таковы варианты конструкции с послелогом хойшо 'после того как';

Тэдэнэй (род. п.) арбаад алха яба=ɬан=ɬаа хойшо немецүүд ушаргүйгөөр буудажа гараба (Тум., ТБ, 115) - После того как они прошли шагов десять, немцы беспричинно принялись стрелять; Дайнай (род. п.) эхил=хэ=ɬээ хойшо байлдаанай талмай дээрэ санитар ябажа гараа (Анг., 6) - После того как началась война, (он) ушел санитаром на поле боя.

Такие варианты мы пока считаем относящимися к одной модели.

В большинстве же случаев в моделях с обстоятельственными значениями оказывается закрепленной одна какая-либо причастная форма в относительном временном значении.

Случаи падежной вариативности обычно оказываются связаны с нетождеством моделей как единиц языка. Например, послелог адли встречен в сочетании с совместным падежом причастия на =ха (=ха=тай адли) и с дательно-местным падежом причастий на=ɬан и =даг (=ɬан=да адли, =даг=та адли). Первая конструкция выражает немедленное следование ('как только ... сразу ...'); вторая выражает сравнительные отношения и соответствует русскому союзу подобно тому как. Несколько конструкций формируют также послелоги дээрэ, тула и др. Так, послелог тула в целевом значении употребляется с формой родительного падежа причастия на =ха, а в причинном - с формой прямого падежа причастия на =ɬан.

С некоторыми случаями падежной вариативности нам пока не удается связать каких-либо семантических различий; например, послелог урда 'перед тем как' равно встречается с формами родительного и исходного падежей:

Ошо=х=ын=гоо урда бэлэдхээ (Тум., ТБ, 78) - Перед тем как

уйти, подготовились (=ын – аффикс род. п.); Теэд тэрээндэ хүрэ=
=хэ=ɬөө урда эдэ тагнуулшадые ɬалгаха хэрэгтэй байгаа (Тум., ТБ, 47) – Но до того, как добираться туда, нужно было устранить этих разведчиков (=ɬөө – аффикс исх. п.).

Здесь нам приходится действовать по аналогии и регистрировать эти два варианта как две модели, поскольку в большинстве случаев различие падежных аффиксов обусловливает различия в семантике конструкций; возможно, при более тщательном семантическом анализе они будут обнаружены.

Перейдем теперь к принципам классификации причастно-послелож-ных конструкций.

Послелоги традиционно принимаются как "уточнители падежей", но наряду с этим они могут выступать и как своеобразные "замес-тители" падежных аффиксов (см., например, Аврорин, 1961, 228; Сайнахова, 1966; Скорик, 1977, 352; Тощакова, 1956; Дульзон, 1968, 247-250; и др.), т.е. отношения между послелогами и при-частиями складываются неодинаково; это можно использовать как критерий для классификации причастно-послеложных конструкций.

Наша классификация базируется на двух признаках: 1) падежное оформление причастий в составе послеложной конструкции: неопреде-ленный падеж противопоставляется всем косвенным; 2) локализация показателей притяжания.

По второму признаку выделились две группы моделей: в первой притяжательное оформление принимает послелог, во второй – причастие.

Падежное оформление причастия в составе послеложной конструк-ции мы вводили вначале как независимый признак, но оказалось, что он связан с типом личного оформления. Все модели с причастием в неопределенном падеже относят притяжательное оформление на после-лог. Во всех моделях с причастием в косвенном падеже показатели притяжания принимает само причастие. Таким образом, два разнород-ных основания классификации дали совмещающиеся классы, общее чис-ло которых равно двум.

Оба типа представлены значительным множеством различных мо-делей, которые мы сейчас представим в самом общем виде, поскольку они уже частично были описаны в статье М.И. Черемисиной, Е.К. Скриб-ник (1980).

Первый тип – причастно-послеложные конструкции с причастием в неопределенном падеже, в составе которых притяжательное оформле-ние ложится на послелог. Всего их пока обнаружено 27. Модели, в формуле которых отсутствует знак для показателей притяжания =//, представлены в нашей картотеке незначительным количеством при-меров.

Обобщенная формула: $(\{N_2\leftrightarrow\})\ T_V$=прч=$\emptyset$ послелог=//) (ПЕ). Кон-кретные модели с неопределенным падежом причастия мы перечислим в сокращенном виде – только строение зависимого сказуемого:

1. =ха бүри=//'всякий раз когда'; 'по мере того как'
2. =ха бүридэ=//то же
3. =ха дээрэ=//'сразу после того как'

4. =ɬан дээрэ=//'в то время когда'; 'пока'
5. =ɬан/=ха/=даг дээрэɬээ=//'из-за того что'
6. =ɬан занда=//'пока (по прежнему)...', 'продолжая...'
7. =ха зуура=//'В то время как'
8. =ха мүртэ=//'как только', 'пока'
9. =ɬан мүртэ=//то же
10. =ха/=ɬан саг=//'в то время когда'
11. =ха/=ɬан соо=//'в соответствии с тем как'
12. =ха талаар 'в отношении', 'что касается'
13. =ха тудам 'по мере того как'
14. =ɬан/=даг тула 'поскольку'
15. =ха/=ɬан тулада=//'поскольку, по причине того что'
16. =ха/=ɬан тушаа (...$\forall^{ои}$) 'о том, что'
17. =ха/=ɬан/=даг тухай=// (...$\forall^{ои}$) то же
18. =ɬан тухайда=// (...$\forall^{ои}$) то же
19. =ха тээшэ=//'к тому времени как'
20. =ɬан тээшэ=//'в том направлении где/куда'
21. =ɬан ушарɬаа=//'из-за того что'
22. =ха/=ɬан үеэр=//'в то время когда'
23. =ха/=ɬан үедэ=// то же
24. =ɬан хойно=//'после того как'
25. =ха хоорондо=//'между тем', 'в то время когда'
26. =ɬан шэгтэ=//'в то время когда', 'пока, по-прежнему', 'про-должая ...'
27. =ɬан шэгээр=// то же

Проиллюстрируем варьирование моделей этого типа в аспекте лица на примере модели с послелогом хойно 'после того как':

Хэды алахам яба=ɬан хойн=оо Бата командиртаа: ... – гэбэ (Шойд., 24) – Пройдя (после того как прошел) несколько шагов, Бата коман-диру говорит: – ... (МСФ); Хүбүүн=эйн=гээ (род. п.) ерэ=ɬэн хойно энэ хүнтэй лабыень хэлсэхэб (Тум., ТБ, 104) – После того, как сын уйдет, (я) с этим человеком обсужу достоверность этого; Энээн=эй (род. п.) баруулжа үнгэр=ɬэн хойно=нь Петров ... буу зэбсэгые хуря-ан абаба (ГБЯ-2, 141) – После того как тот проехал на запад, Пет-ров ... захватил все оружие; Үхэ=ɬэн хойно=мни, хүгшэндэмни түлеэ залɬыень, үбɬэ, үɬыень хамɬалсажа байгаарай гэжэ захинаб (Б-76-1, 19) – После того как я умру, старушке моей с дровами, сеном, во-дой помогайте, наказываю; Тиихэдэшни үхэ=ɬэн=шье хойно=ш шамайе хүн зон сэдьхэлдээ дурдажа ябаха (Б-76-1, 46) – Тогда даже пос-ле того, как ты умрешь, народ тебя в мыслях (букв.: чувствах) вспо-минать будет (РСФ).

Второй тип – причастно-послеложные конструкции с причастием в форме косвенного падежа: родительного, исходного, совместного, дательно-местного. Обобщенная формула:

($\{N_2\leftrightarrow\}\ T_V$=прч=пад=//послелог) (ПЕ).

Причастно-послеложные конструкции с родительным падежом причастия:

1. =ɬан=ай=//ашаар 'благодаря тому что'

2. =х=ын=//дунда 'между тем как', 'в то время когда'
3. =х=ын=//заһарта то же
4. =х=ын=//заһараар " "
5. =һан=ай=//ехэдэ 'из-за того что'
6. =һан=ай=//ёһоор 'согласно'
7. =х=ын=//орондо 'вместо того чтобы'
8. =х=ын=//тула 'чтобы'
9. =х=ын=//тулада то же
10. =һан=ай=//түлөө 'из-за того что'
11. =һан=ай=//түлөөдэ то же
12. =х=ын=//түлөө 'чтобы'
13. =х=ын=//тэндэ 'в тот момент когда'
14. =һан=ай=//удаа 'после того как'
15. =х=ын=//урда 'перед тем как'
16. =х=ын=//урдахана 'незадолго перед тем как'
17. =х=ын=//хажуугаар 'наряду с тем что'
18. =х=ын=//хойноһоо 'за то чтобы'
19. =һан=ай=//һүүлдэ 'после того как'
20. =һан=ай=//һүүлээр то же

Приведем примеры с однокоренными послелогами һүүлдэ и һүүлээр 'после того как'. В моносубъектных фразах с этими послелогами показатели субъектного притяжания факультативны. Это редкое явление – для абсолютного большинства моделей эти показатели в моносубъектных реализациях обязательны:

Бата нүхэдөө тойруулжа хара=һан=ай һүүлээр үргэжүүлбэ (Шойд., 35) – Бата, обведя товарищей взглядом (после того как посмотрел, обведя), продолжал; – Сайн байна, – гэжэ тэрэ амаршалаад, малгайгаа абажа, хүн бүхэндэ халта дохи=һон=ой һүүлдэ хойморой шэрээ дээрэ хэбтэһэн Жамбалай хажууда дүтэлэн һүүба (Б=76=1, 23) – Здравствуйте! – после того как он поздоровался, снял шапку и слегка всем кивнул, (он) сел поближе к Жамбалу, лежавшему на кровати в хойморе (почетный угол). Сравним: Хурьгад эдеэл=һэн=эйн=гээ һүүлээр гэр соогуур гүйлдэдэг (Вор., 41) – Ягнята, после того как наедятся, бегают по дому (МСФ); Удангүй Зандан (неопр. п.) эдэгэжэ, дахин дайнда оронон тухайгаа бэшэ=һэн=эй=нь һүүлээр гэнтэ: "Нүхэртэнай баатарай ёһоор унаба" – гэһэн мэдээн абтаба (Б-76-4, 22) – Вскоре после того как Зандан написал, что выздоровел и снова возвращается на войну, внезапно было получено известие: "Ваш муж геройски погиб" (в этой фразе зависимая часть имеет сложную структуру, поэтому имя субъекта стоит не в родительном, а в неопределенном падеже); Эдэ бүхы юумэ хэ=һэн=эй=м һүүлээр хамаг зөөримни тэнсүүри алдагдаа бшуу даа (Б-78-3, 42) – После того как (я) все это сделал, мое состояние потеряло равновесие (РСФ).

Модели с совместным падежом причастия:

1-5. =ха=тай=//адли (зэргэ, хамта, сасуу, шахуу) 'одновременно с тем, как'.

Как видим, эта группа моделей семантически однородна; системные отношения между ними еще подлежат дальнейшему исследованию. Приведем примеры с послелогом адли:

... Жамс=ын (род. п.) хашхар=ха=тай=нь адли, дарьяа табилдан, тэргэ тээшэ гүйлдэшэбэди (Лубс., 6) – Как только Жамса крикнул, поднялся шум, мы побежали к телеге; Буугаа үргэн шагаа=ха=тай=м адли, юундэшьеб тэрэм толгойгоо үргэн шагнаархаба (Лубс., 8) – Как только я, подняв ружье, прицелился, он почему-то поднял голову и прислушался (РСФ); Эхынгээ хүхэндэ дүтэл=хэ=тээ адли тэдэнь абаашатай бэрхээр хүхэшэнэ (Вор., 40) – Едва приблизившись к материнской груди, они начали жадно сосать (МСФ; показатели субъектного притяжания =аа и совместного падежа =тай орфографически дают сочетание =таяа).

Модели с исходным падежом причастия:

1. =ха=һаа=//байтагай 'кроме того что'
2. =ха=һаа=//байха то же
3. =ха=һаа=//бэшэ " "
4. =ха=һаа=//гадна " "
5. =ха=һаа=//дээрэ 'чем ... (лучше)'
6. =ха=һаа=// ондоо 'кроме того, что'
7. =ха=һаа=//түрүүн 'перед тем как'
8. =ха=һаа=//урда то же
9. =ха=һаа=//урид 'с тех пор как'
10. =ха/=һан=һаа=//хойшо 'после того как'

Как видим, модели с исходным падежом причастия распадаются на две семантические группы: временную (следование и предшествование) и выделительного исключения ('кроме того что; не только ..., но и'). Для всех моделей с исходным падежом не характерно субъектно-притяжательное оформление; личное притяжание также используется редко. Примеры с послелогом гадна:

Тэдэ агнуури хэ=хэ=һээ гадна, мал ажал архилдаг һэн (Б-76-5, 58) – Они не только охотились, но и пасли скот (МСФ); ... Мүнгөө зөөреэр дэмжэлгэ зүүл=хэ=һээ=тнай гадна, улас түрын талаар ашаг олзо оложо абаха=бди (Б-78-2, 121) – Не только (вы) окажете материальную помощь, но и мы по политической линии пользу получим (РСФ).

Примеры с послелогом урид:

... Эдэ танкнууд=ай (род. п.) гара=ха=һаа=нь урид Бела мүрэнэй хүүргэ эбдэхэ даабари үгэбэ (Тум., ТБ, 98) – Дал задание разрушить мост через реку Бела после того, как пройдут эти танки; Браконьернүүдтэ буудуулаад, больницада хэбтэхэдэмни үхэшэ=хэ=һөө=мни урид тэрэ арһан туламаа нэхэжэ ерээ бэлэй (Б-76-1, 51) – Когда я лежал в больнице, будучи ранен браконьерами, перед тем как мне умереть, он пришел брать свою кожаную сумку (РСФ); Сэсэглэ=хэ=һээ урид ногоон шэмэ ехэтэй байдаг шуу (Хр., 39) – Перед тем как зацвести, травы бывают очень сочными (МСФ).

В конструкции с послелогом урид между причастием и послелогом могут появляться слова, уточняющие промежуток времени между зависимым и главным действиями:

Баргажан абааша=ха=һаа=тнай холо урид бурхандаа мордошоходоо болохо бшуу (Б-78-3, 60) – Наверно, отправится к богам задолго до того, как (вы) увезете в Баргузин.

Итого, мы показали 62 причастно-послеложные модели: с неопределенным падежом причастия и показателями притяжания на послелоге – 27 моделей; с косвенными падежами и показателями притяжания на причастии – 35 моделей (20 с родительным, 5 с совместным, 10 с исходным). Все модели дают как разносубъектный, так и моносубъектный варианты.

4. Причастные модели со служебными словами хада, һаа и аад. Эти слова квалифицируются в бурятоведении по-разному: как союзы (БРС, 16, 529, 657; Пюрбеев, 1979, 24; Грамматика бурятского..., 324–325; и др.), как частицы (Бертагаев, Цыдендамбаев, 1962, 146), как послелоги, в сочетании с причастиями образующие союзы (Дондуков, 1962, 111–112), и даже как деепричастия (Алексеев, 1959, 173). Сочетаясь с причастными и некоторыми именными формами, все они образуют особые аналитические конструкции, функционирующие в роли зависимого сказуемого; они располагаются в абсолютном конце зависимой части, являясь средством связи между частями ППК и основными носителями синтаксической семантики конструкции. Служебное слово аад неизменяемо; слова хада и һаа принимают показатели притяжания, выражающие лицо субъекта зависимого действия. Таким образом формируется аналитическая словоформа со "спрягаемым союзом". Все модели такого типа могут дать моносубъектные и разносубъектные реализации.

Со служебным словом хада могут сочетаться все основные формы бурятских причастий, а также имена существительные и имена обладания на =тай/=түй в предикативном употреблении. Семантика конструкции – условно-причинная (основное значение причинное); формула:

$$(\{N_2 \rightarrow\} \frac{T_V=\text{прч}}{N,\ T_N=\text{тай}} \text{ хада=//}) \text{ (ПЕ).}$$

Басаганаймнай найжа хада=тнай, үхэрэй мяха зэмһэ үгүүжэб (Дамб., 80) – Поскольку вы "опекун" нашей дочери, преподнесу-ка я (вам) говядины; ... Таанад, залуушуул, һайн нюдэ=тэй хад=аа хараарайгты даа (Лубс., 7) – Поскольку у вас, молодых, глаза хорошие, посмотрите-ка ... (букв.: вы ... хорошие глаза-имеющие); Али нүхэр=эйн=гөө (род. п.) Эсэгэ ороной дайнда алуул=һан хада=нь тэрэнэйнгээ түлөө һанаа үнөөндэ хатаһаар һүзэгтэй болошоо юм гү? (Бат., 29) – Или (она), поскольку муж ее погиб на Отечественной войне, о нем сокрушаясь, верующей стала?; Тани=ха хад=аа хэлээ хүн аабзаб (Дамб., 108) – Сказал, потому что знаю; Ай, баарһан, урьхада ороод, тэрэнээ таһалжа, гараараа һугалжа хаяжа шада=ха= =гүй хад=аа хэдэн жэл соо иигэжэ зобожо ябана ха юм даа (Лубс., 33) – Ох, бедняжка, попал в силок, петлю оборвал, (но) поскольку руками сбросить не может, сколько лет так мучается; ... харин ажал хэрэгээрээ эсэгэтээ адли болохые оролдо=дог хад=аа В. Тулаев хани нүхэдэйнгөө болон танилнуудайнгаа дунда аргагүй хүндэтэй ябадаг (Тул., 3–4) – ... однако В. Тулаев пользуется среди своих друзей и знакомых несомненным авторитетом, поскольку старается делами стать похожим на отца.

Вариант модели со сказуемым ЗПЕ – причастием на =аа или его

отрицательной формой (T_V=аа{=гүй} хада=//) – является многозначным: он выражает причинные отношения, если форма главного сказуемого, лексическое наполнение фразы и контекст указывают, что главное действие реально осуществилось:

Бүтид гэрэй ээзн бай=гаа хад=аа Тагарые сайлуулхаяа набтархан табсан дээрэ хилээмэ, тоһо табижархёод, хангал һайхан үнэртэй ногоон сай аягалба (Дамб., 51) – Бутид, раз была хозяйкой дома, чтобы напоить Тагара чаем, поставила на низенький столик хлеб, масло, налила в чашку зеленый чай с приятным ароматным запахом.

Условные отношения выражаются, если главное сказуемое – форма со значением потенциальности (будущее время, императив и т.п.):

Шинии (род. п.) алуулш=оо хада=ш, намтай хамта хэн дайлалдахаб? (Тум., ТБ, 115) – Если ты дашь себя убить, кто вместе со мной воевать будет?

Ирреально-условные отношения передаются, если главное сказуемое – форма с сослагательным значением (=ха байгаа и т.п.):

Хамагай түрүүндэ гэмээ өөрһөө бэдэрээд, оложо яд=аа хад=аа одоол намдаа халдажа орохо ёһотой байгааш (ХН, 4, 250) – В самую первую очередь надо было на себе вину поискать, если бы не удалось найти, тогда уж надо было ко мне приставать.

В конструкции со служебным словом һаа также используются имена в предикативном употреблении, имена обладания на =тай/=түй и все основные причастные формы. Общая формула модели:

$$(\{N_2 \rightarrow\} \frac{T_V=\text{прч}}{N,\ T_N=\text{тай}} \text{ һаа=//}) \text{ (ПЕ).}$$

Семантика ее – реальное условие и производные от него значения, близкие к условному (риторический вопрос и т.п.). По модели строятся как моносубъектные, так и разносубъектные фразы; показатели притяжания употребляются редко. Примеры:

Эгээ хүсээр шудх=аа һаа=нь, гээшэбиб? (Тул., 32) – Что я буду делать, если (он) будет вливать (водку) силой? Сэбэр юм һаа=нь өөрөө юундэ нүхэсөөгүй юмши? (Б–78–1, 113) – Если она красивая, почему сам не дружишь?; Юрэдоо, һайнаар гар=аа һаа=нь, танда заатагүй эльгээхэб – Впрочем, если (фотографии) хорошо выйдут, я вам обязательно пришлю; Сүлөө=тэй һаа=тнай ошоё (Б–79–6, 55) – Если у вас есть время, пошли (букв.: досуг=имеющие если=вы...).

Вариант этой модели с формами сослагательного наклонения в главной части выражает ирреальное условие: формула

$$(\{N_2 \rightarrow\}\ T_V=\text{прч}\ \text{һаа=//})\ (N_1 \rightarrow V_{\text{сосл}}).$$

Үхэл=эй (род. п.) ер=ээ=гүй һаа, үшөөшье ерэн гурбан жэл һуу= =ха=л һэм (БРС, 657) – Если бы не пришла смерть, жил бы еще 93 года; Угайдхадаа энэ Сэсэг=эй (род. п.) үгы бай=гаа һаа, иигэжэ ехээр эшэ=хэ=шье=гүй бай=гаа=б (Тул., 23) – По крайней мере, если бы не было этой Сэсэг, я бы не стеснялся так сильно.

В начале ЗПЕ может появляться условный "квазисоюз" хэрбээ 'если', усиливающий условное значение фразы:

Хэрбээ түл=өө=гүй һаа=тнай хуулида мүргэнэб (Б–76–1, 33) – Если (вы) не заплатите, я обращусь к закону; Хэн болохыень хэр-

бээ мэдэ=ҳэн ҳаа, тэрээндэ ондоохоноор ханда=ха=л ҳааб даа (БРС, 657) – Если бы знали, кем станет, относились бы к нему по-другому.

В конструкциях со служебными словами ҳаа, реже хада, после причастного показателя может появляться уступительная частица =шье (=ш), придающая им уступительную семантику. Формальные свойства конструкций при этом не изменяются; сохраняются и основные семантические варианты. Примеры:

Хии бараан=ай (род. п.) үбҳэ абахада ҳаалта бол=оо=ш хада=нь, бидэ ехээр бэлдэхэ ёҳотойбди – Хотя плохая погода мешает заготавливать сено, мы должны заготовить много; Зай, юун эээн байха ҳэм. Бай=гаа=шье ҳаа=нь, хүлынь хуха сохихобди (бат., 4) – Ну, какой еще может быть (дух-) хозяин. Даже если и есть, ноги ему переломаем; Нэгэтэ Гүнсэмаа ... үбгэн=эйн=гөө (род. п.) эүбшоо=хэ=гүй= =шье ҳаа=нь, үниинэй бодожо ябаҳан юумэеэ хэлэхэ гэбэ (Дамб., 107) – Однажды Гунсэма решила сказать, что думает на самом деле, хотя бы муж и не одобрил (даже если муж не одобрит); Би гэр соо шууяа=тай=шье ҳаа=нь, энэ хэлэҳыень тодоор дуулабаб (Тул., 20) – Я, хотя в доме было шумно, ясно расслышал, что он сказал.

Служебное слово аад и формируемые им конструкции по своим свойствам довольно сильно отличаются от конструкций с хада и ҳаа. В них никогда не появляется притяжательное оформление – это связано с его происхождением от формы деепричастия на =аад от древнего служебного глагола а= (Амоголонов, 1958, 220), а это деепричастие притяжательных показателей не принимает. Другие формальные свойства этой модели напоминают свойства конструкций с деепричастием на =аад (см. главу 2 этого раздела): по ним чаще строятся моносубъектные фразы; в разносубъектных подлежащее ЗПЕ имеет форму неопределенного падежа, причем подлежащее ГПЕ и ЗПЕ часто связаны между собой отношениями типа часть – целое и т.п. Формула модели:

$$(\{N_1 \leftrightarrow\}\ \frac{T_V\text{=прч}}{N,\ T_N\text{=тай}}\ \text{аад})\ (\text{ГПЕ}).$$

Семантика ее – уступительно-противительная:

Шаралдай юушьеб хэлэхэээ амаа нээ=ҳэн аад, абяагүй орхижорхёо ҳэн (Анг., 37) – Шаралдай открыл рот что-то сказать, но так и промолчал; Трактористаар хүдэл=дэг аад, эундаа ... үбҳэшэдтэ туҳалдаг (Тул., 21) – Хотя работает трактористом, но летом ... помогает косарям; "Победэээ" унад гээд бусаа=ха аад, алдаат (Бадл., 48) – (Вы) могли бы вернуться на "Победе", но упустили (возможность) – МСФ; Хамаг юумэ бултынь хэжэрхихэ ҳанаан бай=ҳан аад, шадал байхагүй (Дамб., 43) – Была мысль (намерение) все сделать, но не будет возможности; Нёдондо правлениинхид тиигэжэ хэлсэ= =ҳэн аад, тэрэ=нь миил хөөрэлдөөн болоод ҳалана ҳэн даа (Бадл., 50) – В прошлом году члены правления так договорились, но это так и осталось просто разговором (РСФ).

Примеры РСФ составляют всего около 5% нашей выборки.

5. Конструкции со сравнительными частицами шэнги, мэтэ, юумэдэл и частицами-морфемами =дал и =шуу. Серия сравнительных конст-

рукций бурятского языка образуется при помощи частиц разного рода: собственно частиц, т.е. неизменяемых служебных слов, и частиц-морфем, входящих в словоформу и подчиняющихся закону сингармонизма. Частицы – служебные слова шэнги, мэтэ, юумэндэл и др. – в Грамматике бурятского языка приведены в списке послелогов, однако функции и формальные свойства их иные, чем у послелогов, описанных выше (см. 2.2). Они могут не только присоединяться к именной или причастной форме для выражения их связи с другими членами предложения и сравнительного значения: шоно шэнгеэр 'как волк', ... урдажа байҳан үндашье шэнгэ=хэ=гүй мэтэ энеэлдэн ... байнаб (ХН.I, 222) 'Смеялись так, словно и в текущей воде не утонут'. Они могут также оформлять финитные сказуемые, придавая им ирреально-модальный оттенок: ... Батын досоо наран гараша=ҳан шэнги (Шойд., 13) – В душе у Бато словно солнце взошло.

В роли средства связи в ППК частицы типа шэнги соединяются со всеми описываемыми здесь причастными формами, заключая собой ЗПЕ со значением эталона сравнения (чаще всего используется причастие на =ҳан). Притяжательные показатели в такой конструкции невозможны. Обобщенная формула сравнительных моделей:

$$(\{N_2 \leftrightarrow\}\ T_V\text{=прч частица})\ (\text{ГПЕ})$$

Примеры со служебным словом юумэ/н/дэл:

Шимни ямар байнаш? – гэжэ Бадма ҳураад, үзүүртэй юумэн дээрэ ҳууша=ҳан юумэндэл, иишэ тиишэ хүдэлнэ (Б-76-1, 27) – Ну, как ты? – спросив, Бадма немного поерзала (букв.: туда-сюда подвигалась), как будто села на что-то острое; Дуул=аа=гүй юумэндэл юундэ байнаш – Что ты стоишь, будто не слышишь; Олон жэл барилдаанда яба=даг юумэндэл Бата бүхэнүүдэй тулалдаанда оролсобо – Бато вступил в схватку признанных борцов, как будто много лет занимался борьбой; Тэрэ юушье марта=даг=гүй юумэндэл хэлэнэ – Он рассказывает (говорит) так, как будто он ничего не забывает; Туҳа хэ=хэ юумэндэл энэгүүр бү эрьелдэ – Не крутись тут, как будто хочешь помочь; Хадамда гара=ха=гүй юумэндэл бү аашала! – Не дурачься, как будто сама замуж не выйдешь!

Модели со сравнительными служебными словами чаще реализуются в моносубъектных фразах. Однако возможны и разносубъектные реализации с формой родительного падежа имени субъекта в ПЕ-эталоне сравнения:

Стул=эйн=гөө (род. п.) шата=ҳан юумэндэл ҳүрэжэ бодобо – (Он) вскочил, будто (под ним) стул загорелся; Юундэ хашхаралданабта, минии (род. п.) таанадые базада эльгээ=ҳэн юумэндэл? – Что вы (на меня) кричите, будто (это) я вас на базу послал? (фраза с инверсией частей).

В конструкции с послелогами шэнги и шэнгеэр может дополнительно входить частица констатации юм:

... хара нюдэниинь хайлажа бай=ҳан юм шэнги, үһаар урдашанад (ХН.I, 384) – ... ее черные глаза, как будто тают, наполнились слезами; ... Шагнажа ҳууҳан хүнэй үрэ эүрхые хайлуулжа, урадхажа

бай=ɬан юм шэнгеэр аялгална (ХН.I, 362-363) – Он поет так, будто трогает, растопляет сердце слушающего.

В образовании сравнительных ППК в бурятском языке принимают участие две частицы-морфемы – сравнения =дал/=дэл/=дол и уподобления =шуу/=шүү.

Частица =шуу 'подобно, словно' сочетается с именами и причастиями: морин=шуу 'конеподобный' (Цыдыпов, 1958, 132); Тиишээ яба=ха=шуу болобо даа 'Наконец-то вроде бы пойдет туда'; Яба=ха=гүй=шүү байна ɬэн 'Кажется, не пойдет'; Яба=даг=шуу болобо 'Начал вроде (кое-как) ходить' (например, о давно болевшем человеке) и т.д.

Однако в составе ППК со сравнительным значением частица =шуу сочетается только с причастием прошедшего времени на =ɬан. Показатели притяжания в такой конструкции не употребляются. В разносубъектной фразе субъектное имя ставится в родительном падеже. Формула модели:

$(\{N_2^{\leftrightarrow}\}\ T_v$ =ɬан=шуу) (ПЕ).

Примеры: Гэр соо хүн=эй бай=ɬан=шуу шэнжэ түхэл орожо, унитуни урьяна (Тул., 17) – Как будто в доме появились люди, затопилась печка, клубится дым; ... зүрхэнүүдыень хүндэлэн хюрөөдэжэ бай==ɬан=шуу хахираар ɬалхан эшхэржэ, улижа эхилээ (Бадл., 9) – ... резко засвистел, завыл ветер, как будто поперек распиливал их сердца.

Словоформа с частицей =шуу может дополнительно принимать показатель орудного падежа =аар в значении образа действия:

Тэрэ конкурс би дабаагүй, ши дабажа гараа бэшэ ɬэн гүш, баабай? – гээд, басаганиинь хажуу тээɬээнь наадал=ɬан=шуу=гаар шэртэбэ (Анг., 44) – Тот конкурс не я прошла, ты ведь прошел, отец? – сказав так, дочка взглянула искоса (букв.: сбоку), как бы насмехаясь.

Частица =дал встретилась нам в конструкциях со сравнительным значением в сочетании с более широким кругом причастий; притяжательные показатели здесь также невозможны, форма субъектного имени – родительный падеж. Формула модели:

$(\{N_2^{\leftrightarrow}\}\ T_v$ =прч=дал) (ПЕ).

Примеры: Тиигээд лэ багшамнай нарай ухибүү эдеэлүүл=ɬэн=дэл тэрэнээ эдеэлүүлдэг, аргалдаг болоо ɬэн (Мунг., 52) – Тогда наш учитель стал лечить и кормить его, как будто кормил младенца; Гэр соо хүн=эй (род. п.) бай=даг=тал ɬэр=мэр гэнэ – В доме шумно, как будто (там) есть люди; Гэр соо хүн=эй (род. п.) бай=даг=гүй=дэл газаань үбɬэ ногоон ургашоод байба – Двор зарос травой, как будто в доме не живут люди; Мэдэгмаа тэрээндэ дүтэ болошо=хо=дол, ɬэмээхэнээр секунда бүри ойртожо бай=ха=дал ɬанагдаба (Анг., 28) – Казалось, будто Мэдэгма становится ему близкой, будто становится ближе с каждой секундой; Ши мүнөөдэр яба=ха=гүй=дэл ухарилдажа байнабши! – Ты копаешься (так), как будто не уезжаешь сегодня!

Причастные словоформы с частицей =дал могут сопровождаться

ся сравнительными частицами-послелогами адли и адляар (форма орудного падежа от адли) 'словно', 'так как':

Гэртээ бай=ɬан=дал адляар байгаарай – Живи так, как жил (раньше) дома.

Смысловые различия между перечисленными выше сравнительными моделями еще подлежат дальнейшему изучению.

§ 4. Конструкции с именными формами зависимых сказуемых в эвенкийском языке

В тунгусоведении термин "причастие" обычно подразумевает класс склоняемых глагольных слов, обозначающих действие как признак или субстанцию (Константинова, 1964, 140). Это не соответствует значению термина в европейском языкознании, но близко к традиции тюркологии и монголистики. С таким пониманием мы не согласны: хотя "адъективное" и "субстантивное" значения (точнее, употребление в атрибутивной и именной позиции) могут принадлежать одной и той же форме (например, на =ри), но есть формы, которым свойственно только атрибутивное (на =ча, =вки) или только "субстантивное" употребление. Таким образом, в рамках одного разряда оказываются глагольные формы с разным набором грамматических свойств.

Кроме того, такое понимание причастий ведет к произвольному и немотивированному отсечению серии "омонимичных" независимых предикативных форм, относимых к глаголу. На неправомерность такого решения обратил в свое время внимание О.П. Суник (1948).

С нашей точки зрения, ядро эвенкийской глагольной системы составляет класс глагольных форм с различными аффиксами модального или временного значения, которые могут выступать в трех синтаксических функциях, определяющих тот или иной тип категориальной семантики и морфологического оформления: независимое сказуемое – спрягаемые несклоняемые формы, определение – неспрягаемые склоняемые формы, зависимое сказуемое – спрягаемые склоняемые формы. Если бы каждая отдельная форма занимала только одну из позиций в системе, то не было бы особого класса модально-временных форм, а были бы глагол, причастие и особая зависимая предикативная форма, которой надо было бы дать название. Наоборот, если бы все модально-временные формы употреблялись во всех трех функциях, то это значило бы, что существует единый полифункциональный класс глагольных форм, который можно было бы назвать и причастиями (как в тюркологии и монголистике).

Сущность же эвенкийской ситуации состоит в том, что система в целом находится в процессе дифференциации, а отдельные ее члены – на разных этапах этого процесса. Одни сохраняют способность употребляться во всех трех функциях, их вполне уместно называть "недифференцированными формами"; этот термин был введен Г.М. Василевич, которая, впрочем, использовала его слишком широко, для обозначения всего класса модально-временных форм (1940, 9). Таковы формы на =дяңа, =ңат, =мачин, =дяк, =эчин. Например: би эме=

=ңэт=ыв 'я должен прийти', эмеңэт бэе 'долженствующий прийти человек', би эмэ=ңэт=пэ=в 'то, что я должен прийти' (=пэ – аффикс вин. п.). Другие формы закрепляются за одной синтаксической функцией, например формы на =ра, =на, =вки. Поэтому любой способ классификации всей системы модально-временных форм приводит к упрощению реальной картины (ср. Бродская, 1972, 1982а). Сейчас нас будут интересовать только зависимые предикативные формы безотносительно к тому, какие еще функции они могут выполнять; для краткости будем называть их традиционным термином "причастие".

Причастная словоформа в функции зависимого сказуемого имеет следующую структуру: причастный форматив, несущий модально-временное значение, аффикс лица (личный или возвратный), характеризующий зависимый субъект по его отношению к главному субъекту или к говорящему, и падежный аффикс, в том числе и нулевой в неопределенном падеже, выражающий синтаксическую позицию всей ЗПЕ внутри сложного предложения. Падежный аффикс – основной структурный элемент конструкции, именно он выражает смысловые отношения между зависимой и главной ПЕ. Показатель лица и модально-временного значения обращены внутрь ЗПЕ, формируя ее предикативность; но у тех и других отчетливо проявляется ориентация на соответствующие грамматические значения главного предложения – и как относительное значение времени и лица, и как ограничения на выбор модально-временного и личного значения ЗПЕ в соответствии с требованием некоторых моделей. Например, для одной из разновидностей причинных ППК существенными признаками являются аффиксы возвратного притяжания =ви/=вар и прошедшего времени =на у зависимого сказуемого: Алгахача бихим тыкул=на=ду=ви 'В гневе я наговорил оскорбительные слова' (тыкул=на=ду=ви 'сам рассердился=в').

О.А. Константинова отмечает в литературном языке следующие причастия интересующего нас типа: с аффиксом =ри, результативное с аффиксом =на, возможное с аффиксом =дяңа, долженствования с аффиксом =мачин, а также сравнительно редкие формы на =эчин и =хсан/=гсан (1964, 146-147). Этот список с не очень существенными вариантами сохраняется для разных диалектов. Так, в разных диалектах распространена форма давнопрошедшего времени на =дяк, в диалектах восточного региона – долженствовательная форма на =ңат.

Для конструкций с падежными формами ЗПЕ в эвенкийском языке характерна еще одна яркая особенность, отличающая их от аналогичных конструкций других описываемых здесь языков: они довольно часто имеют не только событийное, но и предметное значение ('тот, кто'; 'то, что'; 'то место, где' и т.п.). В бурятском, тувинском и других языках эти значения передаются, как правило, другими формальными способами. Структурные и лексические факторы, определяющие этот тип значения ЗПЕ, здесь рассматриваться не будут (см. Бродская, 1981, 54-59; Предикативное склонение..., 1984, 107-134). Рассмотрим отдельные модели.

ЗПЕ в форме неопределенного падежа занимает синтаксические позиции главных членов предложения – подлежащего и реже – именного сказуемого. В модели с событийной семантикой ЗПЕ – подлежащего главное сказуемое – или оценочное имя, или глагол оперирования информацией в форме страдательного залога, или эмотивный глагол в форме каузатива; формулы:

$$/(N_1 \leftrightarrow T_V = прч = \emptyset = //) \leftrightarrow L^{оц}/;$$

$$/(N_1 \leftrightarrow T_V = прч = \emptyset = //) \leftrightarrow V_{пасс}^{оц}/$$

$$/(N_1 \leftrightarrow T_V = прч = \emptyset = //) \leftrightarrow (V_{кауз}^{эм} \leftrightarrow N_{вин})/.$$

Тавар би акин гунды акинми дюрэ балды=на=н ая биденэн (ФЭЯ, 181) – То, что мой названый брат два раза родился, хорошо; Буруйис баралдан, эр=дэ некэксэ, га=ды=с эхин са=в=ра (ФЭЯ, 50) – Много за тобой вины, даже сделав это, возьмешь ли ее – неизвестно (=са=в= – 'знать', аффикс страдательного залога); Нуңан суру=мэчин=ин упкат==ва ибдерил=вэ (вин. п.) сивин=мукан=де=ңки=н (Г, 8) – То, что он уезжает, всех родственников обеспокоило (=мукан – аффикс побудительного залога).

В модели с предметным значением главное сказуемое – глагол конкретного действия или предметное имя:

...Окин=ка э=нэ=н долды=ра чернңадяран (ИФЭ) – Пишит тот, кого она никогда не слышала.

Примеры со сказуемостными ЗПЕ очень редки и однотипны: их подлежащее–название конкретного предмета или лица, существительное или местоимение в неопределенном падеже; с ним согласуется в лице вспомогательный глагол би= 'быть' или о= 'стать', а в роли именной части сказуемого выступает ЗПЕ. Причастное сказуемое ЗПЕ имеет лично-притяжательный показатель, указывающий на субъект зависимого действия, и нулевую форму неопределенного падежа:

Тар атыркан (неопр. п.) нонон Мэкэгирилдук кусиксэл тытэ=нэ==тын=Ø би=чэ=Ø (3-е лицо) Эгинкэгирил – Эта старуха была та, которую у Мэкэгиров в бою отняли Эгинкогиры.

ЗПЕ в форме винительного падежа (аффикс =ва с фонетическими вариантами) занимает позицию прямого дополнения при глаголах оперирования информацией и некоторых других, более редких глаголах. Формула модели:

$$(\{N_1 \leftrightarrow\} T_V = прч = ва = //)\ (...\overbrace{V}^{ОИ}).$$

Перечень наиболее частотных глаголов ОИ в алтайских языках, в том числе и в эвенкийском, приведен в монографии "Предикативное склонение..." (1984, 66-76). Примеры:

Тар дяпканңадук долдыран нэкунмэн нэмкитчэ=ри=вэ=н (ИФЭ, 160) – С опушки услышал, что тот стреляет в его младшего брата; Нуңарватын бихэмдэ экунди=да тыкэн эксэде=ри=вэ=н ңи=кэт эвки сарэ (ФЭЯ, 122) – Как (чем) она их вела, никто не знает.

В редких случаях главное сказуемое является глаголом абстрактной семантики, не принадлежашим к классу ОИ, например:

Си аява онни, хутэ, аява о=на=ва=с экунди=ңан тамадиңав? (ИФЭ, 74) – Ты сделал добро, дитя. За то, что сделал добро, чем

отплачу?; Эвэнкия иландяр анңанилин одя=ри=ва=н аят хавалнал арчадярав – Тридцатилетие Эвенкии встречаем хорошей работой (то, что тридцать лет наступает).

Появление таких предложений – прогрессивное явление, связанное с обогащением функционально-семантических свойств глаголов конкретной семантики, таких как тамадиңав 'заплачу/отплачу', арчадярав 'встречаем'.

Дательный падеж в системе эвенкийского склонения выражает целый комплекс разнородных смысловых отношений, большая часть которых тяготеет к одной из двух сем: статики и динамики. Биполярность дательного падежа особенно отчетливо проявляется в предикативном склонении. Статический элемент семантики реализуется в конструкциях с ЗПЕ пространственного значения как совпадение двух действий по месту их совершения:

Тар=мал амаски бэел бу=нэ=ду=тын эхикэкэн аят индерэ (Хант.) – Там, где раньше люди умирали, теперь хорошо живут; Эхиткэн он бихин гунми, Чара=эникэн сигилин би=дек=ту=тын? (ФЭЯ) – А как теперь там, где были леса Чары-матушки?

Темпоральная реализация статического значения – одновременность двух действий; зависимое сказуемое – причастие, передающее относительное настоящее время, т.е. одновременность зависимого и главного действия (=ри); формула модели:

$(\{N_1^{\leftrightarrow}\}\ T_v$ =ри=ду=//) (ПЕ).

Си биде=ри=ду=с экинни сонодёрон (ИФЭ) – Когда ты спокойно живешь, твоя сестра плачет; Э=хи=ду=н долдыра улгучэмэтчэл (Хант.) – Когда тот не слышал, они договорились.

Динамический инвариант проявляется в значении направленности действия, что и дало основания для обозначения рассматриваемого падежа термином "дательный". Он обнаруживается в косвенно-объектных ЗПЕ, обозначающих различные виды реакций. В модели, передающей эмоциональную реакцию на событие, – $(\{N_1^{\leftrightarrow}\}\ T_v$ =на=ду=//) $(N_1^{\leftrightarrow} \leftrightarrow V_{фин}^{ЭМ})$ – зависимое сказуемое выражается формой причастия прошедшего времени на =на; главное сказуемое – эмотивный глагол, управляющий формой дательного падежа ЗПЕ-стимула:

Тар гун=нэ=ду=н Нивэнинде тыкуликса эр=дэт кухидэви некэчэн (ИФЭ) – Нивэниндя, рассердившись на (то, что) тот сказал, тут же решил биться; Эр унякаптунма бака=на=ду=с би умукэн токива лукулэдиңэв (ИФЭ) – За то, что ты нашел это кольцо, я тебе застрелю одного лося.

О других вариантах реактивного значения, выраженного дательным падежом, см.: "Предикативное склонение..." (1984, 99-103).

В конструкциях с ЗПЕ в отложительном падеже (аффикс =дук/=тук) в разной степени проявляется инвариантное значение отложительного падежа, отражающего динамику исходности. Эти ЗПЕ употребляются в функциях косвенного дополнения и обстоятельства. Употребление в функции косвенного дополнения связано с валентностными свойствами и лексической семантикой управляющего эмотивного глагола, обозначающего реакцию на событие ЗПЕ, модель:

$(\{N_1^{\leftrightarrow}\}\ T_v$ =прч=дук=//) $(N_1^{\leftrightarrow} V^{ОИ})$.

Заметим, что оформление отложительным падежом придает отношению "стимул – реакция" дополнительную причинно-следственную окраску в отличие от дательного падежа, выражающего реактивное значение "в чистом виде". Например:

Си дюлэли тагды=на=дук=ис би=дэ эчэв тыкулчара (ФЭЯ) – Я же не сердился на то (от того), что ты первый у меня отнял; Нунан век дивэдеңкин авсакандуви илэ хэңкэт=чэ=ри=дук=ин (Нак.) – Он все время удивлялся тому, что в ящичке говорит человек; Ольга Николаевна би аят алагувул=на=дук=ив урунчэдечэн (Н) – Ольга Николаевна радовалась тому, что я начал хорошо учиться.

ЗПЕ в отложительном падеже употребляются в сравнительных и сопоставительных конструкциях, обозначая объект сравнения:

$(\{N_1^{\leftrightarrow}\}\ T_v$ =прч=дук=//) (Компарат).

В этих конструкциях ЗПЕ подвергается сильному управлению со стороны главного сказуемого – компаратива; чаще всего это слово аятмарит 'лучше':

Нян клеткаду дявавча би=деңэ=дук аятмар демудук буми – Чем снова быть посаженной в клетку, лучше умереть с голоду (подробнее см. "Предикативное склонение...", 1984, 103-106).

Обстоятельственные значения представлены в следующих моделях с ЗПЕ в отложительном падеже:

1. $(\{N_1^{\leftrightarrow}\}\ T_v$ =дяк=дук=//) $(N_1^{\leftrightarrow} V_{движ})$.

В этой модели ЗПЕ обозначает исходный пункт движения. Зависимое сказуемое в большей части примеров выражено причастием давнопрошедшего времени на =дяк:

Васиб=дяк=тук=ин бунинмэр ирура Таймырдула, тадук нэрэ (Хант.) – С того места, где он был убит, приволокли труп на Таймыр и похоронили; Куңакан бинэ балды=дяк=тук=ви сурурэн (ТД) – Ребенком пришла оттуда, где родилась.

2. $(\{N_1^{\leftrightarrow}\}\ T_v$ =прч. прош.=дук=//) (ПЕ).

В этой модели с семантикой начального предела во времени ('с тех пор как') ЗПЕ обозначает конкретный единичный факт, фиксирующий момент, с которого начинается длительное главное действие или ведется отсчет времени. Зависимое сказуемое – причастие прошедшего времени. Например:

Бугадукки эмэхин=чэ=дук=ки элэкэс дептэн (ИФЭ) – С того времени как пришел из своей страны, впервые поел; Эр бэгэвэ умив=на=дук=сун илэ=кэт исты одам (ФЭЯ) – С тех пор, как вы напоили меня этим лекарством, я куда угодно могу поехать.

3. $(\{N_1^{\leftrightarrow}\}\ T_v$ =на=дук=//) (ПЕ).

Это модель с причинной семантикой; зависимое сказуемое обычно в прошедшем времени. Примеры:

Энинмэн э=нэ=дук=ин мачалэви бурэ нян варэ (К) – Его мать тоже убили, потому что она не дала свою корову; Тар атыркан балирэн бивук хоңо=но=дук=пи илмактадуйи (Хант.) – Эта старуха ослепла оттого, что все время плакала в молодости.

Конструкция с ЗПЕ в местном падеже (аффикс =ла/=дула). Доминирующая семантика местного падежа – динамическая направленность, причем синтаксическая единица в местном падеже обозначает цель движения, а не ориентир.

1. $(\{N_1^{\leftrightarrow}\}\ T_V$=прч=ла=//) $(N_1^{\leftrightarrow}\ V^{движ})$:

Сурувуңкин удяракан а=де=ри=ла=н тамнаксакан – Уводила тропинка туда, где спал туман; Тэли бэюктэмнил торокил илит=ча=ри=ла=тын туксаксал, пэктырэнивкил (ТД) – Тогда охотники, побежав туда, где стояли кабаны, начали стрелять.

2. $(\{N_1^{\leftrightarrow}\}\ T_V$=на=ла=//) $(ПЕ)^{врем}$.

Конструкция выражает значение 'с тех пор как' (отсчет времени с момента совершения события, названного ЗПЕ). В этом значении более частотный местный падеж конкурирует с отложительным:

Би эр улгурва долды=на=ла=в эчэ хо горо бихи (Хант.) – С тех пор, как я услышал этот рассказ, прошло немного времени; Тар бэе эду би=л=нэ=лэ=н илан аңани илтэнчэ (Хант.) – С тех пор, как этот человек здесь стал жить, прошло три года.

В конструкциях с ЗПЕ в форме продольного падежа (аффиксы =ли/=дули/=тули) ЗПЕ выполняет функции косвенных дополнений и обстоятельств. В роли дополнений они употребляются, во-первых, при глаголах речи вместо исконного для эвенкийского языка винительного:

$(\{N_1^{\leftrightarrow}\}\ T_V$=прч=ли=//) $(N_1^{\leftrightarrow}\ V^{ОИ})$.

Би нуңандун буссэде=ри=ли=ви гундем (Н) – Я ей сказал, что болею; Баркаул суру=мэчин=дули=н улгучэмэтчэңкин (Г) – Он рассказывал о предстоящем отъезде Баркауля (о том, что Баркауль должен уезжать).

Такое употребление свойственно языку газет, публицистики и художественной литературы, прежде всего переводной.

Во-вторых, ЗПЕ в продольном падеже употребляются при глаголах поощрения или наказания:

Аяканма о=на=ли=с би=дэ синду баяндукки буделим (ФЭЯ) – За то, что ты сделал добро, я тоже дам тебе (кое-что) из своего богатства; Усисиль минэ аманды=на=ли=в лэгилдэн (Хант.) – Учитель начал меня ругать за то, что я опоздал.

Обстоятельственных моделей с ЗПЕ в продольном падеже три:

1. $(\{N_1^{\leftrightarrow}\}\ T_V$=прч=ли=//) $(N_1^{\leftrightarrow}\ V^{движ})$.

Здесь ЗПЕ имеет значение места, по которому происходит движение, называемое главным сказуемым:

Эр ңэнэм=нэ=ли=тын Умусликэн=сонин, соңоно, соңоно туксадяхинэн (ИФЭ) – По (той же дороге, по которой) они ее увезли, Умусликон-богатырь, плача, плача, побежал; Хуктывухинэн нулги=дек=тули=ви дюкчатки (Хант.) – Поехал к старому чуму по (той дороге, по которой) прежде кочевал.

2. $(\{N_1^{\leftrightarrow}\}\ T_V$=на=ли=//) (ПЕ).

Модель выражает семантику причины:

Тэли Нюрумнял диг=нэ=ли=н кэтэ буддэ (ИФЭ) – Тогда многие Нюрумняли умерли из-за того, что она резала (их души); Эниндукис дукувун ачин би=нэ=ли=н эчэс эмэрэ? (Н) – Ты не пришел, потому что не было письма от мамы?

3. $(\{N_1^{\leftrightarrow}\}\ T_V^{речь}$=на=ли=//) (ПЕ).

Модель со значением соответствия. Зависимое сказуемое – причастие прошедшего времени от глагола речи, обозначающее чье-то высказывание; главное – глагол конкретной семантики, обозначающий действие, осуществляемое в соответствии с этим высказыванием:

Соноликсо, Чоколдой=муринин гун=нэ=ли=н инамуктални сэргэлтыки тыкивчэ (ИФЭ) – Заплакав, уронил слезы на столб, как сказал Чоколдой-конь; Уңкилдымнил баян гун=нэ=ли=н уңкилдырэ (ТД) – Судьи решили так (в соответствии с тем), как сказал богач.

Конструкции с ЗПЕ в творительном падеже (аффикс =т/=ди) имеют значение причины и образа действия; обобщенная формула:

$(\{N_1^{\leftrightarrow}\}\ T_V$=прч=т=//) (ПЕ).

Бэе а=де=ри=т=пи эя=да эчэ долдыра (Хант.) – Человек ничего не слышал, потому что спал; Синэви би=хи=ди=н ңэнэдеңэв (ИФЭ) – Раз сила есть, пойду.

Семантика образа действия предикативного творительного проявляется в установлении тождества или соответствия между двумя действиями. Примеры со значением тождества:

Эре гулэ ом=на=т=пи бидерэн (Хант.) – Этот дом стоит так, как построен; Бэел икэнчэ=т=пэр икэндерэ (ИФЭ) – Люди как пели, так и поют.

Примеры со значением соответствия:

Би мэнми са=ри=т=пи нэкэйэдеңэв (ИФЭ) – Я направляюсь сама своим путем (как знаю); Коломкалди бэюсиңкин гороптыду таты=на=т=ви (ЭТ) – Охотился ловушками, так, как привык в давние времена.

От синонимичных конструкций с ЗПЕ в продольном падеже эти предложения отличаются отсутствием элемента императивности; творительным падежом оформляются обычно глаголы мысли, чувства и т.п., а не речи.

В конструкции с ЗПЕ в направительном падеже (аффикс =тки/=тыки) главное сказуемое – глаголы движения, обозначающие направление в сторону, где осуществляется действие ЗПЕ. Формула конструкции:

$(\{N_1^{\leftrightarrow}\}\ T_V$=прч=тки=//) $(...V^{движ})$.

Примеры: Элэтын туксахина погон долдым=на=тки=н (Хант.) – Все побежали туда, где послышался выстрел; Эхилэ якол сэлэмэл тэтыгэлвэ тэтыкшэл суручотын нямади бэе Дайван, биде=но=тки=н (П) – Одев железные одежды, якуты отправились в количестве ста человек туда, где жил раньше Дайван.

Конструкции с ЗПЕ в направительно-местном падеже (аффикс =кла/=клэ/=кло) характеризуются обобщенной формулой:

$(\{N_1^{\leftrightarrow}\}\ T_V$ =прч=кла=//) (ПЕ).

Этот падеж употребляется редко, особенно в предикативном склонении, его синтаксические функции значительно расходятся в разных диалектах. ЗПЕ в направительно-местном падеже имеют пространственное значение. В хантайском говоре они обозначают место, около которого протекает главное действие:

Куңакар амутту элбэскэтчэрэ этыркэн адылилви тулэ=де=ри=клэ=н – Дети купаются в озере около того места, где старик ставит сети; Кали ирэктэ биде=ри=клэ=н элэтын умунуптэ – Все собрались около того места, где растет большая лиственница.

В материалах Н.Н. Поппе (1927) направительно-местный падеж употребляется в значении направительного и наряду с ним. Эти две функции и отразились, видимо, в его наименовании. Примеры:

Тари бэевэ эиде=но=кло=тын суручон – Она направилась туда, где утопили того человека; Нуңан аминми суру=но=кло=н суручон – Он пошел в ту сторону, куда его отец пошел.

Таким образом, с глагольно-именными формами, принимающими разное падежное оформление, в эвенкийском языке образуются разнообразные модели ЗПЕ, выступающих как в роли управляемых предикативных актантов, так и в роли предикативных обстоятельств.

§ 5. ППК с именами действия в нганасанском языке

Нганасанские имена действия по своим морфологическим характеристикам и синтаксическому функционированию весьма близки к алтайским. По нашим данным, имена действия на =псэ/=пса, =мо, =бӱ″э/=хӱ″э и другие употребляются в роли одиночных дополнений, обстоятельств и определений, а также в роли предикативной вершины конструкций. выполняющих эти функции. В дополнительной и обстоятельственной функциях они оформляются падежными аффиксами и послелогами, для выражения лица субъекта зависимого действия – притяжательными аффиксами. Примеры:

Мэнэ немымэ дерусуо тэнэ талуо ту=мо=м=тэ – Мать моя не знала, что ты вчера приехал (ту=мо=м=тэ – форма имени действия на =мо от глагола туй= 'прийти' с показателем вин. п., ед. ч. =м, которого требует главное сказуемое, глагол деру=суо 'не знала'; лично-притяжательный аффикс второго типа 2-го лица ед. ч. =тэ соответствует лицу подлежащего зависимой части тэнэ 'ты'); Иня хӱоти дептэээханту коптуа=мо=м=ту – Бабушка все время рассказывала, как она была молодой; Коптуа кэйңи=сиэ=гэтэ=ту диндяляңко ися кона″а – Девушка

благодаря пению известной стала (букв.: девушка пения=от=ее слышна стала; имя действия кэйңи=сиэ принимает показатель отложительного падежа =гэтэ и лично-притяжательный аффикс 2-го типа 3-го лица ед. ч. =ту); Мэнэ ңянтумэ туй=хӱэ=дя мың, конысытэм мендяе маты – К=приезду моего сына мы перейдем в новый дом (букв.: мой сын=мой к=приезду; имя действия туй=хӱ″э принимает в дательно-направительном падеже показатель =дя).

Имена действия склоняются, но полной парадигмы склонения они не имеют. Имена действия на =мо и на =псэ/=пса принимают форму винительного и продольного падежей, на =бӱ″э/=хӱ″э – еще и отложительного; они употребляются и с послелогами. Поскольку нганасанские имена действия пока еще почти совершенно не исследованы, рассмотрим подробно только одну из таких форм, глагольные функции которой наиболее отчетливы. Эта инфинитная форма образуется от глагольной основы с помощью аффиксов =бӱ″э/=хӱ″э, например, коны=би″э 'хождение', хули=би″э 'звание' (то, что зовут), номта=бӱ″э 'сидение' и т.п. Эта форма участвует в образовании нескольких моделей.

1. $(\{N_1^{\leftrightarrow}\}\ T_V$=бӱ″э=/1т/) (ПЕ). Здесь имя действия не принимает падежного показателя и оформляется притяжательными аффиксами 1-го типа; семантика ее общая временная соотнесенность ('когда').

2. $(\{N_1^{\leftrightarrow}\}\ T_V$=бӱ″э=гэта=/2т/) ($N_1^{\leftrightarrow}\ V_{\text{фин}}$ укл). Формой отложительного падежа управляет главное сказуемое с семантикой негативного прогноза ('бояться').

3. $(\{N_1^{\leftrightarrow}\}\ T_V$=бӱ″э=гэта=/2т/ (ПЕ). Модель с показателем отложительного падежа и лично-притяжательным оформлением 2-го типа; семантика ограничительного следования ('с тех пор как').

4. $(\{N_1^{\leftrightarrow}\}\ T_V$=бӱ″э=$\{$/2т/$\}$ послелог) (ПЕ). Это модели с участием послелогов базэ 'с тех пор как', хуону 'после того как', чубэ 'до тех пор пока'. Рассмотрим их подробнее.

1. Во временных ППК с семантикой общей временной соотнесенности ('когда') форма на =бӱ″э употребляется без падежных аффиксов с лично-притяжательными аффиксами 1-го типа, совпадающими с личными показателями финитного глагола в субъектно-объектном спряжении. Примеры:

Басаханса буй=бӱ″э=ми мынтала=суо=ми ңамсузӱну – Когда=мы=поехали охотиться, взяли еду; Нуманаңку и=хӱ″э=мэ ңойбоуканду=м меригэй – Когда я=была молодая, работала быстро; Кундэ=ху″э=рэ Лямо ту=сӱэ – Когда ты=спал, приходила Лямо.

Во всех примерах этого типа главное сказуемое имеет форму прошедшего времени с показателями =сӱо, =дӱо, =сиэ, =диэ, за которыми следуют лично-притяжательные показатели 1-го типа, оформляющие финитный глагол в субъектно-объектном спряжении. Формы настоящего-будущего времени, включая расширенное настоящее, сочетаются во временных ППК с формой условно-временного деепричастия (см. главу 2 в настоящем разделе).

Семантика общей временной соотнесенности реализуется во фра-

зах как одновременность либо следование главного события за зависимым, например:

Сыты аниэманы няком=би″э=зы динтезу чанхо=диэ – Когда=натянул=он, лук сломался (букв.: он по=сильному натягивание=его лук=его сломался=он); ср.: Нины=мэ колэдя коны″=би″э=зы мынтала=суо хоа==м=ту – Когда мой брат шел в школу, брал с собой трубку (букв.: брат=мой в=школу хождение=его брал=он трубку=его).

Рассматриваемое имя действия может употребляться без лично=притяжательных показателей, если субъект этого действия, отличный от субъекта главного действия, назван во фразе именем существительным:

Байка″а=нэ нилы=би″э саңхоляңку та=ни и=сӱо – Когда старик==мой жив=был, у нас было пять оленей; Сӱрӱ=эӱ дӧаня=би″э моузу коны=диэ тусайкиа=ися – Когда снег растаял, показалась черная (зачернела) земля.

Если субъект зависимого действия в разносубъектной фразе – 1-е или 2-е лицо, то он обычно выражается только лично-притяжательными показателями, местоимение-подлежащее появляется редко: Карака==хи″ э=му моунты сыты кантымисиэ муңкудяйрэ – Когда мы пристали к берегу, он скрылся в лесу; ср. также с 3-м лицом: Чие=би″э=зы мэнэ качэмасусмэ – Я увидела, когда он вошел.

В моносубъектных фразах притяжательные показатели обычно не опускаются (см. примеры выше). Встречаются и разносубъектные построения этой модели, в которых подлежащее ЗПЕ присоединяет аффиксы притяжания, но 2-го типа. Действие зависимой части приписывается здесь предмету, связанному с подлежащим главной части посессивными отношениями:

Ңэндуй=нэ берака=хи″э=зэ моу=дя мыңы коныдиэ=мы хоурэха=са – (Когда) лодка=наша пристала=она к=берегу, мы пошли=мы за=дровами.

Общая формула данной конструкции:

$(\{N_1^{\leftrightarrow}\}T_v$=бӱ″э=/1т/) (ПЕ).

2. Имя действия на =бӱ″э может возглавлять ПЕ, обозначающую прогнозируемое нежелательное событие, в конструкциях с главным сказуемым – глаголом негативного прогноза ('бояться' и т.п.), управляющим формой отложительного падежа (=гэтэ/=кэтэ). Зависимое сказуемое на =бӱ″э помимо падежного аффикса принимает еще лично-притяжательные показатели 2-го типа для выражения субъекта зависимого действия:

Ңэндуйну карамэтума″а ичӱтэ, мыңы хылыдякатым дӱотум=хӱ″э==гэта=ту – Пока лодка не пристала, мы боялись, что она перевернется (досл.: ... боялись=мы перевертывания=ее=от); Мэнэ хылы=дӱо=м сыты чимиезы чаңхо=би″э=гэта=ту – Я испугалась, что он сломал себе зуб; Сыты хылы=дӱо тӑзу быны няком=би″э=гэтэ=ту – Он испугался, что олень слишком сильно натянул веревку.

Формула данной конструкции:

$(\{N_1^{\leftrightarrow}\}T_v$=бӱ″э=$\sqrt{\text{гэта=/2 т/}}$ $(N_1^{\leftrightarrow}V_{\text{фин}}]_{\text{укл}})$.

3. Аффикс отложительного падежа имя действия на =бӱ″э принимает и в обстоятельственной конструкции с семантикой ограничительного следования ('с тех пор как'). Лицо зависимого субъекта выражается лично-притяжательными аффиксами 2-го типа по закономерностям, описанным выше для конструкции с =бӱ″э=/1 тип/:

Буй=бӱ″э=гэта=тэ биэриа″ сити хӱо – С тех пор как ты уехал, прошло два года; Ңотум=хи″э=гэтэ=нэ десыгэйни нильдиэгэй Киристэ – С тех пор как я родилась, мои родители жили в Крестах; Баби бӱй=бӱ″э=гэтэ=тыңы ңамсугалимиом – С тех пор как олени ушли, мы голодаем; Мыңы сумэгэ=сиэ=ни тэнэ бӱй=бӱ″э=гэта=тэ – С тех пор как ты уехал, мы скучали.

Эту модель мы представим формулой

$(\{N_1^{\leftrightarrow}\}T_v$=бӱ″э=гэта=/2 т/) (ПЕ).

4. Весьма часто имена действия на =бӱ″э выступают во временных конструкциях в сочетании с послелогами базэ 'с тех пор как', хуону 'после того как' и чубэ 'до тех пор пока'. К форме на =бӱ″э могут факультативно присоединяться лично-притяжательные аффиксы 2-го типа. По нашим наблюдениям, они появляются чаще в моносубъектных фразах, однако встречаются и в разносубъектных.

Конструкции с послелогом базэ тоже выражают ограничительное следование ('с тех пор как'):

Ңӱонэ дерэгим=хи″э базэ нинтым дуотурэ″ басуэдя – С тех пор как у меня заболела нога, я не хожу на охоту (букв.: нога=моя заболевание с тех пор как я не хожу охотиться); Гиолэги″ туй=ху″э базэ нуманаңку″ ңана″санэ″ тороукасуо сытыңы нанунтуңы – С тех пор как к нам приехали геологи, молодежь работает у них; Сӱрӱсохаби″э базэ дялы″ чесагими″ – С тех пор как лег снег, дни стали холодными; Норудя мэлэму=ху″э=ни базэ нинтыми бу″ нянидя – С тех пор как (мы двое) весной поссорились, мы не разговариваем друг с другом.

Последний пример – моносубъектная фраза с притяжательным аффиксом 2-го типа (=ту – 3-е лицо ед. ч., =ни – 1-е лицо дв. ч.).

Конструкция с послелогом чубэ ' до тех пор пока' выражает ограничительное предшествование (зависимое действие задает конечную границу главного):

Сыры туй=хӱ″э чубэ сыты хуоти колызысые – До того как пошел лед, он все время рыбачил; Мыңы буодему хоймэгим=хи″э чубэ, туну копта=ху″э чубэ – Мы разговаривали до тех пор, пока стемнело, пока погас огонь; Ңунумай ңуозэй козурукунду тагата суамбэтачу сирам=хӱ″э чубэ – Собранные ягоды сушат и хранят до наступления зимы; Мэнэ хойкодуом хямэ=би″ э=нэ чубэ – Я бежал до тех пор, пока (не) стал задыхаться.

Последний пример – моносубъектная фраза с лично-притяжательным показателем 2-го типа 1-го лица ед. ч. =нэ.

Конструкции с послелогом хуону 'после того как' выражают общее следование главного события за зависимым:

Нӱо ңамака=бу″э хуону мэнэ нӧптакасуом киданя – После того как дети поели, я стала мыть посуду; Бэндэ кунту=бу″э хуону мазэ кунсынэ нисыэ сылыгальче сӧйбу – После того как все уснули, в доме стало тихо; Кӱзэтудя туйкэтум сатэрэ молипти=хи″э хуону деңуйче – Утром прихожу после того, как песец застрял в капкане.

Конструкции с послелогами мы представляем следующей обобщенной формулой:

$(\{N_1^{\leftrightarrow}\}T_v$=бӱ″э= /2 т/ послелог) (ПЕ).

Нами выявлена еще одна интересная модель, где в роли зависимого сказуемого выступает аналитическая глагольная конструкция, состоящая из двух форм. Первая – причастие еще не совершившегося действия на =мэтума″а от основы знаменательного глагола; вторая – причастие совершившегося действия на =чӱо/=чу от основы бытийного вспомогательного глагола и=, присоединяющая показатель дательно-направительного падежа =та/=тэ для выражения зависимости от ПЕ и лично-притяжательные аффиксы 2-го типа для выражения лица субъекта зависимого действия. Семантика модели – предшествование главного действия зависимому в любом временном плане. Формула:

$(\{N_1^{\leftrightarrow}\}T_v$=мэтума″а и=чу=та=/2 т/) (ПЕ).

Примеры: Някэлэ=мазума″а и=чу=ты=тэ ӈэндуй, ӈатаруптузэ идитатэ – Прежде чем покупать лодку, покажи ее дяде; Кунту=мэтума″а и=чу=та=тэ, ӈазэ″ дембяче нинту нятыбиэ – Прежде чем ложиться спать, проверь, не мокрая ли одежда; Нӱонэ туй=мэзума″а и=чу=тэ, хирибязэм ӈамсузичу – До того как пришли дети, мне нужно сварить еду.

Закономерности лично-притяжательного оформления в этой модели те же: притяжательные аффиксы 2-го типа факультативны в разносубъектных фразах, где имеется подлежащее зависимой части, выраженное существительным:

Неныкэ″ туй=мэтума″а и=чу=тэ, бэнтимэны дӱэӱрлякунду″ – Пока нет мошкары, погуляем по улице (букв.: мошкара не=прилетевшая будучи, погуляем по=улице); Хуаймуче меймызы=мазымеа и=чу=тэ дӧтурэ валенкэтанэ – Пока нет унтов, ходи в валенках (букв.: унты==твои не=сделанные будучи...); Сорула=мэзума″а и=чу=тэ, мэрэй дембя=чу косэруну=ру″ – Пока дождя нет, просушите свою одежду (здесь подлежащего нет из-за специфики глагола сорула='дождить').

Если субъект зависимого действия – 1-е или 2-е лицо, то он чаще выражается только лично-притяжательными показателями 2-го типа:

Карэ=мэтума″а ичу=тэ=ну″ моунты сыты кантымисиэ муӈкудяйрэ – Прежде чем мы=пристали к земле, он скрылся в лесу.

В моносубъектных фразах лично-притяжательные показатели обычно не опускаются:

Ӈунӱ=мэтума″а и=чу=тэ=нэ бэндя кубазиня, нисизи=нэ бӱ″ чаир==сы – Пока я не соберу весь бисер, чай пить не буду; Чӱӱ=мэзума″а и=чу=та=ту байка″а мунудӱо: "Эмны та̄ нягэ исӱо" – Прежде чем подъехать к стаду, старик сказал: "Это хорошие олени".

Конструкции подобной семантики с формами причастий еще не осуществившегося действия в энецком языке описаны Е.Ю. Рыжовой (1982); в якутском языке – у Е.И. Убрятовой (1976, I, 55); в других тюркских языках Сибири – в монографии "Предикативное склонение..." (1984, 148-151).

§ 6. Конструкции с именными формами глагола (именами действия и причастиями) в энецком языке

Формы того типа, которые в данном исследовании понимаются как именные формы глагола, в работах, посвященных самодийским языкам, называют именами действия и причастиями. Эти формы в роли зависимого сказуемого в синтетических полипредикативных конструкциях энецкого языка выражают подчиненность при помощи категориального форманта данного класса форм (он может быть и нулевым) и падежного показателя или послелога, который стоит в постпозиции к глагольной словоформе и является эквивалентом падежного аффикса. Падежные формы имен действия и причастий принимают показатели грамматического лица, т.е. спрягаются. В отличие от финитных форм в роли сказуемых их личные показатели совпадают с посессивными показателями косвенного ряда. По Н.М. Терещенко, это показатели родительного падежа притяжательного склонения (1966, с. 444); однако мы не считаем эти показатели падежными (Сорокина, 1981, с. 139-140). Оформляя инфинитные зависимые сказуемые, они выражают субъект зависимого действия, а не субъект обладания.

В сфере полипредикативного синтаксиса употребляются только два из четырех локативных падежей энецкого языка: дательный (показатель =ху) – преимущественно с причастиями, редко с именами действия, и отложительный (показатель =хуэ) – с именами действия. Из субъектно-объектных падежей, судя по предварительным данным, можно говорить об участии в полипредикативных конструкциях основного, или именительного падежа.

Структура падежной словоформы имен действия следующая: глагольная основа+показатель класса (имени действия или причастия) ++падежный аффикс+аффикс косвенного притяжания. В формальной записи:

$T_v = \frac{\text{и.д.}}{\text{при}}$ =пад=/косв. пр./.

Из послелогов энецкого языка в конструкциях с именами действия употребляются только 11; из них 6 серийных: дюдит 'до, к тому времени, как' и дюдигон 'при, в то время, когда' – это застывшие формы дат. и местно-творит. падежей; мозигун и мозигуэ 'в то время, когда' – застывшие формы местно-творит. и отложит. падежей; минхун 'при, во время' в форме местно-творит. падежа; локальный послелог орон 'перед' – застывшая форма местно-творит. падежа, в ППК передающий временное значение – 'перед тем как'. Остальные 5 несерийные: каун 'кроме, при'; тотре 'похоже на кого-либо'; декон 'вместо того чтобы', декоз 'чтобы не' и деон 'за, поскольку, из-за того что'. Послелоги декон, декоз и деон имеют аналоги во всех самодийских языках, они восходят к общесамодийскому корневому элементу ^{x}jv, первоначальная семантика и происхождение которого не вполне ясны (Кюннап, 1976, с. 53-57). Оформляющие этот корень показатели местнотворит., отложит. и продольного падежей утратили связь с падежной семантикой. Поэтому мы не рассматриваем

эти лексикализовавшиеся формы как серию. Послелоги декон и декоз употребляются только в полипредикативных комплексах (Сорокина, 1984, 118–124).

Структуру зависимого сказуемого с послелогом представим формулой:

(T_V =и.д.=/косв. р./ послелог) (ПЕ).

Послелог является здесь эквивалентом падежного аффикса: без него основа не является законченной словоформой.

Имена действия в энецком языке представляют собой нерегулярные глагольные образования. Категориальная семантика различных формальных типов этих имен прослеживается слабо. Основная их функция – номинализация глагольного действия. Имена действия могут содержать специальный аффикс-номинализатор, но такого аффикса может и не быть, тогда имя действия тождественно основе глагола. Имена действия сохраняют аспектуальную семантику глагола, от которого образованы. В роли зависимых сказуемых они приобретают грамматическую категорию лица, выражаемую показателями косвенного ряда.

У этих форм сильны и именные свойства. Некоторые из них лексикализуются и становятся именами существительными, принимающими личные посессивные показатели прямого ряда (по Н.М. Терещенко – именительного падежа; 1966, 444), которые выражают именно принадлежность, например: У то=ба=р сойзась 'Твой приход был кстати'; Дери=ма=р нартар 'Прекрати твой разговор'. Сравним: Эси=р то 'Твой отец пришел' (аффикс =р – показатель 2-го лица прямого ряда).

И все же имена действия как класс форм в энецком языке не стали, с нашей точки зрения, отглагольными существительными. Они сохраняют семантику глагола, систему его валентностей, способность образовывать собственный предикативный узел. Роль сказуемого зависимой части является их основной синтаксической функцией. Предикативный узел, который они организуют, устроен иначе по сравнению с тем, который организуют финитные формы. Личное оформление сказуемого выполняется с помощью показателей косвенного, а не прямого ряда; по косвенному, а не прямому ряду в случаях, когда это нужно, притяжательно оформляется и подлежащее зависимой части.

Но предикативный узел как таковой сохраняется и соотносится с главным, финитным предикативным узлом. Поэтому имена действия мы считаем инфинитными глагольными формами; для некоторых из них функция зависимого сказуемого оказывается главной, а может быть, и единственной.

Мы выделяем в энецком языке четыре имени действия: с нулевым показателем и с показателями "удлинение конечного гласного основы", =ба и =ма. Все они способны присоединять показатели падежа и личные показатели, образуя целостную синтетическую словоформу. Сочетаясь с послелогами, они образуют аналитические словоформы.

Рассмотрим сначала форму с нулевым показателем. Она используется в ППК синтетического типа как зависимое сказуемое, принимая

показатели отложительного, крайне редко детального падежа. Формула этой конструкции:

($N_1 \rightarrow T_V$ =хуз=(у)=/косв. р/) (ПЕ).

Здесь =у= – соединительный гласный; передаваемое значение – общая временная соотнесенность событий. Например:

Сайдума нара=хуз=да каса ней мʌкуда то – Война когда=кончилась, мой сын пришел домой; То=хоз=да модьрима – Когда он подошел, мы перестали разговаривать; Чики энчи модэ=хаз=у=нь нода тоз – Когда я увидел этого человека, к нему подошел; Пазор пазо=хуз=у==нь модь лоты ми нобзау – Когда=я=написал письмо, я опустил его в ящик.

В отдельных случаях на это общее временное значение наслаивается причинный оттенок, который может стать основным в значении фразы, например:

Сэйдю=нь тахата=хуз=у=д тотагусь ниу пирос – Из-за того, что ты=разбил мои очки, я не могу теперь читать.

В нескольких встреченных нами примерах такие имена действия оформлены показателем дательного падежа:

Коди=ху=нь бу кизи" колта – Пока=я=спала, он мыл чашки; Торь дяз=ху=да дёгуд тобиз – Пока=шла=она, до пастей дошла.

Здесь выражена одновременность действий. Такое падежное оформление и такое значение более характерны для причастных зависимых предикатов.

Форма с нулевым показателем сочетается с различными послелогами: деон, орон, дюдигон, каун и другими, придающими зависимой части значения цели, причины, предшествования, следования и т.д. Общая формула конструкций этого типа –

(($N_1 \rightarrow$) T_V =Ø= (/косв. р/) послелог) (ПЕ).

Например: Камозу . то=д орон оʌизи дери канта – Прежде чем ты дойдешь до поселка, два дня пройдет; Модь мосахунынь торь эказаубиз, мʌкнынь молодось обухуру мосте=нь каун понидь нез пирос – Я так устаю на работе, что дома делать ничего не могу, кроме=как==лежать=я; У то=д дедигон модь соходаз – К тому времени, как ты вернешься, я поправлюсь; Модь кане=нь минхун кая эбана неон нʌсь – Когда я=уходил, солнце было в зените (над головой).

Во всех предыдущих примерах имена действия, за которыми следовали послелоги, были оформлены посессивными показателями косвенного ряда, которые были обязательными, поскольку во всех этих фразах в зависимой части не было отдельного подлежащего. Личные местоимения – подлежащие в энецком языке факультативны. В двух последних примерах, где они присутствуют, субъект тем самым выражен дважды. В предложениях, где в ЗПЕ подлежащее налицо, притяжательные аффиксы зависимого предиката могут опускаться. Например:

Казу=д кане деон канисʌь – Из-за того, что начались бураны, мы уехали.

Рассмотрим теперь имена действия со специальными формантами-

номинализаторами. Имена действия с морфонологическим номинализатором – удлинением конечного гласного основы – употребляются только в роли зависимого сказуемого. Как и нулевая форма, они используются с показателем отложительного падежа и показателями лица субъекта косвенного ряда, а также в сочетании с послелогами:

$(\{N_1 \leftrightarrow\} T_v$=удл. гл.=хоз=$\{$у=/косв. р./$\})$ (ПЕ).

Модель выражает общее следование. Она мало употребительна. Примеры:

Коди=е=хоз=у=нь мосрась канись – После того как я поспал, работать пошел; Буй пири=е=хоз=у=да бу кани – После=того=как сварился суп, он ушел.

При выражении подлежащего отдельным словом зависимое сказуемое и в этой конструкции может не оформляться аффиксами косвенного ряда. Например:

Буяхан паги=нь масо=о=хоз модь оса пазор ми могутау – Чтобы одежда не испачкалась кровью, я мясо в бумагу завернула; Сизи по кани=е=хуз эбь нэнь то – Когда=прошло два года, ко мне мать приехала.

Более типично для этого имени действия функционирование с послелогами деон, мозегун, орон, дюдит и др.; общая формула этого типа моделей:

$(\{N_1 \leftrightarrow\} T_v$=удл. гл.=$\{$/косв. р/$\})$ послелог (ПЕ).

Примеры: Каса эчид сойза база мана саме окаан собо=о=да деон – Похвали мальчика за то, что много червей накопал=он; Дёха сод то==о=нь мозегун пи кайдь – Когда я=доехал до устья реки, наступила ночь; Усуд то=о=нь орон гордухон диризучь – Перед тем как я=приехала в посёлок, я жила в городе; Бу кани=е=да дюдит бу пэзуда пятучь тара – До того времени как он=уйдет, он должен дров нарубить; Модь мирзедаз нед сои=нь созо=о=д деон – Я тебе заплачу за то, чтобы ты=сшила мне шапку.

Конструкции с парными послелогами декон и декоз с соотносительными значениями 'вместо того чтобы' и 'чтобы не', относящимися к древнейшему пласту общесамодийской лексики, тоже являются, видимо, весьма древними. Примеры:

Эда пярзи=е=да декон небиза – Вместо того чтобы матери помочь бегает; Мосра=а=да декон пед симиз – Вместо того чтобы работать, на улицу сбежала; Тэ норо=о=да декоз бу кодабиз – Чтобы не ловить оленей, он уснул; Кази мосо=о=да декоз бу кани – Чтобы не мыть посуду, она ушла.

Показатели лица косвенного ряда у этих форм обязательны. Формулы конструкций:

$(\{N_1 \leftrightarrow\} T_v$=удл. гл.=/косв. р/ декон/декоз) (ПЕ).

Имена действия с нулевым показателем и с показателем "удлинение гласного", как нам представляется, суть варианты одной и той

же инфинитной формы глагола. В энецком языке происходят постоянные фонетические изменения: возникают определенные типы ассимиляций, разрушается гармония гласных, стягиваются слоги, выпадают гласные. Сравнительно молодым является процесс разрушения конечных гласных основы: еще недавно консонантные исходы (финали) в энецких основах были исключением. Возможно, что в рассматриваемых именах действия мы наблюдаем один из таких процессов – редукцию гласного на морфемном шве. В свете этого предположения имена действия с нулевым показателем легко возводятся к именам действия с удлинением гласного. В пользу этого предложения говорит и отсутствие существенных различий в значении и употреблении этих именных форм глагола.

Третья форма имен действия характеризуется суффиксом =ба. Формы с этим суффиксом в отличие от уже рассмотренных могут лексикализоваться в качестве существительных. В связи с этим они, кроме парадигмы, общей для всех имен действия как для форм глагола, могут приобретать лично-посессивную парадигму прямого (субъектного) ряда: Меси=ба=р кудаха эби 'Твоя перекочевка была долгой'; меси==ба=за 'его перекочевка' (от глагола меси=сь 'аргишить'); У то=ба=р сойзась (от глагола то=сь 'прийти') 'Твой приход был кстати'; Бу пери чики дяд кане=ба=за битуң ась 'Он часто в эти края о=своей=поездке вспоминает'. Как видно из этих примеров, имена действия в этой форме называют процессы, соответствующие семантике глагола: мосрась 'работать', мосра=ба 'труд' и т.п. Отглагольные существительные с формантом =ба, совершенно обособившиеся от глагола, в энецком языке малочисленны (например, айбь 'сырой', ай=сь 'быть сырым', айя 'тело', айбаз 'строганина').

Употребление форм на =ба в рассматриваемой роли исключает их оформление посессивными показателями субъектного ряда; они принимают только показатели косвенного ряда. При этом форма на =ба сохраняет аспектуальные характеристики, например: базза=сь 'вырастить, выкормить', базза=гу=сь 'выращивать' (суфф. =гу выражает вид длительного действия), базза=гу=за 'тот, кого растят', базза==гу=ба 'выкармливание кого-то, выращивание'; Сэзор базза=гу=ба – модьна ага мосаба 'Разведение песцов – основное наше дело' (сэзор 'песец' в форме основного падежа); Иблейгу сэзор базза=гу=ба сэйза моса 'Выкармливание маленьких песцов дело не простое'; Модь сэзор баззаз 'Я песца выкормила'.

В функции зависимого сказуемого формы на =ба употребляются ограниченно. В формах отложительного, а тем более дательного падежей они не встречены. Но нами отмечена конструкция изъяснительного типа, где к этой форме, употребленной без падежного показателя и без послелога, непосредственно присоединяются посессивные показатели косвенного ряда, выражающие субъект зависимой части. В главной части бывает представлен глагол оперирования информацией, т.е. форма основного падежа имени действия выступает в энецком в той роли, в которой в алтайских языках употребляется винительный падеж. Примеры:

Примеры: Сойзан мосраба=д эки дери нодаба – Мы сегодня узна-

ли, что ты хорошо работал; Экун э=ба=да эсехуэда нодаҫь Никита декийэ – Услыхав от отца, что он здесь, Никита удивился; Коба мɛкон э=ба модэз – Я увидел, что шкура на чуме.

Сравним эту форму в отрицательных конструкциях:

Модь и=ба=д кане=ба=д камазаз – Я понял, что ты не уехал; Ноньнодахуз дёта и=ба кас=ба кооз – Когда ноги промокли, я понял, что роса не высохла (притяжательного оформления нет, поскольку в ЗПЕ есть свое подлежащее); Уда и=ба=да то саҥаз – Жаль, что вы не пришли.

Как видим, здесь притяжательные показатели и аффикс =ба принимают одновременно и знаменательный глагол, и отрицательный глагол=частица и=.

Нам встретилось несколько интересных примеров на аналогичное употребление "нулевой" формы:

Модьна торь мяр кане=д сенабачь – Мы жалели, что так рано ушел =ты; Ку кане=да дёхораз, науче корухо нэныда кадаҫь – Куда ушел=он – не знаю, но самый острый нож взял с собой.

Однако примеров такого рода в наших материалах мало. Вопрос об этих конструкциях требует еще дополнительного изучения.

Форма имени действия на =ба регулярно употребляется с послелогами мозегун, орон, деон, тотре, декон, каун и др.; посессивные показатели в этих конструкциях невозможны. Их общая формула –

$(\{N_1 \rightarrow\} T_v$=ба послелог) (ПЕ).

Примеры: Кода=ба каун обухуруд незучь кома – Я ничего не хотел, кроме как заснуть; Незда и=ба му мозегун бу не кометаби – Он любил детей еще в то время, когда не женился (жену не взял); Сҫита сҫехо дезе=ба тотре, бу нолю дяхун торарыйз – Он завертелся на одном месте, как будто кто-то его ударил; Нина ару=ба орон ага камоз седадаба – Прежде чем вырастут дети, мы построим большой дом; Мога дяго=ба деон экын мɛ пухуз седагуйз – Из-за того, что здесь нет лесов, здесь дома строят из камня; Кирба пире=ба орон кирба колычь тара – Перед тем как печь хлеб, надо тесто замесить; Мотор тахара=ба деон одоба кичи батара – Из-за того, что сломался мотор, лодку нашу чуть не перевернуло; Тэ ноо=ба декон бу коди – Вместо того чтобы ловить оленей, он уснул.

Четвертая форма имени действия характеризуется суффиксом =ма. Формы на =ма образуются, как правило, от глаголов состояния. Морфему =ма мы находим и в структуре фенитных словоформ статических глаголов. В предыдущих работах мы называли эту морфему в финитных формах суффиксом состояния-становления действия: Паги боо=ма 'Парка износилась, плохой стала'; дери=ма 'Рассвело, днем стало' (Сорокина, 1977, 203). Формы на =ма можно трактовать как глагольные основы, осложненные словообразовательным суффиксом =ма и способные функционировать в предложении и как главные, и как зависимые сказуемые; различаются они в связи с этим только в парадигмах. Другая возможная интерпретация – перед нами два омонимичных суффикса: один – суффикс имени действия, другой –

видовой суффикс с семантикой становления. Мы склонны считать первое понимание более правдоподобным.

Формы на =ма, как и формы на =ба, часто субстантивируются, и тогда они могут принимать посессивные субъектные показатели прямого ряда: дери=чь 'говорить', дэри=ма – 1) имя процесса по глаголу 'говорить', 2) 'разговор': дери=ма=р нартар 'Разговор-твой прекрати'. В случае полной лексикализации они приобретают субстантивную парадигму склонения, например, дяз=у=чь 'ходить', дяз=ма – 1) 'хождение', 2) 'проход': Дяз=ма=хон из нэ 'В проходе не стой', дяз=ма=хуз кань 'от прохода отойди'.

Имя действия на =ма, как и рассмотренные выше, в роли зависимого сказуемого употребляется в отложительном падеже и с послелогами. Форма отложительного падежа выражает следование главного события за зависимым и оформляются аффиксами ксовенного притяжания по описанным выше правилам. Формула этой конструкции:

$(\{N_1 \rightarrow\} T_v$=ма=хуз=$\{$у=/косв. р/$\}$) (ПЕ).

Примеры: Сару=ма=хуз модьна тоба – После=того=как=пошел==дождь мы вернулись; Каде=ма=хуз=у=нь пед нез дязур – После=того==как=я=болел, я на улицу не ходил; Кину=ма=хуз=у=д нэруйбь – Когда=ты=запел, я проснулся; Дизи паро=ма=хуз=да бяртау – Как=только=заржавело ведро, я его выкинула; Мɛкзуна ози=ма=хуз=на, сарума – Как=только=мы=вышли из дома, пошел дождь.

В последнем примере форма с суффиксом =ма встречается дважды: в роли главного и в роли зависимого сказуемого. В первом случае она оформлена лично-предикативным показателем – ∅, во втором – показателем посессивного ряда =на (1-го лица мн. ч.).

Как и форма на =ба, форма на =ма встречена нами в изъяснительных конструкциях, но с показателями отложительного падежа, который в данном случае является управляемым, и с посессивными показателями косвенного ряда:

Уда то=ма=хуз=да нодобунь чикирухун тозаз – Как только я узнаю, что вы приехали, тотчас приду; То=ма=хуз=на нодо=хуз=да бу чикирухун то – Как только он узнал, что мы приехали, тотчас пришел.

Формы на =ма=хуз=// в этих примерах можно рассматривать как сказуемые зависимых ПЕ, состояших из одного слова; но их можно интерпретировать и как лексикализованные субстантивные формы, присоединившие показатель отложительного падежа и оформленные посессивными показателями косвенного ряда: то=ма=хуз=да 'о вашем приходе', то=ма=хуз=на 'о нашем приходе'.

Форма на =ма употребляется с послелогами орон, деон, декон, мозегун; формула этих конструкций:

$(\{N_1 \rightarrow\} T_v$=ма=$\{$/косв. р/$\}$ послелог) (ПЕ).

Примеры: Моде=ма=на орон бу сизна моде – Он увидел нас прежде, чем мы=его=увидели; Радио дерилу=ма орон Зина нэруйз – Зина проснулась до того, как заговорило радио; Неза дери=ма=да деон кеунэ сɛта мубиза – Жена, вместо того чтобы отвечать, лицо в сторону от-

вернула; Не эчи аган каузтачь шоруди ихту=ма=нь деон – Девочки меня сильно ругали за то, что я курила; Ключи=д дёма=д деон модь сизи час мɛкунь чусь нез пирос – Из-за того, что ты потерял ключи, я два часа в дом войтти не могу; Ока буя дё=ма деон бу дягубби – Он умер оттого, что потерял много крови; Бунык китку=ма декон битур тоза – Вместо того чтобы собаку дразнить, принеси-ка воды; Кирба бата=ма мозигун мɛкнынь дягузучь – Когда опрокинулось тесто, меня дома не было.

Итак, рассмотрев четыре формы имен действия, мы можем заключить, что они занимают промежуточное положение между именными формами, четко входящими в систему глагольного слова (как это имеет место в алтайских языках) и именами существительными процессной семантики, (как это имеет место в русском языке). Формы на =ба и =ма ближе к полюсу субстантивности и потому легче и чаще субстантивируются. Однако четких показателей субстантивизации в энецком языке нет. Все имена действия в роли зависимого сказуемого принимают формы отложительного, реже дательного падежа и сочетаются с послелогами. Падежные аффиксы и послелоги выражают подчинение предикативных единиц.

Таким образом, в энецком языке мы зафиксировали следующие модели ППК с именами действия: 1) (...T_V=ϕ=хуз=/косв. р/) (ПЕ) – со значением следования главного события за зависимым; 2) (...T_V= =удл. гл.=хуз=/косв. р/) (ПЕ) модель с тем же значением, возможно, вариант первой (менее регулярный); 3) (...T_V=ма=хуз=/косв. р/) (ПЕ) – с тем же значением. Три модели изъяснительной семантики представлены в нашей картотеке небольшим числом примеров: 4) (...T_V= =ϕ=/косв. р/)←(...$V^{ОИ}$), 5) (...T_V=ба=/косв. р/)←(...$V^{ОИ}$) и 6) (...T_V =ма=хуз=/косв. р/) (...$V^{ОИ}$).

Моделей с послелогами потенциально 44: четыре формы имен действия могут сочетаться с любым из 11 послелогов, которые употребляются в ППК. Однако пока не все сочетания подтверждены имеющимся у нас языковым материалом. Исследование в этом направлении должно продолжаться.

Перейдем теперь к причастно-падежным конструкциям. Из шести причастий энецкого языка (подробнее о них см. главу 3 в этом разделе, § 4) в обстоятельственных конструкциях с падежными показателями связи употребляются два: на =да/=та и на =за (оба с семантикой настоящего времени). В этих конструкциях они оформляются показателями дательно-направительного падежа и притяжательными показателями косвенного ряда, выражающими субъект зависимого действия. Нужно отметить, что в энецком языке два показателя датива: в основной парадигме это =д (камозу=д 'в дом'), в лично-притяжательной – более древний =ху (камозу=ху=нь 'в мой дом'). Причастие в роли зависимого сказуемого оформляется вторым показателем, из лично-притяжательной парадигмы, =ху.

1. (N_1↔) T_V=да=ху=/косв. р/) (ПЕ). Эта модель передает такое соотношение событий во времени, когда более краткое главное

действие укладывается во временной отрезок, занятый бытием:

Ади=да=ху=нь модь паги созо=з – Пока я сидела, я О=да=ху=да модь пязунь пятудаз – Пока вы едите, я н бархон дири=да=ху=да бу оду ме – Пока он жил на бер лодку сделал; Модь лабкад дязу=да=ху=нь бем то – По в магазин, начальник пришел; Ода=хо=на сехо сизи дер ка мы ели, два раза кто-то стучал.

По этой модели могут строиться как моносубъектн носубъектные фразы. И в тех, и в других лицо субъект части выражается посессивными показателями косвенно фразах лицо и число главного и зависимого сказуемого показателями, принадлежащими разным парадигмам и т личаются друг от друга. При наличии общего для двух жащего оно, как правило, располагается после зависим открывая главную часть:

Учий=да=ху=нь модь экун диреда=з – Пока я учусь, здесь.

Личное местоимение в МС-фразах и в зависимой ч может опускаться; сохраняясь, оно дублирует личный а ного ряда.

2. (N_1↔) T_V=за=ху=/косв. р/) (ПЕ). Эта модель ным свойствам, и по семантике близка к модели с при =да/=та: она тоже выражает частичную одновременност событие вписывается во время, занятое зависимым соб меры:

Эси=нь коди=за=ху=да модьна бааду кание – Пока уехали в тундру; Ну дета э=за=ху=да мотась тара – По ная (трава росой будучи=пока), надо косить; Модь код тол кеод ади – Пока я спала, она сидела около стола. =ху=да дёхад каниз – Пока олень лежал, я пошла к рек

Если форму на =за=ху=// принимает вспомогательн глагол э=, а полнозначный глагол имеет форму каритив тия на =узай, обозначающего еще не совершившееся де струкция с таким аналитическим зависимым сказуемым чение 'пока еще не':

Сыра дю=узай э=за=ху=да, модьна лобатудь кадесь ка не растаял снег, мы ходим на охоту на лыжах.

Причастие прошедшего времени II на =й может уп послелогами: правда, примеров такого рода в наших ма

Катя кадеру=й дюдит неда не нэныда дириби – До заболела, внучка жила у нее; Пи сама тобик тэкру=й=д за – Сова увидела мышку прежде, чем та спряталась; ною дязу=й=да мозегун седадуйза дягу – Нет следа, сд когда он=шел назад.

Формула этой модели:

(N_1↔) T_V=й=/косв. р/ послелог) (ПЕ).

По-видимому, список моделей, выделенных на данн

следования, в дальнейшем будет уточняться и пополняться, так же как наши знания об их семантике и о системных отношениях между ними.

§ 7. Некоторые итоги сопоставительного анализа

Сопоставление описанных выше ППК с именными формами глаголов в роли сказуемых ЗПЕ в разных изучаемых нами языках позволяет сделать вывод о глубоком типологическом единстве в этой сфере всех алтайских языков между собою и о значительной типологической общности между алтайскими и самодийскими языками. Однако расстояние между алтайскими и самодийскими языками тоже типологически значимо.

Максимальную близость между собой алтайские языки обнаружили в подсистеме моделей с управляемой ЗПЕ. Эти модели описываются с помощью совершенно единообразных формул, которые лишь слегка варьируют с переходом от тюркских языков к монгольским и тунгусским в связи с нетождественной локализацией в них лично-притяжательных аффиксов, выражающих грамматическое лицо:

тюркские языки

(1) $(\langle N_{2-1} \leftrightarrow \rangle T_V$ =прч=//=пад) $(\ldots \overbrace{V}^{\text{ОИ/ЭМ}})$

(2) $[(N_{2-1} \leftrightarrow T_V$ =прч=//=$\emptyset) \leftrightarrow (L^{\text{ОЦ}}_{\ldots})]$

(3) $[(N_{2-1} \leftrightarrow T_V$ =прч=//=$\emptyset) \leftrightarrow (V^{\text{ЭМ}}_{\text{кауз}} / V^{\text{ОИ}}_{\text{пасс}})]$

бурятский и эвенкийский

$(\langle N_{2,1} \leftrightarrow \rangle T_V$ =прч=пад=//) $(\overbrace{V}^{\text{ОИ, ЭМ}})$

$[(N_{2,1} \leftrightarrow T_V$ =прч=$\emptyset$=//$) \leftrightarrow (L^{\text{ОЦ}}_{\ldots})]$

$[(N_{2,1} \leftrightarrow T_V$ =прч=$\emptyset$=//$) \leftrightarrow (V^{\text{ЭМ}}_{\text{кауз}} / V^{\text{ОИ}}_{\text{пасс}})]$

Во всех привлеченных к анализу тюркских языках в моделях предпочитается форма родительного падежа подлежащего ЗПЕ, которой соответствует строго обязательное лично-посессивное оформление причастного сказуемого. В эвенкийском личное (или субъектное) посессивное оформление сказуемого также обязательно, в бурятском оно факультативно и зависит от наличия или отсутствия подлежащего в ЗПЕ. Подлежащее в бурятском всегда (а не предпочтительно) имеет форму родительного падежа, а в эвенкийском – всегда форму прямого (неопределенного), поскольку родительного в парадигме этого языка нет.

Первая из приведенных обобщенных моделей конкретизируется сериями параллельных моделей в соответствии с семантическими группами доминирующих лаголов и исходящими от них требованиями конкретных падежей: глаголы оперирования информацией управляют винительным, эмотивные глаголы – дательным, глаголы отталкивания – исходным падежом. Много совпадений и в более частных моделях.

На материале самодийских языков конструкции этого типа прослеживаются менее отчетливо. Пока трудно судить, в какой мере они характерны для этих языков. В энецком языке отмечена изъяснительная конструкция со сказуемым ЗПЕ – именем действия в форме на =ба. Эта форма, принимая лично=посессивные показатели косвенного ряда, не принимает падежного аффикса, т.е. выступает в неопределенном падеже. В алтайских языках в этой позиции мы всегда видим винительный. Энецкий пример: Модь и=ба=д кане=ба=д камазаз 'Я – (что) ты не уехал – понял'. В этой функции зафиксированы также имена действия в безаффиксальной форме. Кроме того, в энецком языке отмечены конструкции с управляемым отложительным падежом зависимого сказуемого в формах на =ба и =ма. Но в отличие от алтайских языков, где исходный падеж (аналог отложительного) связан с глаголами отталкивания, в энецком он появляется в изъяснительных конструкциях, формируемых глаголами оперирования информацией.

В нганасанском языке, как и в алтайских, зафиксирована модель изъяснительной конструкции с винительным падежом ЗПЕ, которого требует доминирующий переходный глагол с семантикой оперирования информацией, например: Мэнэ корсукандум муодя=мо=м=ту 'Я помню, как он обиделся' (=мг – показатель вин. п.). Зафиксирована в нганасанском и модель $(\langle N_1 \leftrightarrow \rangle T_V$ =бӯэ=гэта=/2 т/) $(\overbrace{V}^{\text{укл}}\ldots)$ – с формой отложительного падежа ЗПЕ, над которой доминирует, как и в алтайских языках, глагол с семантикой страха, – типичная семантика отталкивания. Эту форму принимает имя действия на =бу"э/=ху"э. Пример: Мэнэ хылы=ду"о=м сыты чимнезы чаңхо=би"э=гэта=ту 'Я испугалась, что он сломал себе зуб' (=гэта= – показатель отлож. п.).

Примеров таких конструкций в самодийских материалах пока мало, поэтому ставить вопрос о системных отношениях между ними еще рано. Рано судить и о том, есть ли в энецком и нганасанском конструкции с ЗПЕ, управляемыми глаголами других семантических групп.

Однако в нганасанском засвидетельствована еще одна модель, имеющая близкую параллель в алтайских, в частности тюркских, языках: конструкция с семантикой мотивации суждения указанием на признак, это суждение обосновывающий. Такие конструкции нередко сближают с причинными, однако в отличие от обычных причинных конструкций с примыкающей, обстоятельственной ЗПЕ здесь зависимая часть является управляемой, она непосредственно связана с доминирующим глаголом определенной семантики. Например: Коптуа кэйни=сиэ=гэтэ= =ту диндялянко ися кона"а 'Девушка стала известной благодаря пению (точнее – девушка пения=ее! от, от=того=что=она=поет, известна стала). Как и в аналогичной тюркской модели, ЗПЕ принимает здесь форму исходного падежа. Сравним алтайский пример: Ийт озолдоп jӱгӱрип кел=ген=и=нен адабыс jемду келип jат деп билдис 'По тому, что собака прибежала раньше, мы узнали, что наш отец возвращается с добычей'. Формула этой модели:

$(\langle N_1 \leftrightarrow \rangle T_V = \frac{\text{и.д.}}{\text{прч}} = \frac{\overbrace{\text{отл}}}{\text{исх}})$ (ЗПЕ=вин. п) $(\ldots \overbrace{V}^{\text{суждения}})$.

В бурятском и эвенкийском в соответствующей позиции находим

формы творительного падежа; возможен он и в алтайском: Кун канайда ажып јат=кан=ы=ла, эртен кандый күн болорын билип алар јараар 'По тому, как заходит солнце, узнают, какой будет завтра день.

Следующую группу моделей с именными формами глагола в роли сказуемого ЗПЕ составляют модели с неуправляемыми падежными формами. Их отличает от моделей первой группы тенденция к слиянию аффикса именной формы ("причастия") с показателем падежа в одно функциональное целое, а при наличии определенных условий – и в одно структурное целое, в "гиперморфему" деепричастного типа с легко обнаруживаемыми, еще живыми морфемными швами. Но на материале форм, рассмотренных в этой главе, эта тенденция проявляется еще относительно слабо: формы, подвергшиеся сильному воздействию этой тенденции, естественно рассматривать уже в следующей главе.

За процессами этого рода лежат серьезные объективные основания. Речь идет о моделях ППК, в составе которых ЗПЕ выполняет какую-либо обстоятельственную функцию. Для передачи конкретных значений такого типа используется, как правило, какая-то одна, определенная глагольная форма ("причастие") в определенной падежной форме. В ППК с управляемой ЗПЕ синтаксическое отношение между частями передавалось падежным аффиксом, а аффикс самой формы выражал модально-временную характеристику зависимого события, ср. рус. я помню, что ты идешь в кино/пойдешь в кино/ходил в кино; не носишь шляпы; в детстве любил мороженое; должен уходить и т.д. В алтайских языках подобные смыслы передаются, в частности, с помощью различных морфологических показателей, аффиксов, единых для финитных и инфинитных ("причастных") форм: например, алт. =ган, =р, =атан, =гадый, =галак; бурят. =ха, =аа=гүй, =даг и др. Таким образом, функции этих "причастных" аффиксов и показателей падежей совершенно различны. В ППК с неуправляемой (примыкающей) ЗПЕ маркеры разных форм вместе с падежными показателями включаются в выражение синтаксического смысла ППК, что неизбежно влечет за собой существенное изменение базовой семантики формы.

Эта закономерность четко прослеживается на материале временных ППК со сказуемыми ЗПЕ – именными формами настоящего и прошедшего времени в местном, дательно-местном и дательном падежах:

(4) $\frac{\text{тюрк. } (N_1 \leftrightarrow T_V\text{=прч. наст. вр.=//=местн})}{\text{бур., эвенк. } (N_{2,1} \rightarrow T_V\text{=прч. наст. вр.=дат=//})} \sim (\text{ГПЕ})$

(5) $\frac{\text{тюрк. } (N_1 \leftrightarrow T_V\text{=прч. прош. вр.=//=местн})}{\text{бур. } (N_2 \rightarrow T_V\text{=прч. прош. вр.=дат=//})} \sim (\text{ГПЕ}).$

Настоящее время, релятивизируясь, трансформируется в одновременность, прошедшее – в принципе, в предшествование данного события некоторому другому, в ППК – главному; поскольку момент главного события принимается грамматистами за точку отсчета, это отношение называется следованием, а не предшествованием. Модель (4) передает значение "приблизительной одновременности". Но модель (5) "против ожидания" не реализует семантики следования как своего основного значения (за исключением хакасского, где в силу обилия

гольных форм, выступающих в этой функции, сложились специфические смысловые оппозиции). В алтайском модель (5) противопоставлена модели (4) как выражающая регулярную связь событий во времени, а не окказиональную связь данных конкретных событий; в тувинском обе эти модели синонимичны и выражают временную соотнесенность; в бурятском модель (5) с формой на =пан=/да=// выражает не "поверхностную", временную, связь, а причинную обусловленность событий. Но очевидно, что эти расхождения между современными языками базируются на общем фундаменте, которым являются отношения следования во времени.

Во всех привлеченных к анализу тюркских языках для передачи временных отношений между событиями широко используется форма местного падежа, которая образуется от разных "причастных" форм. Конкретная семантика модели интегрируется из значений компонентов, но далеко не всегда может быть истолкована как простая сумма базовых смыслов. Очень интересны под этим углом зрения ППК с формами причастия еще не совершившегося действия на =галак. ППК с местным падежом этой формы (а в якутском – с дательным; в хакасском и с местным, и с дательным) передает сложные, двуплановые отношения двух событий во времени: с одной стороны, это одновременность главного события и момента, когда зависимое еще не наступило; с другой – это предшествование главного события тому моменту, когда ожидаемое зависимое событие действительно наступит. Сравним: Мы пришли, когда звонок еще не прозвенел=до того, как он прозвенел.

В бурятском довольно точный семантический аналог тюркского причастия на =галак – форма на =аа=дүй=дэ, которая противостоит более употребительной форме на =аа=гүй=дэ и выражает не "отрицаемое" действие, а действие, которое еще не совершилось, но уверенно ожидается. С помощью этой формы передаются те же темпоральные отношения, что и тюркской формой на =галак=//=та.

Семантический аналог причастия на =галак есть и в нганасанском: это причастие еще не совершившегося действия на =мэтума"а. Выступая в роли сказуемого ЗПЕ, оно выражает предшествование главного события зависимому: Нӱонэ туй=мазума"а и=чу=тэ, хирибязэм намсузичу 'До того как (прежде чем, пока еще не) пришли дети, мне нужно сварить еду'. Сравним: Ненынэ" туа=мятума"а и=чу=тэ, бэгтимэны дӱзӱрлякуну – Пока еще нет мошкары, погуляем по улице. В первой фразе более актуален момент предшествования главного события наступления зависимого ('до прихода детей'); во второй фразе важнее одновременность главного действия ('гуляние') с временем, когда зависимое событие еще отсутствует ('мошкары еще нет'). Это, конечно, те же самые отношения, которые в тюркских языках выражаются с помощью формы на =галак. Однако в нганасанском причастие на =матума"а не принимает падежного аффикса. В роли зависимого сказуемого используется аналитическая конструкция с этим причастием в качестве неизменяемого лексического компонента и с причастием совершившегося действия на =чуо/=чу от бытийного глагола и=; последнее и принимает форму дательно-направительного падежа.

Подобная конструкция имеется и в энецком языке, хотя мы располагаем пока единственным примером такого рода: Сыра дю=узай э=за=ху=да, модьна лобатудь кадесь дязуңа 'Пока не растаял снег, мы ходили на охоту на лыжах'. Дю=узай – причастие еще не совершившегося действия, э= – бытийный глагол, за= – аффикс причастия настоящего времени II, =ху – показатель дательно-направительного падежа, передающего частичную одновременность, =да – притяжательный показатель косвенного ряда, 3-го лица.

Заслуживают внимания и углубленного изучения общие закономерности функционирования конструкций, образуемых отрицательными формами "причастий". Вхождение негативной морфемы нередко вносит в синтаксическую семантику базовой модели (модели с положительной формой сказуемого ЗПЕ) существенные модификации, так что "положительная модель" оказывается недостаточной базой для прогнозирования смысла ее отрицательной параллели. Так, в тувинском языке модель со сказуемым ЗПЕ в форме на =ган=//=да передает общую временную соотнесенность событий, а ее отрицательная пара – модель со сказуемым ЗПЕ в форме на =ба=ан=//=да (< ба=ган=//=да) – ограничительную одновременность: Шаавыс төн=мэ=эн=де, бурунгаарлап чоруур турган=дыр бис 'Пока наши силы не кончились, нужно было идти вперед'. Семантическое расстояние между положительной и отрицательной конструкциями в этом случае можно считать минимальным. В алтайском и хакасском языках форма на =ба=ган=да специализируется на выражении отношений внутренней обусловленности, т.е. причинных и условных отношений. Заметный сдвиг в сторону причинного и условного значений обнаруживает и бурятская отрицательная форма на =ха=гүй=дэ по сравнению со своим положительным аналогом – формой на =ха=да. Но тот тип семантики, который передается тувинской формой на =бааңда, в бурятском передается другой отрицательной формой – на =аа=гүй=дэ. Это тем более любопытно, что причастие на долгий гласный (=аа=) связано с семантикой прошедшего времени и составляет "пару" с причастием на =пан, которое с отрицанием =гүй= не сочетается. Форма на =пан=да=// передает не временное, а причинное значение, в то время как ее негативный аналог передает временное значение, "уступая" сферу каузативности негативной форме причастия на =ха.

Таким образом, конкретные пути, по которым развиваются значения негативных форм инфинитных сказуемых ЗПЕ, в разных языках оказываются различными. Но общие тенденции, связанные, во-первых, с усложнением синтаксической семантики ППК с негативной формой сказуемого ЗПЕ, во-вторых – с обособлением, "уклонением" семантики негативных форм в сторону от семантики положительных, и в-третьих – с тяготением негативных форм к выражению внутренних, каузальных зависимостей представляются нам достаточно общими.

Существенные, важные параллели мы видим и в функционировании других падежных форм ЗПЕ в алтайских языках.

Формы исходного падежа глагольно-именных форм прошедшего времени во всех изучаемых алтайских языках трансформируют базовое значение "исходности" в значение следования во времени, а далее –

в значение внутреннего следования, причинной обусловленности некоторого события данным событием. Это стержневая линия развития значений исходного падежа в синтаксисе полипредикативных конструкций. Наиболее наглядно она просматривается на материале эвенкийского языка, где форма T_V=прч. прош.=отлож. пад.=// (~T_V=$\frac{ча}{на}$=дук=//) употребляется без послелогов и передает значение ограничительного следования во времени, на базе которого развилось причинное значение.

В бурятском и тюркских языках Сибири семантическая перегрузка этого падежа привела к тому, что разные оттенки этого значения обособились и взаимно противопоставились, получив поддержку и подкрепление в сочетании данной падежной формы с разными послелогами. Здесь сформировались модели темпоральных конструкций общего и ограничительного следования, предшествования, причинные конструкции, конструкции с семантикой исключения и ограничения и др. Модели без послелогов в этих языках используются редко и, может быть, некоторые из них уже являются пережиточными.

Аналог такой базовой, беспослеложной конструкции с исходным (отложительным) падежом имени действия на =бу"э/=ху"э выявлен в нганасанском языке, где этим способом передается ограничительное следование (семантика 'с тех пор, как'). Заметим попутно, что это имя действия в беспадежной форме (в форме неопределенного падежа?) используется для выражения общей временной соотнесенности. В алтайских языках это значение передается формами местного и дательного падежей.

Тюркские модели ППК с творительным падежом "причастия" настояще=будущего времени в роли сказуемого ЗПЕ имеют четкую функциональную параллель в бурятской модели с формой совместного падежа причастия будущего времени:

(6) тюрк.: (N_1 →) T_V=прч. наст.=буд. вр.=//=твор/послелог^{совм}) (ПЕ);

(7) бур.: (N_2 →) T_V=прч. буд. вр.=совм.=//) (ПЕ).

Творительный падеж в современных тюркских языках сравнительно недавно сформировался на базе сочетания внепадежной формы с послелогом совместности (менен, билен, биле, ле). В тюркских языках Сибири этот процесс завершается буквально на наших глазах – в тувинском послелог биле еще сохраняет свой статус служебного слова. Семантика приведенных моделей – одновременность двух действий. Главное действие начинается или совершается в тот момент, когда происходит краткое событие зависимой части, ср. рус.: я проснулся с первыми лучами солнца.

В современном бурятском языке это значение выражается сочетанием формы совместного падежа с послелогами определенной серии: адли, зэргэ, хамта, сасуу, шахуу. Но в наших материалах есть пример использования этой формы и без послелога с тем же значением; поскольку пример один, возможно, такое употребление сейчас уже несколько архаично или диалектно окрашено.

Следует отметить и еще одно схождение между всеми привлеченными к анализу алтайскими языками. Это модели моносубъектных ППК, в составе которых зависимое звено – глагольно-именная форма прошедшего времени в дательном и в исходном (отложительном) падежах. Модели с этими падежами близки по смыслу, синонимичны, но каждая выражает свой особый оттенок "причинной мотивации". В эвенкийском эти две формы противопоставлены друг другу четче, чем в бурятском и тюркских: форма дательного падежа представляет здесь то эмоциональное состояние, пребывая в котором, человек совершил поступок, названный главной частью; форма исходного падежа подчеркивает причинную обусловленность этого поступка эмоциональным состоянием говорящего, охарактеризованным (названным) зависимым предикатом. В тюркских и в бурятском языках представлены обе эти формы, но их смысловые отношения менее отчетливы. Общим для всех языков является то, что первый компонент этих ППК – это предикат с семантикой эмоционального состояния, точнее, эмоциональной реакции на какое-то "третье" (предшествующее, освещенное ранее) событие; но эта эмоциональная реакция, в свою очередь, становится стимулом (причиной) некоторого действия, поступка. По-русски можно сказать: испугавшись, девочка вскрикнула; в испуге она подбежала к матери; от испуга ребенок не мог произнести ни слова. Но в алтайских языках эмоция-стимул представлена лично-оформленным инфинитным предикатом в дательном или исходном падеже:

(8) тюрк. $(\ldots T_V^{ЭМ}$ =прч. прош. вр.=//=$\frac{\text{дат}}{\text{исх}})^{\text{стимул}}$ $(\ldots V^{\text{действие-реакция}})$;

(9) бур. $(\ldots T_V^{ЭМ}$ =прч. прош. вр.=$\frac{\text{дат}}{\text{исх}}$=//$)^{\text{стимул}}$ $(\ldots V^{\text{действие-реакция}})$

Например, алт.: Суун=ген=им=е айттым 'Обрадовавшись=я, я сказал' (или 'так как обрадовался'); суун=ген=им=е – форма "причастия" прош. вр. в 1-м лице ед. ч., в дательном падеже. Бур.: Баярла=һан=д=аа собхоржо байха юм 'От радости прыгают'; баярла=һан=һаа нюдээ уһатуулаад абаа 'От радости прослезилась' (в первом примере форма на =һан в дательном падеже, во втором – в исходном).

В самодийских языках аналогов этих конструкций пока не обнаружено.

Третью, самую большую группу моделей с именными (причастными) формами глаголов в роли сказуемых ЗПЕ составляют такие модели, в которых эту глагольную форму сопровождает какой-либо послелог.

Из языков, которые привлекались нами к анализу, только эвенкийский устойчиво ориентирован на глагольно-именные формы без послелогов; немногочисленные послелоги лежат на периферии системы и в полипредикативных конструкциях используются чрезвычайно редко. Все остальные языки, как алтайские, так и самодийские, используют этот тип ППК, хотя число используемых в них послелогов варьирует от нескольких единиц (в нганасанском) до нескольких десятков (в бурятском, тувинском). Во всех языках послелоги отчетливо подразделяются на два типа. Эти типы осмысляются по-разному, однако

в тюркских и самодийских языках в основе деления послелогов на подклассы лежит оппозиция послелогов именного типа послелогам глагольного и неясного происхождения. В тюркологии терминологически различаются служебные имена с одной стороны и послелоги (собственно послелоги) – с другой. Служебные имена имеют четкую структуру: корень +аффикс принадлежности+аффикс какого-либо локального падежа, чаще всего местного, исходного, дательного. В сферу полипредикативного синтаксиса они вовлекаются, как правило, в одной из форм, хотя в отдельных случаях следы падежного варьирования еще прослеживаются (например, хак. соонда и соонаң, алт. кийинде и, реже, кийинен).

Падежные аффиксы в структуре служебных имен выступают совершенно отчетливо. Стирание границы аффиксов означает переход служебных имен в класс собственно послелогов.

Серийные послелоги, отмечаемые в угорских и самодийских языках, являются несомненными аналогами служебных имен. Они представляют собой в разной степени омертвевшие падежные формы, образованные от одной именной основы; утрата координации этих форм с действующей падежной системой данного языка, а тем самым и между собой, ведет к распадению серии, что как раз и отмечалось в этой главе относительно послелогов энецкого языка, восходящих к общесамодийскому корню *jv: декон, декоз и деон, которые лексикализовались и перестали составлять серию.

Бурятские послелоги тоже делятся на два типа, различающиеся формальными свойствами. Но это деление не имеет прямой аналогии в делении, рассмотренном выше. Послелоги, принадлежащие одному из подклассов, присоединяются к падежно оформленной основе имени или глагольно-именной форме. Поэтому их можно считать уточнителями или модификаторами падежных значений. Послелоги второго класса – заместители падежных показателей. Они присоединяются к падежно неоформленным основам имен или глагольных форм, составляя с основами органическое грамматическое единство – одну аналитическую форму. Показатели лица, которые в бурятском языке следуют после падежных показателей, в этих аналитических формах принимает на себя послелог. В сочетаниях с послелогами первого типа лично-притяжательные (и субъектно-притяжательные) показатели принимает причастная (глагольно-именная) форма.

Эти формальные группы послелогов формируют несколько типов моделей ППК, которые различаются, во-первых, наличием или отсутствием падежного оформления у знаменательного компонента сказуемого ЗПЕ, а при наличии – конкретными падежами: большая группа послелогов сочетается с исходным падежом, некоторые послелоги сочетаются с дательным, творительным или совместным; некоторые бурятские послелоги сочетаются с родительным падежом; в тюркских языках с родительным падежом имен существительных сочетаются только служебные имена, но в сфере полипредикативных конструкций они сочетаются почти исключительно с неопределенным падежом зависимой глагольной формы.

Второе важное различие между послеложными моделями ППК мы

Семантика	Бурятский	Тувинский
Следование общее	һүүлдэ, һүүлээр, хойшо, хойно, удаа	соондэ, сөөлүнде
быстрое	(=ха) дээрэ, мүртэ	билек, орта, дораан
ограничительное	урид, сагһаа, хойшо	бээр, соңгаар, олчаан, ояар, соон, дарый, бурунгаар
Предшествование	түрүүн, урда, урдахана	мурнунда, бетиндэ, мурнуу, чыырында
Ограничительное	тээшэ, тэндэ	чедир (баан), шаанда
Параллелизм	тудам, дунда, хажуугаар, бүри, бүридэ	тудум, санында-ла
Одновременность	мүртэ, дээрэ, занда, зуура, шэгтэ, шэгээр, үеэр, үедэ, саг	аразында, дургузунда, өйүндэ, үедэ, (=р) шаанда
Перемежающаяся одновременность	хоорондо, забһарта, забһараар	
Совместность	зэргэ, хамта, адли, сасуу, шахуу	биле
Причина (цель)	дээрэһээ, тула(да), тулөө=(дэ), хойноһоо, ушарһаа, ашаар, ехэдэ	төлээде, ужурунда, ужун, болгаш, дээш
Отрицательная цель		
Замещение	орондо	орнунга
Исключение	байтагай, байха, гадна, дээрэ, бэшэ, ондоо	аңгыда, башка, еске
Соответствие	ёһоор, соо	ёзугаар
Подобие		
Тема	талаар, тухай(да), тушаа	дугайында

связываем с отсутствием/наличием (и с характером) личного оформления. Каждый язык дает в этом отношении очень специфическую картину.

Под функционально-семантическим углом зрения важно, для выражения каких синтаксических отношений привлекаются в изучаемых языках послелоги. Это прежде всего значения обстоятельственного

Хакасский	Алтайский	Энецкий	Нганасанский
соонда, соонаң	соңында, соондо, кийнинде		хуону
пеер, сығара	бери, бейн, ала	дюдит	база
алнында	алдында, озо	орон	
	јетире		чубе
	сайын		
туста	аразында, тушта, өйдө	дюдигон, минхун, мозигун, мозигуэ	
	кожо		
даңнаар	улам, учун	деон	
		декоэ	
орнына	ордына	декон	
пасха	өскө, башка	каун	
	туңей	тотре	
даңнаар	керегинде		

типа. Мы попытались сгруппировать послелоги и служебные имена, засвидетельствованные в наших материалах в соответствии с передаваемыми значениями "с точностью до относительной синонимии". Таких групп наметилось 16. Распределение послелогов по этим группам отражено в таблице.

Из приведенной таблицы видно, что в общей массе послелогов

преобладают такие, которые обслуживают темпоральные отношения. С их помощью передаются довольно тонкие оттенки как следования (быстрое, ограничительное следование и т.д.), так и предшествования. Когда в некоторой клетке таблицы представлено несколько послелогов, это не значит, что они вполне синонимичны (хотя и это тоже возможно). Нередко каждый послелог в такой группе передает свой, особый оттенок смысла. Сказанное в первую очередь относится к таким группам, как "одновременность" и "параллелизм" (в бурятском, тувинском, алтайском, энецком), "причина" и "исключение" (последняя группа вообще требует более углубленного изучения).

Есть основания предполагать, что "не временная" подсистема послелогов вторична и формировалась на базе временной. Не случайно, например, бурятские послелоги, выражающие разные оттенки причинной связи, образованы от временных: дээрэ : дээрэһээ, хойно : хойноһоо. Конечно, сами временные значения первичны лишь в системе полипредикативного синтаксиса, – в общей системе языка они обычно надстраиваются над пространственными.

На примере послелогов можно видеть достаточно прямую зависимость между уровнем культурно-исторического развития языка, проявляющимся в объеме корпуса текстов, его жанровом разнообразии, в возрасте текстов и др., и массивом послелогов, участвующих в формировании полипредикативных конструкций. Среди исследуемых нами языков бурятский выходит по этим показателям на первое место. В этом языке обнаруживаются и специфические модели аналитико-синтетических ППК, не имеющие близких аналогов в других языках изучаемой группы. Это конструкции со служебными словами һаа, хада и аад, имеющие общие признаки и с послелогами, и с союзами, но не тождественные ни тем, ни другим. Синхронно они представляют собой как бы "чистые аффиксы", имеющие, однако, статус служебных слов.

В тюркских и монгольских языках широко функционируют в роли показателей связи между частями ПЕ инфинитные формы бытийных и других вспомогательных глаголов (напр., тюрк. болганда, болзо/болса, болгаш, болуп/боп и т.п. – от бол=, деп/тіп, дээш, дээр= от де= 'говорить', бурят. гэжэ, гэхэдэ, гээд и др. от гэ='говорить'; и др.). Формируемые ими полипредикативные конструкции заслуживают серьезного изучения в сопоставительно-типологическом плане. Пока аналитико-синтетические формы сказуемых ЗПЕ и содержащие их ППК изучены недостаточно.

Глава вторая

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ДЕЕПРИЧАСТНОЙ ФОРМОЙ ЗАВИСИМОГО СКАЗУЕМОГО

§ 1. Предварительные замечания

В первом разделе настоящей работы мы говорили уже о неотработанности теоретического понятия о деепричастии применительно к разным языкам мира. И внешняя граница, и внутреннее членение этого понятия (а соответственно, и того класса форм, который должен именоваться этим термином в том или ином языке) остаются пока не вполне определенными. Списочный состав деепричастий в разных языках (включая и русский) тоже остается пока открытым. Поэтому, приступая к анализу полипредикативных конструкций с деепричастной зависимой частью, сформируем те критерии, которыми мы руководствовались, оценивая ту или иную форму как деепричастие и включая ее в анализ в этой главе.

Деепричастие мы понимаем как специальную грамматическую форму глагола, которая призвана выразить подчинение глагола другому глаголу. Такое подчинение, как мы уже видели, может выражаться и падежным оформлением глагольно-именных форм, причем эти формы способны вступать с доминирующим глаголом в синтаксические связи разного типа. Это может быть и управление (глагольно-именная форма выступает в том падеже, который соответствует валентности доминирующего над нею глагола), и отношения другого типа, когда падежная форма зависимого сказуемого (или, что то же самое, ЗПЕ) определяется не требованием глагола-сказуемого главной части, а той обстоятельственной функцией, которую данная ЗПЕ выполняет в составе ППК.

Деепричастия – это формы глагола, обслуживающие именно обстоятельственные функции, хотя обычно в языках бывают представлены и такие деепричастные формы, обстоятельственные функции которых минимизированы, нередко за счет интенсивного участия в образовании аналитических форм и конструкций. Выступая в роли зависимых предикатов – как правило, в моносубъектных ППК – такие деепричастия выражают, строго говоря, только сам факт подчинения соответствующего глагола другому. Эта функция, не осложненная выражением определенных обстоятельственных отношений, может интерпретироваться как функция "второстепенного сказуемого". Но это периферия той функциональной области, которая обслуживается деепричастиями как зависимыми сказуемыми ППК в изучаемых нами языках.

Внешняя граница класса деепричастий должна отделять этот класс от обстоятельственных форм имен действия и "причастий". Решающим критерием мы считаем целостность деепричастного аффикса, его неразложимость на современном этапе на компоненты типа "аффикс времени" и "аффикс падежа" (или функционально близкий к падежному). Членимость аффиксального отрезка на такие компоненты – веский аргумент против признания формы деепричастием.

Однако в этой работе, посвященной полипредикативным конструкциям, а не классификации инфинитных форм, мы стремились опираться на традицию, сложившуюся в специальной литературе, посвященной тому или иному языку. Сопоставительно-типологическая установка исследования требовала от нас определенной коррекции традиции и единства критериев выделения изучаемых классов в изучаемых языках. Но об этом целесообразнее говорить в связи с анализом конкретных синтаксических форм этих языков.

В центре нашего внимания будут полипредикативные конструкции, в зависимой части которых имеется позиция собственного подлежаще-

го. Однако в сферу анализа попадают и конструкции без позиции подлежащего в ЗПЕ. Они не сложны, но полипредикативны; их зависимая часть, ориентированная на субъект главного действия, не является полноценной предикативной единицей, но ее предикативный характер не вызывает сомнения. Системное представление о ППК с деепричастной зависимой частью не может быть построено без привлечения этих форм.

§ 2. Конструкции с деепричастной зависимой частью в тюркских языках Южной Сибири

Большинство деепричастий в тюркских языках употребляется преимущественно в моносубъектных полипредикативных конструкциях, ориентируя свое действие на субъект доминирующего глагола. Общую формулу таких конструкций представим так:

$$/T_V = \text{дпр}\ (N_1 \leftrightarrow V_{\text{фин}})/.$$

Стрелки указывают направление субъектной валентности: от деепричастия на доминирующий глагол и только через него – на подлежащее. Естественно, что формы, практически лишенные собственной субъектной валентности, не имеют парадигмы спряжения. Деепричастия этой группы сочетаются иногда со своим подлежащим или подразумевают собственный субъект, но для большинства деепричастий такие употребления не типичны. Однако некоторые неспрягаемые деепричастия тюркских языков Южной Сибири регулярно сочетаются с собственным подлежащим, например, алт. =кала, хак. =гали, тув. =галы, хак. =ганча, в какой-то мере тувинского =гаш.

Поскольку деепричастия этого типа способны и к формированию моносубъектных фраз, реализуя в этом случае синтаксический механизм деепричастий первой группы, их конструктивные возможности можно передать объединением формул, ставя на первое место ту, которая реализуется чаще:

$$\text{РС}\ (N_1 \leftrightarrow T_V = \text{дпр})\ (N_1 \leftrightarrow V_{\text{фин}})\ /T_V = \text{дпр}\ (N_1 \leftrightarrow V_{\text{фин}})/\ \text{МС}.$$

Обобщающая формула:

$$((N_1 \leftrightarrow)\ T_V = \text{дпр})\ (\text{ПЕ}).$$

Тюркологи определяют деепричастие как неличную форму глагола, лишенную категории лица (например, Рассадин, 1978, 172-173), как неспрягаемую форму глагола (Грамматика хакасского..., 237; Грамматика тувинского..., 315 и др.). Естественно, спрягаемые, личные формы в объем такого понятия укладываются плохо. Но мы, ориентируясь не только на тюркские языки, снимаем с понятия "деепричастие" это ограничение. Потому ничто не мешает нам включить в класс деепричастий и условно-временную инфинитную форму на =са, и специфическую тувинскую (и тофскую) форму с предельной семантикой

на =гыже/= кыша, и алтайское факультативно спрягаемое деепричастие на =ганча с той же семантикой. Эти деепричастия формируют ППК, которые мы представляем следующей общей формулой:

$$(N_1 \leftrightarrow T_V = \text{дпр}=//)\ (\text{ПЕ}).$$

Рассмотрим подробнее те конструкции, которые формируют разные деепричастия в тюркских языках Южной Сибири.

Конструкции, формируемые деепричастиями на =п, =а, =бай(=байн).

Эта первая, древнейшая группа деепричастий является общей, по-видимому, для всех тюркских языков (Юлдашев, 1977, 23, 64, 67). Семантические и конструктивные функции этих деепричастий в изучаемых нами языках Южной Сибири тоже сходны между собой, что позволяет не противопоставлять друг другу факты алтайского, тувинского и хакасского языков. У всех этих деепричастий есть важная несобственно-синтаксическая функция представления лексического компонента аналитических сложных глаголов с общей структурной формулой $T_V = \frac{\text{п}}{\text{а}} + V_{\text{вспомог.}}$ (тув. билип ал= 'узнать', алт. јанып кел= 'возвратиться' и т.п.); но нас в этой работе будет интересовать только использование этих деепричастий в функции предикативной вершины оборота, т.е. зависимого предиката полипредикативной конструкции.

Эти деепричастия не спрягаются и употребляются почти исключительно в МС ППК, представляя действие общего с финитным глаголом субъекта, менее актуальное с точки зрения говорящего. Их грамматическая семантика фактически сводится к выражению факта синтаксического подчинения. Содержательный характер отношений между действием деепричастия и доминирующего глагола этими формами передается очень нечетко, что дает основание интерпретировать эти отношения как сочинительные (соединительные). Часто эти отношения можно интерпретировать как темпоральные (следование или одновременность). На них могут накладываться различные дополнительные оттенки (условный, причинный, целевой, уступительный), не столько следующие из формальной организации конструкции, сколько реконструируемые адресатом речи на основании лексического состава фраз, специальных лексических конкретизаторов, грамматических форм, служебных слов и т.п., а также на основе конситуации и собственного жизненного опыта.

Деепричастие на =п, названное Н.Ф. Катановым "первой деепричастной формой" (Катанов, 578), в роли зависимого предиката МС ППК появляется регулярно во все трех изучаемых нами языках:

Алт.: Койоноктын энези ак тонын кий=ип, каламазын тудун=ып, јӱре берди (КТ.Т, 22) – Мать Зайчика, белую шубу надев, корзину взяв, пошла; Борбок=Кара ... шак ла ол Дора келинди сӧстӧ=п, той эд=ип, Кайру ло Јолоны кайкад=ып ло јиргадып ийген эмтир (БУ.С, 189) – Борбок=Кара... именно эту женщину, Дору, сосватав, свадьбу сделав, Кайру и Дьелон удивил и развеселил; Уул сӧзине турарын јакшы бил=ип, командир јӧп берген (ВТ.К, 9) – Хорошо зная, что парень умеет держать слово, командир дал согласие.

Хак.: Аннаҷах, інек саарын тооз=ып, саған сӱдін прайзынаң, пурнада пир сал=ып, нанып одырғанда, орай полыбысхан – Когда Аннушка, подоив коров и раньше всех сдав молоко, возвращалась домой, стало уже заметно темнеть; Амыр хараларда отахта чатчад=ып, Ах сураның, хорлапчатханын тыңнап ала уэубысчаңмын (НТ.КК) – В тихие летние ночи, лежа в шалаше, я обычно засыпал, прислушиваясь к раскатистому шуму речки Ах=суг.

Тув.: Сөөлүгү кашпалдардан адырл=ып, Сарыг-Септин, чаагай чыттыг ховуларынга киргеш, Мерген хостӱг агып чыдар (СТ, 6) – Вырвавшись из последнего ущелья, придя в душистую степь Сарыг-Сепа, Мерген течет свободно; Дыл-домак билбес улусту байысаа=п, эттепсоп шаанга киргеннер (КК.2, 121) – Людей, не знающих языка, допрашивая, избивая, довели (=замучали); Хойнунда олурган үруунуң, бажып суйба=п, ооң-биле бодун алаактырган-даа дег (ОС.П, 187) – Поглаживая голову сидевшей на коленях девочки, этим словно себя успокаивал.

Деепричастие на =п во всех трех языках, хотя и редко, но может иметь собственное подлежащее. Например, в алтайском:

Борбок-Каранын бели-будынын остеохондрозы (подл.) эмеш он ондол =ы, эртен-бӱгӱн ле, онын бойнынын айтканыла, "курортон чыгарга јазанып турарда, мында ок больницада, аппендициди кыймыктай берген (БУ.С) – Остеохондроз Борбок-Кары – поясницы и ног его немного поправившись, когда, по его собственным словам, принаряживался, чтобы не сегодня-завтра выйти "с курорта", в этой же самой больнице его аппендицит "зашевелился".

В зависимой деепричастной части этой фразы есть собственное подлежащее – слово остеохондроз. В главной части формального подлежащего нет, но ясно, что 'принаряживался' Борбок-Кара, а не остеохондроз. Действователь здесь один – Борбок-Кара, а остеохондроз – лишь его признак, атрибут, принадлежность. Такие фразы в любом тюркском языке встречаются редко (ср. Юлдашев, 1977, 229). Но в том небольшом массиве их, которым мы располагаем, часто наблюдается такого рода "мнимая разносубъектность". Приведем еще один алтайский пример:

Көрзӧм, менин критигимнин чиёкечек сабарларынын баштары билдирлӱ таркырыжап, меге та ненин де учун ачинып, кенете арбап баштады (БУ.С, 5) – Вижу, как тоненькие кончики пальцев моего критика заметно задрожали (букв. задрожав), почему-то он, на меня рассердившись, вдруг начал ругать.

Деепричастие на =а в интересующей нас синтаксической роли во всех трех изучаемых нами языках употребляется много реже деепричастия на =п, и его выразительные возможности беднее. Оно тоже передает факт зависимости соответствующего построения, его синтаксическую несамостоятельность, не выражая никаких специфических содержательных отношений между событиями (действиями). Поскольку, однако, сами глагольные формы, от которых образуется это деепричастие, а также и формы конечных сказуемых фразы выражают определенные грамматические значения, постольку комбинации этих значений ведут к определенному пониманию отношений между событиями.

Приведем примеры построений с этим деепричастием.

Алт.: Је шак бу прозаны бичип тур=а, мен чын айдадым кандый да анғылу жанр керегинде сананбагам (БУ.С, 9) – Но, эту прозу пиша, я правду говорию, ни о каком другом жанре не думал; Келин иштеник отыр=а, јашкайакту көстӧриле Шутурга карыкчалду көрӱп улу тынды (ӰС, 16) – Молодая женщина, продолжая работать, слезящимися глазами грустно посмотрев на Шутур, глубоко вздохнула; Бӱрӱнкӱй энгирде ажанып отыра, олјодогы улустынг одузы јаар көрди (ӰС, 27)– Бурункуй, вечером ужиная, смотрел в сторону становища пленных; Камкайчыле немекарып отыра, канайып катап сӱӱдим эмеш (ӰС, 29) – Удивительная вещь – старея, как же это я снова люблю?

Форму на =а, по нашим данным, в алтайском чаще принимают сложные глаголы с вспомогательным компонентом отыр=а и тур=а; эта форма представляет действие как длительное, на фоне которого происходит другое действие. То же наблюдаем и в тувинском:

Михаил фронтуже, школага ӧөренип тур=а, аттанып кан (УТЯ, 73) – Михаил на фронт, в школе учась, отправился (=со школьной скамьи); Дагга чунгулап тур=а, шуптувус дугуруштувус (УТЯ, 72) – Катаясь на горе, мы все договорились; Бызан ашак докпак даңзазынга таакпалап каап ор=а, хөглуг каттырып дүжүрген (ХО, 12) – Старик Бызан, покуривая свою короткую трубку, весело засмеялся.

Сравним также: Дедир кел чыд=а актарың, чаа кижилер элзедип алыры-биле Каа-Хем бажындан Дерзиг-Аксында чедип келгенин чорумал улустардан билип алды (СТ, 135) – Идя обратно, узнал от встречных людей (то), что белогвардейцы пришли на Дерзиг-Аксы с верховья Каа-Хема для вербовки новых людей.

В хакасском языке фразы с простыми формами этого деепричастия попадаются чаще, чем в алтайском и тувинском:

Сах андох, мылтыгын тудын=а, сиден тастынзар ойлаан (ГХЯ, 250) – Тотчас же с ружьём в руках (букв.: держа ружьё) побежал за ограду; Хызычах, мині аңдып, іңез не чӧлен=е турчатхан (ГХЯ, 240) – Девочка, рассматривая меня, стояла, прячась за мать; Андар сағысха тӱз=е, Опан аалзар көӧлңе пастырған, саар хол таяғына чӧлене (НТ.ТКО, 141) – В такие мысли погрузившись, Опан в деревню медленно шел, опираясь на трость.

На базе рассмотренных моделей развиваются производные, осложненные частицей ла, которая может занимать разные линейные позиции относительно деепричастия. Например, в Хакасском:

Галя ана ла көр=е, паза даа тапсабин, частиинын, алтынаң автомат сығара тартып, андар улап тапсаан... – Галя, как только его увидела, больше ничего не говоря, из-под постели автомат достала, в него прицелившись, сказала...; Мишка, ол чонның, аразында бандит пастығы Кулаковты көріп таб=а ла, ... ойлап сыххан (ХЧЧ, 62) – Мишка, как только среди этих людей высмотрел (букв.: вглядываясь, нашел) главу бандитов Кулакова, ... стал убегать; Оларның, пірсі ідісті ле хаап, адын айландыра тартап ӱкӱс салған... – Один из них, лягушку только схватив, коня развернув, припустил...

Модели с участием частицы ла передают уже не одновременность

главного и зависимого действий, а отношения немедленного следования главного действия за действием деепричастия.

Конструкции с отрицательным деепричастием, которое в алтайском имеет форму T_V=бай (=пай, =май), в хакасском – T_V=бин, а в тувинском – T_V=байн (=пайн, =майн), противопоставлены в аспекте аффирмативности целой серии "положительных" деепричастных форм: это и общетюркские формы на =п и на =а, и тувинское деепричастие на =гаш, алтайское на =ала, хакасское на =абас. Семантические функции отрицательного деепричастия не вполне параллельны функциям "положительных форм", так что называть его отрицательной парой к неотрицательным деепричастиям можно сугубо условно.

Как и деепричастия на =п и на =а, отрицательное деепричастие формирует почти исключительно моносубъектные полипредикативные построения, в составе которых деепричастный оборот представляет фоновое событие, определяющее собою характер протекания главного действия. Но так как отсутствие действия неудобно использовать для соотнесения с ним во времени другого события, обороты с отрицательным деепричастием чаще осмысливаются как обстоятельства образа действия, раскрывающие специфику протекания основного события. Например, в алтайском:

– Ээ–э, элик, сен бисти бажы–jӱзинге jууктат=пай, эки кулагынга ӱркидип турарын да, муузын ди салдын ба? (Ш.АК, 16) – Ээ–э, косуля, когда ты, не подпуская нас, вспрядывала ушами, тогда ты и про рога забыла?; Борбок–Кара ол ло бычактын сабыла колдорына соккылап турарда, ол чыдажып болбой, ыйлап ийди (БУ.С, 75) – Когда Борбок–Кара рукояткой того ножа стал бить по рукам, он, не выдержав, заплакал; Адам бисти кӱл–кӧмӱрге уймалбай, от саларына ӱреткен – Отец учил нас разводить костер, не пачкаясь в золе и саже.

Тув.: Ашак шырайын шимчеш–даа кыл=байн, уламчылаан... (КК.2, 125) – Старик, не меняя выражения лица, продолжал...; Малчын ӧшкүлерин кажаадан үндүр=бейн, кыштадыр азырап келген (ДЧ, 18) – Чабан, своих коз из кошары не выпуская, всю зиму ухаживал за ними.

Хак.: Оолағас маймагын суур=бин суғаа кірібіскен – Мальчик вошел в воду, не снимая обуви; Мин атты турғыс=пин хаңадаң тӱзіре себірібіскем – Я, не останавливая коня, спрыгнула с телеги; Олғаннар іңезінең сурын=мин тайғызар парыбысханнар – Дети, не спросясь у матери, ушли в тайгу.

Во всех примерах деепричастное действие, конечно, как–то соотнесено по времени с главным действием: в одних случаях два действия представлены как одновременные, в других – главное следует за зависимым. Но это совсем не то главное отношение, которое выражено данными формами. Более существенно, что эти события представлены как внутренне связанные; негативное деепричастное действие обусловливает собою особенность протекания главного: не вообще разводить костер, а не пачкаясь; не просто спрыгнула с коня, а "на ходу", не останавливая его.

Иногда этой конструкцией выражаются противительные отношения, отношения контраста. Например, алт.:

А jылтырган килин–кара момон дезе Метирейдин чакпызына тӱш=

=пей, менин чакпыма келип тӱшкен (БУ.С, 80) – А блестящий, иссиня–черный крот попал не в капкан Метирея, а в мой капкан (букв.: в капкан Метирея не попав, в мой капкан попал).

Противительная семантика связана с тем, что в положительной и отрицательной формах стоит один и тот же глагол. В тувинском языке деепричастие на =пайн, сочетаясь с собственным подлежащим, выражает причинное отношение, выступая как пара к деепричастию на =гаш, например:

Аъдым тывыл=байн, чадаг чордум (ГТЯ, 347) – Так как конь мой не нашелся, я ходил пешком.

Рассмотрим теперь группу конструкций, связанных с широко употребительными неспрягаемыми деепричастиями, разными в изучаемых языках. Это деепричастие на =ала в алтайском, на =абас и =бинаң в хакасском, на =гаш в тувинском. Общим для них является отсутствие четкой обстоятельственной семантики.

$/T_V$=ала $(N_1 \leftrightarrow V_{фин})/$. Эта алтайская МС–конструкция в современных текстах – одна из самых популярных. Разносубъектные реализации для нее абсолютно нетипичны. Приведем встреченный нами пример:

Больница гяла келеле, меге капшай операция эткендер – Как только я попал в больницу (букв.: как только попав в больницу), мне сразу сделали операцию.

Здесь очевидна семантическая экспансия местоимения меге 'мне' из главной части в зависимую: тот, кто в главной части представлен как объект воздействия со стороны других, неназванных лиц, в зависимой части, естественно, "восстанавливается" как активный производитель действия. Это еще один вариант той "несобственно́–разносубъектности", о которой мы уже говорили.

Оборот с этим деепричастием обычно представляет свое действие как предшествующее другому действию того же субъекта:

Болчок ташка отур=ала, амырап баштадым (Ш.АК, 41) – Присев на круглый камень, я начал отдыхать; Чай ичкен айактарды jун=ала шкафка тургузар керек – Чашки, из которых пили чай, вымыв, надо поставить в шкаф.

Сравним также с аналитическими формами деепричастий:

Кӧлдинг јанында амырап, ажанып ал=ала, бозом кирип барадарда, ойто jуртка jедип келдилер (ВТ.К, 14) – У озера, отдохнув, пообедав, когда пришли сумерки, назад в поселок пошли; Ол эжикке jууктап кел=еле айтты... (Ш.АК, 21) – Он, постучав в дверь, сказал...

Но если глагол в силу своей индивидуальной семантики или лексико–грамматической аспектуальной формы представляет действие как длительное, непредельное, то конструкция с таким деепричастным сказуемым представляет зависимое действие как параллельное главному:

Кижинин нӧкӧри оорып jадарда, онын јанына отур=ала, уйалбай какайып аракыдайт (БУ.С, 184) – Когда твой (=мой) друг болеет, как же, с ним рядом сидя, не стыдясь, пить водку; Койонок анайда ойноп тур=ала, ӧйдин ӧткӧнин сеспей де калды (КТ.Т, 22) – Зайчик, играя так, не почувствовал, что прошло много времени; Кымыс, бис

экӱ атла кыра тырмап тур=ала, карга= јутка алдыртканыс – ты санаңзаң (КТ.Т., 40) – Кымыс, вспомни, как, работая вдвоем на пашне, мы были застигнуты снегом и ледяным дождем.

К этому же типу конструкций относятся хакасские модели МС ППК

$/T_V$=бинаң, $(N_1 \leftrightarrow V_{фин})/$;

$/T_V$=абас $(N_1 \leftrightarrow V_{фин})/$.

Первая модель широко употребляется в современных хакасских текстах и в устной речи. Например:

Паровоз, сыыла =бинаң, Настяны иртіп чӧрібіскен – Паровоз, шипя, проскочил мимо Насти; Кууҷын апсах хосмылтырын=чӱктен=минең читкен – Старик Кууҷын пришел, неся на спине свою двустволку; Варвара чаҷа, тайнанып алыңар, туңмачахтарым, ті=бинең тимнебисчең, – Тетушка Варвара, приговаривая: "Покушайте, милые мои", сразу собирала на стол.

Вторая модель употребляется преимущественно в качинском диалекте. Фразы с этой формой из текстов:

Ол ағас тастына сығара ойлапкил=ебес, анаң позох нандыра айла чачырап, ӱр сыххан (ХЧЧ, 38) – Он, выскочив из-за дерева, затем снова назад отскочив, стал лаять; Толаға тасхар хал=абас, ат көлбезі тӧзінзер чыпли халған (КН.ХХ):

– Толаг, оставшись на улице, быстро юркнул за водопойную колодину.

В тувинском языке последовательно моносубъектна модель $/T_V$= бышаан $(N_1 \leftrightarrow V_{фин})/$. Это деепричастие отмечено В.И. Рассадиным также в тофском языке (Рассадин, 1978: 178). Морфологической сложности этого аффикса, который возводится к двум причастным: =<u>мыш</u>+=<u>ган</u> > =<u>мышаан</u>, соответствуют семантическая четкость и простота конструкции, которая всегда выражает одновременность, параллелизм действий главной и зависимой части. Например:

Бо бригаданың ийи кежигүнү ажылда=вышаан, институтту доозуп алды (УТЯ, 96) – Два члена этой бригады окончили институт, совмещая работу с учебой (букв.: работая, институт закончили); Инээн саг= =бышаан олура, менче корнүп келгеш, уруг айтырды (ОС, П, 194) – Продолжая доить корову, на меня оглянувшись, девушка спросила. Сравним очень редкий пример разносубъектной конструкции: Дашкалары ширээзинде шыңайдыр дагжа=вышаан, чырык имир дүжүп келген (ГТЯ, 339) – Светлые сумерки спустились, в то время как заздравные кубки еще кипят на столе.

Промежуточное положение между рассмотренными моделями моносубъектных конструкций и разносубъектных, к которым мы переходим, занимает широкоупотребительная тувинская модель с деепричастием на =<u>гаш</u>:

$/T_V$=гаш $(N_1 \leftrightarrow V_{фин})/$.

Она обычно употребляется как моносубъектная, передавая значение следования:

Мени кый дээш, ийинче, улустан ырады эдерти бер=геш, силерге,

силерге=даа диведи, сеңээ диди (УХ–49, 7) – Позвав меня, уведя в сторону далеко от людей, не сказал "вам", сказал "тебе"; Өлчеймаа ачазының арнынче хүлүмзүрей аарак көр=геш, чугаалаан ... (ХО, 10) – Олчеймаа на лицо отца, улыбаясь, посмотрев, сказала ...; Аңчылар бир эртеп сын кырын дугаар диин=неп=кеш, таптыг=ла дал= дуыш турда, даг эдээнге ужуражы бергеннер (ДЧ, 5) – Охотники, однажды утром вдоль вершины хребта побелковав, встретились у подножия горы ровно в полдень.

Если же простой или сложный глагол имеет аспектуальную характеристику протяженности, значение модели реализуется как одновременность:

Кара=оол идиниң бажынче көрүп алгаш, чугаа=даа чок турзала турган (АД. ЧК, 30) – Кара=оол, глядя на носок своего ботинка, стоял, как стоял молча (без разговора); Бо хүннүг бодан=гаш, мынчага чедир бодан=гаш, чүвениң ужурун черле аайын тыпладым (УХ–49, 7) – Думая целый день, до сих пор думая, не могу разобраться в сути дела.

Если форму деепричастия на =<u>гаш</u> принимает аналитический глагол, то общее значение конструкции, следование или одновременность, зависит от характера вспомогательного глагола:

Оларны аралап чор=аш, хой кажаазынга чедер (УХ–49, 3) – Перебирая (пересчитывая) их, доходит до кошары; Акыңар чанынга хойтпак ижип чор=ааш, бут кырынга туруп аар силер (УХ–49, 127) – Около старшего брата хойтпак попивая, на ноги встанете вы; Лида чеди кулаш сыдымны дүрүп тут=каш, эзерлиг аът кырында олуруп кан (УХ–49, 141) – Лида, свернув семисаженный аркан, села на коня верхом; Бирле өйде аваыс бисти кыйгыргылап ал=гаш, моон көжүп, чаа черге чурттаар бис деп чугаалаан (СТ, 9) – Однажды мать, собрав нас, сказала, что мы переедем отсюда на новое место.

Если форму на =<u>гаш</u> принимает сложный глагол со знаменательным компонентом в отрицательной форме (на =<u>пайн</u>) и служебным, выражающим длительность, то модель имеет значение одновременности:

Өөрүн баштап, четтир=бейн чор=ааш, дазылче будун супкаш, чодазын сып алган (КЛ., 220) – Возглавляя своих товарищей, не давая обогнать, засунул ногу под корень, сломал голень; Суг көр=бейн чыт= =каш, канчап идиин уштур боор деп боданган (УХ=49, 9) – Воду не видя, как снимать обувь.

Исследователи тувинского языка отмечали возможность оформления деепричастия на =<u>гаш</u> аффиксами родительного, местного и исходного падежей (ГТЯ, 335), что, конечно, свидетельствует о причастном прошлом этой деепричастной формы. В современных тувинских текстах мы этих падежных форм не встречали. Во время экспедиций 1980 и 1982 гг. только от информантов–тоджинцев мы получали формы с аффиксами родительного падежа. Остальные падежные формы нам известны лишь из работ Н.Ф. Катанова (1905, 593). В значительной части МС–фраз с формами на =<u>гаш=тың</u> довольно явственен оттенок причинной обусловленности, особенно в тех случаях, – а они типичны, – когда эту форму принимает глагол с семантикой восприятия, эмоционального переживания или интеллектуального действия. Например:

Бичии уруг ыглап турарын дынна=аш=тын, мен аңаа чеде бердим – Услышав, что ребенок плачет, я к нему подошла; Сени тая бээр деп корт=каш=тын, мен сени холуңдан сегирип алдым – Испугавшись, что ты поскользнешься, я схватил тебя за руку; Сээң, чоруп олурарыңны кер=геш=тин, менүне бердим – Увидев, что ты идешь, я вышел на улицу. Сравним, однако: Ол маңаа кел=геш=тин, орта ажылдаведы – Он, приехав сюда, с тех пор как следует не работал (причинного оттенка нет).

Употребление формы T_V=гаш с собственным подлежащим наблюдается редко. Имеющиеся у нас примеры показывают, что для этих фраз характерна довольно четкая причинная семантика:

Кижи кел=геш, мен анаар бар албадым – Так как пришли люди, я туда не пошел (пример и перевод Н.Ф. Катанова, 1905, 929); Хем углат=каш, паром чорбастаан (УТЯ, 85) – Паром не работает, так как река разлилась; Аъдым өл=геш, чадаг калдым – Так как конь=мой погиб, пешим остался=я; Кызыл будум дона бер=геш, чадырымча дедир кирип келдим (Ш.С, 94) – Так как босые ноги=мои замерзли, в чум (шалаш) обратно зашел=я.

Поэтому РС=модель с формой на =гаш мы считаем отдельной, самостоятельной моделью тувинского языка:

$$\underbrace{(N_1 \leftrightarrow T_V\text{=гаш})\ (N_1 \leftrightarrow V_{фин})}_{\text{причинное отношение}}$$

Особое место в системе ППК с зависимой частью, возглавляемой неспрягаемым деепричастием, занимает модель с деепричастием предела в прошлом, точнее – начального ограничения главного действия действием зависимой части, представленная во всех трех языках. Запишем ее общей структурной формулой:

$$(N_1 \leftrightarrow T_V\text{=галы})\ (N_1 \leftrightarrow V_{фин}).$$

Алтайской форме=галы соответствуют хакасская=гали и тувинская =гала с закономерными фонетическими вариантами. По этой модели строятся преимущественно разноподлежащные фразы. Но главная часть в типичных фразах этой модели представляет не конкретное событие, действие, у которого может быть субъект, а "факт" течения времени; событие деепричастной зависимой части выступает как веха, от которой начинается отсчет времени:

Хак.: Мин оларда пол=гали, пір чыл ирті – С тех пор как я у них был, один год прошел.

Тув.: Ачам заводка ажылда=ала, чээрби чыл ашкан (ГТЯ, 343) – Уже прошло более двадцати лет с тех пор, как мой отец работает на заводе; Акым тайгаже дииңэ=эле, бир ай чыгай берген – Скоро месяц с тех пор, как мой старший брат пошел белковать в тайгу; Мээң адаием моон чорут=кала 20 чыл ажа берген (ГТЯ, 344) – С тех пор как мои родители уехали отсюда, прошло 20 лет.

Алт.: Мылтыктың стволы јастык=калы та канча кире өй өткөн – кем де билбес (БУ.С, 70) – Никто не знает, сколько времени прошло с тех пор, когда разорвался ствол ружья.

Во всех трех языках встречаются и такие фразы, построенные по этой модели, где отношения 'с тех пор как' связывают реальные события; в их числе встречаются и моносубъектные:

Алт.: ... А бого, бу Куулгыта кел=гели, канча кире балдардың энелерин јеңилткенимди айса укпаганыгар ба? (БУ.С, 201) – А сюда, в Куулгы с тех пор как приехала (я), скольким роженицам облегчение я дала, (об этом) вы, может быть, не слышали?

Тув.: Араттар колхозка кир=геле, чаа амыдыралче шилчээн – Араты перешли к новой жизни с тех пор, как вступили в колхоз; Колхозтар сигенин кезип доос=кала, тараа кезип алыышкынче кирипкеннер – Колхозы приступили к жатве с того момента, как только закончили сенокос.

Во всех трех языках фразы, построенные по этой модели, особенно двусобытийные и моносубъектные, встречаются очень редко. Чаще эта семантика передается рассмотренными выше конструкциями с послелогами: бээр (бери, пеер), сыгара, ала, бейин, соңаар.

Последними в ряду неспрягаемых деепричастий являются общее для алтайского и хакасского языков неспрягаемое деепричастие на =ганча и его тувинский аналог на =гыже. Эти формы на современном этапе развития тюркских языков мы считаем омонимами спрягаемых деепричастий предела в алтайском и тувинском и неспрягаемого, но обладающего субъектно-подлежащной валентностью хакасского деепричастия на =ганча, которые восходят к общей с ними праформе.

$$(T_V\text{=ганча})\ (...V_{имп}).$$

Эта модель имеет заместительное значение. Деепричастие здесь представляет действие, которое, по мнению говорящего, не следует выполнять (или продолжать), но нужно заменить тем действием, которое названо главным сказуемым. Например, в алтайском:

Карангуйда отур=ганча, јарыткышты күйдүрели – Чем сидеть в темноте, давай свечку зажжем; Озогы шыралу јадын – јүрүмге кайра бурыл=ганча, бис јуу=согушта өлөрис! (Сур., 21) – Чем вернуться в прошлую жизнь, мы погибнем в бою.

Ясно, что сама идея "замены" одного действия другим глубоко связана с тождеством субъекта, – моносубъектность фраз этой модели органична. Ее главное сказуемое чаще всего имеет форму и семантику императива, побуждения к желательному действию. Символ имп. в формуле этой модели подразумевает и императив, и формы желательности, долженствования, пожелания и т.п.

Аналогичные модели представлены в тувинском и хакасском:

$$(T_V\text{=гыже})\ (...V_{имп});\ (T_V\text{=ганча})\ (...V_{имп}).$$

Тув.: Карангыга олур=гуже лаадан кыпсап алыылы – Чем сидеть в темноте, хоть свечку зажжем; хак.: Піди шурта=анжа, параалыс Пачар пеге сурынага (кызыльский диалект) – Чем так жить, идемте проситься к Почар хану (беку).

В качестве отдельной модели мы рассматриваем семантически

близкую только что рассмотренным алтайскую модель, представляемую формулой:

(T_V=ганча) (T_V=са) торт.

Сказуемое главной части – двухместный предикат торт 'лучше' – что? чего? На вопрос "что?" отвечает конструкция T_V=са без личного оформления, что соответствует ее обобщенно-личному значению. На вопрос "чего?" отвечает конструкция T_V=ганча. Например:

Сурдеп, карыгып өл=гөнчө, кожондоп өлзө, торт (ӰС, 23) – Чем умирать, томительно мучаясь, лучше умереть с песней (букв.: если умирать поя – лучше); Оны санан=ганча, сананба=за торт (БУ, С, 68) – Чем думать (горевать) об этом, лучше, если не думать.

Семантику этих фраз мы определяем как заместительно-предпочтительную. В позиции предиката торт возможны и некоторые другие предикаты (например, јенгил 'легче'), в этом случае компаративный аспект семантики усиливается. Но такие фразы очень редки.

Теперь перейдем к характеристике конструкций, формируемых спрягаемыми деепричастиями. Общая формула этих конструкций:

(N_I ⟷ T_V=дпр=//) (ПЕ).

Подлежащее деепричастной ЗПЕ в тюркских языках Южной Сибири стоит в форме прямого (неопределенного) падежа. Как и в простом предложении, оно избыточно и может опускаться, если субъект выражен личными показателями сказуемого (деепричастия); наличие подлежащего в алтайском языке (но не в тувинском) делает факультативными личные показатели деепричастий на =ганча и =гажын. Объединяя разные деепричастия изучаемых языков по признаку спрягаемости, термином "деепричастное спряжение" мы называем существенно разные типы личных парадигм. В этой системе противопоставляются, прежде всего, формы с обязательным и факультативным личным оформлением. Обязательное личное оформление во всех языках получают условно-временные деепричастия на =са/=за, а также форма на =гыже/кыша в тувинском и тофском (см. Грамматика тувинского..., 404; Рассадин, 1978, 179). Внутри этого типа обычное спряжение алтайских и хакасских форм противостоит специфическому тувинскому спряжению с добавлением внешних аффиксов после личного показателя (кел=зи=м=зе, кел=гиже=м=че). Ко второму типу, с факультативным личным оформлением, относятся алтайские деепричастия на =ганча и на =гажын, которые различаются между собой большей или меньшей регулярностью личного оформления: форма на =ганча получает такое оформление регулярнее, чем =гажын.

Деепричастие на =гажын – специфическая форма алтайского языка. Ни тувинский, ни хакасский языки ее не знают, и в алтайском она распространена не повсеместно. Она представлена в текстах Маадай-Кара, попадается в текстах современных писателей и публицистов. Примеры ее употребления с личным оформлением были получены Т.П. Филистович только от информантов (Усть-Кан).

Основным ее значением признается выражение временной соотнесенности в плане абсолютного будущего (см. Дыренкова, 1940, 140). Однако в наших материалах она чаще используется для выражения временной соотнесенности в прошлом, например:

Бистин Борбок-Кара массаж эдетен кыпка кирип кел=гежин, оны јип јиит, былтыр ба, быјыл ба онынчы классты божоткон кыс уткыган (БУ.С, 90) – Когда наш Борбок-Кара вошел в комнату для массажа, его встретила молоденькая-премолоденькая девушка, недавно окончившая школу; Кару сӱт тартып барата=кажын, көрмөстин сайгагы буканын та незинен чагып ийди болбогой, – арбалу бука бодоп ло, көслө јеткен јер јаар мантаган (БУ.С, 54) – Когда Кару вез молоко, запряженного быка ужалила оса, бык с запряженной телегой помчался неизвестно куда.

Она может выражать и условные отношения:

Ол кӱн койчы Корташев Камылдынын турлузында, Кара-Суу деген јерде, чынын айт=кажын, јаан байрам болгон деерге келижер (БУ.С, 207) – В этот день на стойбище чабана Камылды Кертешева, месте, называемом Кара-Су, если правду сказать, большой праздник...

В разносубъектных фразах деепричастие на =гажын обнаруживало способность принимать личное оформление. Хотя таких фактов в нашем распоряжении пока немного, однако они есть, и тенденция эта представляет, с нашей точки зрения, несомненный интерес. Приведем примеры:

Мен кел=гежи=м сен меге ончозын куучундарын – Когда я вернусь (приду). ты мне все расскажешь; Санаторийге јет=кежи=н, ол ло тарыйын письмо бичи – Как приедешь в санаторий, сразу же напиши письмо; Бис талай бар=гажы=с, сен пальмаларды көрӱп ийерин – Когда мы поедем к морю, ты увидишь пальмы; Город бар=гажа=р, меге ол бичикти садып беригер – Когда поедете в город, купите мне этот учебник (книгу). (Эти примеры любезно предоставлены нам Т.П. Филистович.)

Как видим, спряжение последовательно идет по формальной модели прошедшего времени на =ган.

Рассмотрим теперь конструкции, формируемые деепричастиями предела: тувинской формой =гыже, которую мы относим к деепричастиям на том же основании, что и форму на =са (см. ее оценки – Menges, 1959, 663; Бабушкин, 1959, 102; иначе – Сат, 1955, 698-699; Грамматика тувинского..., 404-407), а также алтайской и хакасской формами на =ганча. Основное значение этих форм – предел во времени, полагаемый главному действию наступлением деепричастного действия:

Чо-ок, чер чыры=гыже моон черле дүжүп болбас (СС.А, 106) – Не-ет, до тех пор, пока не рассветет, отсюда никак спускаться нельзя; Имир дүш=күже, каътка элик кедеп олурдум (СС.А) – Я подстерегал косулю на солнечном склоне горы до тех пор, пока не наступили сумерки; Сен бо дан, шолбаны дөө шивилер бажы чет=киже олур, куп кыннып алыйн. Оон, соонда сен дан, ат=кыже уду. Мен олурайн (СС.А., 121) – Ты сиди до тех пор, пока утренняя звезда достигнет вершин вот этих елей, (а) я вздремну. После этого, до тех пор, пока взойдет заря, поспи, я посижу.

Алт.: Олор балдарын чыдадып алала, көлдин үсти бүткүлинче тошло бүркел=генче јүрүп јат (АТ, 43) – Они (птицы), вырастив своих детей, живут (там) до тех пор, пока озеро полностью покрывается льдом.

Хак.: Піс күн хон=ганча хой хадар чөргебіс... (НТ.ТКӦ, 73) – Мы пасли овец до тех пор, пока село солнце; Сержант Сагафаров айлан=ганча, син отделение командирі поларзың – До тех пор, пока сержант Сагафаров не вернется, ты будешь командиром отделения; Ол күничирге сабыл=ганча тасхыл үстүне сыххабыс (ХЧЧ, 74) – Пока тот к вечеру не склонился, на скалу взбирались они.

Для хакасского языка характерно ослабление предельного (ограничительного) компонента семантики этой формы и выражение с помощью формы на =ганча общего предшествования:

Манон Петрович хылчаңнаңча, ізік тазыли түскен – Прежде чем Манон Петрович оглянулся (до того как оглянулся), дверь уже захлопнулась; Ягор чылыглар полганча азахха тур килген (КН.ХХ, 87) – Прежде чем потеплело, Ягор встал на ноги (выздоровел).

Значение 'до тех пор, пока' у всех рассматриваемых форм обусловлено краткостью, предельностью семантики самого глагола, простого или сложного. Если же глагол представляет действие как длительное, то семантика конструкции закономерно преобразуется:

Тув.: Ооредилгем доос=куже=м=че, маңаа чурттаар мен – Пока учусь, я буду жить здесь; Мен бо шолду кес=киже=м=же сен суглап экел – Пока я кошу этот лужок, ты сходи за водой.

Алт.: Мынайып ла отур=ганча=м, сан башка табыш угулды (Ш, АК) – Пока я так сидел, раздался странный шум; Эжер морковьты одоп тур=ганча, мен бочкого суу тажып саларым (АТ, 132) – Пока Эжер полет морковь, я натаскаю в бочку воды; Энем аш-курсакты белетеп тур=ганча, мен суу экелип, одын јарып салдым (АТ, 122) – Пока мать=моя готовила еду, я, принеся воды, дров наколол.

Это семантическое различие не дает основания противопоставлять модели – речь может идти лишь о вариантах, обусловленных лексико-грамматическими признаками частей. Эту модель мы представляем формулами, однотипными для всех трех языков; но деепричастие в хакасском предстает как неспрягаемое: T_V=ганча, в алтайском – как спрягаемое факультативно: T_V=ганча= , в тувинском – как обязательно спрягаемое: T_V=гыже=//.

Семантика предела во времени довольно естественно переходит в значение качественного предела, высшей интенсивности, которой достигает действие. Например, в алтайском:

... агаш казыкла той=гончо кандык казып јийтени тунгей ле күч (БУ.С, 79) – ... деревянной копалкой накопать кандыка до того (столько), чтобы насытиться (до насыщения), трудно; Бис бой=бойыстың тумчуктарыстың каны ак=канча јудруктаржып, ол ло Ак улдагы јайлулда јуук өйгө согушканыс (БУ.С, 80) – На стоянке Ак-ул мы друг с дружкой дрались до того, что из носов кровь потекла; Мен тыныжым јетпей бар=ганча, јүгурдим – Я бежал до того, что начал задыхаться.

В тувинском языке этому семантическому варианту соответствует

и формальная специфика деепричастия:

=гыже	:	=гыжа
огр. время		огр. интенсивн.

... чайгавайн салыптарымга, мырыңай-ла кулаам чарыл=гыжа кышкырып-ла үнген (СС.А, 31) – ...когда я перестал качать, он завопил до такой степени, что в ушах зазвенело (букв.: уши=мои пронзая=до того завопил он); Акым мени эккелген дээрзинге кээргеп, багай кежегемни кезип, оон дөзүнде бузурларны кузум-биле оок=кужа=м=га чап, тонумнуң орбактарын чамап, эрги-каксы идиктер артыын селиштирип тургаш, идик улдуруп берип, шору-ла болган (СС.А) – Брат=мой, пожалев, что меня привезли, худую мою косу отрезав, на ее месте лишаи табачным нагаром мазал до того, что я угорел, залатав дырки на халате, из остатков старой обуви починил мою обувь, – позаботился обо мне.

В алтайском и хакасском языках эта семантика передается той же формальной моделью, что и предел во времени.

Форма на =са/=за оценивается нами как условно-временное деепричастие на совершенно тех же основаниях, что и эвенкийская форма на =рак. Одного факта спрягаемости формы недостаточно, чтобы приравнивать ее к формам наклонений. Мы понимаем наклонение как важнейшую категорию финитного глагола, который может быть сказуемым и простого, и зависимой части сложного предложения. Но форма, главная функция которой – выражать определенный характер формально-содержательного подчинения зависимого сказуемого главному, не должна рассматриваться как финитная; она должна быть признана деепричастием.

В алтайском и хакасском языках форма на =са/=за спрягается так же, как и в других тюркских языках – при помощи показателей "2-го типа". Третье лицо характеризуется отсутствием показателя. Конструкция, формируемая этим деепричастием, призвана выражать отношения общей временной соотнесенности, преимущественно ориентированные в план абсолютного будущего. Эта форма употребляется преимущественно тогда, когда вся цепочка событий еще не осуществилась и лишь ожидается с большей или меньшей вероятностью. С этим и связан двойственный, условно-временной характер ее семантики:

Алт.: Јуун болбозо, киного барып келбейис – Если собрания не будет, то сходим в кино; Канча бастыра јакыган немени садып алзаң бистиң айылга кирип бар – Когда (если) купишь все, что тебе велели, зайди к нам; Акча болзо ло, тургузала јаан күскү аларым – Когда (если) у меня будут деньги, сразу же куплю большое зеркало.

Хак.: Өс пар=за, пойли салыбызарбыс (НТ.ТКӦ, 36) – Когда вырастет, выпустим на свободу; Ибге чит=се=м=ӧк сірерге пазам – Как только вернусь домой, я вам напишу.

В тувинском языке форма на =са спрягается с теми же показателями, но принимает внешние аффиксы (подробнее см. Сат, 1968). Употребляется она гораздо реже, чем в алтайском и хакасском, и временное значение для нее крайне нехарактерно – это почти исключительно условная форма:

Даарта чаашкын чагбас бол=за, тооруктар бис – Если завтра

не пойдет дождь, мы пойдем орехи бить; Бир эвес сенде акша чок бол=за, сеңээ ким хлеб садарыл! – Кто тебе продаст хлеб, если у тебя нет денег!; Ол келир бол=за, бис ону эки хүндүлээр бис – Если он придет, мы его хорошо угостим; Чаъс ам чок бол=за, агаарлап чоруулуңар (ГТЯ, 102) – Если теперь (сейчас) нет дождя, пойдем гулять.

Сравним примеры, где оппозиция условной и временной семантики снимается и понимание зависит от ситуации:

Хар бийин-ле эриге бер=зе, аңнап кириптер бис – Когда (если) выпадет много снега, мы пойдем на охоту; Чаъс чок бол=за, кааң деп сөглээр (Катанов, 1905, 854) – Если (когда) нет дождя, говорят: вёдро; Чаъс чок бол=за агаарлап чоруулуңар (ГТЯ, 102) – Если (когда) не будет дождя, пойдем гулять.

Чтобы выразить именно временную семантику, информанты вводили слово кажан 'когда', в текстах в этой позиции нами не встреченное:

Кажан хар чаарын соксадып=са, аңнар эгелей бээр бис – Когда выпадет снег, пойдем на охоту; Кажан изиг хүннер кел=зе, ынчан эштип кириптер бис – Когда наступают жаркие дни, мы ходим купаться; Кажан кино баар апар=зы=ңар=за мени эдертип алыр силер – Когда пойдете в кино, зайдите за мной.

Мы видим в этом подтверждение того факта, что сама по себе форма на =са в тувинском выражает условие. С этой же формой строятся фразы и так называемого ирреального условия. Они отличаются от фраз с семантикой реального условия только тем, что их конечное сказуемое ставится в сослагательном наклонении. Например, в тувинском:

Сен мени итпээн бол=зу=ң=за, мен кээп ушпас ийик мен – Если бы ты меня не толкнул, я бы не упал; (Бир эвес) будуң адааңче корүп чораан бол=зу=ң=за, сен хөөлбекче кээп ушпас ийик сен – Если бы ты смотрел под ноги, ты бы не упал в лужу; (Бир эвес) ол иезиниң ынпаар хараадааның билген бол=за, ону кылбыс ийик – Если бы он знал, как расстроится его мать, он бы не сделал этого; (Бир эвес) ол бистен айтырыглар салып шорулбаан бол=за, бис ону моон үндүр ойлатпас ийик бис – Если бы он не приставал к нам с вопросами, мы бы его не выгнали отсюда.

На базе рассмотренной модели $\frac{(N_1 \leftrightarrow T_V\text{=са})\ (ПЕ)\ \text{не прош. вр.}}{\text{условие}}$

во всех трех языках развилась производная модель с частицей да (место частицы варьирует), выражающая уступку:

$$\frac{(N_1 \leftrightarrow \text{да } T_V\text{=са})\ (ПЕ)}{\text{уступка}}.$$

Алт.: Сен мени тың да ийде салган болзоң мен јыгылбадым – Хоть ты меня и сильно толкнул, но я все равно на ногах удержался.

Тув.: Будум аарып турза-даа, ажылымче чоруп-тур мен – Хоть у меня и болит нога, на работу=мою хожу я; Чок апарган кижи ышкаш мени ыглажып тур=за-даа, мен чоорту экирип кел чыткан мен – Хотя меня оплакивали как мертвого, я все-таки медленно поправлялся.

К сожалению, недостаток места не позволяет нам остановиться на очень интересном процессе, особенно активно протекающем, как нам кажется, в алтайском языке, но заметном и в тувинском, и в хакасском – это процесс "конъюнгизации" деепричастий на =зо, тув. =за от бытийного глагола бол=. Оставаясь спрягаемым, т.е. не выходя окончательно из структуры зависимого предиката, служебное слово болзо, которое можно сопоставить с русским словом будучи, формирует модель ППК с именными предикатными формами. Например:

Бис эмес бол=зо=быс, та өлүп калар, та уурчылар түнде калганчы штаны уштай бергилеер эди (TJ, 5) – Если бы не мы (букв.: если мы не имеемся в наличии), или умер бы, или ночью воры последние штаны стащили бы.

* * *

Этим исчерпывается выявленный нами на данном этапе инвентарь деепричастных моделей в трех тюркских языках Южной Сибири. Вероятно, дальнейшие исследования позволят его расширить и уточнить.

§ 3. Конструкции с деепричастной зависимой частью в бурятском языке

Деепричастия понимаются в монголистике как особый класс инфинитных форм глагола со следующими отличительными признаками: они не могут быть конечными (независимыми) сказуемыми; в отличие от причастий они не склоняются, не субстантивизируются и не употребляются в позициях, характерных для именных форм (дополнение, определение к имени, подлежащее); временные значения не имеют относительный, а не абсолютный характер (Санжеев, 1963, 227).

Основной синтаксической функцией деепричастий мы считаем функцию зависимого сказуемого, обобщая в этом термине представления, с одной стороны, о главном члене простого оборота, не содержащего позиции собственного подлежащего, с другой – о главном члене абсолютного (или субъектного, самостоятельного) оборота (Бертагаев, 1953, 50; 1956, 91; Грамматика бурятского..., 280; и др.) и о сказуемом придаточного предложения – конструкций, предполагающих подлежащее при деепричастии (Амоголонов, 1958, 213; Алексеев, 1959, 171; ср. также термины "второстепенное сказуемое", "обстоятельство" – Бертагаев, Цыдендамбаев, 1962, 123; Грамматика бурятского..., 281, 283; и др.).

Мы будем описывать деепричастные конструкции в терминах моделей как языковых единиц, которые на уровне речи способны давать реализации как с собственным подлежащим, так и без него. Поэтому мы используем обобщающий термин "зависимое сказуемое", нейтральный по отношению к давнему и, как уже показано, бесперспективному спору о сложном предложении в алтайских языках (ср. Иванов, 1981). Участие деепричастий в образовании аналитических форм глагола мы сейчас не рассматриваем.

Число деепричастий бурятского языка в описаниях разных авторов колеблется от 10 до 17 (Амоголонов, 1958, 213; Цыдыпов, 1972, 46; Поппе, 1938). В Грамматике бурятского языка (1962) указывается 13 деепричастий: соединительное деепричастие на =жа, разделительное на =аад, слитное на =н, продолжительное на =ɬаар, условное на =бал, предельное на =тар, предварительное на =мсаар, последовательное на =халаар, заменное на =нхаар, образа действия (необычного) на =мгашаа, целевое на =хаяа, степени действия на =са и =хыса, попутное на =нгаа. Ц.=Ж.Ц. Цыдыпов фиксирует еще причинное деепричастие на =хынхяа (1972, 41); Т.А. Бертагаев называет целевым деепричастием на =хаар (1968, 241). Целевая форма на =хаа отмечена у А. Бобровникова (1849), Н.Н. Поппе (1938), Ц.=Ж.Ц. Цыдыпова (1972); Д.А. Алексеев описывает деепричастие одновременности на =ааңда (1959, 181).

Мы относим к классу деепричастий еще несколько форм. Прежде всего это форма на =нгүй; В.М. Наделяев называет ее отрицательным деепричастием. Тот факт, что по употреблению она соотносится с разными деепричастиями, а не является отрицательной формой деепричастия на =н, отмечен Г.Д. Санжеевым (1963, 254). В других монгольских языках ей соответствует форма на =лгүй (Санжеев, 1963, 239).

Далее, к числу деепричастных мы относим форму на =башье с уступительным значением (ср. Амоголонов, 1948, 40; Бобровников, 1849, 142); обычно она квалифицируется как финитная форма прошедшего времени =ба с уступительной частицей =шье (Бертагаев, Цыдендамбаев, 1962, 151-152; ср. также Цыдыпов, 1972, 39). Однако употребление в позиции зависимого сказуемого для формы на =ба совершенно не характерно; к тому же имя субъекта при форме на =башье может ставиться в форме не только неопределенного падежа, но и родительного; сравним у Г.Д. Санжеева: «... вопрос о правомерности термина "уступительное деепричастие" должен быть окончательно решен после более тщательного исследования структуры оборота данного деепричастия. Известно, что в оборотах обстоятельственных деепричастий подлежащее, или субъект действия, выражается родительным или винительным падежом, – именно в этом плане структура оборота уступительного деепричастия пока еще не изучена в необходимой степени» (1963, 154). Аналогичная форма монгольского языка на =вч оценивается как уступительное деепричастие (Шарху, 1971, 20; ср. также Санжеев, 1963, 242), хотя существует и противоположное мнение (Козырев, 1958).

Мы склонны относить к числу деепричастных форму =ɬан=//, где косыми скобками обозначается место показателя притяжания, для данной формы являющихся обязательными; =ɬан – показатель причастия прошедшего времени. Как и в случае с формой на =башье, форма =ɬан=// выступает в роли зависимого сказуемого, что для причастий без каких=либо дополнительных показателей связи (падежных, послеложных и т.п.) невозможно. Форма =ɬан=// функционирует как деепричастие следования с оттенком неожиданности для говорящего (ср. Бертагаев, Цыдендамбаев, 1962, 147-148). Отметим, что аналогичную монгольскую форму на =снаа В.М. Наделяев считает формой предварительного второго деепричастия (курс лекций).

Итого для бурятского языка можно говорить о двадцати одной деепричастной форме; рассматривать сейчас мы будем только 16.

На употребление форм на =нгаа, =ааңда и =хынхяа мы располагаем только теми примерами, которые приведены у соответствующих авторов:

Гэртээ буса=нгаа магазинда орохоб (ГБЯ-1, 291) – Возвращаясь домой, я зайду в магазин; Яба=хынхяа театрта оруужабди (Цыдыпов, 1972, 39) – Раз (поскольку) пошли, зайдем (и) в театр; Манай (род. п.) суглааңда бай=гаанда, та юугээ хэбэт? (Алексеев, 1959, 182) – В то время, когда мы были на собрании, вы что делали?

За пределами нашего исследования остаются также редкие формы деепричастий степени действия на =са (разносубъектное) и =хыса (моносубъектное), составляющие функциональную пару.

Деепричастия бурятского языка разбиваются на несколько групп по синтаксическому употреблению – по способности организовывать фразы только одного, двух или, реже, трех типов. Один структурный тип фраз формируется деепричастиями, не имеющими собственной подлежащной (субъектной) валентности. Деепричастия, имеющие такую валентность, могут образовывать фразы как без подлежащего в зависимой части, так и с подлежащим, однако у разных деепричастий прослеживаются разные закономерности притяжательного (зависимо-личного) оформления и падежного оформления их субъектного имени (зависимого подлежащего). Мы рассмотрим вначале деепричастия, не имеющие подлежащной валентности, затем остановимся подробно на деепричастиях с подлежащной валентностью.

Деепричастия, не имеющие подлежащной валентности, образуют фразы по модели:

$$/T_V = \text{дпр}\ (N_1 \leftrightarrow V_{\text{фин}})/.$$

Сюда относятся шесть деепричастий: целевые на =хаяа, =хаа, заменное на =нхаар, необычного образа действия на =мгашаа и, видимо, отрицательное на =нгүй.

В таких конструкциях зависимая часть не является полноценной предикативной единицей, притяжательное оформление деепричастия невозможно. Примеры:

Эдеэл=хэеэ ошоё (Тул., 25) – Пошли поесть; ...хойноɬоонь дары хүсэ=хэеэ яаруу түргэн далайнаб (Тул., 21) – ...чтобы её поскорее догнать, (я) торопливо размахиваю косой; Хүбүүмнайшье ɬургуулияа дүүргэжэ, иишэ хүдэл=хөө ерэнхэй (Б-78-5, 96) – Сын же наш, окончив институт, сюда приехал работать; Тэдэнь бүдүжэжэ, бэеэ хүсэхэдөө өөɬэд өөɬэдынгөө уурхай хаɬа=хаар таɬарɬан байгаа бээ даа (Б-76-5, 5) – Они (птенчики), когда выросли и повзрослели, оторвались, чтобы устраивать себе гнезда; Муу нэрэтэй яба=нхаар, үхэɬэн дээрэ гү? (Анг., 11) – Чем жить (ходить) с опозоренным именем, не лучше ли умереть?; ...Майдар ɬуу=мгашаа сэсэг түүɬэн Янжамаɬаа ɬураба (Х., 136) – Майдар у сидя рвущей цветы Янжамы спросил; Би...юушье хэлэ=нгүй, толгойгоо дохибоб (Лубс., 11) – Я, ничего не говоря, кивнул головой.

Перейдем теперь к деепричастиям, имеющим собственную подлежащную валентность; каждое из них может либо реализовать эту валентность, т.е. строить разносубъектную фразу, либо не реализовать ее, относя обозначаемое действие к подлежащему главной части. Соответственно каждому деепричастию соответствуют одна моносубъектная модель и одна (редко две) разносубъектная.

Каждая модель ППК бурятского языка может и должна быть охарактеризована в соответствии с тем, как используются притяжательные показатели (лично-притяжательные в разносубъектных, субъектно-притяжательные в моносубъектных) и какова форма субъектного имени (в разносубъектных моделях). Представим вначале общий набор конструктивных возможностей.

1. Моносубъектные модели возможны двух типов: с позицией показателя субъектного притяжания и без такой позиции. Показатели субъектного притяжания не могут факультативно опускаться; если в модели есть такая позиция, они обязательны во всех фразах, построенных по этой модели.

2. Разносубъектные модели, во-первых, могут иметь позицию показателей личного притяжания либо не иметь ее; во-вторых, имя субъекта в них может иметь форму либо неопределенного, либо родительного падежа. Потенциально это дает четыре типа, три из которых реально представлены среди ППК с деепричастной зависимой частью (на уровне модели невозможно сочетание неопределенного падежа подлежащего с лично-притяжательным оформлением деепричастного зависимого сказуемого).

Здесь нужно сделать следующие замечания. Во-первых, лично-притяжательные показатели факультативны. В современном бурятском языке с его стремлением к экономии выразительных средств обязательным является однократное выражение субъекта зависимого действия: если он выражен подлежащим, то лично-притяжательное оформление становится избыточным и обычно не используется; напротив, при наличии лично-притяжательных показателей, особенно 1-2-го лица, становится избыточным генетивное подлежащее. Однако использование одновременно обоих средств не исключается - оно может служить средством эмфазы, речевой экспрессии; сравнительно нередко двойное выражение субъекта деепричастного действия наблюдается в случаях, когда зависимая часть осложнена различными структурными элементами (Скрибник, 1980а, 13-14). Обязательность лично-притяжательного оформления наблюдается только в одной модели - с формой на =ɬаан=//, что является существенной ее характеристикой.

Во-вторых, в моделях с подлежащим в родительном падеже изредка возможно появление неопределенного - например, если подлежащее является именем природного явления, служащего временным ориентиром ('заря' и т.п.), или если группа подлежащего представляет собой цепочку форм родительного падежа (Скрибник, 1980а; ср. также Хамгушкеев, 1959). Обратная ситуация - появление родительного падежа в модели с неопределенным падежом подлежащего - невозможна.

Для выявления типов моделей бурятских ППК с деепричастной

зависимой частью существенны поэтому не просто вид отдельных конкретных фраз, наличие или отсутствие в них притяжательно оформленных деепричастий либо окказиональная форма неопределенного падежа подлежащего, а принципиальная способность деепричастия как конструктивного центра ППК принимать притяжательное оформление и задавать определенную форму своему подлежащему.

Итак, деепричастия с подлежащной валентностью в отличие от деепричастий без такой валентности характеризуются не одной моделью функционирования, а двумя - разносубъектной и моносубъектной. Из двух формальных типов моносубъектных моделей и трех типов разносубъектных потенциально возможны шесть комбинаций; реально используются четыре. Эти комбинации являются основанием для классификации деепричастий с подлежащной валентностью, из которой мы будем исходить.

1. Первая группа деепричастных ППК характеризуется следующей комбинацией моделей:

МС: $[T_V$=дпр $(N_1 \leftrightarrow V_{фин})]$;

РС: $(N_1 \leftrightarrow T_V$=дпр$)$ $(N_1 \leftrightarrow V_{фин})$.

Сюда входят деепричастия на =жа, =аад и =н, которые традиционно выделяются в особую группу и именуются "сопутствующими". Они никогда не принимают показателей притяжания и используются преимущественно в моносубъектных фразах:

Түрүүлэгшэ хотон соогуур яба=жа, эндэ тэндэ гуталайнгаа хоншоороор онгило=н, хонидто хүрэбэ (Дамб., 10) - Председатель зашел (букв.: зайдя) в вагон, ковырнув кое-где (букв.: здесь - там) носком сапога, проверив положенную для овец подстилку, и после этого зашел в загородку к блеющим овцам; Жалсарай таабаймни мориёо байлга=жа, гуталаа тайл=аад, тэргэ дээрэ тээлгээтэй юумэнүүдэй хоорондуур хабшуулба (Тул., 11) - Мой дед Жалсарай, остановив коня, сняв сапоги, засунул их среди вещей, сложенных на телеге.

Фразы с собственным субъектом в зависимой части встречаются редко; имя субъекта в этом случае имеет форму неопределенного падежа:

Дүрбэн жэл (неопр. п.) бол=оод,тоололгонууд соомни нэгэ-хоёр юумэн тааралдажа үгөөгүй (Анг., 26) - Прошло (пройдя) четыре года, в расчетах моих кое-что не сходилось; Үдэшэ электричество носо=н,... Цыпилмаа Эржэнхэн хоёр гэртэɬээн гарадаг (ГБЯ-2, 135) - Когда вечером зажигается электричество, Цыпилма и Эржэн выходят из дома (обычно); Гэрэй газаа Ефремэй ɬүхирхэнь (причастие в неопр. п.) дуулда=жа, Иван гүйжэ гараба (Жигж., 41) - (Когда) во дворе (букв.: снаружи дома) раздался крик Ефрема, выбежал Иван (букв.: кричание послышавшись...).

Во фразах такого рода субъект деепричастного действия часто относится к подлежащему главной ПЕ как часть к целому либо зависимая и главная ПЕ описывают разные аспекты одной ситуации:

Тархи=мни эрье=жэ, унахал=би (Б=76=4, 69) - Голова моя кружится (кружась), упаду!; Би тиигэжэ шоглоходонь эштэдэɬэ=мни хү-

рэ=жэ, аман соогоо бүтүү "бүрд" гэбэб (Тул., 6) – Я, когда он так пошутил, застыдившись (букв.: стыд=мой охватив), что-то буркнул про себя; Өөрымни һанахада, байдалайнгаа һайжарха бүри зосоо=мни уужам боло=жо, һара наран гара=жа, хамаг баяр жаргал=ни сээжэ зүрхэн соо=мни багтахаа бол=ёод, билтар=ан дэлбэрэ=н газаашаа гарана гээшэ ха гэжэ сэдьхэгшэ=б (Мунг., БЗ, 58) – Как я сама думаю, по мере того как жизнь улучшается, чувствую себя так, будто на душе (букв.: душа=моя) привольно становится (становясь), (будто) луна и солнце всходят (всходя), все счастье мое, в груди у меня не вмещаясь, переполняя, наружу изливается.

Описываемые три деепричастия характеризуются очень широкими, слабо определенными значениями. Главное их назначение – выражать факт взаимосвязи двух ситуаций, а не конкретный характер этой связи. Соответственно отношения между событиями действительности, закодированные во фразах с этими деепричастиями, очень по-разному интерпретируются получателями в зависимости от лексического наполнения фразы, грамматических форм основ обоих сказуемых, контекста, наконец, просто внеязыкового опыта. У них есть более типичные значения, но это не значит, что они не могут передавать других типов отношений. Деепричастие на =жа передает значение общей взаимосвязи двух событий – либо временной, либо из комплекса значений обусловленности (чаще причинное; ср. Алексеев, 1959, 172). Деепричастие на =аад имеет значение общего предшествования зависимого события главному, нередко с оттенком противительности; деепричастие на =н выражает общую непосредственную взаимосвязь, часто реализующуюся как контактность во времени.

Влияние грамматической формы основы зависимого сказуемого на результирующую семантику конструкции мы продемонстрируем, за недостатком места, на одном примере – с аналитической формой намерения =ха гэ= (причастие будущего времени со вспомогательным глаголом говорения). Такая аналитическая основа может использоваться в любой синтаксической позиции, принимая соответствующее оформление, финитное или инфинитное:

Энээн тухай би һайн мэдэжэ аба=ха гээ=б (БРС, 174) – Я решил хорошенько разузнать об этом; Гэртэ оро=хо гэ=хэ=дэ=нь үүдэн хаалтатай байшоо (БРС, 174) – Когда (он) хотел войти в дом, дверь оказалась закрытой.

Сочетание этой основы с аффиксом деепричастия на =жа всегда дает целевое значение:

Жалсарай таабай халуу шатажа, һоно, аляаһанай хүдэлөөдүйдэ байрада хүрэ=хэ гэ=жэ эртэлһэн байгаа (Тул., 11) – Дед Жалсарай собрался пораньше, чтобы добраться до места, пока не началась жара и не появились оводы и мухи; Энэ харгыгаар Тэнюун Гонгорой ганса хүбүүн халуун һайхан дайдаяа хариин дайсаһаа хамгаал=ха гэ==жэ хоёр жэлэй саада тээ мордоо бэлэй (Тум., Т6, 64) – По этой дороге два года назад уехал единственный сын Тихого Гонгора, чтобы защитить от врагов свою прекрасную землю.

2. Во вторую группу входит единственная деепричастная форма на =башье с уступительным значением; фразы с ней могут строиться

по трем моделям:

МС: $[T_V$=дпр $(N_1 \leftrightarrow V_{фин})]$;

РС: $(N_1 \leftrightarrow T_V$=дпр$)$ $(N_1 \leftrightarrow V_{фин})$;

$(N_2 \leftrightarrow T_V$=дпр$)$ $(N_1 \leftrightarrow V_{фин})$.

Как видим, это деепричастие не принимает никакого притяжательного оформления; в разносубъектных фразах подлежащее деепричастной ПЕ может выступать с близкой частотой в формах неопределенного и родительного падежей. Пример моносубъектных фраз:

...Харин би эндэ хэдэн жэл худэл=бэшье, түрүүшынхиеэ иимэ дүтэ баабгайе харабаб (Б=79=1, 13) – Но я, хотя работаю здесь несколько лет, впервые так близко медведя увидал; Мондогорхон хүрин нюурынь лаампын гэрэлдэ һүүдэртэ=бэшье, урин зөөлэхэнөөр үзэгдэбэ (Анг., 23) – Округлое смуглое лицо ее, хотя и потемнело в свете лампы, выглядело ласковым.

Примеры РСФ с подлежащим в форме неопределенного падежа:

Шархануд=шни (неопр. п.) эдэгэ=бэшье, эүүн һоёо=шни ургаагүй (Анг., 8) – Хотя твои раны зажили, твой левый клык не вырос; һононууд (неопр. п.) хоморшог боло=бошье, бүхэтэр боргоһод хүхэ манан шэнгеэр тэдэнэрые тойрожо, Викторэй нюур шаралзын толгойдол мантайшаба (Б-79-1, 22) – Хотя оводов стало меньше (оводы стали немногочисленны), комары окружили (окружив) их как сплошной туман, лицо Виктора распухло (стало большим), как головка бурьяна.

Примеры РСФ с родительным падежом подлежащего зависимой ПЕ:

...Наран=ай (род. п.) дээрэ бай=башье, тойроод гансата һүни шэнги харанхы болсжо, хоёр хоног удаа дараа бороо аадар адхарба (Б-79-1, 4) – Хотя солнце было высоко, вокруг сразу стало (став) темно, как ночью, двое суток подряд шел ливень; Теэд үнгэрэгшэ жэлэй энэ турша соо үбэлжэлг=ын (род. п.) шахаруу байдалда үнгэр=бэшье, ... нилээд ехэ һүн тушаагдаһан юм гэхэ гү, али 23839 центнер продукци худалдагдаһан байна (ХГ, 14.7.79) – Однако в течение этого проходящего года, хотя зимовка закончилась в напряженной обстановке, можно сказать, что было сдано довольно большое количество молока, в общем было продано 23 839 центнеров продукции.

3. Третья группа деепричастий характеризуется следующей комбинацией моделей:

МС: $[T_V$=дпр=/суб. пр./ $(N_1 \leftrightarrow V_{фин})]$;

РС: $(N_2 \leftrightarrow T_V$=дпр=//$)$ $(N_1 \leftrightarrow V_{фин})$.

Обобщающая формула: $((N_2 \leftrightarrow) T_V$=дпр=//$)$ (ПЕ).

В эту группу входят четыре деепричастия: предельное на =тар, последовательное на =халаар, предварительное на =мсаар и следования на =һан=//. Для моносубъектных фраз показатели субъектного притяжания обязательны; разносубъектные строятся с показателями личного притяжания и с формой родительного падежа подлежащего деепричастной ПЕ, но при наличии подлежащего факультативны показатели лич-

ного притяжания при первых трех деепричастных формах. При форме на =һан=// они обязательны в любом случае. Примеры:

Хажуугаарань хэды гара=тар=аа, юундэ хараагүй гээшэбиб? (Тул., 43) – Пока столько раз мимо проходила, почему не видела я? ...Бүтэдмаа тэрэниие тани=халаар=аа баярлашаба (Мунг., Б3, 53) – Бутэдма, узнав это, обрадовалась; Бүхэлин үдэр хара ажал хээд, үдэшэлэн гэртээ оро=мсоор=оо, шанаһан махаяа эдидэгынь тон эүб (Б-76-1, 58) – Не мудрено, что, целый день трудясь в поте лица, как только приходит домой, (он) ест вареное мясо; Энэ юун шубууниинь хоргодоод һуу=һан=аа гаража ябашабаб? (Тул., 15) – Это что за птица (сначала) спрятавшись сидела, (а потом) улетела? (МСФ); ...Тэрэнэйнгээ (род. п.) ерэ=тэр=нь хүлеэхэ аргагүй тархи эхиеэ алдаад байһан немец үүдэй ара талаһаань даража оробо (Тум., ТБ, 62) – Не в состоянии ждать, пока он вернется, ударили в тыл потерявшим голову немцам; Тэрэнэй (род. п.) гэртээ орожо, хоёр=гурбан аяга сай гудамхяад гара=халаар=нь, газаань нэгэ хүн моринһоо буужа байба (Тум., 7) – Он, войдя в дом, только выпил две-три чашки чаю, как во дворе какой-то человек слез с коня; Тэрэнэй (род. п.) дүтэлжэ ерэ=мсээр=нь нюур руунь үхэрэй шэшэһээр шэдэжэрхёод, тэрэл далайнгаа забһараар хараад байбаб Ябж., 4) – Как только он приблизился, ему в лицо коровьим кизяком запустив, я посмотрел на него через щель сарая; Юундэ доронь харана гээшэб һонирхожо һуунан туладаа Бат=ын (род. п.) аягынгаа доро хара=һан=иинь "Б.Д." гэһэн хоёр үзэг һиилээтэй байба (Шойд., 50) – Когда Бато посмотрел на дно своей чашки, поскольку удивился, почему это тот смотрит на дно, (оказалось, что) там были вырезаны две буквы – Б.Д.

Модели этой группы и в структурном, и в семантическом отношении являются развитыми, специализированными по сравнению с моделями первой группы; остановимся на них подробнее.

Деепричастие на =тар именуется предельным, поскольку одним из передаваемых им значений является значение конечного предела во времени, которое данное деепричастное действие полагает другому, главному действию: ($V_{фин}$) до тех пор, пока ($V_{дпр}$). Примеры:

Үдэшын боро хараан=ай таһар=тар тэрэ нэгэшье хүдэлбэгүй (Тул., 71) – Он так и не работал до самого конца вечерних сумерек (букв.: вечерние сумерки кончаются=до тех пор); Шинии магазин ошоод ерэ=тэр, обедээ шанахаб – Я сварю обед, пока (к тому времени как) ты придёшь из магазина.

Если деепричастное действие длительно, то конструкция может передавать двусторонний предел, временные рамки, в которые вписывается главное действие ('пока'; 'в то время, когда'). Длительность деепричастного действия обычно передается аналитическими формами основы зависимого сказуемого:

Иишэ тиишэ гүй=һоор бай=тар=ни драгамнай хэлтышоо (Б-78-4, 36) – Пока я бегал туда-сюда, драга наша накренилась; Үглеедэрынь шэнэ ерэһэн шархатанай список хара=жа һуу=тар=аа, Нина Петровна гэнтэ Талын бүргэд нэрые харажархиба (Тум., ТБ, 45) – На другой день, когда рассматривала список вновь прибывших раненых, Нина Петровна вдруг увидела имя "Степной орел".

Наконец, форма на =тар может передавать начальный предел главного действия; в этом случае в конструкции выражаются резкое окончание зависимого действия, обычно длительного, и смена его главным действием:

Бүтүү ой соо яба=тар=аа, талада гарашахада, гансашье оршон тойрон бэшэ, мүн хүнэй досоошье уужам шэнги болошоно (Тул., 11) – Проехав (некоторое время) по густому лесу, когда выходишь в степь, (она) совершенно беспредельна, и у человека на душе также приволько становится; һарын бүрүүл гэрэл үүлэнэй забһарһаа ёлогшо=н бай==тар=аа, баһа харагдахаа болихо (Тум., ТБ, 76) – Слабый лунный свет, проглянув из-за туч, снова исчез (некоторое время проглядывал, затем...);

Как видно из примеров, значение следования с начальным пределом часто подчеркивается лексическими средствами: в зависимой части – слова типа нэгэ хэды 'некоторое время', в главной части – слова, подчеркивающие смену событий: баһа 'снова', гэнтэ 'внезапно' и т.п.

Форма на =тар может передавать значение предела интенсивности процессуального признака, действия, устанавливаемого через событие-следствие этой высокой интенсивности: $V_{фин}$ до такой степени, что $V_{дпр}$. Примеры:

Хажуудань харлаша=тар=аа дүрэһэн хоёр танкистнар хэбтэнэ (Тум., ТБ, 117) – Около него лежат два танкиста, обгоревшие дочерна (букв.: до такой степени, что почернели); Виктор шэхэнэйнгээ (род. п.) үбдэ=тэр, нюдэнэйнгээ (род. п.) хабда=тар абяа шагнана, амиды юумэнэй ойро нааша ябахыень хараашална (Б-79-1, 4) – Виктор до боли в ушах (до такой степени, что болят уши), до припухлости глаз (до такой степени, что опухают глаза) прислушивается и всматривается, нет ли вблизи чего-либо живого.

Деепричастие на =мсаар именуется предварительным, а на =халаар – последовательным; однако конструкции с обеими этими формами передают значение следования главного события за зависимым. Разница между ними состоит в том, что форма на =халаар выражает общее следование ('после того как'), а на =мсаар – быстрое следование ('как только', 'сразу после того как'):

Мүнөө үдэшэ хүбүүнэйнгээ (род. п.) ерэ=хэлээр, энээхэн архи уулгахаш (Тул., 95) – Этим вечером, когда (твой) сын придет, напоишь (его) этой водкой (букв.: после того как придет); Баһа нэгэ хабарай шубууд=ай (род. п.) ерэ=хэлээр галуунай гү, али ядахын сагта нугаһанай шүлэ шабгансадаа уулгаха һанаатай Шүрхытэ нуур тээшэ гэшхэлбэб (Лубс., 22) – После того как снова какие-то весенние птицы появились, гусиным, в крайнем случае утиным супом монахиню накормить собираясь, я зашагал к озеру Шургытэ; Эгээ энэ үедэ Бутид гэрэйнгээ газаа гараад, Тагарые хара=мсаар=аа энеэжэрхибэ (Дамб., 23) – Как раз в это время Бутид вышла во двор и, как только увидела Тагара, улыбнулась; Түрэлгын (род. п.) дүүрэ=мсээр хониной шэбхэ сабшалан дээгүүрээ тараанабди (Дамб., 123) – Как только закончится окот, мы разбрасываем овечий помет по покосу.

Основное значение формы на =һан=// – следование, которое может осложняться дополнительными оттенками. В моносубъектных фразах с этой формой обычно выражается резкая смена действия/состояния, представленного деепричастной конструкцией, другим, представленным финитной частью: вначале...$V_{дпр}$, а теперь $V_{фин}$. Примеры:

Баабай эжы хоёрни Хужартада мал адуулжа бай=һан=аа колхозойнгоо центр нүүжэ ерэбэ (Ябж., 3) – Мои отец и мать пасли скот в Хожиртуе, (а теперь) перекочевали в колхозный центр; Бидэнэр фашистнуудта хүреэлүүлээд, удаань партизануудай отрядта яба=һан=аа, мүнөө сэрэгтээ ниилээбди (Б-76-4, 22) – Мы тогда были (будучи) окружены фашистами, потом были (будучи) в партизанском отряде, (а) сейчас присоединились к нашим (своим) войскам.

В разносубъектных конструкциях на значение следования во времени часто накладывается значение причинной обусловленности:

Хүйтэндэ үни хэбтэ=һэ=мни хамарни хүрэшөө, үзүүрынь мульһэн шэнги хүйтэн (Б-78-5, 101) – Из-за того что(я) долго лежал на холоде, нос мой замерз, кончик его холоден, как лед (ср.: Я долго лежал (лежав) на холоде, (и вот теперь) нос мой замерз...); Хүбүүхэн ... лаампа сооһоо керосин гоожуулаад, зуруулай модо зуража хая=һан=иинь энэ болобо бшуу (Х., 57) – Это (пожар) случилось потому, что маленький мальчик вылил керосин из лампы и бросил зажженную спичку.

Чаще же в таких конструкциях выражается значение несоответствия ожиданиям, особенно если в составе зависимого сказуемого имеются формы глагола һана= 'думать' или служебного глагола говорения гэ=:

Үдэрэй тэн багта барилга дээрээ ерэ=һэ=мни, хирпиисэнь дуурашаһан, хүбүүдни уруу дуруу һуужа һуубад (Б-78-5, 104) – (Когда) примерно в полдень я пришел на свою стройку, (оказывается), кирпичи кончились, ребята мои расстроенные сидят; Дулаан байха гэжэ һана=һан=иинь эндэнь бүри хүйтэн байшаба (Цыр., 8) – (Он) ожидал, что будет тепло, (но оказалось, что) здесь гораздо холоднее.

Поскольку отсутствие отрицательной формы у причастия на =һан, с которым этимологически, разумеется, непосредственно связано рассмотренное деепричастие на =һан=//, компенсируется формой другого причастия – =аа=гүй, постольку мы могли ожидать, что эта форма появится и в деепричастной функции. Это ожидание в известной мере подтвердилось, хотя мы располагаем единственным примером:

Юрэдөө наһа үеэрээ тиимэ арга дуул=аа=гүй=гөө шамһаа түрүүшынхиеэ дуулажа байнаб (Б-76-1, 35) – Вообще-то (я) в жизни о таком способе не слышал, и вот от тебя первого слышу.

4. Для четвертой группы деепричастий характерна следующая комбинация моделей:

МС: /T_v=дпр (N_1 ↔ $V_{фин}$)/;

РС: (N_2 ↔ T_v=дпр=//) (ПЕ).

В эту группу входят два деепричастия – условное на =бал и продолжительное на =һаар, не принимающие показателей субъектного притяжания в МСФ, но в РСФ оформляющиеся показателями личного притяжания (форма подлежащего – родительный падеж). Примеры:

Шог ёгто зохёолнуудые найруулан бэшэ=бэл, урагшатай байхаш (Тул., 53) – Если будешь писать юмористические рассказы, будешь с успехом; Зүргэ харгы добууншье, һужаагшье газар дээгүүр хотир=һоор Бүтүүгэй добуунда хүргэжэ ерэбэ (Тул., 14) – Дорога, извиваясь по холмам и ровным местам, привела к холму Бутугэй (МСФ); Тэдэнэй=ш (род. п.) ерэ=бэл=ынь, ... дурааараа агнахаш даа (Тул., 53) – Даже если они (егери) и придут, ... от души поохотишься; Гүрөөһэ алаад асар=бал=ни тэрэшни бултанһаа ехэ мяха эдихэл (Тул., 40) – Если (я) убью и принесу косулю, он ведь больше всех мяса съест; Тэрээнэй (род. п.) яба=һаар гурбан жэл үнгэрөө – С тех пор как он уехал, прошло три года; Яба=һаар=нь би һургуулида худэлнэб – С тех пор как (он) уехал, я работаю в школе (РСФ).

Деепричастие на =һаар с лично-притяжательными показателями встречается очень редко, поскольку оно чаще формирует моносубъектные фразы, а в разносубъектных личное притяжание факультативно.

В моносубъектных фразах это деепричастие обычно передает значение длительной одновременности (откуда и название его – продолжительное).

Хүндэ хүндөөр хүлөө таби=һаар, Саханаев хүрэжэ ерэбэ (Тум., ТБ, 76) – С трудом передвигая ноги, вошел Саханаев; Зүүн, баруун тээшэ бууда бууда=һаар арилаа... (Б-78-4, 62) – В разные стороны (букв.: на восток, на запад) стреляя, скрылся: здесь длительность действия подчеркнута редупликацией глагола.

Второе значение этого деепричастия – значение общего следования ('после того как'):

Энэ басаган 10-дахи класс дүүргэ=һээр һаалишан болохоёо хүсэжэ, манай гүүртэ ерээд, ехэ оролдостой шуналтайгаар худэлжэ ябана даа (Номт., 109) – Эта девушка, окончив десятый класс, захотела (захотев) стать дояркой, пришла (прийдя) к нам в гурт и очень старательно, с увлечением работает; Хүбүүншни энээние тата=һаар, хорондонь тэсэнгүй үхэхэ (Тул., 94) – Сын твой, его (табак) выкурив, яда не перенеся, умрет.

В разносубъектных фразах это деепричастие передает значение общего или ограничительного следования ('после того как' и 'с тех пор как'); главная часть в такой конструкции обычно имеет семантику отсчета времени:

Колхоз боло=һоор хэды жэл болобоб теэд? (Тул., 13) – Но сколько лет прошло с тех пор, как образовался колхоз?; Округой газетэдэ ерэ=һээр оройдоол хоёр жэл боложо байна (Дамб., 7) – С тех пор, как поступил в областную газету, всего второй год идет.

Форма на =бал передает условное значение; в конструкциях, где главное сказуемое выражается формами будущего времени (а также императивом, модальными формами и т.п.) либо формами, выражающими постоянное действие/событие (причастие многократное на =даг), реализуется значение реального условия. Например:

Мүнөө тараа=бал=най хотон хүйтэн бай=ха (Дамб., 21) – Если сейчас разбросаем (навоз), в загоне холодно будет; Һү эдихэ гэ=

=бэл, үнээем һаагаад, тугалдань табижа үгөөд байгаарайш даа (Тул., 59) – Если хочешь попить молока, подои мою корову, но оставь и для теленка; Хашанха хабар=ай (род. п.) боло=бол, бухалшье үбһэн үнэтэй болодог ха юм (Х., 44) – Если весна бывает с гололедицей, и прелое сено бывает дорого.

Значение ирреального условия форма на =бал выражает в том случае, если главное сказуемое – формы ирреальных модальностей (=ха һэн, =ха бэлэй, =ха байгаа и т.п.):

Наагуур гаралса=бал, хаа=яа хиибарааңда ерэжэ бай=ха бэлэй (Тул., 7) – Если бы (он) раньше вышел, успел бы до непогоды.

Форма на =бал может употребляться и при именном – оценочном главном сказуемом:

... мүнгынь гүрэндэ тушаа=бал=тнай дээрэ бшуу (Б=76=1, 22) – Лучше, если (вы) сдадите деньги государству; Хөөрэлдөөд, зугаал= =бал=тнай ехэл һайн бэлэй (БРС, 132) – Хорошо бы, если бы (вы) побеседовали, поговорили.

* * *

Подведем итоги исследования. Рассмотренные нами 16 бурятских деепричастий в итоге дают число моделей больше 16, поскольку модель задается не только показателем деепричастия, но и другими структурными признаками. Структурных типов деепричастных моделей в бурятском языке пять: два моносубъектных (с позицией показателя субъектного притяжания и без такой позиции) и три разносубъектных (с формой неопределенного падежа зависимого подлежащего без позиции показателей притяжания; с формой родительного падежа без такой позиции; с формой родительного падежа и позицией притяжательных показателей). Если бы каждое деепричастие могло формировать каждый структурный тип фразы, мы имели бы 16х5 = = 80 моделей. Реально каждое деепричастие формирует от одного до трех структурных типов фраз. Одним типом моделей характеризуются деепричастия без собственной подлежащной валентности (шесть форм: =хаяа, =хаа, =хаар, =нхаар, =мгашаа, =нгүй). Двумя типами моделей (в разной комбинации) характеризуется девять деепричастных форм (=жа, =аад, =н, =бал, =һаар, =тар, =мсаар, =халаар, =һан=//). Наконец, тремя типами моделей характеризуется единственная уступительная форма на =башье. Итого для бурятского языка на данном этапе исследования мы зафиксировали 25 моделей полипредикативных конструкций с деепричастной зависимой частью (из них 16 – моносубъектные).

§ 4. Конструкции с деепричастной зависимой частью в эвенкийском языке

В структуре эвенкийских деепричастий присутствует специальный формант с релятивной семантикой, обеспечивающий деепричастию и образуемой им конструкции роль обстоятельственного определителя главного сказуемого. Деепричастия делятся на спрягаемые и неспрягаемые. Неспрягаемые деепричастия литературного языка – формы с аффиксами =на, =каим/=каним, =ми, =мнен, =мнак (см. Константинова, 1964, 208–213). Например:

Мохали ңэнэде=нэ, гиркиви дёнан – Идя по лесу, вспомнил друга; Бэе, аг=ми, дявдукпи юрэн – Мужчина, причалив, вышел из лодки; Бэюнмэ бака=каим, варэн – Дикого оленя встретив, убил (его).

Эти деепричастия не сочетаются с собственным подлежащим, и потому мы не рассматриваем их как минимальное ядро зависимой ПЕ.

Спрягаемые деепричастия образуются аффиксами =рак, =чала, =дала, =да, =ңаси, =дянма, =вун(а), =кнан, =ктава; отрицательное деепричастие – со спрягаемым вспомогательным компонентом эдели= (см. Константинова, 1964, 213–223; Лебедева и др., 1979, 187–198). Форма на =ктава, как отмечают исследователи, еще не оформилась как деепричастие, о чем свидетельствует возможность замены компонента =ва внутри деепричастного форматива компонентом =т (аффикс вин. п. на аффикс творительного). Эта форма не встречена ни в наших полевых материалах, ни в исследованных нами текстах, поэтому мы ее не будем рассматривать. Но мы привлекаем к анализу форму на =чали, которая зарегистрирована нами как уступительное деепричастие (Бродская, 1978) и в восточных говорах, судя по опубликованным текстам, распространена довольно широко.

Спрягаемые деепричастия имеют в своей структуре позицию показателя субъекта действия; выбор возвратного или личного притяжательного аффикса зависит от совпадения или несовпадения этого субъекта с субъектом главного действия. О некоторой специфике деепричастия на =рак будет сказано ниже. Деепричастия с личными аффиксами имеют потенциальную синтаксическую позицию собственного подлежащего; деепричастия с возвратными аффиксами ее не имеют. Но и те и другие мы рассматриваем как минимизированное ядро двучленной предикативной конструкции, а включающее их предложение – как сложноподчиненное. Тунгусоведы иногда отмечают большую самостоятельность и большую близость к придаточным спрягаемых деепричастных конструкций по сравнению с причастными (Колесникова, 1966, 199). Нам это кажется спорным. Здесь важно учитывать два признака: во-первых, степень спаянности зависимой части с главной (внешний фактор), во-вторых – полноту проявления предикативных отношений в самой зависимой части (внутренний фактор). Деепричастные конструкции менее зависимы от главной части, чем причастные в роли актантов, так как никакой член главной части не требует распространения деепричастной конструкцией для реализации своих валентностей. Однако деепричастие лишено самостоятельного модального и временного значения, формирующих предикативность, – они восполняются соответствующими значениями главного сказуемого. Это свидетельствует о меньшей, чем у причастных ЗПЕ, автосемантичности деепричастных конструкций.

Центром каждой модели ППК с деепричастными ЗПЕ является деепричастие, выражающее какое-то обстоятельственное значение: времени, условия, цели, степени и др. Основное значение моделей уточняется и модифицируется дополнительными структурными компо-

нентами: утвердительной или отрицательной формами сказуемых, показателями темпоральных, аспектуальных, модальных значений, частицами, вспомогательными глаголами. Так, сказуемое темпоральных ЗПЕ в отрицательной форме встречается редко: определять время действия ссылкой на отсутствие другого неудобно, так как отсутствие действия не имеет четких временных границ; отсюда и малая употребительность (или отсутствие) отрицательных форм некоторых деепричастий (Константинова, 1966, 223, 227). Обусловлена семантикой и неупотребительность отрицательной формы незначительного деепричастия на =вуна. Подробнее об этих факторах скажем ниже, а сейчас перейдем к рассмотрению отдельных моделей.

($N_1 \leftrightarrow T_v$ =рак=//) (ПЕ).

Эта модель с условно-временной семантикой. Деепричастие на =рак занимает особое место в системе спрягаемых инфинитных глагольных форм: оно не выражает моносубъектных отношений и поэтому оформляется только личными аффиксами. Это сближает его с финитными глагольными формами (см. Василевич, 1940), но существенно не изменяет его деепричастного статуса, который определяется типичной для деепричастия структурно-семантической и функциональной характеристикой образуемых им конструкций: релятивной функцией формата =рак, отсутствием самостоятельного (абсолютного) модально-временного значения, обстоятельственной семантикой. Отмеченная же особенность личного оформления объясняется сложившимися системными связями: неспрягаемое деепричастие на =ми компенсирует отсутствие моносубъектной формы на =рак:

Буссэл=лэк=ис, би аичимнива эмэбдем – Если (ты) заболеешь, я приведу врача; Буссэл=ми, аичимнила эмэдэви – Если заболеешь (заболев), кди к врачу.

Сравним аналогичную пару конструкций, в которых значение =би и моносубъектности распределяется между личной и возвратной формами одного деепричастия на =дала:

Би хавалдячав, аминми эмэ=дэлэ=н – Я работал, пока не пришел мой отец; Би хавалдячав, этэ=дэлэ=ви – Я работал, пока не кончил.

Исторически аффикс =рак членится на компоненты =ра и =к. Одни исследователи видят в элементе =к архаический падежный аффикс (Константинова, 1964, 223), другие – показатель перфекта (Суник, 1962, 257). Для нас важен элемент =ра, сохранившийся в финитных формах современного языка: ана=ра=н '(он) толкнул', ана=дя=ра=н '(он) толкает'. Выражаемый аффиксом =рак тип временного отношения между ЗПЕ и ПЕ адекватен отношению действия к моменту речи, выражаемому аффиксом =ра в независимом предложении: это непосредственное предшествование в формах совершенного вида, без аффикса =дя, и одновременность в формах несовершенного вида, с аффиксом =дя. Эта адекватность отчетливо видна в следующих парах предложений:

Баеткэн балды=рак=ин, энинин бурэн – Как только мальчик родился, его мать умерла; Бэеткэн балды=ра=н – Мальчик родился (только что); Гирку=дя=рак=ивун, тыгдэллэн – В то время, как (мы) бродили, пошел дождь; Гирку=дя=ра=в – (Мы) бродим.

В первой паре предложений действия, выражаемые формами на =рак и =ра, непосредственно предшествуют главному действию (=рак) и моменту речи (=ра), а во второй соответственно одновременны.

Мы различаем несколько моделей с деепричастием на =рак в зависимости от наличия/отсутствия в зависимом сказуемом показателя несовершенного вида =дя и некоторых других характеристик.

($N_1 \leftrightarrow T_v$ =рак=//) (ПЕ).

Эта модель без аффикса =дя с зависимым сказуемым передает немедленное следование главного действия за зависимым; благодаря отсутствию аффикса =дя зависимое действие понимается как конкретное, единичное, завершившееся к моменту главного действия; отсюда и семантика следования. Примеры:

Ару=рак=ин умуконду илани суру=чо=тын тари атыркачаникла (П., 23) – Когда он ожил, они отправились втроем к той старухе; Хоңитын дявин аг=рак=ин дюлайи хурурэн (Хант.) – Когда лодка их главаря пристала к берегу, тот пошел домой.

Главное сказуемое может быть выражено формами любого времени, чаще всего прошедшего:

Долбо=рок=ин, дюдукпи ю=чэ, ичэдэви (Хант.) – Когда стемнело, вышел из чума посмотреть.

Настоящее время встречается редко, причем обычно не в прямом своем значении:

Ичэт=тэк=ин, экун=ка уйийит тогогочин тык=чэ=рэ=н (ИФЭ, 77) – Когда посмотрел, кто-то сверху, как огонь, падает (о предложениях этого типа см. ниже).

Конструкции с будущим временем очень употребительны, но имеют недифференцированное условно-временное значение, которое, впрочем, обычно проясняется благодаря лексическому содержанию или ситуации. Отсутствие альтернативности в семантике зависимой, а значит, и главной ПЕ сигнализирует временное значение, например:

Дылача элэкэс дэгдэ=рэк=ин, эмэ=дэңэ=н (ИФЭ, 22) – Как только солнце загорится, он придет (солнце обязательно загорится, значит, он обязательно придет – отношение временное).

В подавляющем большинстве предложений главное сказуемое имеет форму совершенного вида, представляя главное действие как конкретный единичный акт.

В фольклоре эта модель используется для выражения в рамках темпоральных отношений своеобразного изъяснительного значения: зависимое сказуемое выражает восприятие, а главное, в форме настоящего и прошедшего времени, – его объект. Настоящее (историческое) передает длительное действие в прошлом, непосредственно наблюдаемое второстепенным субъектом:

Де, некэксэ, угискэки мунды=рак=ин, экун=ка нуңан оёлин некэери ачин бивки (ИФ, 82) – Когда, раздумывая, взглянул вверх, кто-то над ней без движения парит; Долчат=так=ин, тар ахакан эргэчин гуннэ турэт=чэ=рэ=н бокантыкиви (ИФЭ, 25) – Когда прислушался, – девица так говорит своей служанке; Эр бэе аямамат долды=рак=ин, арай

дуннэ ниргий=де=рэ=н (ИФЭ, 70) – Этот человек когда хорошенько прислушался, – земля горит.

Конструкции с прошедшим временем передают восприятие не самого главного действия, а состояния после его совершения, – главное сказуемое приобретает, таким образом, значение перфекта:

Тар эмэксэ, гиркиви ичэ=рэк=ин, ая=да, ая оча бивки (ИФЭ, 111) – Когда, придя, посмотрел на друга, – тот красавцем стал; Этэхин==эк=ин амаскийи, такэнду бэеңңи хокорив=ра=н (Хант.) – Когда оглянулся назад, человек на колоде исчез; Эргиски ичэт=тэк=ин, му оча, нуңан урэвэ ңэнэ=де=рэ=н (ФЭЯ, 59) – Когда взглянул вниз – (там) вода сделалась, он по горе идет.

В последнем предложении два главных сказуемых: в прошедшем времени (оча 'сделалась') и в настоящем (ңэ=нэ=де=рэ=н 'идет'); они функционально сближаются благодаря перфектному значению первого.

($N_1 \rightarrow T_v$ =дя=рак=//) (ПЕ).

Эта модель выражает отношение частичной одновременности: в процессе протекания относительно длительного второстепенного действия совершается краткое главное. Представим темпоральную соотносительность двух действий схемой $\frac{1 \frown 2}{\text{ГД}}$, где прямая линия обозначает второстепенное действие, а отрезок ГД на ней – главное. Наличие отрезка 1 (до включения в ситуацию ГД) релевантно для данной модели, а отрезка 2 (после ГД) – не релевантно. Многие исследователи определяют временное значение всех форм на =рак как предшествование (Константинова, 1964, 256; Суник, 1962, 256; Колесникова, 1966, 207). Но с такой интерпретацией семантики форм на =дя=рак нельзя согласиться: они не выражают законченности второстепенного действия к моменту совершения главного, а без этого нет и предшествования.

Для предложений этого типа существенно, что аффикс =дя, выражающий незавершенность и длительность, есть у деепричастия, но не у финитного глагола, обозначающего краткое завершенное действие. Длительность и краткость действий относительна. Например, в предложении:

А=де=рэк=тын экинтын дюрвэ сэлэмэлвэ авсалва оча, дычэ нуңарватын, а=де=рэк=тын (ЭФ) 'Пока они спали, их сестра два железных ящика сделала и засунула их туда' оба действия главной части весьма длительны, но они оба укладываются в часть времени, занятого зависимым действием.

Есть и другие средства ограничения представления о протяженности главного действия. Так, в роли главного сказуемого фраз этой модели очень часто (12–13% нашей выборки) употребляются глагол о= 'стать, наступить' и глаголы с суффиксами начинательного вида =л (при сохранении базового значения недлительности, присущего глаголам без =дя). Например:

А. С глаголами начинательного вида: Тари ңэнэ=де=рэк=ин, гипчан хукты=л=чэ (ИФЭ, 127) – Когда он шел, кабарга пробежала;

А=де=рэк=ин, киңин эмэ=л=чэ=н (ИФЭ, 109) – Когда они спали, раздался звон колокольчика; Умнэ тэгэт=чэ=рэк=ин ганалчи хутэкэнин гу=л=чэ (Чир.) – Однажды, когда она сидела, ребенок ганальчей заговорил. Аффикс начинательного вида здесь не столько выражает начало действия, сколько способствует представлению о его краткости.

Б. С глаголом о= 'стать': Гирку=дя=рак=ин туксукэкур о=ча=л (Чир.) – Когда она шла, появились огромные тучи; Тар некэ=де==рэк=тын эргит=таргит эдын, бурга о=ча (ФЭЯ, 48) – Пока они так были, откуда ни возьмись появился ветер, пурга; Тар нуңартын кугуна=дя=рак=тын тугэни о=л=ла=н (ИФЭ, 166) – Когда они так веселились, наступила зима.

В последнем предложении аффиксом начинательного вида оформляется глагол о=, который и сам обозначает "точечное" действие: о=ра=н 'наступила'.

Всеми этими средствами подчеркивается внезапность, неожиданность главного действия на фоне длительного и однообразного второстепенного. Подобный эффект достигается и другим способом, который требует комментария. В роли главного сказуемого иногда употребляются глаголы с аффиксом =дя в форме настоящего времени. На первый взгляд, это препятствует выражению частичной одновременности. Но из содержания текстов ясно, что и здесь главное действие включается в ситуацию в какой-то момент, а не сопутствует зависимому с самого начала. Рассмотрим пример:

Эр сокат=ча=рак=тын угискэки Кидак дылганин инңу=де=рэ=н (ИФЭ, 91) – Когда хвастались, (вдруг слышат:) раздается с неба киданьская речь.

Главное сказуемое – инңу=де=рэ=н букв. 'раздается' (несов. вид, наст. время); в сочетании с описанной семантикой форм на =дя=рак естественно ожидается одновременность двух длительных действий в настоящем; в переводе это было бы: 'в то время, когда они хвастаются, в небе раздается киданьская речь'. Но такое понимание не соответствует темпоральному плану текста (прошедшее время) и его содержанию, из которого ясно, что главное действие возникло внезапно в какой-то момент на фоне второстепенного. Это стилистический прием, с помощью которого выражаются отношения одновременности, но не между зависимым и главным действиями, а между зависимым действием и внезапным, неожиданным восприятием главного: 'когда хвастались, (вдруг слышат:) раздается с неба речь'. Настоящее время главного сказуемого здесь сродни русскому настоящему историческому. Приведем еще примеры:

Дев=де=рэк=ин хомоты амардун нюрма=дя=ра=н (Торг, 66) – Когда он ел, (вдруг увидел:) сзади него медведь ползет; Ңэнэ=де==рэк=ин хоктодутын урэгэнду надан бэел хукулэ=де=рэ (Хант.) – Когда она шла, (вдруг видит:) на их дороге, на горе семеро мужчин лежат; Де эр некэе=де=рэк=ин ... багдарин мэңун нюр кигинана тык==чэ=рэ=нңивит арай (ФЭЯ, 191) – Когда шел, (вдруг увидел:) свистя, падает белая серебряная стрела.

Особая разновидность модели с зависимым сказуемым на =дя==рак – предложения, в которых само деепричастие оформлено пока-

зателем начинательного вида =л, сужающего темпоральную протяженность; сочетаясь с "растягивающим" ее =дя, он позволяет представить совершение главного действия в процессе начала второстепенного:

Тар гарпа=л=дя=рак=ин бэйӈэӈин мэдэксэ турэт=чэ=рэ=н (ИФЭ, 105) – Когда он только собирался выстрелить (начинал выстреливать), зверь, почуяв, заговорил (букв.: говорит); А=си=л=дя=рак=тын нуӈартын туксамалчакакутта (ИФЭ, 146) – Когда (те) только начинали засыпать, они побежали; Элэкэс бирал дюкэ=л=де=рэк=итэн хулаки ӈэнэдепки дюкэ оёлин (Хант.) – Когда реки только начинали покрываться льдом, (вдруг) лиса идет по льду.

Возможно, в последнем предложении элэкэс 'только что, впервые' выполняет дополнительную функцию средства связи.

Условные модели с деепричастием на =рак выделяются нами по ряду формальных признаков, которые отличают их от временных и дифференцируют между собой. В структурно-семантической классификации условных моделей с формой на =рак мы учитываем способы выражения главного сказуемого.

1. При главном сказуемом в форме будущего времени и повелительного наклонения выражается реальное условие. Реальным является условие, которое может осуществиться в будущем или о возможном осуществлении которого в прошлом говорящий еще не знает. Имеется несколько структурно-семантических разновидностей этого типа:

а) ($N_1 \rightarrow T_v$=рак) (...$V_{буд/имп}$). Оба действия относятся к плану будущего.

Э=хик=ис бурэ, бугавас сукса=диӈа=в (ИФЭ, 33) – Если не дашь, разорю твою страну; Эмэ=рэк=ин нуӈан, дява=дяӈа=в (Нак.) – Если он придет, (я его) схвачу;

б) ($N_1 \rightarrow N$ би=рэк=//) (...$V_{буд/имп}$) (модель с семантикой обусловленности главного действия постоянным признаком субъекта ЗПЕ:

Эӈэси би=сик=ис, синэ эдылэдем, э=сик=ис, этом эдыло=рэ (ЭФ, 64) Если (ты) сильный, то я выйду за тебя, а если нет, то не выйду; Э=хик=ин куӈакан эвлэпчу би=рэ, деп=кэл, куӈакан эвлепчу би=рэк=ин экэл дев=рэ (Кисл.) – Если тебе не жалко ребенка, то ешь, а если жалко, то не ешь.

в) ($N_1 \rightarrow T_v$=ча би=рэк=//) (...$V_{буд/имп}$) и

($N_1 \rightarrow$ эчин T_v=рэ би=рэк=//) (...$V_{буд/имп}$) (отрицательная).

Условием главного действия является состояние после другого осуществленного в прошлом действия. Эта форма сказуемого ЗПЕ позволяет выразить перфективацию, которая сопутствует установлению условных отношений между событием в прошлом и событием в будущем:

Улэкит=чэ би=хик=ин атырканмэ ты=кэллу, сэлэмэ бочкаду чопикаллу (ИФЭ, 121) – Если (она) обманула, то схватите старуху, посадите в железную бочку и утопите; Эчин эмэрэ би=хик=ин он некэдем? (Хант.) – Если он еще не пришел, что буду делать?

г) ($N_1 \rightarrow T_v$=нэт би=рэк=//) (...$V_{буд/имп}$). Условием главного

действия является проявляемая в настоящем склонность к совершению в будущем второстепенного действия:

Амаргут=та бэлэт=ӈэт=тэ би=хик=ис, он=мал гарадамка=диӈа=в (ФЭЯ, 60) – Ну, если обещаешь в будущем помочь мне, как-нибудь выброшу; Э=ӈэт сэл=лэ би=хик=ис гэрбиес гэрби=деӈэ=в (ИФЭ, 40) – Если ты не забракуешь, дам тебе имя.

2. При главном сказуемом в форме сослагательного наклонения выражается или ирреальное, или ослабленное реальное условие:

а) ($N_1 \rightarrow T_v$=рак=//) (...$V_{сосл}$). При простом глагольном сказуемом в главной части главное действие является аргументом в пользу совершения второстепенного, благодаря чему вся конструкция приобретает значение нерешительной просьбы, совета, а условное значение отступает на второй план:

Минду аява о=рак=ис, амаргут окин=мал тама=мча=в=вит (ИФЭ, 22) – Если бы ты сделал мне добро, я бы потом когда-нибудь отплатил бы (поэтому сделай); Арив=рак=пун, амаргут мэрбэхун карайи=мча... (ФЭЯ, 173) – Если бы мы (его) оживили, он бы потом присматривал за вами (так что давайте оживим).

Сравним: Арив=рак=пун, карайи=дяна=н – Если (мы его) оживим, то он будет присматривать;

б) ($N_1 \rightarrow T_v$=прч$_{прош}$ би=рэк=//) (...$V_{сосл}$). Здесь выражается ирреальное условие, так как возможность совершения обусловливающего действия не реализована в прошлом:

Э=мчэ=т куси=де=рэ, асияи бу=чэ=л би=сик=ис (ИФЭ, 142) – Не воевали бы, если бы (раньше) вы отдали женщину; Нуӈан эчин эмэрэ би=хик=ин, мэнми колтомолдукив тогот кургихин=ӈэт=ын би=мчэ (ФЭЯ, 177) – Если бы (она) еще не пришла, то от моих ударов кулаком вспыхнуло бы пламя.

в) Именное главное сказуемое со связкой в форме сослагательного наклонения выражает положительную оценку гипотетического желательного действия. В таких конструкциях появляется императивное значение за счет ослабления собственно условного:

Кодакчэн=акай, эду дюллэвэ би=хик=ис, ая би=мчэ (ИФЭ, 20) – Кодакчон=братец, хорошо бы тебе здесь побыть пару дней (если бы побыл, хорошо было бы); Де, тала мит илани ӈэнэ=рэк=ит, он бимчэ? (ИФЭ, 47) – Не пойти ли нам туда всем троим? (если бы мы пошли, то как было бы?).

3. Предложения с главным сказуемым в форме настоящего или прошедшего времени редки. Форма такой условной конструкции используется для построения своеобразной стилистической фигуры, представляющей информацию как ответ на предполагаемый вопрос:

Мэнми дялвав долдыму=ри=л би=хик=сун, ... гиркиеви бакадави эечим (ФЭЯ, 159) – Если хотите знать мое желание, то я хочу найти себе подругу; Тарит гари би=хик=сун, эхи=в аркастара (ФЭЯ, 51) – Поэтому, если вы берете нас в жены, то мы не отказываемся.

На базе условных моделей формируются производные уступительные, отличающиеся от исходных вхождением частицы да. Они единообразно соотносятся с базовыми (условными). Не задерживаясь на них,

перейдем к рассмотрению моделей с другими деепричастными формами.

Модель ($N_1 \rightarrow T_v$ =ңаси=//) (ПЕ) выражает одновременность, но по ряду признаков она отличается от модели с деепричастием на =дя=рак. Деепричастие на =дя=рак обозначает действие как конкретный процесс, время протекания которого ограничено определенной ситуацией; деепричастие на =ңаси чаще всего обозначает действие или состояние, захватывающее значительный период времени, иногда – целую эпоху. Сравним:

Тар ңэнэ=де=рэк=ин, Алтанэй хэгэрин иллэ (ФЭЯ, 17) – Когда ехали, послышались слова Алтэная; Война би=ңэхи=н деммуденэл ңэнэдеңкивун (Нак.) – Когда война была, ходили голодая.

На этих же примерах видно и другое, хотя и связанное с первым различие этих форм: деепричастие на =дя=рак обозначает обычно второстепенное действие, составляющее с главным единую ситуацию, а деепричастие на =ңаси – действие, лишенное этих связей, протекающее "параллельно" с главным; на этом, видимо, и основано его название – "деепричастие параллельного действия".

Аффикс =ңаси может сочетаться с аффиксом =дя, но это не усиливает представления о длительности второстепенного действия; напротив, фиксация внимания на процессе протекания действия способствует его конкретизации. Сравним предложения из одного текста:

Ят ин=ңэхи=вэр утэлэ некэңдагон нуңартын хитэмэмэт некэңкитын (Хант.) – Когда жители Эконды хорошо жили, они очень плохо поступали; Тар ахи ин=де=ңэхи=йи улгучэнэн (Хант.) – Та женщина, пока жила, рассказала:

Глагол с аффиксом =дя относится к жизни одного человека, глагол без него – к обобщенному представлению о жизни. Усилению конкретно-процессного значения способствует сочетание деепричастия с аффиксом =дя и наречия элэкэс 'только что, впервые':

Дулин дуннэ элэкэс о=дя=ңаси=ви хуюкун бичэн (Торг.) – Средняя земля, когда только появлялась, маленькая была; Элэкэс коммуна о=дя=ңахи=н элэ Иркускайдук луча эмэрэн (Нак.) – Когда только коммуна создавалась, из Иркутска сюда приехал русский.

Для данной модели релевантны форма прошедшего времени главного сказуемого и аффиксы, выражающие его аспектуальную характеристику: =вки и =ңки – многократность, =дя – длительность, незавершенность. Отсутствие этих аффиксов является обычно показателем краткости и завершенности действия (кроме нескольких глаголов типа би ='быть', са ='знать', у которых длительность не требует формального выражения, будучи компонентом лексической семантики). От аспектуальной характеристики глаголов зависят разновидности значения модели: полная или частичная одновременность. Например: Кусимэчир би=ңэси=тын орорво эчэтын са=рэ, лучалва эчэтын са=рэ (ИФЭ, 136) – Когда были междоусобицы, оленей не знали, русских не знали; Ят ин=ңэхи=вэр эва=вал ванэл нуңартын хокачи==пки=л ванэвэр бултава (Хант.) – Когда хорошо жили, что-нибудь добыв, они хвастались добычей; Мохаду би=ңэхи=вун хутэвун бу=дэ=н, хуюкукэн (Хант.) – Когда мы жили в лесу, сын наш маленький умер.

Модель с деепричастием на =чала ($N_1 \rightarrow T_v$ =чала=//) (ПЕ) передает следование главного действия за второстепенным. Ее особенность в том, что она допускает дистанцию между двумя действиями, которой не допускает синонимичная модель с деепричастием на =рак:

Тар гарпа=чала=н Умусликэн-сониң "Би-кэнэ гарпакта!" гунэн (ИФЭ, 92) – После того как тот выстрелил, Умусликон-богатырь сказал: "Ну, теперь я выстрелю!"

В этом предложении выражено непосредственное следование, однако в отличие от возможной формы гарпа=рак=ин это значение не маркировано.

Эдан-ка хагда=чала=в эмэнды? (ИФЭ, 155) – Зачем пришел после того, как я состарился?

Здесь выражено дистантное следование, употребление формы на =рак было бы неуместным.

По нашим наблюдениям, деепричастие на =чала, как и на =рак, образуется всегда от основ совершенного вида, благодаря чему второстепенное действие характеризуется как конкретный единичный акт. Например:

Эр мел=чала=н, арай тулилэ турэн игин долдывул=ча (ФЭЯ, 84) – Когда он проснулся, снаружи послышался звук речи; Токтоңки гиркийи хуру=чэлэ=н дявви хаңарван липкилдэн (Хант.) – Дятел, после того как ушел его приятель, залепил дыру в лодке.

Обособленную группу представляют собой предложения с деепричастием от глагола би= 'быть', в которых передается следование главного действия за более или менее длительным периодом бездействия или пассивного состояния. Факультативным показателем длительности предшествующей главному действию паузы являются наречия: горо 'долго', илалдава 'три дня', ахуканмэ 'недолго' и т.п. Семантическая обособленность и довольно высокая частотность формы бичэлэ= позволяют предположить ее фразеологизацию. Примеры:

Би=чэлэ=ви сэривучил=лэ=н, гунэн (Торг., 22) – После того как побыла (т.е. через некоторое время), начала будить, сказала; Горокомно би=чэлэ=н авахи турэнин одан (ИФЭ, 56) – Через некоторое время раздался голос авахи; ...Илалдава би=чэлэ=тын эр ая удаган Аякчан гунмури кэмун оча=ивит... (ФЭЯ, 192) – Через три дня (после того как они три дня пробыли) у доброй волшебницы Аякчан наступил срок родов.

Деепричастие на =чала происходит из падежной формы причастия прошедшего времени на =ча (Константинова, 1964, 213). Отсюда не только выражаемый им тип временных отношений, но и некоторые ограничения в сочетании с главным сказуемым. Из приведенных примеров видно, что формы на =чала обычно сочетаются с главным сказуемым в прошедшем времени. При описании конкретных единичных действий в прошлом возможно сочетание и с формами настоящего исторического:

Тар тэгэ=чэлэ=н дючи ахи улгуми=де=рэ=н (ИФЭ, 45) – Когда (та) села, хозяйка дома спрашивает; И=чэлэ=н этыркэн тыкэ турэт==чэ=рэ=н (ИФЭ, 73) – Когда он вошел, старик так говорит.

Формы будущего времени в конструкциях с деепричастием на =чала очень редки (два примера из одного текста на выборку в 150 примеров):

Ук=чала=хин=чала=с би турэлкэн о=диңа=в (ФЭЯ, 53) – Когда сядешь на меня, я заговорю; Мунэвэ ачиң=чала=н он некэ=де=де=с? (ФЭЯ, 108) – Когда он нас уничтожит, что станете делать? Можно предположить, что форма на =чала стремится сохранить абсолютное значение прошедшего времени, ограничивающее свободу передвижения по временной оси пары событий, связанных темпоральными отношениями. В модели с деепричастием на =рак аналогичная тенденция проявляется гораздо слабее: сочетания зависимой ПЕ с главным сказуемым в будущем времени весьма частотны, хотя они чаще выражают условные, а не темпоральные отношения.

($N_1 \rightarrow T_v$ =дала=//) (ПЕ).

Эта модель выражает отношения предшествования главного действия зависимому. Форму на =дала называют "деепричастием последующего действия" (Лебедева и др., 1979, 195), но ее значение реализуется весьма по-разному. В эвенкийском языке есть и другое "деепричастие последующего действия" – "отрицательное деепричастие" на эдели=. Примеры на =дала, как и на эдели=, приводимые в исследованиях по эвенкийскому языку, отражают разные виды темпоральных отношений. Например, О.А. Константинова (1964, 214) приводит следующие примеры: Бу сурурэв, книгави сокордолос 'Мы ушли до того, как ты потерял книгу'; Будэлэн амакав, би индечэв нуңаннунин моса муедун гулэкэнду 'До того, как умер мой дед, я жил с ним на самом краю леса, в маленьком домишке'. В первом предложении передается значение общего предшествования, во втором – предшествование с компонентом предела.

Модификации темпоральных значений обусловлены прежде всего аспектуальными характеристиками сказуемых и лексическим наполнением предложений. Отражаются здесь и особенности разных диалектов. Но мы сейчас будем характеризовать формы на =дала и эдели=, опираясь на собственные материалы и тексты. Деепричастие на =дала образуется от глаголов совершенного вида (без аффикса =дя); главное сказуемое при нем обычно оформляется аффиксом =дя. Это создает определенную семантическую структуру: длительное главное действие протекает вплоть до совершения краткого второстепенного, которое оказывается, таким образом, его верхним временным пределом. Примеры:

Атаки би=де=пки дюлдулавэр ңэнуш=тэлэ=тын (ИФЭ, 132) – Была пауком, пока (те) не ушли; Моха дегдэ=де=чэ=н тыгдэ=дэлэ=н (Хант.) – Лес горел, пока не пошел дождь.

Даже при отсутствии у главного сказуемого аффикса =дя обозначаемое им действие понимается как длительное, поскольку само значение предела предполагает длительность прерванного действия:

Хутэт аят гиркуракин бу=дэлэ=вэр аивукир одяп (Торг., 41) – Если сын хорошо поохотится, до смерти (пока не умрем) будем сы-

ты (здесь аффикс =дя при глаголе о=дя=л 'станем' является показателем будущего времени, а не несовершенного вида – Горелова, 1979, 84); Би эду эмэнму=ктэ, оңкови оңко=кто, пэринэ эмэ=дэлэ=с дэрумки=ктэ (ФЭЯ, 162) – Я останусь здесь, попасусь, отдохну, пока ты не вернешься сюда.

Главное сказуемое в конструкциях на =дала может иметь форму любого времени, от которой зависит темпоральная характеристика не только главного, но и второстепенного действия. В отличие от модели на =чала, эта модель не привязана к определенному времени, она позволяет локализовать пару связанных событий в любом абсолютном временном плане. Наличие у деепричастия показателя начинательного вида =л четко фиксирует значение предела: главное действие длится до начала второстепенного. Например:

Чайник хую=л=дэлэ=н эвилчэл хутэлнунтын (ИФЭ, 142) – Пока чайник вскипел, стали играть с их детьми; Де, ңэри=л=дэлэ=н долбонива кондос кухичэл (ФЭЯ, 67) – Так они дрались всю ночь, пока (не) стало рассветать; ...солкомо нюриктэс чэлкэ=л=дэлэ=н эксэ=ктэ==кэл – ...держи всегда при себе, пока (не) начнут седеть твои шелковые волосы.

В этих примерах значение предела столь сильно, что длительность главного действия не требует формального выражения аффиксом =дя. В третьем предложении аффиксом =ктэ выражена многократность главного действия (эксэ=ктэ=кэл 'носи обычно'; возможно и сочетание эксэ=ктэ=де=кэл).

Итак, основное значение конструкции на =дала – значение предела, тяготения главного действия к моменту второстепенного. На этой базе может развиваться значение меры и степени – и в аспекте длительности, и в аспекте интенсивности главного действия. Примеры:

Дюр эхав мун арба=дала=н соңоксо бидем (ФЭЯ, 51) – Плакала, пока не высохли мои глаза (высокая степень длительности действия с элементом предельности); Тари бэе мевучиликша, колточон умунмон, нян дувукин чикурга=дала=н (П, 27) – Тот человек, рассердившись, ударил одну из них так, что бедренная кость его снова сломалась; Эмэвэн-дэ нэкэйэчэ бихикис, тыкэн бу=дэлэ=ви эмчэ сот уруно (ФЭЯ, 68) – Если бы ты в свое время появился, она не умерла бы сейчас от большой радости (не обрадовалась так, что умерла); Тадук эр айи букатырин авахива дундэлэ илан сахамакту тымир=дэлэ=н гарада=ча (ФЭЯ, 49) – Потом богатырь бросил авахи так, что тот вошел в землю на три сажени.

Эти предложения передают меру интенсивности главного действия. Главные сказуемые здесь – "глаголы мгновенного осуществления" (Семантические типы..., 1982, 64). Заметим, что значение предшествования в конструкциях меры и степени на =дала сохраняется, хоть и на втором плане.

Модель с отрицательным деепричастием:

($N_1 \rightarrow$ э=дели=// T_v =ра) (ПЕ).

Отрицательное деепричастие представляет собой аналитическую структуру, состоящую из вспомогательного отрицательного компонен-

та э=дели=, принимающего личные и возвратные показатели лица, и неизменяемой формы на =ра (=ла/=да/=та) знаменательного глагола: э=дели=н эмэ=рэ 'пока он не пришел', э=дели=в гун=э 'пока я не сказал', э=дели=ви бу=дэ 'пока сам не умер'.

Существует мнение, что деепричастия на =эдели являются отрицательным коррелятом деепричастий на =дала (см. Лебедева и др., 1979, 200); но тогда эта форма выражала бы предшествование главного действия отсутствию второстепенного, сохраняя основной компонент семантики модели с =дала – значение предела. Но модель с отрицательным деепричастием выражает предшест ование реальному действию. Характер этого предшествования существенно зависит от того, утвердительную или отрицательную форму имеет главное сказуемое. С утвердительной формой модель не имеет значения предела: действие ЗПЕ фиксирует момент, которого главное действие не достигает. Доминирующий компонент семантики модели с =эдели – это "отталкивание" главного действия от второстепенного. Отсюда несколько иной комплекс аспектуальных характеристик главного и зависимого сказуемых, чем в предложениях с =дала: оба действия краткие (главное сказуемое и знаменательный компонент второстепенного обычно без =дя), длительным же представляется момент отсутствия второстепенного действия, в который должно "уместиться" главное. Например:

Акинды си дюлэдус э=дели=с ӈэнэ=рэ ӈэнэнэгдэн о=да=н (ФЭЯ, 68) – А старший брат ушел еще перед тобой, до того, как ты ушел.

Здесь оба действия краткие, главное же успевает совершиться в период, когда второстепенное еще не наступило, не соприкасаясь с ним. Если же этот период объективно краток, то данная модель как бы "растягивает" его, способствуя темпоральному и аспектуальному уточнению главного действия: оно должно успеть произойти в ограниченный промежуток времени и не встретиться с второстепенным. Например:

Турэнми гункэрин э=дели=н илтэн=э=гу, хунатпи будекэл, этыркэн (ИФЭ, 33) – Пока не исчезли звуки моей речи, отдавай дочь, старик; Инэӈ дулинин э=дели=кэн=ин о=ра, "Ку!" гуннэ, Торганэй дюлодун докучиӈна=ра=н оликун, хэгэл=лэ=н (ФЭЯ, 18) – Перед самым полднем (полдень еще не наступил, как) с криком "ку!" перед Торганэем сел ворон и заговорил.

Во втором предложении оформление деепричастия уменьшительным аффиксом =кэн способствует максимальному сужению отрезка времени, отделяющего главное действие от второстепенного.

Свойственное описываемым конструкциям темпоральное значение часто осложняется дополнительными смысловыми оттенками, связанными с отрицательной эмоциональной оценкой второстепенного действия главным субъектом. Это наблюдается, если главное действие должно успеть совершиться до второстепенного, чтобы его предотвратить. Примеры из текстов Н.Н. Поппе:

Э=дели=тын ва=рэ умун баян гунчэн: "Экэллу варэ" (П, 32) – Пока его не убили, один богатый человек сказал: – Не убивайте (меня); Э=дели=н бокон=о этыркочон саӈардули ге бакла кудуручан (П, 32) – Прежде чем тот его догнал, старичок пролез через отверстие на тот свет; Э=дели=в дэрэвэс мундя=ра, ая ёлин удяливи мучудякал

(ИФЭ, 99) – Убирайся по доброй просьбе, пока я тебя не поколотил; Кэӈтырэс оспэн эрчимнэх унякандиви э=дели=в урихин=э ухикинми сурумулчукул (ФЭЯ, 106) – Немедленно отправляйся назад, пока я своим сильным пальцем не вырвал главную аорту из твоей спины.

Существенное изменение в семантике конструкции с эдели= вызывает отрицательное оформление главного сказуемого. Отрицание преобразует аспектуальную характеристику главного действия: если само по себе оно и мыслится как краткое, то его отсутствие, естественно, обязательно оказывается длительным. Оно продолжается вплоть до второстепенного и прерывается им. Преобразуется и модальная характеристика второстепенного действия – из нежелаемого, внушающего опасения оно обычно становится желательным:

Би эдиӈоф суруру э=дели=ви котови га=да (П, 25) – Я не уйду, пока не получу свой нож; Дяланин э=дели=н дякна=ра, улдэн сахин э=дели=н сит=тэ гороло эӈнэрэ уӈдэ (ФЭЯ, 161) – Нельзя отправлять далеко, пока не окрепли его суставы и не возмужало тело.

Такая роль отрицания хорошо понятна и носителям русского языка. Сравним: я не уйду, пока он не придет – значение предела сочетается с положительной оценкой второстепенного действия (хочу, чтобы он пришел). Я уйду, пока он не придет (пришел) – отрицательная оценка второстепенного действия (опасаюсь его прихода), значение предела отсутствует.

Модель с деепричастием предела на =кнан (N_1 ** T_V=кнан=//) (ПЕ) семантически очень сложна. В ней есть темпоральный компонент – следование второстепенного действия за главным, и компонент следствия, результата действия. Но оба эти компонента служат для выявления основного значения модели – семантики степени.

Деепричастие на =кнан обычно образуется от основ совершенного вида. Аспектуальная характеристика главного действия зависит от лексического типа глаголов и от наличия у них специальных показателей длительности и многократности. В сочетании с главным сказуемым, обозначающим длительное действие, деепричастие на =кнан выражает высокую степень и длительности, и интенсивности действия; эти значения передаются слитно. Примеры:

Дуннэ оӈкучакин томторин эли=кнэн савра курбучву=вки (ИФЭ) – Кувыркался до того (так сильно и так долго) что впадины и холмы стали незаметны; Урэкэкви никсэкэн амилкан эхэви хэмурви кэпэхинчэ=кнэн=тын нюканмат=ча=ран (ФЭЯ) – Открыв дверь, он целовался с отцом и дядей так (долго и сильно), что опухли губы; Бу=кэ, илмактал, хукитэлвун энули=кнэн=тын хактанчэрэв (Нак.) – Мы же, молодежь, хохотали так (долго и сильно), что животы заболели; Аиву=кнан=ин ули=чэ=с? (Нак.) – Досыта ли (до того, что наелся) накормила?

Длительность (многократность) главного действия в первых трех предложениях имеет формальный показатель: (=вки, =ча); в последнем (ули=чэ=с 'накормила') она выявляется лишь во фразе.

В сочетании с главным сказуемым, обозначающим единичное, мгновенное действие, ЗПЕ с деепричастием на =кнан обозначает высокую степень интенсивности, но не длительности действия. Например:

Ичэксэ, тара согин=ча, дэлпэргэ=кнэн баргискаки (ИФЭ) – Уви-

дев, пнул ее так, что она на том берегу раскололась; Ихикса сенин тэкэндун иктэ=рэ=н иларакан токорихинча=кна=н (ФЭЯ) – Подойдя, так ударил в окончание уха, что (тот) три раза перекувырнулся.

Модель ($N_1 \leftarrow T_v$ =чали=//) (ПЕ) в восточных диалектах эвенкийского языка представлена довольно широко (см. Бродская, 1978). Она имеет уступительное значение, т.е. обозначает несоответствие следствия, выраженного в главной части, причине или условию, выраженным в зависимой. Наиболее отчетливо это значение проявляется в собственно уступительных предложениях, которые можно представить как результат интеграции двух противопоставленных условных или причинных СПП: объединения главной части одной из них с зависимой частью другой. Например:

Тыгдэ=рэк=ин эмэнмудеңэв – Если будет дождь, то я останусь (дома); Э=сик=ин тыгдэ=рэ хуктывдеңэв – Если не будет дождя, то я поеду; Тыгдэ=чэли=н хуктывдеңэв – Хотя будет дождь, я поеду.

Еще примеры собственно уступительных предложений:

Ус Торонтай дулэй–дэ, нёмой–да би=чэли=ви иччилэк турэнмэв иргэлэви иктэвкэл (ФЭЯ, 108) – Кузнец Торонтай, хоть ты и глух и нем, задумайся над моими вещими словами; Улгучэмэттэвэр эет=чэли=тын турэнтын элчэ юрэ (ФЭЯ, 113) – Хотя они хотят разговаривать, слова не идут.

Несобственно–уступительные предложения нельзя представить как результат описанной трансформации. Здесь несоответствие главной и зависимой частей проявляется обычно в отношении к чему–то третьему и требует определенного домысливания. Приведем примеры:

Кейив=чали=т=та митпэ муланды мата эмэчэ (ФЭЯ, 127) – Хотя мы потерпим поражение, но пришедший мата пожалеет нас (букв.: пришел жалеющий нас мата).

Условное предложение кейив=рак=ит этэн митпэ муланэ 'Если потерпим поражение, он нас не пожалеет' явно неадекватно мысли говорящего. Уступительное значение анализируемого предложения проявляется в несоответствии оценок главной и зависимой частей: то, что мы проиграли, – это плохо, зато то, что он нас пожалеет, – хорошо.

Су э=чэли=сун сара, бу сарэв (ИФЭ, 159) – Хотя вы и не знаете, мы знаем.

Здесь модель уступительного предложения используется для выражения сопоставления, устанавливающего различие.

Угу нюңурмэн серукарды няңня угидэлин ңэнэ=чэли=с, нян эхи бурирэ бэе бихим=ңэн (ИФЭ, 43) – Хотя ты и полетишь над небом с шестислойной радугой, я тоже не опускающийся человек есть (т.е. тоже полечу).

Уступительное значение проявляется в несоответствии содержания главной части представлению о нем, обусловленному содержанием зависимой: если полетишь, то не думай, что я не полечу.

Таким образом, уступительные конструкции с деепричастием на =чали выражают разнообразные отношения, в основе которых лежат различного рода несоответствия между главной и зависимой частями.

Важным элементом структуры уступительной конструкции может

быть частица да, сочетающаяся с членом зависимой ПЕ, который является ядром уступительного значения. Например:

Дюгирмандя–мата ачин–да би=чэли=н, ая остол оран (ФЭЯ, 139) – Дюгирманди–богатыря хотя и не было, хороший стол сделала; Тар–да би=чэли=н би буруйилкан одам (ФЭЯ, 68) – Хотя это и так, я виноват. Частица да оформляет слово ачин 'нет' и местоимение тар 'то, это' (тар–да бичэлин 'хотя это и есть').

Деепричастие на =да формирует две модели ППК, различающиеся типовой семантикой главного сказуемого: целевую и изъяснительную. Целевая модель предполагает в главной части глаголы конкретной, вещественной семантики:

$(N_1 \leftarrow T_v$ =да=//) $(...V_{\text{фин}}^{\text{целенапр.}})$

Особенно ярко значение цели реализуется при глаголах движения:

Тыматнэ эмэрэ, хунатвэ вад=да=вэр (ИФЭ, 176) – Утром пришли, чтобы убить девушку; Хурувэт дюктэ дэрумкичэ=дэ=вэр (Нак.) – Пойдем вдвоем отдыхать; Тар нонон эвэнкил бэркэрвэр тулилэ нэкчэвкил, илилтын э=дэ=тын котороро (ИФЭ, 171) – Прежде эвенки держали свои луки снаружи, чтобы их тетивы не пересыхали.

Главная часть в целевых конструкциях характеризуется структурной и смысловой самодостаточностью, отсутствием в ней нереализованной валентности. В противном случае целевое значение ослабляется и появляются иные компоненты смысла, в частности объектные (Константинова, 1964, 215). Приведем примеры:

Бэелду уңчэтын деб=дэ=тын (Н) – Послали людям поесть (еду); Минду таң=да=в букэл (Нак.) – Дай мне почитать.

Целевое деепричастие имеет чаще форму совершенного вида (без аффикса =дя), поскольку в целевых отношениях для говорящего важен результат, а не способ протекания действия. Например:

Бэюхэл, нэкундувэр эвикэнэн эмувкил,... э=дэ=н энэйикэра (ИФЭ, 120) – Поохотившись, приносили сестре игрушки, чтобы (она) не скучала; Бэе ахинун хутэвэр эмэврэ этэет=тэ=н умукэн ахиду (Хант.) – Мужчина с женой принесли своего ребенка одной женщине, чтобы она постерегла.

Но если целью является не результат действия, а сам его процесс как длительность, деепричастие может принимать аффикс =дя. Такие примеры очень редки:

Тадук бу Василийва гарав иргит=чэ=дэ=вэр (Нак.) – Потом мы Василия взяли, чтобы воспитывать; Нян бурэ тугэ–дэ э=дэ=тын эвэнкил кэсэ=де=рэ (ИФЭ, 142) – Тоже дали, чтобы зимой эвенки не мучались.

Особенность целевых СПП – преимущественная постпозиция деепричастной конструкции. В составных же сказуемых с модальными глаголами форма на =да, как правило, препозитивна:

Тар эбэйил депил=да=вэр некэчэтын (ИФЭ, 108) – Те медведи собираются поесть.

Изъяснительная модель ($N_1 \leftarrow T_v$ =да=//) $(...V_{\text{фин}}^{\text{реч. каузация}})$ в роли конечного сказуемого предполагает глаголы с семантикой речевой

каузации (ипкэ= 'приказать', алтат='умолять', тэпкэ='кричать' и т.п.); ЗПЕ здесь – корреляты независимых побудительных предложений:

Эмэ=кэл дюлави! – Иди домой! Ахи хутэ=ду=ви гунэн дюлави эмэ=дэ=н – Женщина сказала ребенку, чтобы он шел домой.

Деепричастия обычно получают личное (не возвратное) оформление:

Хэвэкэ эптэкэн ашиван гунэн кэрчимэвэ кармандун ашу=да=н (ИФЭ, 134) – Хэвэко сказал жене Эптекона, чтобы она положила ему в карман сушеное мясо; Чемдал алтачиллан, э=дэ=н гарпара (ИФЭ, 142) – Один из Чамдалей стал умолять, чтобы он не стрелял.

Возвратно-притяжательное оформление деепричастия возможно лишь в редких случаях моносубъектности действий, при главном сказуемом в форме взаимного или совместного залога, обозначающих договоренность. Значение побуждения в таких предложениях ослабляется. Например:

Таре тэгэ ёкэдыт хэңкэт улгучэмэт=чэ=вки Утышкава ва=да=вэр (ИФЭ, 148) – Эти люди по=якутски договорились, чтобы убить Утышку.

В словоформе улгучэ=мэт=чэвки 'договорились' аффикс взаимного залога =мэт указывает на совместное осуществление и главного, и второстепенного действия (ва=да=вэр 'чтобы убить').

Рассматриваемая модель может представлять действие ЗПЕ как объект эмоции, часто отрицательной, названной конечным сказуемым:

Хэвэкэ барэн Пачакива шурубдеми, шалейан, э=дэ=н булэниллэ (ИФЭ, 132) – Хэвэко не захотел вести Пачаки, пожалел, как бы (тот) не стал воевать; Бэен тэтыгэлви лук=та=ви ңэлэдерэн, тэтыгэчи банюмулча (Торг., 32) – Мужчина боится снять одежду, захотел мыться в одежде.

Такие эмотивные конструкции близки к сочетаниям знаменательных глаголов с полуслужебными – намерения, каузации, фазы действия и т.п., типа гарпа=да=ви некэрэн 'собрался выстрелить'; под синтаксическим углом зрения они оцениваются как один член предложения.

Модель ($N_1 \rightarrow T_V$=вун(а)=//) (ПЕ) имеет незначительную семантику. ЗПЕ здесь тяготеет не только к глаголу, но и к существительному главной части, благодаря чему конструкция на =вун обозначает и цель действия, и назначение предмета. Например:

Минду дявакаллу туксакия, инэкинэ, эви=вун=эв (ИФЭ, 120) – Поймайте мне живого зайца, (такого,) чтобы (я с ним) играла; Некэлби бурэн куңаканду тогоёви ила=вун=ан (ИФЭ, 166) – Дал ребенку огниво, чтобы (тот) развел огонь (огниво для разведения огня).

* * *

Мы видим, таким образом, что деепричастные конструкции эвенкийского языка охватывают широкий спектр обстоятельственных значений, полностью обеспечивая выражение условных, уступительных и целевых отношений и почти полностью – темпоральных.

§ 5. Нганасанские конструкции с деепричастной зависимой частью

Деепричастия в нганасанском языке образуются от производных и непроизводных основ и обладают такими общеглагольными признаками, как переходность/непереходность, видовая направленность, способность управлять тем же падежом имени, что и соответствующий финитный глагол. Н.М. Терещенко, как и Г.Н. Прокофьев, считает деепричастиями две нганасанские формы: неопределенно-деепричастную (инфинитивную) и условно-деепричастную (Терещенко, 1979, 274; Прокофьев, 1937, 60). Мы присоединяем к этим признанным деепричастиям типологически сходную с ними форму, традиционно называемую супином.

Синтаксические функции нганасанских деепричастий различны, их круг у каждого деепричастия свой, в зависимости от способности иметь свое подлежащее, принимать личное оформление и др. Рассмотрим подробнее конструкции, формируемые каждым деепричастием.

1. Неопределенно-деепричастная форма, образуемая суффиксами =са/=да (с фонетическими вариантами =ся/=сы/=си/=сэ; =ди), передает идею действия в самом общем виде. Это сближает ее с инфинитивами современных европейских языков. Считается, что это деепричастие не принимает показателей лица и числа, но по нашим данным в определенной позиции оно способно принимать притяжательные форманты. Это деепричастие характеризуется широкой семантикой и широкими конструктивными возможностями. С ним связано несколько моделей ППК.

А. Сочетаясь с модальными, фазовыми, каузативными и другими грамматикализованными глаголами, это деепричастие образует аналитические формы глагола. Например, с модальными глаголами:

Тагэтэ кэрбуту=м мэнэ тың бэндемту ңуомту=са – Теперь я хочу всех=вас поженить; Мэнэ десымэ нинты мону атэй някизи=си – Мой отец не любит брать в долг; Немымэ ченын=ты сочура=са хуаймуй нягэ – Моя-мать хорошо умеет шить унты; Копта ңонэй нинты корбу беттирнянты=ди – Девушка опять не хочет танцевать.

С глаголами намерения: Сыты чиминсиэ хелипти=дя – Она торопилась ехать=гостить; Сыты чентырии=зэ бӱӱкандэка=са куодеманту мазайдя – Она собиралась ехать к мужу домой.

К этим формам структурно близки сочетания этого деепричастия с глаголами движения:

Сыты кона"а мазунадя ңямурха=са – Она пошла домой поесть; Сыты тату=дӱо нӱочи ңэтэрэптуку=ся лекуру=дя – Она привела детей показать врачу; Калкосэнди лекыр ту=сӱо нӱой лякирсимтукэха=са – В деревню врач приехал детей полечить.

Однако в таких сочетаниях деепричастие приобретает целевой характер, представляет то действие, ради которого совершается движение. Мы усматриваем здесь особую модель моносубъектной полипредикативной конструкции, которую представляем формулой:

$/(N_1 \rightarrow V^{движ}_{фин}) \rightarrow T_V$=са/^{цель}.

Б. В сочетании с глаголами эмоционального состояния форма

неопределенного деепричастия представляет событие – стимул этого состояния, например:

Нӱо хылыдякаты″ лекурудя хиезыты=сы – Дети боятся идти к врачу; Мэнэ бэнайнэ хиезыты=сы – Я устала идти.

Формула конструкции:

$$[(N_1 \leftrightarrow V_{\text{фин}}^{\text{эм}}) \rightarrow T_v = \text{са}^{\text{стимул}}].$$

На чисто формальном уровне это та же самая конструкция, что и в А, но в другом семантическом варианте. Таких вариантов, возможно, более двух.

В. Неопределенное деепричастие, как показало наше исследование, способно формировать еще одну полипредикативную конструкцию целевой семантики, в которой оно может принимать лично-притяжательные показатели 2-го типа для указания на субъект действия. Примеры:

Мыӈ някэлиэмы тобакэ латы=ся=ны – Мы взяли=мы топор рубить=нам (=ны – лично-притяжательный аффикс 2-го типа, 1-го лица мн. ч.); Кунини иӈу мотуни сочура=пса=ня букура? – Букв.: Где находятся наши=нитки шить=нам двоим сети?; Тату кубасазиня горэдэгитэ хуаймуй сочела=са=нэ – Букв.: Привези бисер=мой из города унты шить=мне; Някэлэ кӱма=мэ тай коуча=са=ни – Возьми нож-мой оленей клеймить=нам=двоим; Някэлэ тантамтэ дембяйче сочура=са==тэ – Возьми жилы=твои одежду шить=тебе; Татугэӈ, хуазэми лапсызэми мелызы=ся=ни – Принеси бересты люльку делать нам=двоим.

Если главное и зависимое события имеют общий субъект, носители языка признавали факультативность притяжательного оформления, например:

Някэлэ быны тай хотура=са(=тэ) – Возьми веревку оленей запрячь(=тебе); Коны″ нера″а ӈазэ=ся (=тэ) нягэ моу малабсятэм – Езжай вперед посмотреть(=тебе) хорошее место для становища. По свидетельству информантов, показатель 2-го лица ед. ч. =тэ можно свободно опустить.

Однако лично-притяжательное оформление приобретает смыслоразличительную функцию, если деепричастие ориентировано на собственный субъект:

Тату″ кубасази=ня горэдэ=гитэ хуаймуй сочела=са=нэ – Привези бисер из города унты шить=мне; Сыты татудӱо тугута=мэ урубакэтэ сочела=са=нэ – Он привез материал=мой платье=мое шить=мне; Тазу″ быта=мы бызы=ся=ну – Принеси воды=нашей пить=мне.

Формула этой конструкции:

$$(N_1 \leftrightarrow V_{\text{фин}} \rightarrow N_i^{Ob})\ (T_v = \text{са} = //).$$

Сюда введен символ N^{Ob} (имя со значением объекта), поскольку зависимая деепричастная конструкция оказывается тесно связана по смыслу и со сказуемым главной части, и с его дополнением (принеси нитки – какие? шить=мне, чтобы я шила).

Г. В этой и последующих конструкциях семантические характеристики главного глагола незначимы, деепричастная ЗПЕ выполняет об-

стоятельственную функцию. Форма на =са формирует деепричастный оборот, ориентированный на субъект (подлежащее) финитного глагола. Лицо, время, модальность деепричастного действия определяются формами конечного сказуемого моносубъектной конструкции. Деепричастие не принимает личных (лично-притяжательных) аффиксов. Примеры:

Тати хоара ӈуакэдя бигеле=сы мунунту – Это лицо, у двери заглянув, говорит; Сигиа туй=са ӈонэй мунунту – Людоед, придя, снова говорит; Чи=ди дӧрадя нӱо″ мунунту″ – Зайдя, плача, говорят дети; Ӈадязу кундаизэ бону=дя – Младшая сестра уснула, устав; Ӈамэка==са тэгэтэ кунда″а – Поев, тогда спать лег; Чӱӱ=дя наказичу сигиаты чайботэ нору″о – Подойдя, свои=рога людоеду в живот вонзил; Бярэ=ди качемиа – маӈуна! – нохомырэ″ чӱнякунсыны ичӱо – Открыв, увидела – что такое! – сухие дрова в одеяле находятся.

Формула этой модели:

$$[(N_1 \rightarrow V_{\text{фин}})\ T_v = \text{са}].$$

Порядок следования деепричастия и финитного сказуемого довольно свободен. Основное значение этой модели – выражение временной связи событий, обычно следование главного действия за зависимым, деепричастным:

Нӓрагай=ся качемиизэ – маӈунэ! барусянку нэндиты кадянанунту – Обернувшись, увидела, – что такое! – чертенок стоит рядом с ней; Чӱӱ=дя качемасом ӈукэгэй дептуй – Подойдя, увидел я много гусей; Куодӱму нӱо нонсыря=ди кӱ″о – Мальчик, родившись, умер; Ӈо татуру=са ӈэтазакиэ – Шаман, придя, шаманить стал.

Если деепричастное сказуемое обозначает длительное действие, конструкция выражает одновременность действий:

Коптуа тотыптяиӈ си кона″а беттиридя – Девушка, передвигаясь мелким шагом, подошла к танцующим; Сыты сеймычи сязы″а хосазу=са – Она глаза открыла, щурясь; Тэука=сы дямаку ӈунӱмбатандэ ӈуочи – Улетая, птицы собираются стаями.

Д. Действие, названное неопределенным деепричастием, иногда относится к другому субъекту по сравнению с главным действием; но этот субъект остается неназванным и не выражается аффиксально (такие примеры нередки в нганасанском фольклоре):

Таниэ мунуру=са коптуа тандяимонтэ могутини – Когда он так сказал, девушка на спину легла. Букв.: Так сказав, девушка легла==она на спину.

Буквально получается, что говорила девушка; однако из контекста известно, что говорила не она, а другое лицо, т.е. что действия, выраженные деепричастием и финитным глаголом, выполнены разными людьми. Еще пример:

Содӱтӱчӱӈ, бӱӱ=дя коптуа мазэ кадяну инсузэ сойбуо – Когда они в путь отправились, около чума девушки шум санок слышен стал. Дословно: 'аргишить отправившись девушка дом=ее около санки зашумели', но из контекста ясно, что аргишить отправились родители девушки, оставив ее в чуме.

Правильное понимание таких фраз опирается только на знание конситуации. Поэтому за подобными предложениями мы не усматриваем отдельной модели, но рассматриваем их как отклоняющиеся от привычной нормы репрезентации представленной выше модели.

2. Форма на =нагэ, традиционно именуемая в самодистике супином, функционально близка к неопределенному деепричастию. Она выражает цель действия доминирующего глагола; а целевые формы типологически не противостоят деепричастным и обычно называются целевыми деепричастиями (в бурятском языке таких деепричастий три).

Эта форма образуется от основ любой семантики, производных и непроизводных, переходных и непереходных, присоединением форманта =нагэ/=накэ; в ее составе обязательны лично-притяжательные аффиксы второго типа. С формой на =нагэ образуются и моносубъектные, и разносубъектные фразы:

Кэлкосини черэ" бэнде ӊунӱдӱтэ мендяэ лекырэ качема=нага=ндуӊ – Все жители нашего колхоза собрались, чтобы нового врача посмотреть=им (качема – 'смотреть', =ндуӊ – притяжательный показатель 2-го типа 3-го лица мн. ч., ӊунӱду=тэ – финитный глагол с показателем 3-го лица мн. ч.); Чи=нака=нэ матэ мэнэ мелызысыэ=м сэдиэзамэ – Чтобы=войти=мне в дом, я дорогу сделал=я; Мыӊ ӊазусӱо=му та̄ куху сочурэ=нага=ну" мендяй луй – Мы смотрели=мы оленьи шкуры, чтобы=шить=нам новые парки. В разносубъектных фразах при форме на =нагэ возможно свое подлежащее, хотя лично-притяжательные показатели делают его факультативным. Примеры:

Ӊэмсузиче хири=нага=нэ туля торазу" – Чтобы=сварила=я еду, растопи печь; Бытымты хейбытыкиэм ноху=нага=тэ – Я согрею воды, чтобы ты помылся; ср. с подлежащим=существительным: Та̄чугуйчӱо" тучемту чимиэ" татуӊ ни=нага=туӊ ӊэмсалу" неныӊкэ" (им. п.) – Пастух разводит огонь, чтобы мошкара не кусала оленей.

Формула этой модели –

$(N_1 \leftrightarrow V_{фин})\ (N_1 \leftrightarrow T_v$ =нагэ=//).

3. Условно-временное деепричастие на =бу"/=ху" участвует в образовании двух типов конструкций.

А. Без личного оформления она используется в конструкции с оценочными именами, обозначая оцениваемое действие/событие:

Нэӊхуэ моунту" лоӊу=би" – Плохо, когда горит земля (букв.: плохо земля=их гореть=если); Такарэ тапкасэ хиезыты=би" нэӊхуа – Трудно идти через такой густой лес (букв.: такой густой=лес идти==если плохо); Колы комтэ=бӱ"=ту ӊэмхӱ" нягэ – Когда рыба прокоптится, вкусно есть; Кирибэ дяӊуй=ху" нягэ хиритэ=би" лепешкой – Когда нет хлеба, хорошо испечь лепешек.

В приведенных фразах условно-деепричастная конструкция выступает практически как аналог подлежащего при оценочном сказуемом (см. Предикативное склонение..., 1984, 123 и след., а также главу 1 в настоящем разделе), однако предикативные отношения здесь формально не выражены. Формулу этой конструкции можно представить так:

$[(N_1 \leftrightarrow T_v$ =бу")$\leftrightarrow L^{оц}$ ..$]$

Б. Присоединяя лично-притяжательные показатели 2-го типа, передающие грамматическое лицо субъекта действия, условная форма существенно меняет семантику: действие становится конкретным, "чьим-то". Форма в этом значении используется для выражения условных и условно-временных отношений между событиями. Примеры:

Туй=хӱ=ту мэнэ хуйкэӊ – Когда=придет=он, позови меня; Нӧму качемэ=бӱ=тэ, дитусутазу – Когда=увидишь=ты зайца, застрелишь; Хуаймэй сочулэ=бӱ"=ту" мэнэ тусузэм ӊэтоуханса – Когда=сошьёте==вы унты, приду посмотреть.

Лично-притяжательное оформление этой конструкции факультативно. Анализ материала показал, что оно наблюдается преимущественно в моносубъектных фразах, а в разносубъектных, – если субъект зависимого действия 1-е или 2-е лицо. Если же деепричастие соотносится с собственным подлежащим-существительным, личного оформления по 3-му лицу оно может не получать: надобность в нем отпадает. Примеры:

Козутэ сяты=би" сӱрӱзэ сиераймымбяты – Когда=окончится пурга, снег плотным=становится=обычно; Татэ нягэй и=хӱ", нисыӊ дӱкӱ" дяӊуртини козудерманы – Когда олень хороший, не заблудишься в тундре в пургу; Чайнэ мунсэлэ=бӱ" чайлэсызэм – Когда=закипит чай, почаёвничаю.

Формы сяты=би"=ту (с аффиксом 3-го лица ед. ч. 2-го типа), и=хӱ"=ту, мунсэлэ=бӱ"=ту также возможны.

Формулу этой модели представим так:

$(N_1 \leftrightarrow T_v$ =бу"=//$)\ (N_1 \leftrightarrow V_{фин})$.

4. Специального внимания заслуживает аналитическая деепричастная конструкция, которую, возможно, следует оценить как особое аналитическое ирреально-условное деепричастие нганасанского языка. Это деепричастие можно представить структурной формулой: T_v =диэ и==хӱ"=//.

Линейно первый символ в составе формулы представляет знаменательный компонент аналитической конструкции – образование от произвольной глагольной основы с показателем прошедшего времени =диэ. Форма эта не спрягается, в ее структуре нет морфологической позиции показателя лица. Второй компонент – условно-деепричастная форма вспомогательного глагола и=; показатель деепричастия (=хӱ"), // – символ позиции личного показателя: деепричастие спрягается. Основная функция первого компонента – лексическая, не с ним связан и определенный аспект грамматической семантики конструкции в целом: отнесенность события в прошлое. Роль условно-деепричастной формы глагола и= 'быть' состоит в том, что ее личный суффикс как бы "одушевляет" всю конструкцию, дает представление о субъекте действия, названного знаменательным компонентом, и одновременно с помощью суффикса условности подчиняет всю конструкцию другой предикативной конструкции в составе сложного предложения:

Ӊучены коны=диэ и=хӱ"=тэ, коту=буазэ=ми ӊукэгэй доптуй – Если бы ты вчера пошел (со мной), настреляли бы много гусей (букв.: вчера пошел будучи=если=ты настреляли=бы=мы=двое много гусей).

Как видим, эта форма выражает ирреальное условие, т.е. представляет то событие, несовершение которого не позволило совершиться другому событию, представленному линейно второй ПЕ.

Н.М. Терещенко упоминает о рассматриваемой нами конструкции, но называет ее формой сослагательного наклонения, что представляется нам не совсем точным (см. Терещенко, 1979, 217-218). Здесь две предикативные группы, ни одну из которых мы не можем назвать финитной; первая – та, о которой идет речь: нӧучены коны=диэ и=ху″=тэ 'Вчера пошел если бы ты', вторая – ми коту=буазэ=ми нукэгэй дептуй, где предикат выражен аффиксальной формой коту=буазэ=ми 'убили бы=мы=двое', при некотором условии, а в действительности не убили (т.е. условие уже не осуществилось в прошлом, что и не позволило осуществиться второму событию). Примеры:

Кӱзатудя ту=суо и=ху″=тэ мэнэ танэ доту=буазэ=м – Если=бы=ты приехал утром, я бы=тебя=встретил; Байка″а куо=дӱо и=хӱ″, нӱо нӧонантуӈ коухуазэ – Если бы старик умер, дети остались бы одни; Талу норини ноху=дӱо и=ху ни нихязэ ногыту – Если бы мы=двое помыли вчера посуду, она не была бы грязная; Чӱӱ=дӱо и=кӱ″=ти, нягэ ихуазэ – Если бы вы пришли, хорошо бы было; Сизи бабий куту=дӱо и=хӱ″=нэ, нӧонэйнам нялымсеазэм – Если бы я убил двух оленей, был бы больше рад.

Формула этой конструкции:

$(\{N_1 \leftrightarrow\} T_v$=диэ и=ху″=//) ($N_1 \leftrightarrow T_v$=буазе=//)

В рассмотренных фразах значение сослагательного наклонения выражает предикативная форма второй части; она представляет неосуществившееся следствие того условия, которое (тоже как уже неосуществившееся) выражено первой частью конструкции. Поэтому рассматриваемую форму мы оцениваем как аналитическое деепричастие ирреального условия, сформировавшееся на базе деепричастия, выражающего реальное условие. Стоит заметить, что в алтайских языках, которые в целом гораздо богаче разнообразными деепричастиями, деепричастий ирреального условия нет.

§ 6. Энецкие конструкции с деепричастной ЗПЕ

Деепричастных форм в энецком языке две: неопределенная и условная (термины Н.М. Терещенко, 1966, 452).

Неопределенное деепричастие образуется при помощи суффиксов =ҷь/=чь, присоединенных к основе глагола. Эта форма полифункциональна: ее аффиксы, во-первых, оформляют полнозначный глагол, который в сочетании с различными вспомогательными квалифицируется как инфинитив, например Эки дерихон колта=ҷь тара 'Сегодня выстирать надо', или как транслатив со вспомогательным глаголом канись 'стать': Тобикуу=ҷь канись 'Мышкой стала'.

Во-вторых, она выступает в роли вершины деепричастного оборота. В обеих этих ролях она лишена собственной субъектно-подлежащной валентности и ориентирует свое действие на субъект доминирующего глагола.

Модель конструкции с деепричастным оборотом с формой на =ҷь мы представим формулой (... T_v=ҷь) ($N_1 \leftrightarrow V_{фин}$).

Макей, мареда модида таха бярта=ҷь, касада поон кани – Мокей, закинув за плечо мешок, последовал за другом; Ома дюдит и=ҷь нэтагу мосрабать – До обеда мы не отдыхая работали; Тэ понида нэ касада паги моды=чь сэйза кани – Жена оленевода, увидев одежды мужа, испугалась: Сапогиза дика=ҷь пӗсуз ади – Скинув сапоги, босиком сидит; Колта=ҷь, бу писина – Стирая, она смеялась.

Эта модель выражает общую временную соотнесенность действий одного субъекта. Форма на =ҷь употребляется и в финитной функции, как прошедшее время глагола; в этом случае она принимает личные показатели: колта=э=а=ҷь 'я стирала', колта=ϕ=ҷь 'она стирала' и т.д. Кроме того, форма на =ҷь представляет глагол в словаре.

Условные деепричастия образуются при помощи суффикса =б/=п с соединительным гласным =у= (=б=у=), если имеется дальнейшее морфологическое оформление. В отличие от форм на =ҷь формы на =б/=п имеют собственную субъектно-подлежащную валентность и принимают притяжательные показатели косвенного ряда для выражения субъекта зависимого действия.

Основная функция этой формы – быть сказуемым ЗПЕ ППК. Как показал анализ материала, она передает не только условное значение, но и различные темпоральные, причинные, целевые и другие значения. Это позволяет назвать ее в противоположность неизменяемой форме на =ҷь спрягаемым деепричастием.

Энецкое условное деепричастие характеризуется чрезвычайно интересным и уникальным свойством; оно имеет субпарадигму показателей относительного времени, располагающихся перед притяжательными аффиксами. Показатели эти коррелируют с временными формами главного сказуемого: при финитных формах прошедшего времени на =ҷь в состав деепричастия входит показатель =й, сигнализирующий приблизительную одновременность действий в прошлом; при финитных формах будущего времени – показатель =ны/=нэ, сигнализирующий о следовании главного действия за зависимым в будущем; нулевой показатель, сигнализирующий о приблизительной одновременности главного и зависимого действий, употребляется при разных временных формах главного сказуемого. Соответственно мы выделяем три модели с деепричастием на =п/=б:

1) ($\{N_1 \leftrightarrow\} T_v$=б=у=й=/косв. р/) ($N_1 \leftrightarrow V_{фин.\ прош}$);
2) ($\{N_1 \leftrightarrow\} T_v$=б{=у=}ны=/косв. р/) ($N_1 \leftrightarrow V_{фин.\ буд}$);
3) ($\{N_1 \leftrightarrow\} T_v$=б=у=ϕ={/косв. р/}) ($N_1 \leftrightarrow V_{фин}$).

Рассмотрим каждую из них раздельно.

1. Модель с формой на =б=у=й= /косв. р/ обозначает общую временную соотнесенность действий в прошлом; ее главное сказуемое всегда имеет форму прошедшего времени на =ҷь (=дь =чь). По ней образуются как разносубъектные, так и моносубъектные фразы; в обо-

их случаях субъект зависимого действия выражается притяжательными аффиксами косвенного ряда. Примеры:

Модь сэзур каза=б=у=й=нь кобада пелабу=с,ь – Когда я убил песца, шкуру растянул; Кадиас,ь дязу=б=у=й=на богля модыа=чь – Когда охотиться ходили, медведя видели; Модь то=б=у=й=нь бу коди=с,ь – Когда я пришел, он спал; Орью дирихун камозуд то=б=у=й=нь сехору дёхоразу=дь – В первые месяцы, когда я приехала в город, я никого не знала; Катысь э=б=у=й=нь модь ань мяр лобатудь дязун,азу=дь – Когда я была молодая (девушкой), я тоже быстро ходила на лыжах; Модь иблейгу э=б=у=й=нь мɛзкучь комитазу=чь – Когда я была маленькая, я в чумики любила играть.

В последних двух примерах зависимое сказуемое – форма бытийного глагола э=с,ь.

2. Модель с формой на =б(=у)=ны= /косв. р/ обозначает следование главного действия за зависимым в будущем. Главное сказуемое обычно имеет форму будущего времени на =да/=та, а также другие формы, ориентированные в абсолютный временной план будущего: императив, желательное наклонение и др. По этой модели строятся разносубъектные и моносубъектные фразы, притяжательное оформление имеется и в тех и в других. Примеры:

Модь мɛд чу=б=ны=нь коба му=да=з – Когда я в чум войду, шкуру возьму; Обуйна ми=та то=б=ны=да – Что ей дадим, когда она придет; Очикуй то=б=ны=да бунык дюд=да – Когда злость придет, собаку побью.

У нас имеются также примеры с другими формами главного сказуемого, где на общее значение следования наслаиваются другие дополнительные значения:

Сян дяр б=у=ны=д бу ни тоза – Сколько ты ни будешь плакать, он не вернется; Пери нэда чу=б=ны=нь мɛкныда дягубби – Всякий раз, как я к нему зайду, его нет дома.

Примеры такого рода еще требуют дополнительного исследования.

3. Модель с формой на =б=у=∅= /косв. р/ не имеет ограничений на время главного сказуемого; она выражает общую временную соотнесенность действий в любом временном плане, заданном формой главного сказуемого. По преимуществу это будущее время на =да/=та и формы желательного наклонения на =ни:

Нарась кани=б=у=да, экун дире=да – Когда наступит весна, мы будем здесь жить; Ару=бу=та колуд кань=та – Когда он вырастет, в школу пойдет; Бу то=б=у=та модь кан=та=з – Как только (когда) он придет, я уйду; Озийдь кани=б=у=та кизи у миди=да=р – Когда пойдем по ягоды, ведро ты будешь нести; Бяси но=б=у=т лапкад чу кирба му=ни=т – Когда получишь деньги, зайди в магазин; Сита моде==п=у=да энчуд ма=ни=ра – Как только его увидите, сообщите людям.

Ср. примеры с расширенным настоящим:

Бу дяра=б=у=та модь писи=н,а=з – Когда он плачет, я смеюсь; Месе=б=у=на бу пере орзе – Когда мы перекочевываем, он всегда впереди; Модь созу=б=у=нь сий пяртагуби – Когда я шью, она мне помогает.

Реже встречаются формы с прошедшим временем:

Лубинь кара=б=у=нь туна нодоби=чь – Когда сняла белье, еще мокрое было.

Как видно из примеров, и в моносубъектных, и в разносубъектных фразах этой модели зависимое сказуемое на =б/=п получает притяжательное оформление по косвенному ряду. Оно может отсутствовать, во-первых, в обобщенно-личных условных фразах, которые типичны в лозунгах и призывах, а в устной речи редки:

Сойзан мосра=б сойзан дире=да – Если работаешь хорошо, хорошо жить будешь; Тэ" моде=б буду сойзан ару=да – Если смотреть за оленями, они хорошо расти=будут.

Во-вторых, притяжательные показатели могут опускаться в разносубъективных фразах при наличии подлежащего-существительного: Салба дюу=б биись каную – Когда лед тает, он превращается в воду; Отузе то=б дяба кодеуби – Когда приходит осень, наша земля замерзает; Киузную, кая ози=б, дёхакуна мин каре таре саказин,а – Утром, когда выходит солнышко, в нашей речушке рыба так и плещется; Не кода=б, о=да – Когда ребенок заснет, будем ужинать.

Подлежащие-местоимения, особенно первых лиц, обычно не ставятся, и субъект выражается только притяжательными показателями как в РСФ, так и в МСФ:

Чики лубаха колта=б=у=д модь сит пед нобза=да=з – Когда (ты) постираешь это белье, я тебя пущу на улицу; Тэза мекунь то=б=у=нь нибими си кауста=да – Сейчас, когда домой приду, бабушка меня заругает; Колахун тохогу=б=у=да нэныд дире=да – Пока (он) учится в школе, будет жить у тебя; Мɛкод то=б=у=д пагиз кастагус,ь изан – Когда придешь домой, повесь одежду сушиться.

Данная модель имеет несколько семантических вариантов. Во-первых, она может выражать значение конечного предела, который зависимое действие ставит главному. Это значение, по нашим материалам, бывает связано с формой зависимого сказуемого – формой на =б от отрицательного глагола-частицы =и, за которой следует основа полнозначного глагола без какого-либо оформления. Примеры:

Модь и=б=у=нь лэус ɛехуру ней денир – Пока я не крикну, пусть никто не стреляет; Сий из нертагу керинь и=б=у=нь нэр – Не буди меня, пока сам не проснусь (главное действие отсутствует до тех пор, пока отсутствует зависимое; зависимое стимулирует начало главного).

Но значение предела может выражаться и неотрицательными формами:

Лешо бахузда нэр=б=у=та ока дери кан=та – Пока лентяй с постели встанет, много дней пройдет; Колахун тохогу=б=у=да нэныыд дире=да – Пока он учится в школе, будет жить у тебя.

Условия появления различных вариантов этого значения требуют еще дополнительного анализа.

Во-вторых, фразы со значением следования главного события за зависимым в будущем (главное сказуемое – в формах будущего времени, императива и т.д.) легко переосмысливаются как причинные, особенно если из контекста или внеязыкового опыта известно, что

зависимое событие уже осуществилось или обязательно осуществится.

Примеры: Каде=б=у=д мɛкныд ади – Раз болеешь, сиди дома; Незуд му=б=у=д отагусʼь касиз ним тара – Раз ты женился (жену взял), надо ведь ее кормить; Незод мусʼь кома=б=у=д му – Раз ты решил жениться, женись; Ту кочи=б=у=да кодасʼь пиро – Раз свет погас, ляжем спать; У и=б=у=д кань модь ань мɛкун кайзаз – Раз ты не поедешь, я тоже останусь дома.

В-третьих, значение следования в будущем может переосмыслиться в условное, если зависимое действие, опять же благодаря контексту или внеязыковому опыту, понимается как неосуществившееся или могущее не осуществиться (альтернация обусловливающего события есть необходимый компонент условного значения – ср. Бабалова, 1974). Примеры:

Денаан пухэу=да поңи=б=у=та модь сита му=да=з – Если ты будешь хорошо себя вести, я тебя возьму; Нарною оды адда=б, отузную бу ару=да – Если посадить весной цветы, то к осени они вырастут; Тына окан э=б=та терегон диридаа – Если у нас будет много оленей, мы будем жить богато; Эсий сойза кодзунь седада модь лата сɛбру=б=у=нь – Отец сделает хорошие нарты, если я постругаю доски; Энчи и=б пярза ңуль бида у бода – Если человеку не помочь, он совсем озлобится (ум у него испортится); Тэ сита наго=б, кораль ми чуза – Олень, если его загонят, зайдет в кораль; Нед картинка модылтагу=б сама чукчи тэнэдыза – Если ребенку картинки показать, всех зверей знать будет.

По этому значению деепричастие на =б/=п и названо условным.

В-четвертых, фразы с этим деепричастием могут выражать ирреально-условное значение, если главное сказуемое – глагол в форме сослагательного наклонения, показателем которого является циркумфикс, разорванный аффиксами лица=числа =ни=//=сь. Примеры:

Касид азойта=б=у=д сойза э=ни=∅=сʼь – Если бы ты покатал брата, хорошо было бы; Нод ир сэни=б=у=т нор бикут и=ни=ду=сʼь сумо – Если бы ты посмотрел под ноги, в лужу не упал бы; Арубут эки пɛ дябуза=ни=ду=сʼь – Если бы ты вырос, то достал бы до этого дерева; И э=б=та ңа казу кань=ни=а=чь – Если бы не началась пурга, уехали бы; И э=б=у=нь тэкар у сʼи о=ни=ду=сʼь – Если бы я не спрятался, ты бы меня съел; Модьна и э=б=на ку бодун бу кадынисʼь – Если бы мы его не встретили в тундре, он бы замерз.

В трех последних примерах зависимое сказуемое имеет отрицательную форму (отрицательная частица =и, деепричастие на =б от бытийного глагола э=сь и полнозначный глагол в форме основы).

Форма деепричастия на =б/=п может сопровождаться двумя послелогами – мозигун 'как только' и минхун 'в то время как'; в послеложных конструкциях также имеется субпарадигма относительно-временных показателей (=й, =ны/=нэ, =∅), однако их влияние на результирующую семантику нужно еще дополнительно исследовать. Примеры с послелогом мозигун:

То=б=на мозигун керта бункида позируз седагуби – Когда мы пришли, он делал упряжку для своей собаки; Сʼизи биу пода э=б=у=й==да мозегун керта торь битуңа=сʼь – Он сам так думал, когда ему

было 20 лет; То=б=у=й=нь мозегун энчу мале коде=би – Когда я приехал, все люди уже спали.

Примеры с послелогом минхун: То=б=у=нь минхун мɛкнынь касʼинь ңо=да – Как только я приеду, у меня в доме соберутся друзья; Модь катаду, то=б=у=д минхун – Я позову его, как только ты приедешь; Пяушумною то=б=у=й=нь минхун энчу мале коде=би – Когда я приехал, все люди уже спали.

Эти конструкции мы представим формулой:

$(\{N_1 \rightarrow\})\ T_v$ =б=у=Вр.=/косв. р/ мозигун/минхун) (ПЕ).

Проведенный анализ деепричастных конструкций позволяет, как нам представляется, сделать вывод о том, что эти конструкции входят в общую подсистему с рассмотренными выше конструкциями, которые организуют имена действия и причастия. Для тех и других основная функция состоит в выражении временных отношений между событиями. При этом, однако, конструкции с именами действия описывают отношения между событиями в прошлом, причастия на =за – одновременность событий, а деепричастные конструкции тяготеют к абсолютному плану будущего и широкого настоящего. Однако системные функционально-семантические отношения между всеми конструкциями, входящими в эту подсистему, ожидают еще специального планомерного изучения.

§ 7. Некоторые итоги сопоставительного анализа

Описывая ППК с зависимой частью, возглавляемой деепричастными формами, в разных исследуемых языках мы стремились придерживаться единой схемы и единой системы терминов и понятий. Однако эта общая установка постоянно наталкивалась на "сопротивление материала" и потому не была реализована с той полнотой, которой нам бы хотелось достигнуть. Очень существенной причиной этого явилось отсутствие полных и разносторонних предварительных описаний изучаемого нами материала. В тех случаях, когда была возможность опереться на результаты проведенных ранее исследований (например, на исследования эвенкийских деепричастий и деепричастных конструкций), открывалось больше возможностей для функционально-семантического анализа форм и для сопоставительного анализа конструкций (моделей) в рамках одного языка. Естественно, таких возможностей было гораздо меньше, когда описание носило, по существу, почти первичный характер (как, например, описание конструкций самодийских языков).

Тем не менее проведенный анализ позволяет сделать некоторые общие выводы. Самый главный вывод состоит, по-видимому, в том, что принципы построения этих ППК в алтайских языках можно считать едиными, общими, а принципы построения ППК с деепричастной зависимой частью в самодийских языках хотя и характеризуются определенной спецификой, однако остаются типологически близкими к тому, что наблюдается на материале алтайских языков.

С точки зрения конструктивных потенций, все деепричастия, не только в алтайских и самодийских, но и во всех языках мира, располагающих такими глагольными формами, целесообразно классифицировать и оценивать в соответствии с наличием у них субъектно-подлежащной валентности, с силой этой валентности и с наличием (или отсутствием), а также обязательностью или необязательностью выражения субъекта действия самой деепричастной формой. В зависимости от того, какими из названных признаков обладает та или иная деепричастная форма данного языка, она оказывается способной становиться конструктивным центром определенных моделей ППК, которые можно представить в обобщенной форме безотносительно к какому=то конкретному языку. В дальнейшем мы получаем возможность соотносить конкретные модели ППК, выявляемые в том или ином изучаемом языке, с этими "эталонными формулами". А это, в свою очередь, открывает прямую перспективу к систематическому сопоставлению всех изучаемых языков.

Но на данном этапе мы еще не готовы к тому, чтобы предложить хотя бы относительно полный список таких "эталонных" обобщенных моделей. Мы выносим на обсуждение только те "образцы", которые нам удалось отвлечь от нашего ограниченного и еще не полностью проработанного материала. Эти образцы мы представим в принятой в работе формальной записи и сопроводим формулы некоторыми комментариями.

(1) МС ППК: $(T_V$=двр $(N_1 \leftrightarrow V_{фин})$.

Конструкция исключительно моносубъектная; разносубъектные реализации невозможны. Таковы русские конструкции с деепричастными оборотами (с деепричастиями на =а и на =в), в тюркских языках Сибири – конструкции с деепричастием на =а, в тувинском – на =пыша-ан, а также эвенкийские с большинством "простых" деепричастий.

(2) МС (РС) ППК: $(T_V$=двр$)\ (N_1 \leftrightarrow V_{фин})$ (а)

$(\ldots N \ldots) \ldots ((T_V$=двр$)\ (N_1 \leftrightarrow V_{фин})$ (б)

$(N_1 \leftrightarrow T_V$=двр$)\ (N_1 \leftrightarrow V_{фин})$ (в)

Конструкции преимущественно моносубъектные.

Разносубъектные реализации возможны и представлены в материалах, однако они очень редки и ограничены определенными условиями. В списке формул (а) – основная моносубъектная реализация, (б) – разносубъектная реализация, распознаваемая только в конситуации: подлежащего при деепричастии нет, личного оформления, которое указывало бы на субъект, тоже нет, но из контекста понятно, что деепричастное действие совершено не тем, кто совершает глагольное действие. Слабая субъектная валентность деепричастия не является подлежащной валентностью. Она направлена за рамки фразы, в предшествующий контекст. Эта модель реализуется в нганасанском языке.

Формула (в) фиксирует позицию подлежащего. Однако анализ фраз с отдельным подлежащим в зависимой части – на фоне широкого употребления данного деепричастия в МС ППК – показывает, что появление такого подлежащего возможно, скорее, как исключение – в случаях, по нашим данным, двух типов. Один из них – это описания природы, когда два явления сливаются в одном представлении, как детали одной картины, типа "Облака набежав, солнце скрылось". Такие конструкции отмечены и в бурятском, и в тюркских языках с деепричастиями на =жа, =аад (бур.), =п и некоторые другие (тюрк.). Второй случай – это объединение в рамках одной фразы событий, соотнесенных одно – с лицом (человеком) или предметом, а другое – с какой-то его частью или проявлением, признаком. Например, человек – и его лицо, глаза, взгляд, улыбка, слезы и т.п., дерево – и его ветки, листья и т.п. В этом случае название части или атрибута "целого", выступающее в роли подлежащего деепричастного оборота (блока), снабжается посессивными аффиксами, которые соотносят его с подлежащим главной части. Таким образом, эта конструкция получает и специфическую формальную примету.

(3) $\frac{\text{МС (РС) ППК}}{\text{(МС) РС ППК}}$ $((N_1 \leftrightarrow T_V$=двр$)$ (ПЕ).

Это модели, допускающие как моносубъектные, так и разносубъектные реализации – с преимуществом в пользу или МС, или РС.

Деепричастие не получает здесь личного оформления: субъект деепричастного действия при разносубъектной реализации выражается только подлежащим. К этому типу относятся модели с деепричастием T_V=гаш в тувинском (преимущественно моносубъектная) и с деепричастиями на =галы, =гала во всех тюркских языках Южной Сибири. Этого же типа конструкции с деепричастием на =нагэ в нганасанском (традиционно – "супин"):

(4) модель $(N_1 \leftrightarrow T_V$=двр$)$ $(\ldots L^{оц})$.

Эта интересная модель представлена во всех языках, где есть условное деепричастие. Она и структурно, и функционально коррелирует с моделями, рассмотренными в главе первой: ЗПЕ в форме прямого падежа выступают в роли подлежащего по отношению к оценочному предикату: То, что вы пришли, хорошо (большая удача для меня). В деепричастной модели между зависимым блоком и оценочным выражением нет четких предикативных отношений: здесь отчетливо ощущается условная семантика, связанная с обобщенным представлением об оцениваемой ситуации. Функциональным аналогом этой конструкции в русском можно считать модель с инфинитивом при предикатах оценки: хорошо проснуться на рассвете, а также модели с условными и временными союзами при финитно организованных предикативных единицах: Хорошо, если ты знаешь урок; Люблю (мне нравится), когда листья начинают желтеть.

В следующих моделях деепричастие имеет позицию грамматических показателей лица, факультативную или обязательную:

(5) $((N_1 \leftrightarrow) T_V$=двр=//) (ПЕ).

Модель, допускающая как моносубъектную, так и разносубъектную

реализацию. Зависимая часть содержит потенциальную позицию подлежащего, которая остается "не востребованной" в случае моносубъектного построения фразы. Соответственно, несколько иначе в этом случае направляются и семантические связи. В разных языках эта общая схема конкретизируется по-своему.

К этому типу мы относим модели бурятского языка с деепричастиями на =тар, на =мсаар, =халаар, =наар, =бал, =башье. Их конструктивные потенции не во всем идентичны, но по ведущему признаку, каким является способность деепричастного сказуемого принимать личное оформление – факультативно, с ориентацией на наличие или отсутствие во фразе (в ЗПЕ) лексически выраженного субъекта (подлежащего), – они объединяются в один класс. К этому же классу мы относим и модели алтайского языка с деепричастиями на =ганча и на =гажын, хотя факультативность личного оформления имеет здесь совсем другую природу, чем в бурятских моделях.

К этому же типу следует отнести и многие модели самодийских языков с деепричастиями, получающими лично-посессивные показатели косвенного ряда, при наличии которых личные местоимения-подлежащие не употребляются – но подлежащее-существительное (3-е лицо) освобождает говорящих от выражения лица формой деепричастия. Это, например, нганасанская модель с условно-временным деепричастием на =бу"/=ху" и, по-видимому, с ирреально-условным аналитическим деепричастием на =диэ и=ху"=.

(6) Модель (T_V=дпр=//) (ПЕ), представленная пока только одной конструкцией нганасанского языка – с неопределенным деепричастием на =са, близка к рассмотренным только что, но отличается от них отсутствием в зависимой части позиции собственного подлежащего. Личные показатели – посессивные аффиксы "2-го" (косвенного) ряда – в этом случае не "координируют с формой подлежащего", не являются грамматическими указателями на подлежащее или его "заместителями". Они указывают здесь на субъект, но субъект, по-видимому, мыслится косвенно, не так, как в случае представления его подлежащим. Существенно, что для этой конструкции релевантны (хотя и не строго обязательны) внутренние отношения посессивного типа между субъектом зависимой и главной части: Кунини ину мотуни сочура=пса=ня букура? – Где находятся нитки=наши шить=нам=двоим сети?

(7) Модель ($N_1 \leftrightarrow T_V$=дпр=//) (ПЕ).

От рассмотренных выше этот тип конструкций отличается обязательным характером личного оформления деепричастия. По этой схеме строятся и РС, и МС ПП-фразы; позиция подлежащего характерна только для РС-варианта (или модели; пока неясно, как проводить границу между разными моделями и вариантами моделей).

К этому типу относятся модели со всеми спрягаемыми вариантами деепричастиями эвенкийского языка, поскольку в эвенкийском посессивное оформление деепричастий этой группы является строго обязательным. Только конструкции с деепричастием на =рак относятся к следующему типу.

В тюркских языках Южной Сибири к этому типу относятся модели с деепричастными формами на =са (иначе эту форму называют условно-временным наклонением) и тувинская форма на =гыже ("предельное наклонение"). В бурятском языке сюда относится только одна модель – с деепричастием на =нан=//, личные показатели которой обязательны.

(8) Модель ($N_1 \leftrightarrow T_V$=дпр=//) (ПЕ).

Она представлена в наших материалах только конструкциями с эвенкийским деепричастием на =рак, которое всегда употребляется в разносубъектных конструкциях, что объясняется наличием семантически близкого неспрягаемого деепричастия на =ми, обслуживающего моносубъектные построения. Но безотносительно к причинам, обусловившим эту грамматическую ситуацию, в теоретическом отношении она интересна и знаменательна.

Эта последняя модель "замыкает собою" шкалу, по которой мы попытались "распределить" деепричастия. По-видимому, шкала не обязана кончаться именно в этой точке, где мы вынуждены ее оборвать, не располагая материалом для ее продолжения. Но мы не уверены, что, продолжая ее далее, мы смогли бы долго оставаться "в пространстве деепричастий". Возможно, деепричастия двух последних групп с разных сторон представляют как раз заключительное звено в цепи деепричастных форм, и если намеченную шкалу и можно продолжить далее, то скорее за счет форм, в чем-то сходных с деепричастиями, но в чем-то существенном уже отличных от них. Мы имеем в виду специфические формы сказуемых придаточной части, например, во французском языке, и еще далее – формы относительно-абсолютных времен типа плюсквамперфекта. Но эта перспектива уже выходит далеко за рамки настоящей работы.

По-видимому, конструкции с деепричастной зависимой частью заслуживают сопоставления и под функционально-семантическим углом зрения. Здесь тоже наблюдается определенная градация форм по признаку четкости, определенности функций. Но эта шкала более условна.

Конструкции с неспрягаемыми деепричастиями, соответствующие типам (1) и (2), в семантическом плане характеризуются слабой определенностью. Они могут не выражать никаких отношений, кроме сосуществования; могут выражать временную соотнесенность – не следование, не предшествование, не одновременность в их взаимной противопоставленности, а диффузное отношение связи событий во времени. Это первичные отношения, которые подлежат дальнейшему уточнению, дифференциации по мере того, как расширяется и развивается общее множество деепричастий данного языка.

В развитых деепричастных системах появляются специальные деепричастия, формирующие только моносубъектные ППК, например, бурятское "заменное" деепричастие на =нхаар или деепричастие необычного образа действия на =мгашаа. Эти деепричастия выражают именно такие отношения, которые предполагают тождество субъекта взаимосвязанных событий: 'собирать цветы, сидя' или 'спать, вместо того чтобы работать'.

Во всех языках отмечается наличие специальных условных форм, которые наряду с условными выражают обычно и временные, и причинные, и другие отношения. Только в современном бурятском языке мы не видим такой формы. Здесь имеется несколько разных способов выражения условия, в том числе и деепричастие (=бал), и все они ограничены от выражения временных отношений.

Во всех алтайских языках представлены деепричастия, выражающие предел во времени. При этом, однако, предельные отношения, связанные с началом действия, как мы уже видели, выражаются преимущественно с помощью именных глагольных форм в исходном падеже с послелогами. Из деепричастий это значение передается тюркскими формами на =гала, =галы. Значение же предела в будущем выражается регулярно деепричастиями, причем та же самая форма передает и значение ограничительной одновременности (как и в русском, союз пока выражает и значение 'до тех пор, пока', и значение 'в течение того времени, пока'). Та же форма – в бурятском это деепричастие на =тар, в алтайском и хакасском – на =ганча, в тувинском – на =гыже, в эвенкийском – на =дала – выражает в алтайских языках внутренний предел действия, предел не столько во времени, сколько по степени интенсивности ('наелся до того, что не мог встать'; 'дрались до того, что разбили друг другу носы').

По мере того как деепричастные системы обогащаются новыми формами, конструкции этого типа передают все более разнообразные и тонкие оттенки различных отношений, временных и не временных. Временные значения составляют семантическую базу, основание любой общей системы деепричастных значений, и если общее число форм сравнительно невелико, то значения обусловленности (условие, уступка, причина, цель) передаются теми же формами, что и отношения во времени, – иногда с помощью специфических синтаксических форм, специфических сочетаний модально-временных планов частей, иногда с опорой на конситуацию и жизненный опыт говорящих. Но в развитых деепричастных системах выявляются специальные деепричастия, свободные от выражения временных зависимостей и целиком ориентированные на передачу более сложных, глубинных внутренних отношений. В бурятском языке мы видим условное деепричастие на =бал, целевое на =хаяа, уступительное на =башье; в эвенкийском – уступительное на =чали, деепричастие степени на =кнан.

Но семантические функции деепричастий и возможности передачи с их помощью разнообразных синтаксических отношений – это особый предмет исследования, которого мы сейчас могли коснуться только попутно. Сопоставление языков в этом аспекте дает основание думать, что деепричастные системы, а соответственно и системы ППК этого типа развиваются, подчиняясь относительно единым закономерностям, которые еще предстоит исследовать и описать.

Глава третья

ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С СОБСТВЕННО-ПРИЧАСТНОЙ (ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ) ЗПЕ

§ 1. Предварительные замечания

Как мы уже говорили выше, термином "причастие" и в алтаистике, и в самодистике называют полифункциональные глагольные формы, в разной мере способные к выполнению роли главного и зависимого сказуемого, но обязательно выполняющие роль определения при существительном.

Определительные ППК составляют в алтайских и самодийских языках особый структурно-функциональный тип, отличный от рассмотренных выше типов ППК с управляемой (изъяснительной, дополнительной, подлежащей) ЗПЕ и с ЗПЕ детерминантной, обстоятельственной. Внутри этого определительного типа, естественно, выделяются свои модели ППК, которые объединяются по разным признакам в определенные группы. Наряду с признаками, общими для определительных ППК во всех изучаемых языках, выявляются признаки, существенные лишь для одного языка или какой-то группы языков. Приступая к описанию этих конструкций, охарактеризуем важнейшие общие признаки групп моделей, стремясь акцентировать признаки, инвариантные или хотя бы типичные для всех описываемых языков. Конечно, наиболее близки между собой разные тюркские языки; наиболее своеобразен из алтайских языков эвенкийский, относительно которого нередко нужны будут специальные оговорки. Самодийские языки, энецкий и нганасанский, естественно, еще более специфичны.

Основу определительной конструкции всегда составляет сочетание определяемого имени (ОИ) с определяющим его компонентом; нас прежде всего интересуют случаи, когда определяющий компонент представляет собой конструкцию с собственным подлежащим и собственным сказуемым (от случаев необязательности подлежащего и контекстуальной неполноты мы в данном случае отвлекаемся); однако в сферу анализа будут вовлекаться и конструкции с одиночным причастием, не имеющим при себе позиции подлежащего.

В самом общем виде формула определительной конструкции имеет следующий вид:

$$(N \overset{S}{\leftrightarrow} T_V = \text{прч})\ (N_i \ldots).$$

Поскольку определительная часть имеет присловный характер, постольку строение главной части с точки зрения определительных отношений, конституирующих данный тип ППК, оказывается безразличным. Определяемое имя, будучи членом главного предложения, может играть в нем любую синтаксическую роль и принимать любую падежную или падежно-послеложную форму, что и отражается символом i.

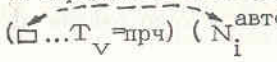
Представим общую схему структурно-функциональной классифика-

ции определительных конструкций. В ней используется пять типов дифференциальных признаков, которые в принципе могут быть независимыми друг от друга, однако фактически оказываются взаимосвязанными (причем в разных языках – по-разному). Характер такой взаимосвязанности, по-видимому, типологически значим, однако сейчас мы не имеем возможности углубляться в этот вопрос и будем рассматривать лишь то, что обнаружилось на материале алтайских языков.

Указанные пять типов признаков суть следующие: 1) характер определяемого слова; 2) роль определяемого слова внутри определительной ПЕ; 3) способ выражения этой роли; 4) способ присоединения определительной ПЕ к определяемому слову; 5) прочие структурные характеристики определительной ПЕ (форма подлежащего; тип личного согласования; местоположение личных показателей и др.)

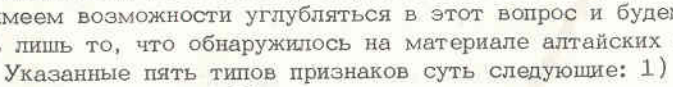
По первому признаку – характер определяемого слова – различаются собственно-определительные и "псевдоопределительные" конструкции. В первых определяемое слово автосемантично, во вторых – синсемантично.

Собственно-определительные конструкции характеризуют определяемый предмет по его участию в ситуации ЗПЕ. Он является участником одновременно двух ситуаций – главной и зависимой. Его роль в каждой из ситуаций может быть различной, хотя разные языки налагают на это разнообразие свои ограничения. Определяемое имя семантически принадлежит обеим ПЕ; роль его в главной части выражена его падежной формой. Роль его в зависимой ПЕ в большинстве случаев формально никак не выражена. В алтайских языках нет анафорического элемента, принимающего падежное оформление по требованию зависимого сказуемого (ср. русск. который). Это влечет за собой структурную неполноту зависимой части; незанятая именная позиция в зависимой ПЕ наполняется предметным содержанием определяемого имени. Роль, которая обычно маркируется падежом, в данном случае "разгадывается" адресатом по валентности управляющего данной позицией слова. Тем самым "нереализованная валентность", незаполненная позиция становятся важным свойством определительной ЗПЕ (ср. Поцелуевский, 1967, 20; Зализняк, Падучева, 1975, 92) и может рассматриваться как дополнительное средство связи между ГПЕ и определительной ЗПЕ. Обобщенная формула таких конструкций:

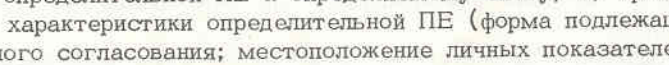


Здесь □ – символ лакуны, незаполненной позиции; знак связи между ею и зависимым сказуемым в формуле опущен, поскольку это может быть и координация, и управление, и примыкание.

Далее эти конструкции классифицируются по признаку роли определяемого имени в определительной ПЕ. В ситуации этой ПЕ ОИ может выполнять одну из актантных (субъектную, объектную), сирконстантную или атрибутивную роли (ср. русск.: бегущий мальчик или мальчик, который бежит; книга, которую я беру; дом, в котором мы живем; женщина, фотографию которой я видел). В алтайских языках по этому признаку (в сочетании с последующими) выделяются прежде всего конструкции, где ОИ – субъект определяющего его действия. Поскольку роли ОИ в ЗПЕ выражаются лакуной на месте соответствующей именной позиции (здесь – подлежащего), то такая конструкция не может быть полноценной предикативной единицей, оставаясь, однако, предикативным компонентом; конструкция в целом является полипредикативной, но не собственно-сложной. Ее формула:

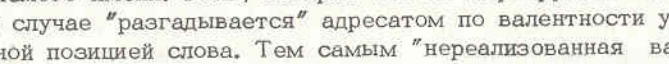


Конструкции, где ОИ – объект глагола-определения, характеризуются формулой с символом лакуны на месте управляемой именной позиции:



Эта формула далее должна конкретизироваться применительно к специфике каждого языка.

По признаку роли ОИ в определительной ЗПЕ выделяется еще один тип конструкций, в которых ОИ в свою очередь является определением к одному из имен в составе ЗПЕ, – ср.: Я видел фотографию (чью?) одного человека – один человек, фотографию которого я видел... В некоторых языках на построение таких конструкций налагаются существенные ограничения, которых нет, например, в русском; так, в бурятском и эвенкийском, во-первых, это должны быть не просто атрибутивные отношения, а отношения "часть – целое", отношения органической принадлежности; во-вторых, слово, называющее часть, обязательно должно быть подлежащим определительной ПЕ (типа "дом, стены которого покосились"). В тюркских, по-видимому, ситуация иная (ср. Иванов, 1959). Эти конструкции обычно имеют какие-либо дополнительные структурные особенности (форма подлежащего), поэтому мы рассматриваем их как отдельный тип с формулой:



Знаком // мы в данном случае обозначаем позицию притяжательных показателей в посессивном, а не в личном значении, как в других типах конструкций; поэтому он имеет вид /посесс/. Обратим еще внимание на то, что местоименное указание от показателей притяжания направлено в правый, а не в левый контекст (катафора, а не анафора).

"Псевдоопределительные" конструкции, где ОИ – синсемантичное слово, имеющее семантическую валентность на определение, характеризуются невозможностью опущения определительной ЗПЕ без нарушения грамматической правильности или коммуникативной достаточности оставшейся части. В формулу этих конструкций, соответственно, вводится знак семантической валентности (⇢).

Здесь выделяются два основных подтипа; первый мы условно назовем ограничительно-определительным, поскольку ОИ – слово широкой семантики, требующее конкретизации. Это, например, слова со значением 'человек', 'предмет', 'место', 'дело', практически функцио-

нирующие как номинализаторы; ср. в русском тот, кто; то, что; там, где; тот факт, что; в японском – хито, моно, токоро, кото с тем же значением (напр., Сыромятников, 1978, 94). Другой подтип ОИ – слова со значением отношения (временного, причинного и т.п.). Оформляясь показателями локальных падежей, они имеют тенденцию превращаться в послелоги и служебные имена, которые становятся самостоятельным средством связи в ППК и выражают обстоятельственные (а не определительные) отношения между главной и зависимой ПЕ. Обобщенная формула этого подтипа:

$$/(N^{S} \rightarrow T_{V}=\text{прч}) \leftarrow - N_{i}^{\text{синсем}} .../.$$

Третий подтип псевдоопределительных конструкций составляют определительно-изъяснительные, где в качестве ОИ выступают имена, связанные отношениями производности с глаголами оперирования информацией и т.п. ('сообщение', 'команда', 'мысль'...). Они требуют определения, раскрывающего тему информации. В русском языке их аналогом являются конструкции типа желание видеть или мысль о том, что..., которые резко выделяются из круга других определительных конструкций по формальным признакам; в алтайских языках они также характеризуются формальной спецификой – причастную форму в них принимает служебный глагол говорения, тюрк. де=, бур. гэ=, выполняющий связующую функцию. Этот глагол может вводить ЗПЕ, оформленную как независимое предложение, с финитным сказуемым; поэтому обобщенная формула данного типа:

$$/(\text{ПЕ}_{\text{фин}}) \frac{\text{де}}{\text{гэ}}=\text{прч} \leftarrow - N_{i}^{\text{ОИ}} .../.$$

Остановимся еще на вопросе о средствах связи между ОИ и определительной ЗПЕ.

Способы связи между определяющей ПЕ и определяемым именем в алтаистике именуются терминами "примыкание" (Мещанинов, 1978, 80-82; Убрятова, 1976, I, 142-143; Бертагаев, 1964, 5 и др.) и "изафет" (Балакаев, 1959, 123; Убрятова, 1976, 154-155 и др.) или "причастный изафет" (Убрятова, 1950, 14, 41 и др.).

Однако следует иметь в виду, что термин "примыкание" обозначает здесь соположение определяемого имени и глагольной формы, в большей или меньшей степени специализированной на определительной функции! Следовательно, средствами связи следует считать причастный показатель (ср. Зализняк, Падучева, 1975, 92) и контактное соположение причастной формы и ОИ. В языках с фиксированным порядком слов это будет препозиция, в языках с менее жестким порядком слов – препозиция или постпозиция (реже). Таким образом, причастие "примыкает" к ОИ в том же смысле, в котором деепричастие "примыкает" к глаголу-сказуемому: дополнительные средства связи не нужны, поскольку основное средство связи – сам причастный аффикс, имеющий статус конструктивного центра модели.

В изучаемых нами языках имеются такие конструкции с причастной определительной ЗПЕ, в которых притяжательные показатели выражают лицо субъекта действия ЗПЕ, но оформляют при этом

определяемое имя, а не причастную форму. В тюркологии такой тип связи называют "изафетом"; в тунгусо-маньчжуристике для него используется термин "отражение" (Аврорин, 1981, 6-7). Такие конструкции представлены также в монгольских и самодийских языках, но практически не описаны и специального термина для их обозначения в соответствующих традициях нет. За неимением общепринятого термина мы будем для всех описываемых языков говорить о связи "изафетного типа".

Элементы согласования, т.е. отражения в форме причастного сказуемого определительной ЗПЕ грамматических признаков ОИ, обычно числа и падежа, в изучаемых нами языках представлены редко, только в эвенкийском и самодийских, и то спорадически. Таким образом, в большинстве определительных конструкций причастная словоформа не содержит падежных аффиксов; имеется точка зрения, что эту форму следует оценивать как форму именительного падежа (напр., Есенов, 1981, 93 и др.). Мы считаем эту форму внепадежной; именно это и позволяет нам говорить о примыкании.

Дополнительным средством связи, практически общим для всех собственно-определительных конструкций описываемых языков, можно считать "незаполненную позицию"; иногда наблюдаются элементы связи через относительное местоимение, когда в структуре ЗПЕ представлен местоименный (притяжательный) компонент, соотносящийся с определяемым именем. Однако подробнее эти средства нужно рассматривать применительно к конкретным языкам и к намеченным выше типам моделей, поскольку средства связи в определительной конструкции обусловливаются принадлежностью ее к определенному типу, выделенному по иерархически более значимым признакам.

§ 2. Причастные определительные конструкции в тюркских языках Южной Сибири

Определительные ППК можно рассматривать под разными углами зрения. С одной стороны, общее множество таких конструкций в каждом языке и во всей совокупности изучаемых тюркских языков можно рассмотреть через призму своеобразия глагольных форм, способных выступать в роли сказуемого определительной ЗПЕ. С другой стороны, крупные структурные типы выделяются по средствам связи ЗПЕ и ПЕ, которые, в свою очередь, обусловлены семантикой определяемого имени и спецификой выражаемых определительных отношений. Основной тип составляют собственно-определительные конструкции, где ОИ – автосемантичное слово. Средством связи служит здесь примыкание причастной формы к определяемому имени, а также связь изафетного типа. Семантику собственно-определительных ППК можно определить как характеристику некоторого предмета (в широком смысле, то есть лица, предмета, явления и т.п.) через его участие, помимо главной, еще и в другой ситуации, описанной ЗПЕ. Этот тип самый частотный и представлен наибольшим количеством моделей. Два других, более редких типа – это конструкции с синсемантичным

определяемым именем, требующим раскрытия своего содержания посредством определительной ЗПЕ (например, изъяснительно-определительные конструкции, где ОИ соотносится с глаголами оперирования информацией, а связь осуществляется аналитико-синтетическими средствами, т.е. послелогами, формами служебного глагола говорения), и сравнительно-определительные конструкции, где дополнительным средством связи являются частицы сравнительной семантики.

Два подхода, намеченные выше, взаимно дополняют друг друга; мы начнем с описания состава и семантики причастных форм, используемых в определительных ППК.

1. Состав форм, способных выступать в этой роли, в каждом языке, естественно, свой; в тувинском это формы на =ган, =р и =галак, представленные и в других, изучаемых нами языках, и на =гу дег, которой соответствует в алтайском форма на =гадый, в хакасском на =ғадар, в шорском очень редко на =гадыг. В алтайском к этим четырем формам добавляется форма на =атан; в хакасском ее нет, но есть форма на =чатхан, на =ирән, на =чаң. Причастия на =чаткан и =чан встречаем также в шорском языке. Формы на =галак, =гадый в роли определений употребляются редко. В каждом языке разные формы, противопоставляясь друг другу (надо помнить, что большинство из них имеет и отрицательные пары), организуются в систему, в рамках которой каждая форма приобретает специфическую значимость, передает специфические темпоральные и модальные смыслы.

Центром этой системы во всех изучаемых языках является причастие прошедшего времени на =ган, модальную семантику которого можно считать нейтрально-индикативной. Оно противостоит причастию настояще-будущего времени на =р, которое характеризуется довольно сильными модальными компонентами семантики, выражая действие, которое может, должно произойти; соответственно, отрицательная форма на =бас передает невозможность совершения действия. Значение широкого настоящего, хотя и несколько по-разному, передают обе эти формы. Проиллюстрируем значения причастий в определительных конструкциях исследуемых языков.

1. Причастие на =ган, релятивизируясь, во всех тюркских языках Сибири обозначает действие, предшествующее действию главной части, например:

Тув.: Ивижи кастың сал=ган чемин чаа-ла дайнап олурган (ЛЧ, 222) – Он набросился на еду, (которую) подала девушка-оленевод; алт.: Уулы оодып кой=гон көзнөкти адазы бойы тургускан – Окно, (которое) сын разбил, отец=его сам вставил; хак.: Мин син сыйла==ан ручканаң пасчам – Я пишу ручкой, (которую) ты подарил; Шор.: Колхозниктер нанарда үш=кен кузустарын атка арттылар.

– Когда колхозники вернулись, они навьючили на лошадь орехи, которые выбили (из шишек); Сен кечее ат=кан сыттан мен таб алдым.

– Я нашел того рябчика, в которого ты вчера стрелял.

2. Причастие на =ган может выражать действие, одновременное другому действию, в частности постоянному, повторяющемуся:

Тув.: Эдээнейде малдар оътта=ан/Эртинелиг Бай-ла-Тайгам (нар. песня) – Богатая моя Бай-Тайга,/У подножия которой пасется скот

(форма на =ган в значении широкого настоящего); ... чечек шып=кан делгем таптыг хову-биле чоргаар чөлзип чоруп ор мен (ТД, 164) – Гордо скачу по широкой степи, где растут цветы; шор.: Чер үстү паарчатканнарда пар=ган чоллары тактаб одурган (ШФ, 286) – Когда они по земле шли, путь, по которому шли, утаптывали.

Однако в хакасском языке, как и в шорском, причастие прошедшего времени на =ган непосредственно противопоставлено причастию настоящего времени на =чатхан, которое представляет зависимое определяющее действие как одновременное главному:

Шор.: По школда үгрен=четкен оганар тайкара ойнапчалар (Дыр., 125) – Учащиеся в той школе дети (сейчас) играют на улице; сравним: По школда үгрен=ген оганар ам иштапчалар (Дыр., 126) – Учившиеся в этой школе ребята сейчас (теперь) работают; хак.: Мин ит==четкен тоғысты тоос саларға кирек – Работу, которую я делаю, надо кончить; Чай тооза хар чат=чатхан Пай-Тайга тіп адалғаннар – Все эти горные вершины, на которых все лето лежит снег, получили название Бай-Тайга.

3. Причастие на =р и =бас выражает значение широкого настоящего, часто с модальными оттенками возможности/невозможности, долженствования и т.п.:

Тув.: Бил=ир=им черлер көстүп келгилээн (СТ, 110) – Показались места, которые я знаю; Кижилер кылып тур=ар чүвени кижи чоп кылып шыдавас деп (С.КН, 227) – Почему человек не может (т.е. я не могу) делать то (вещь), что делают люди; ... кыдыг-кызыгаары көзүл=бес хоорай чатты берген (СТ, I, 191) – Раскинулся город, (у которого) не видно ни конца, ни края; Алт.: Дьер үстүнде кижи кайка=ар солын неме көрдигер бе? (Гр., 272) – На земле видели ли вы чудесную вещь, которой человек удивляется?; Шор.: Адай чалга=р кан калбады, сааскан каг=ар эт калбалы (Дыр., 130) – Не осталось крови, чтобы полизать собаке, не осталось мяса, чтобы поклевать сороке; Ок (неопр. п.) өөт=пес кара шойун куйак кеес=салды (ШФ, 102) – Он надел кольчугу из черного чугуна, сквозь которую пуля не пройдет (не столько будущее время, сколько модальность "невозможности" – 'не (с)может пройти'); Хак.: Син (неопр. п.) сад=ып ал=ар тонны уғаа силиг типчелер – Говорят, шуба, которую собираешься купить, очень красивая.

4. Причастие еще не совершившегося действия на =галак имеет разные оттенки значения в разных языках. В тувинском языке оно ориентировано в будущее и связано с модальностью ожидания (действие, которое вот-вот наступит):

Тараазын кезип доос=калак шөлдер орукту дургаар шөйлүп чоруткан – Вдоль дороги протянулись поля, хлеба которых вот-вот должны скосить; Ажылын доос=калак улус маңаа демдегледип алынар – Те, кто вот-вот закончит свою работу, отмечайтесь здесь.

В алтайском, хакасском и шорском языках причастие на =галак скорее ориентировано в прошлое: действие, которое не произошло. Момент ожидания обычно присутствует, но он не так значим, как в тувинском, например:

Алт.: Ол чотоботко колына бер=гелек чотты joголтып салды – Он

уничтожил счет, который еще не передал счетоводу; шор.: Пис клупка маңзырадыбыс пашка кижилер одур=галак оруннарга одур саларга – Мы торопились в клуб, чтобы занять места, которые не успели занять другие; Ол мен ат=калак өртекти чиирге санапча – Он хочет съесть утку, которую я еще не подстрелил; ср. хак.: Ол мин ат=халақ өртекті чирге итче (с тем же значением).

5. Тувинское причастие на =гу дег имеет не столько временное, сколько модальное или модально-сравнительное значение:

Ол ол-бо кыдыынчек көрүнген: хол чедип=ки черде аасче кааптар, ес эдип=ки дег шаңгыр-даа кат чок (АД. ЧК, 63) – Осмотрелся по сторонам: на расстоянии, куда бы можно достать рукой, нет даже зеленой несозревшей ягоды, чтобы можно поесть; Ол-ла кажаага аажок бай болгаш онзагай дериглерлиг, хаанның бодунуу бол=гу дег, 6 аьт база тывылган (УТЯ, 145) – В той же перегородке нашли с очень богатой и особенной сбруей шесть лошадей, которые, казалось бы, принадлежали самому хану.

6. Алтайское причастие на =гадый, хакасское на =ғадағ, шорское на =ғадығ имеют значение будущего с модальной окраской предположительности:

Хак.: Хал=ғадағ кізілер – люди, которые, кажется, останутся (могут остаться); ырла=адағ хызыңах – девочка, которая, похоже, будет петь; алт.: Аньчы, аньчы сен ат=кадый бөрү көрдим, экү барып адаалык! (Гр., 152) – Охотник, охотник, волка, которого ты мог застрелить, я видел, пойдем=ка вдвоем (его) застрелим; шор.: По пуун пис чет=кедиг=ибис аймак – Это то селение, до которого мы сегодня, возможно, дойдем.

7. Алтайское причастие на =атан в роли определения – форма, которая выражает много модальных оттенков. Эти модальные компоненты ее семантики в общей структуре ее значения даже более значимы, чем широкое и нечеткое временное значение. Это причастие выражает возможность действия, – естественно, проецируясь в будущее; потенциальность – откуда ориентация на широкое настоящее, на повторяющиеся, регулярные ситуации; долженствование, предназначенность и др.:

Клубта кино көр=өтөн јаан зал (JK. A, 13) – В клубе большой зал (в котором) смотрят кино (чтобы смотреть кино; предназначенный для того, чтобы смотреть кино); Јаскы иште бойынын иште=йтен техниказын кажы ла механизатор бойы ремонтогон – Технику, на которой они сами весной должны работать, каждый механизатор сам ремонтировал; Тамандарын солы=йтан ла насосторын, тормозторын ремонтировать эдетен тракторлор – Тракторы, у которых нужно гусеницы менять и насосы, тормоза ремонтировать.

8. Причастие на =чаң в шорском и хакасском тоже обозначает будущее действие с разными модальными оттенками или постоянное повторяющееся действие:

Шор.: По школдо үрген=чень оганар качанок заявлениелер пер салганнар (Дыр., 126) – Ребята, которые будут учиться в этой школе, уже подали заявление; Кижилер көпчөр=чең, чолда от өспе: нча (Чисп., 14) – На дороге, где люди много ходят, не растет тра-

ва; Школга парчан тем четті (Дыр., 133) – Наступило время идти в школу (когда обычно ходят в школу); Меень кесчең, агаш улуг сыннынь тегейинде (ШФ, 132) – Дерево, которое я срублю, (стоит) на вершине высокого хребта; хак.: Минің, сыбара хада аңнап ал чөр=чең, пычағымны кірлес үстүнде ундуп салған – Нож, с которым я всегда хожу на охоту, забыл на крыльце.

9. В роли предикатов определительных ПЕ могут употребляться также имена отсутствия (чок, јок) и наличия (бар):

Тув.: Безин чадааарда кижи кылыптар ажылы чок бажың, ышкажыл (АД.ЧК, 285) – Это ведь дом, где нет работы, которую сделал бы человек; Чүгле кырган иези бар хостуг бажыңныы база чадавас (КК.Ырл, 115) – Наверно имеет свободную квартиру, где есть только старая мать; шор.: Тогус кадыл куйак чок Ай Мөгө өлөр (Радл., 374) – Ай Мого, у которого нет девятислойной кольчуги, умрет; Албыга кайалар, корумнар пар черде чатча – Соболь живет в местах, где есть скалы и каменистые россыпи.

Использование имени наличия (бар) в тувинском языке затруднено; в роли определения вместо него предпочтительнее форма существительного с аффиксом =лыг:

Даштында хөй ыяштар=лыг бажыңда бичии уруглар сады кылып каан – В доме, во дворе которого много деревьев, открыли детский сад.

10) Разнообразие модально-временных отношений, передаваемых основными причастиями, и в первую очередь формами на =ган и =р, еще возрастает за счет того, что в роли определения могут выступать и сложные глагольные формы, сохраняющие присущие им аспектуально-темпоральные смыслы, вносимые различными вспомогательными глаголами, например, глаголы статического состояния:

Алт.: Бистиң балдар үрени=п тур=ган школдо бассейн бар – В школе, где занимаются наши дети, есть бассейн; Кожо алып анда=п јүр=ге=м бычагымды бүгүн кирнестеде ундып салдым – Я сегодня на крыльце забыл нож, с которым всегда хожу на охоту; тув.: ... Ыяшты дилип, доора=п тур=ар пилорамалыг-дыр бис (СТ, I, 181) – Имеем пилораму, которая пилит дерево вдоль и поперек; Куран-Дагның эдээнде ырак эвес черде акым Бежендейниң хелечикте=п тур=ар=ы кожайынын, өө бар чүве болгай (СТ, 18) – На месте недалеко от подножия Куран-Дага есть юрта богача, у которого батрачит мой брат Бежендей; хак.: Кичее пістең хада палыхта=п чөр=ген оолах минің, арғызым – Мальчик, который с нами вчера рыбачил, мой друг.

Примеры с глаголами, передающими краткость, законченность и другие оттенки действия:

Алт.: Менің јура=п сал=ган јуругумды ол бойынын деп айткан – Картину, которую я нарисовал, он назвал своей; Магазиннең јандыры=п ал=ган акчаң качан да айлына анбас – Сдача, которую ты в магазине получил (получаешь обычно), в дом=твой никогда не возвращается; шор.: ... по, чок пирее черден, түшкеле=п кел=ген кезегешпе чок үрдең ала тилепчаткан жилабыспа? – ... обломок это, свалившийся неизвестно откуда, или жила, которую мы давно ищем?; Пис Рагимме ийгеле наа=ла аңна=п ал=ган палыктаң мүн пыжырчабыс (Чисп., 20) – Мы с Рагимом вдвоем варим уху из рыбы, которую только что

наловили; хак.: Сiрерге мин сарна=п пир=ер сарынны пазып аларға чарир – Песню, которую вам я напою, можете записать.

На данном этапе исследования мы будем считать, что вхождение определенного причастия в каждом языке конституирует определенную модель определительной конструкции, т.е. обобщающий символ прч в формулах для каждого языка конкретизируется серией символов различных причастных форм. Отделенными моделями целесообразно считать модели со словами чок и бар, хотя такие примеры очень редки, и с формой TN=лыг.

II. Перейдем теперь к рассмотрению моделей собственно-определительных конструкций, где определяемое имя – существительное предметного значения (в широком смысле) или местоимение. Семантика этих конструкций – характеристика некоторого предмета или лица, названного ОИ, по его участию одновременно в двух ситуациях (ситуации ГПЕ и ситуации ЗПЕ).

Выделяется четыре типа моделей собственно определительных ППК – в зависимости от их формальных характеристик, которые, в свою очередь, определяются той ролью, которую референт ОИ выполняет в ситуации, представленной ЗПЕ. Этой роли, как уже говорилось выше, в алтайских языках обычно соответствует лакуна на месте той позиции, которую занимало бы в ЗПЕ определяемое имя (в русском языке эту позицию занимает местоимение который). Лакуна четко выявляется преимущественно в тех случаях, когда ОИ называет один из актантов (субъект, объект) зависимого сказуемого. В этих случаях лакуна не мешает правильному пониманию фразы, которое, как мы постараемся показать дальше, достигается за счет валентностных и семантических свойств узловых лексем конструкции. Например:

Тув.: Оон кыдыында турар силерниң айтыр=ган=ыңар суурну Шушенское деп адаар (СТ,I, 121) – Деревню, стоящую на ее берегу, про которую вы спрашивали, называют Шушенское.

Здесь слово суур 'деревня' имеет одновременно два определения. По отношению к первой определительной конструкции оно называет субъект: в определительной конструкции отсутствует позиция подлежащего, подлежащная валентность ее сказуемого, глагола тур= 'стоять' трансформирована в атрибутивную валентность причастия и ориентирована на определяемое имя; семантика обеих лексем не противоречит такому пониманию. Формула этой конструкции –

$(\boxed{S} \leftarrow\!\!\rightarrow T_v = \text{прч}) N_i^S \ \ldots$ ($\square$ – символ лакуны).

По отношению ко второй определительной ЗПЕ слово суур называет объект. В этой ЗПЕ имеется собственное подлежащее (силер=нин 'вы', форма родительного падежа); сказуемое – форма причастия на =ган с показателем притяжания 2-го л. мн. ч. – ыңар, выражающим лицо производителя действия, от глагола айтыр= 'спрашивать'. Он управляет именной формой, называющей тему вопроса; ср. Силер ол суур=ну айтырып турдуңар 'Вы спрашивали про эту деревню'. Однако в определительной ЗПЕ эта сильноуправляемая позиция отсутствует, валентность глагола-сказуемого определительной ЗПЕ "поверну-

та" на определяемое имя; оно, соответственно, понимается как объект определяющего глагола. Формула данной модели –

$(N_2 \ \boxed{Ob} \leftarrow T_v = \text{прч} = //) \ N_i^{Ob} \ \ldots$.

Этот второй тип собственно-определительных моделей, где ОИ называет объект определительной ЗПЕ, имеет несколько вариантов, которые мы покажем ниже.

Модель с лакуной также может использоваться, если ОИ называет сирконстант ситуации, названной в определительной ЗПЕ, и семантика наполняющих ее лексем обеспечивает однозначное понимание фразы, например:

Тув.: Мээң (род. п.) бо чагаа бижип тур=ар=ым саазынны сен белекке берген сен – Бумагу, на которой я пишу это письмо, подарил мне ты.

Здесь отношение между глаголом бижи= 'писать' и определяемым именем саазын 'бумага' может быть понято только одним способом, наиболее типичным для ситуации 'писание', как нам подсказывает языковой и внеязыковой опыт. Однако во многих случаях – особенно если сирконстанты имеют локальное значение – этого оказывается недостаточным для правильного понимания фразы. Так, ситуация "посажен сад" в отношении к слову "дом" требует конкретизации: перед которым? За которым? Возле которого? Очевидно, что "лакуны" как средства передачи этих отношений в данном случае недостаточно. Действительно, в тюркских языках для выражения такого рода значений имеется отдельная модель, характеризующаяся наличием дополнительного компонента, притяжательного показателя 3-го лица =ы(н), который оформляет служебное имя в составе ЗПЕ, например:

Тув.: Кыр=ын=да буфет тур=ар бажыңны, чемненир черни кылып каан (С.КН, 202) – Построили столовую, дом, наверху которого будет буфет (букв.: наверху=его ... дом).

Как видим, здесь местоименное указание отнесено к правому контексту (катафора вместо анафоры) и служит дополнительным средством связи между определительной ЗПЕ и главной частью, а также помогает определить роль, которую определяемое имя выполняет в составе ЗПЕ. Формула модели:

$(N^{\text{служ}} = /3\text{-е л.}/ \ N^S \leftarrow\!\!\rightarrow T_v = \text{прч}) \ N_i \ \ldots$

Наконец, последний тип собственно-определительных моделей – модели, в которых определяемое имя является атрибутом к одному из имен в составе ЗПЕ, обычно к ее подлежащему:

Тув.: Кастыктар=ы көгере бер=ген Эрес Оюнович семис холдары= =биле рульду ыяк тудуп алган (КК.Ырл, 249) – Эрес Оюнович, виски которого поседели, толстыми руками взялся за руль.

Формула модели:

$(N_1^S = /3\text{-е л.}/ \leftarrow\!\!\rightarrow T_v = \text{прч}) \ N_i \ \ldots$

Рассмотрим теперь подробнее каждый из намеченных четырех типов собственно-определительных моделей.

II.1. Модель ($\boxed{S} \leftrightarrow T_V$=прч) N_1^S ..., где причастие называет действие, субъектом (исполнителем) которого является предмет или лицо, названное определяемым существительным, – референт этого имени или местоимения:

Алт.: Иштеп тур=ган колына канай согор? (ЖК. А, 5) – Как бить по работающим рукам=его? Бил: сӱзе=ген буканы улус сойып койотон (ЖК.А, 9) – Знай: бодающегося быка люди забивают; Тув.: Ажылдап тур=ар машинага дегбе – Не трогай работающую машину; Чугаалажып олур=ган урулгар шимээн барды – Разговаривавшие дети затихли; хак.: Андада улуг хаңзаны тарт=хан апсах кірген пеер кичӭее – Дед, который тогда курил большую трубку, заходил вчера сюда; Тĭгĭ сарнап=чатхан хызычах минің, паламнын палазы – Та поющая девочка – моя внучка.

Сочетания этого типа допускают преобразования в предикативную конструкцию по схеме: $\mathcal{L}$(... T_V=прч) N_i^S ...$\mathcal{J} \rightarrow (N_i^S \leftrightarrow V_{фин})$. Например: сӱзе=ген бука(ны)→бука сӱзе=ген ('бодающийся бык'→'бык бодался'), ажылдап тур=ар машина→машина ажылдап тур=ар ('работающая машина'→'машина работает').

Это преобразование ясно показывает, что субъектная (подлежащная) валентность, которая является неотъемлемой принадлежностью тюркского глагола и конституирует глагол как финитную предикативную форму, у причастия в атрибутивном употреблении как бы преобразуется в атрибутивную ориентацию (направленность). Причастие, подлежащная валентность которого обращена на определяемое имя, способно развертывать только объектные и обстоятельственные валентности; оно может подчинять себе дополнение и обстоятельство, образуя причастный оборот, вершиной которого оно является. Но позиция подлежащего в зависимой части этой модели принципиально отсутствует, и тем самым зависимый предикативный узел в ней всегда "неполноценен". Это несобственно-сложная конструкция.

Но далеко не всякое одиночное или осложненное зависимыми словами причастие, при котором нет собственного подлежащего, относится к определяемому имени как к своему эко-подлежащему. С этим, как нам кажется, связана одна традиционная неточность в описании причастных определений и определительных конструкций, на которую обратила внимание Е.И. Убрятова (Убрятова, 1951, 198). Существует мнение, что простые причастные определения в тюркских языках могут обозначать действия, не только совершаемые референтом определяемого имени, но и совершает над ним, – такие, по отношению к которым он выступает как объект; например, алт. клубтан экел=ген ... диван-тахта 'принесенный из клуба диван-тахта'; якут. аах=пыт кинигэ 'прочитанная книга' – ср. аах=пыт кижи 'читавший человек'. "Это дало основания академику В.В. Радлову, – пишет Е.И. Убрятова, – считать, что якутские причастия в роли определения могут иметь активное и пассивное значения. В действительности приведенные выше причастия имеют только активное значение. Когда они выражают действие, совершаемое пассивно, они имеют специальный аффикс пассивного залога =лын=(=л=)" (Убрятова, 1951, 198).

Присоединяясь в этом вопросе к позиции Е.И. Убрятовой, мы не возражаем против переводов таких форм страдательным причастием: такие переводы литературны, лаконичны и подходят по смыслу; но мы возражаем против них как грамматических. Постараемся показать суть дела на простейших примерах:

Алт.: Борбок-Кара менің јат=кан палатама канайып та сакы=ба==ган јаныннӑн кирип келерде, мен кайкыганыма торт ло кайгырып ийдим: Ба! Бу кем?! (БУ.С, 9) – Когда в палату, (где) я лежал, каким-то неожиданным образом (с неожиданной стороны) вошел Борбок-Кара, я в удивлении даже вскрикнул: Ба! Это кто ж такой?!

Первое причастие мы перевели активной формой: 'я лежал'. Значение 1-го лица субъекта этого состояния выражено дважды: во-первых, формой менің (род. падеж личного местоимения), во-вторых, посессивным аффиксом при определяемом имени: палата=м=а; палата связана с больным (говорящим) отношениями "принадлежности" постольку, поскольку он в ней лежит. Ориентация глагола=причастия јат=кан на субъект-подлежащее, т.е. "действительный" залог этого глагола выражается здесь, как и в других случаях, отсутствием показателей других залогов, в частности и в первую очередь – каузативного и страдательного. Подлежащее в простом предложении принимает форму прямого падежа, а в зависимой ПЕ может принимать форму родительного падежа.

В рассматриваемом предложении есть и второе определительное сочетание – сакы=ба=ган јан=ы=нан̆ 'с неожиданной стороны'. На первый взгляд может показаться, что оно организовано так же, как рассмотренные нами выше простейшие причастно-именные словосочетания. Причастие определяет существительное и, естественно, переводится на русский язык тоже причастно-именным словосочетанием, без местоимения который. А так как алтайское причастие, в отличие от русского, сохраняет при этом форму действительного залога, – показателей каузативного или страдательного залога у него нет, – ему легко приписывается залоговая "индифферентность", т.е. способность представлять как процессуальный признак предмета действие, совершаемое и им самим, и над ним.

С таким взглядом мы согласиться не можем. Никакой залоговой индифферентности мы у причастия не усматриваем. Залоговые формы глаголов, как мы уже говорили, образуют собственные причастия с соответствующими залоговыми аффиксами:

Тув.: Чалгыгларга ол-бо окта=т=кан чӧкпек кара талдың̆ агбагар будуктары ооң̆ тонундан барып ал часкан ... (АД.ЧК, 28) – Подбрасываемые волнами туда-сюда ветки густой ивы чуть не зацепили край ее пальто; ... ол чокка-ла амыдыралга кызат=тыр=ган кижи-дир мен (АД.ЧК, 19) – Без того жизнью обделенный человек я; Эң̆-не баштай кылдынган чӱвелер черле уттунмас болгай ... (АД.ЧК, 22) – Впервые сделанные вещи никогда не забываются ведь ...; Ону шеригнин̆ үш чылының̆ дургузунда уттун=дур=бас сактыышкын кылдыр эрттирерин бодай бердим (АД.ЧК, 7) – Их думаю провести как воспоминание, незабываемое в течение трех лет службы; алт.: А ол ремонт-ее=л=бо=гон тогус трактор ... (ЖК.А, 5) – А те девять неотремон-

тированных тракторов ... (=л= – аффикс страдательного залога; подлежащим при этой форме может быть имя объекта, а имя субъекта, обычно отсутствующее, если это нужно, ставится в творительном падеже).

Но надо сказать, что причастные определения в формах страдательного и каузативно-страдательного залогов во всех тюркских языках встречаются редко. Односоставные неопределенно-личные определительные предложения (предикативные одиночные определения) с успехом заменяют их, выполняя ту же самую функцию более простым способом.

Одиночное причастное определение, образованное от глагола действительного залога, обозначающее действие, субъектом которого не может быть референт определяемого существительного, всегда сохраняет субъектно-подлежащную валентность. Но эта валентность остается нереализованной, если мы говорим об одиночном причастном определении. Это может происходить в силу разных причин. Например, в силу контекстуальной неполноты, если субъект этого действия был назван в предыдущем предложении, или если действующее лицо ясно из конситуации. Но гораздо типичнее другой случай; позиция подлежащего (субъекта) при причастии, как и при личном глаголе, остается незамещенной в предложениях неопределенно-личной семантики. В русском языке формальный способ выражения неопределенности субъекта действия – односоставные предложения с формами 3-го л. мн. ч. настояще-будущего времени и мн. ч. прошедшего времени: В магазине продают фломастеры; БАМ уже построили. В тюркских языках это значение передается односоставной моделью простого предложения с бесподлежащной формой 3-го лица глагола. Эта односоставная конструкция отображает придаточное определительное как "чистая" причастная форма, не соотнесенная ни с каким субъектом, названным или не названным. Это причастие может иметь при себе зависимые слова; оно примыкает слева к определяемому имени; но это сочетание не преобразуется в предикативную конструкцию. Так в приведенном выше примере невозможно преобразование сакы= =ба=ган јанынан 'с неожиданной стороны'→*јан(ы) сакыбаган 'сторона не ожидала' (сторона не может ничего ожидать). Сравним, тув.: кадын чыып каап=кан сыптар 'кустики, ягоды с которых уже обобрали'; чурутку (в.п.) ас=кан хана 'стена, (на которую) повесили фотографию'. Подлежащего при причастиях здесь нет. На субъект не указывают никакие косвенные признаки – грамматические признаки других словоформ. Однако слова сыптар 'кустики' и хана 'стена' никак нельзя помыслить в качестве подлежащего глаголов чыып каг= и ас=. Значит, причастия чыып каап=кан и ас=кан должны быть осмыслены как неопределенно-личные формы действительного залога, которые с синтаксической точки зрения являются сказуемыми односоставных неопределенно-личных предложений.

В литературном переводе фраз, содержащих неопределенно-личные причастные определения, удобно и потому целесообразно использовать русские страдательные причастия, когда конструкция фразы это позволяет: разбитое стекло, потерянные ключи, проданный дом и т.п.

Например, алт.: шили=ни оод=ор – 'разбить стекло'; уулчак шилини ооткон 'мальчик разбил стекло'; оот=кон шили 'стекло, которое разбили, кто-то разбил'; в результате оно разбито – поэтому литературный перевод 'разбитое стекло' правомерен. Но в оригинале никакой страдательной формы нет. Подобные фразы строятся по модели, являющейся вариантом второго типа, к анализу которых мы сейчас и переходим.

II.2. Модели, в которых определяемое имя играет роль одного из актантов в определительной ЗПЕ (прямого или косвенного дополнения), можно представить в самом общем виде формулой

$$(N^{S} \rightarrow T_{V}\text{=прч} \rightarrow \boxed{Ob}) \; N_{i}^{Ob} \ldots$$

(порядок членов здесь условен из соображений удобства записи). Она имеет несколько вариантов конкретизации в зависимости от форм выражения субъекта ЗПЕ. При дальнейшей записи формул мы для сокращения будем опускать символ "лакуны" ($\boxed{Об} \leftarrow T_{V}$=прч).

Один из вариантов этой модели, с неопределенно-личной ЗПЕ, формула:

$$(\emptyset \rightarrow T_{V}\text{=прч}) \; N_{i} \ldots$$

был описан выше. Рассмотрим теперь варианты с определенно-личными ЗПЕ.

В тюркских языках существуют определенные формальные способы выражения личной отнесенности причастных действий, частично совпадающих с теми, которые характерны для других типов придаточных, частично же особые, специфические, характерные именно для определительных ПЕ.

Простейший из этих способов – выражение субъекта действия отдельной словоформой, подлежащим, которое в простом предложении принимает форму неопределенного падежа, а в системе зависимой предикации может принимать форму неопределенного или родительного падежа. Мы уже видели, что в изъяснительных придаточных предпочитается родительный падеж, в обстоятельственных, наоборот, неопределенный (см. главу 1 второго раздела). Придаточные определительные в этом отношении ближе к изъяснительным, однако в каждом из изучаемых языков действуют в этом плане свои тенденции. Так, в алтайском, хакасском и шорском языках довольно широко представлены конструкции, где субъект зависимого действия выражен только формами прямого падежа существительного или местоимения:

Алт.: Мен (неопр. п.) фотокарточкада көр=гөн ӱй кижи бисте иштеер – Женщина, фотографию (которой) я видел, будет работать у нас; хак.: Мин (неопр. п.) көзенӧк алнына сал=ған торымны кем алып алған? – Кто взял шишку, (которую) я положил на окно? Мин сағаа пир=ген көгинекти ноға кис пинчазың? – Почему не носишь платье, которое сшила тебе я?

В тувинском языке такие построения встречаются реже и обычно с нарицательным существительным в роли подлежащего ЗПЕ; местоимение здесь невозможно:

Ок дег=ген черинің изиңнээри дам барган, аскаңнаары кеде-

рээн (ЭТ, 124) – Стал сильно хромать, начало сильно гореть место, куда попала пуля; Харылзаа үстүбер=ген черге Чүргүй-оол эштерин дораан эдертип эккелген (ЭТ, 36) – Чургуй-оол сразу привел товарищей к месту, где оборвалась связь; Эрткен чылын тос кожуун чыыжы бол=ган черге үжүүрлешкен (ЭД.ЭХ, 210) – В прошлом году стал вторым на месте, где происходило собрание девяти хошунов (районов).

Очень интересен следующий пример:

Кижи азыра=ан амытан-дыр, биске база ажыктыг аппар чадавас деп мындыг (Кузн., 132) – Это животное, (которое) человек (я) вырастил, может быть тоже будет нам полезным.

Под словом кижи говоряший подразумевает себя (в тувинском это довольно обычно). Но употребить слово мен 'я' ни в прямом, ни в родительном падеже в этой конструкции нельзя.

Нарицательным существительным всегда присуще грамматическое значение 3-го лица (хотя видно, что слово кижи может подразумевать и 1-е л.). А 3-е лицо в системе глагола маркируется нулевым показателем. Поэтому на основании приведенных фраз мы не можем сказать твердо, какая модель в них реализована. Для хакасского и алтайского языков формулу этой модели мы записываем так:

$$(N_1 \leftrightarrow T_v = \text{прч})\ N_i \ldots .$$

Символ N_1 подразумевает формы всех лиц. Для тувинского языка требуется конкретизация:

$$(N_i^{\text{не pron}} \leftrightarrow T_v = \text{прч})\ N_i \ldots$$

Наряду с такими формами в алтайском и хакасском представлены и другие – конструкции, где единственным способом выражения субъекта является форма родительного падежа имени или местоимения:

Алт.: Эмдиги бис=тин (род. п.) бер=етен буру алдындагызынан кату болор учурлу (ЈК, А, 4) – Обвинение, которое мы предъявляем теперь, должно быть суровее прежнего; Слер=дин (род. п.) ат=кан түлкүни мен садып ийдим (Гр., 273) – Лисицу, которую вы застрелили, я продал; Олор=дын (род. п.) бер=ген табышкакты мен билип болбодым – Я не смог отгадать загадку, которую они загадали. Для шорского такие фразы малохарактерны: Меень (род. п.) айт=кан сӧсти ундутпа – Не забудь слова, которые я сказал.

Тувинских примеров такого типа не только нет в выборке, – они и невозможны: использование формы родительного падежа для обозначения субъекта строго связано с наличием личного (лично-притяжательного) оформления или у глагольной формы (причастия), или у определяемого имени. Следовательно, формулу

$$(N_2 \leftrightarrow T_v = \text{прч})\ N_i \ldots$$

мы можем отнести только к хакасскому, алтайскому и шорскому языкам.

В простом предложении, а также в изъяснительных и обстоятельственных придаточных подлежащее – местоимение 1-го или 2-го лица обоих чисел, а если позволяет контекст, то и 3-го лица, – часто отсутствует во фразах, компенсируясь личным оформлением сказуемого. Такие конструкции никак нельзя считать неполными; их следует признать определенно-личными односоставными, причем между односоставными формами типа алт. кел=ге=м, тув. кел=ген мен и двусоставными типа мен кел=гем, мен кел=ген мен 'я пришел' нет семантической оппозиции. Это равноправные варианты общего инварианта, тем более, что в 3-м лице позиция подлежащего не должна оставаться пустой. То, что ясно по отношению к простому предложению, остается в силе и по отношению к придаточным, в том числе и к придаточным определительным, поскольку и они в тувинском и алтайском языках способны иметь лично-оформленное сказуемое:

Алт.: Кече экел=ге=м книга кайда? – Где книга, которую (я) вчера принес? Тув.: ... кеде каап=кан=ым ондатра кежи бөрттү тудуп алгаш чедип келгеш, Алдынга тудустум (АД.ЧК, 147) – Взяв ондатровую шапку, которую быстро надела (я), я пришла и вручила Алдын.

При таком лично-оформленном сказуемом всегда может появиться подлежащее – местоимение соответствующего лица или, в 3-м л., существительное. В тувинском языке это подлежащее выступает исключительно в форме родительного падежа: Люда=нын (род. п.) ажылдан тур=ган=ы тен харылзаа белдири башкы институдундан барык=ла 100 базым черде ам=даа хевээр тур ийин (АД.ЧК, 154) – Центральный узел связи, где работала Люда, до сих пор стоит почти в 100 шагах от педагогического института.

В алтайском в этой позиции неопределенный падеж встречается даже чаще родительного:

Мен (неопр. п.) санан=га=м табышкакты олор билип болбоды – Загадку, которую я придумал, они не смогли отгадать; Бис (неопр. п.) бар=атан=ыс јол састын көндрӧ чӧйилип туру – Дорога, по которой мы пойдем, тянется мимо болота; Мен (н. п.) јурап кой=го=м јурукты ол бойынын деп айткан – Картину, которую я нарисовал, он своей назвал; Мен (неопр. п.) сүү=ге=м кыс кижиге барган – Девушка, которую я любил, вышла замуж.

Обратим внимание на то, что в этих примерах форма на =ган получает оформление, характерное для финитного глагола. В обстоятельственных придаточных выступает эта же форма, но ее падежное оформление не оставляет сомнений в том, что перед нами инфинитная форма глагола. В придаточных изъяснительных причастие на =ган, как и на =атан, принимает полные аффиксы: јурап кой=гон=ым=ды, бистин бар=атан=ыс=ка и т.п. Здесь же форма сказуемых определительной ПЕ ничем не отличается от финитных, и о том, что перед нами зависимая ПЕ, сигнализирует только лакуна в той позиции, которую занимало бы определяемое существительное. Поэтому в грамматических переводах не стоит, как нам кажется, использовать местоимение который: '(Мы пойдем) дорога тянется мимо болота' – перевод грамматически более адекватный.

Примеров на 3-е лицо у нас нет; их не может быть, поскольку они должны быть неотличимы от примеров первой из рассмотренных выше групп; с подлежашим в прямом падеже и причастием без личных показателей; ведь 3-е лицо маркируется нулем.

Примеры с родительным падежом подлежащего и с личным или лично-притяжательным оформлением зависимого сказуемого в алтайских материалах немногочисленны: Менің (род. п.) јурап кой=го=м јурукты ол бойының деп айткан (смысл тот же, что и в аналогичной фразе с прямым падежом подлежащего). Видимо, это слабый вариант той же модели, формулу которой мы записываем:

$$(N_{1-2} \rightleftarrows T_v \text{ прч=//}) \; N_i \ldots .$$

Но символ прч применительно к алтайскому языку вызывает у нас сомнения: не правильнее ли видеть в этой форме финитный глагол? Специфика этой формы особенно очевидна в контрастном сопоставлении с тувинской формой в аналогичной позиции. Как уже отмечалось выше, в тувинском здесь возможен только родительный падеж:

Эрес Херел=диң (род. п.) удурт=кан=ы бригадага келгеш, кижилернің ажыл=ижи=биле таныштым (КК.Ырл, 378) – Приехав в бригаду, (которой) руководит Эрес Херел, я познакомился с работой людей.

Особенно характерны формы именно 3-го лица, где мы видим посессивный показатель =ы/=и, которому в финитной парадигме соответствовал бы ∅. Формулу этой тувинской модели запишем так:

$$(N_2 \rightleftarrows T_v \text{=прч=/пос./}) \; (N_i \ldots)$$

Еще одна возможность выражения лица субъекта в определительной конструкции – это оформление поссесивными показателями не причастия, а определяемого имени:

$$(\underbrace{N_{2-1} \rightleftarrows T_v \text{=прч}) \; (N=//_i \ldots)}).$$

По этой модели, по-видимому, построено подавляющее большинство и тувинских, и алтайских, и шорских определительных конструкций. Естественно, фразы без подлежащего мы считаем реализациями варианта этой же модели. Приведем примеры:

Алт.: Бу кире улусла бистиң јууныбыс=тың (род. п.) чыгар=ган јөб=и=јөп эмес (JK, A, 14) – Со столькими людьми решение, которое вынесло наше собрание, – не решение; Олор=дың (род. п.) эт=кен иж=и учун бухгалтерия слердиң чодыгардаң түңей ле тудуп алар (JK, A, 6) – За работу, которую они сделали, бухгалтерия с вашего счета все равно удержит; Оның (род. п.) ремонтировать эт=кен топливный насостор=ын көригер (JK, A, 6) – Посмотрите топливные насосы, которые он отремонтировал. Ср. также: ... менің (род. п.) јат=кан палата=м=а – в палату, (где) я лежал; шор.: Меең (род. п.) ат=кан козан=ым чӱгӱрӱбисти – Заяц, в которого я стрелял, убежал; Чарык көр=бе=ен тум кара тайга=быс=ка чаарык чадыг киркелди (ШФ, 374) – В глухую темную тайгу, в которой мы не видели света, светлая жизнь пришла.

Обратим внимание на то, как равномерно в приведенных примерах распределяется "лично-посессивная нагрузка": предмет, название которого маркировано посессивным аффиксом, непосредственно связан с другим именем – подлежащим, субъектом действия; он представлен

"принадлежащим" ему. Но это отношение "принадлежности через действие, благодаря действию" не противоречит действительной ситуации. Отношения принадлежности, выражаемые изафетным словосочетанием, в тюркских языках, как известно, понимаются широко. Решение, принятое собранием, может пониматься как "принадлежащее" собранию, сделанная работа – как принадлежащая сделавшему ее человеку. Правда, отремонтированные насосы уже с большими оговорками можно трактовать как принадлежащие ремонтировавшему их рабочему, но все же посессивная схема это допускает.

На границе допустимого, с точки зрения посессивных отношений, лежат изафетные сочетания в таких, например, фразах:

Алт.: Көрмөстиң чочкозы=ның (род. п.) кир=бес јер=и јок, ји=бес курсак јок (JK, A, 48) – Нет такой еды, которую не съела бы чертова свинья, нет места, куда бы не залезла. Речь идет о месте и о еде, явно не предназначенных для свиньи, не "ее" месте и еде. Но слово јер оформлено показателем =и, а слово курсак – нет. Ср. аналогичное оформление слова чер в шорском: Пу кижи=нин (род.п.) пар=ар чер=и чок полды (Дыр., 126) – Нет места, куда этот человек может (мог бы) уйти. Место (которого вообще нет), не "принадлежит" человеку, не связано с ним никак иначе, чем через действие, исходящее от субъекта – одновременно и действия, и следующего из него логически "состояния принадлежности" объекта действия действующему субъекту.

Сравним с рассмотренными некоторые тувинские примеры:

Долзат=тың (род. п.) чурттап тур=ган өрээл=ин=ге кире сал-ла дораан аңаа ногаан-көк саазын сунган (АД.ЧК, 7) – Не успев забежать в комнату, (где) жила Долзат, подал ей зелено-синюю бумагу; Сээң (род. п.) кед=ер платье=ң бо=дур АД.ЧК, 25) – Вот это и есть платье, (которое) ты должна надеть; Меңээ бер=ген чуруу=ң==ну дедир чорудуп ор мен (АД.ЧК, 11) – Твою фотографию, (которую ты) мне прислал, я посылаю обратно; Кады кинолап, бачым эрттирип тур=ар оглу=ң=нуң ады кым ийик? (АД.ЧК, 11) – Как имя парня, (с которым ты) ходишь в кино, проводишь время? Ынакша=ан уруу==ң=нуң ажы=чаңын эки өөренип көрүп алдың бе ынчаш, оглум? (АД.ЧК, 25) – Хорошо ли (ты) изучил характер девушки=твоей, которую полюбил, сынок? Долзат караңгыда бир-ле кижи=ниң (род. п.) ооң арнынче ур=ген изиг тыныжындан корга – корга оттуп келген (АД.ЧК, 9) – Долзат проснулась, испугавшись горячего дыхания какого-то человека в темноте, дышавшего ей в лицо (букв.: дыхания, которое какой-то человек дул ей в лицо); Өөренип кед=ер идик=хеви==м=ни ажылдааш бодум садып алар мен ... (АД.ЧК, 22) – Одежду для учебы (учиться одежду=мою) сам куплю.

В этих примерах объект действия – достаточно конкретные предметы или лица: парень, девушка, комната, фотография, платье; ср. также дыхание человека. Именно в таких случаях, когда отношения принадлежности выступают в своем основном значении (платье=ң 'твое, принадлежащее тебе платье'), оказывается наиболее вероятным разрыв между реальными отношениями принадлежности вещи хозяину, части тела – человеку или животному, родственника – родственной

группе и т.д., и теми псевдопосессивными отношениями, которые возникают между субъектом и объектом действия. Ведь человек может произвести действие и над чужой вещью: я могу выстирать твои вещи, поссориться с твоим братом, выгнать из огорода вашу свинью и т.д.

В этом плане заслуживают внимания следующие тувинские примеры:

Мен–даа он беш харлыг, сен–даа он беш харлыг, бөрүден көк, дилгиден кызыл, аныяк шаавыста даарап бер=ген=им шодак=шуудаа=н, бо–дур – Вот твой борцовский костюм, который я сшила в пору нашей молодости, когда мне было 15 лет, тебе тоже 15, когда были сильнее волка, красивее лисы.

Здесь действие, исходящее от 1–го лица, направлено на материальный предмет, принадлежащий 2–му лицу. Соответственно, грамматическое лицо деятеля выражается аффиксом сказуемого определительного придаточного: даарап бер=ген=им '(который) сшила=я'; принадлежность вещи 2–му лицу выражена посессивным аффиксом определяемого существительного: шодак=шууда=н 'твой борцовский костюм'. Этот аффикс не выражает лица субъекта действия.

Рассмотрим другой пример:

Ынчангаш, мээң (род. п.) мында айыт=кан четпестер=им=ни болур–чогууру–биле хынап, тодаргай бижиири–биле тускай мергежилдиг эштен чорударын дилеп олур мен (КК.Ырж., 351) – Потому прошу отправить товарища со специальным образованием, чтобы как следует проверить, написать о недостатках (букв.: недостатках=моих), которые я здесь указал.

Здесь говорящий (1–е лицо) имеет в виду те недостатки, которые он обнаружил у других, а не у себя. Это "их" недостатки, а не "мои" (для говорящего). Следовательно, аффикс =им= в словоформе четпестер==им=ни указывает именно на грамматическое лицо субъекта действия, а не на обладателя.

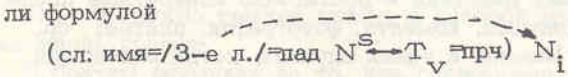
Приведем для сравнения шорский пример:

Ол сеең (род. п.) айт=кан, газет=иң=ни кырыбысты – Он прочитал ту газету, которую ты ему советовал.

Конечно, газета "принадлежит" собеседнику только в том смысле, что он ее указал. Аффикс принадлежности не выражает подлинного посессивного отношения, – и он мог бы быть опущен, так как лицо деятеля указано и подлежащим в родительном падеже, и аффиксом сказуемого. Но он использован почему–то.

Такие примеры по понятным причинам редки, и причины, одновременно вызывающие их к жизни и ограничивающие возможности их употребления, еще требуют уяснения.

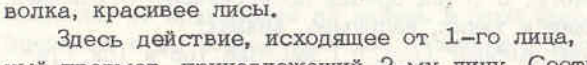
II. 3. Модель, где определяемое имя называет один из сирконстантов определительной ЗПЕ, обычно локальной семантики, мы представили формулой

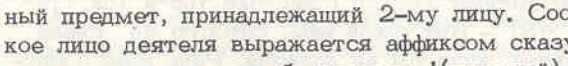


Здесь семантическая роль ОИ однозначно определяется служебным именем, оформленным показателем притяжания 3–го лица, катафорически соотносящимся с ОИ. Эта модель представлена в тувинском и алтайском языках; в хакасском ее нет, такие фразы невозможны. Примеры:

Тув.: Кыр=ын долдур улус олуруп ал=ган чүк машиназы чиңгиртилең, – недир бар чораан (ТД, 161) – Плавно ехала грузовая машина, на которой (наверху=ее) битком сидели люди; Ун=у=н дургаар дыттар болгаш шивилер үн=ген дагже тала=зы=н чалымнар хүрээлэ=эн чиңге хем шөйлүп баткан (ТД, 161) – Протянулась узкая река, гористую сторону которой обрамляли отвесные скалы, вдоль которой росли ели и лиственницы; алт.: Јан=ын=да балдары ойлоп тур=ган боро киске кирнестенин үстинде јаткан – На крыльце лежала серая кошка, возле которой играли котята.

II.4. Модели, в которых определяемое имя называет атрибут какого–либо имени в составе ЗПЕ, мы представили формулой



Чаще всего она реализуется в виде 

, т.е. обычно ОИ – атрибут подлежащего ЗПЕ. В этом случае подлежащее ЗПЕ имеет форму только неопределенного падежа и оформлено показателем притяжания 3–го лица, соотносящимся с ОИ и указывающим на его роль в составе ЗПЕ (атрибутивную). В моделях этого типа в роли сказуемого ЗПЕ свободно выступают не только причастные, но и именные формы – с прилагательными, именами обладания на =лг, именами наличия (бар) и отсутствия (чок, јок) и т.д. Примеры:

Алт.: Мал=ы көп улус бай деп адалып јат – Люди, у которых много скота (скот=их многочисленен люди), считаются богатыми; тув.: Нам чок чорук болза, барык–ла ад -ие=зи чок чаш кижи–биле дөмей–ле болгай (СТ, 4, 214) – Без партии все равно что ребенок, у которого нет отца и матери (отец=мать=его нет ребенок ...); Хол=у шарыг=лыг кижи ыңай бар – Отойди, ты, с перевязанной рукой (букв.: рука=его повязку=имеющая человек отойди ...); шор.: Иче=зи өл=ген кысчан эмде алда найнекинде чатчыр – Девочка, мать которой умерла, живет теперь в деревне у бабушки; хак.: Сағал=ы узун апсах синің, ағаң – Старик, у которого борода длинная, твой дед; Пөріг=і чох ир кізі минің, ағам – Мужчина без головного убора – мой брат; Мылтығ=ы пар аңчы тайғада хайтпас – В тайге ничего не случится с охотником, у которого есть ружье.

Наибольшее количество примеров такого рода представлено в нашей выборке по тувинскому языку, поэтому дальнейший анализ мы будем проводить на базе тувинского материала.

Фразы, построенные по данной модели, чаще всего используются для характеристики предмета и лица по какой–то неотъемлемой его части, например:

Чарылгаларның даргазынга шала узун санныг, шөйбек кызыл шырайлыг, чап–чаа–ла чээрби харны ашкан, думчуунуң баж=ы кылагар, үн=ү шала дыйылааш Бүлчүңнү томуйлаан деп дың-наааш, хөлчөк–ла амыраан бис (СТ, 4, 217) – Мы очень обрадовались, услышав, что председателем курьеров назначен высокий, с продолговатым красным лицом, едва переваливший за двадцать Бульчун, у которого кончик носа блестящий, голос немного писклявый; Арн=ы–баж=ы сын ыйланы бер=

=ген Маңгыр чейзеңниң чүгле чараазы чаштаар болган (КК.У, 353) – Только слюни брызгали у Мангыр-чейзена, у которого опухло лицо; Кара чаштар=ы көгере бер=ген, үн=ү сеелгү чылдарда көзүлдүр-ле сулараp кал=ган Кежикмаа кадай Буянны соксаткан (КК.У, 341) – Старуха Кежикмаа, черные косы которой поседели, голос которой в последние годы заметно ослабел, остановила Буяна; Бригадирниң, улдуңнар=ы элеп кал=ган, үсчар борашкан кирза сапыктарлыг, акселератор баскан меге буду комбайнга тынар безин чай бербес (КК.Ырл, 10) – Сильные ноги бригадира, нажимающие акселератор, в кирзовых, измазанных маслом сапогах, подошвы которых стерлись, не дают отдыха комбайну.

Однако между определяемым именем и именем в составе определительной ЗПЕ возможны не только отношения "часть-целое", но и другие отношения, которые могут передаваться притяжательной (изафетной) конструкцией: собственно-притяжательные, т.е. отношения обладания, родства и т.п., отношения между предметом и его свойством, качеством и др. Примеры:

Ол самбыраны, ында ад=ы кир=ген кижилерин мен база-ла көрген мен (С.КН, 264) – Ту доску, людей, имена которых туда занесены, я тоже видел; Ажы-толу ажыл билбес, чалгаа, чассыг, уйгужу улустун бак-ады черле чытпас (СС.АТ) – Не лежит плохое имя людей, дети которых не знают работы, ленивы, изнежены и сони; Душтуктар=ы безин чок кыстар бар (КК.Ы, 196) – Есть девушки, у которых даже нет женихов; Аъдын эзертээш. Даваа бараан=ы көстүп тур=ган хойнуң соонче сидирт-ле дээн (СТ, I, 88) – Оседлав коня, Даваа поскакал вслед за стадом, очертание которого виднелось; ... өй=ү кел=ген чылыг дөмейле моорлап келир (С.КН, 215) – Все равно придет тепло, пора которого настала.

Тувинский материал показывает также, что имя предмета, атрибут которого назван определяемым существительным, в составе ЗПЕ может быть не только подлежащим, но и дополнением, обстоятельством:

Ачавыс чугааланмышаан, тараа=зы=н (вин. п.) улус (неопр. п.) кезип каап=кан хоорзунче көре берди (ТД, 163) – Разговаривая, наш отец посмотрел на стерню, хлеб которой люди убрали; Дөз=ү=н (вин. п.) суг (неопр. п.) хозап каап=кан хөлчок чоон терек суг кырынче ээгип алган чыдыр (ТД, 163) – Огромный толстый тополь, корень которого размыла вода, лежал, наклонившись к воде; Белдер=ин=де (местн. п.) тараа (неопр. п.) чалга=ан меңги бөрттүг бедик сынга эртен эрте алдын хаяа эргеленип ойнап келир (ТД, 164) – Рано утром золотая заря ласкается к высокому перевалу со снежной шапкой, на склонах которого колышется хлеб.

По другим тюркским языкам Южной Сибири мы такими примерами пока не располагаем.

III Другой крупный тип определительных конструкций – "псевдоопределительные", где определяемое имя – синсемантичное слово, требующее раскрытия своего содержания в определительной ЗПЕ (или в другом типе определения). В этих конструкциях позиция определения при ОИ является обязательной и определительную ЗПЕ нельзя устранить из предложения, не нарушив его грамматическую правильность

или смысловую полноту (в собственно-определительных конструкциях ЗПЕ можно устранить из предложения, и оно останется коммуникативно достаточным). Семантическую валентность на определительную ЗПЕ со стороны определяемого синсемантичного слова мы обозначим символом $--\rightarrow$.

Сейчас мы рассмотрим конструкции с синсемантичными словами двух типов: 1) со словами абстрактной, широкой семантики, требующей ограничения, конкретизации, типа 'человек', 'предмет', 'место', 'время' и т.п., – ограничительно-определительные конструкции; 2) со словами, соотносящимися с глаголами оперирования информацией, требующими раскрытия темы информации, – изъяснительно-определительные конструкции.

III.1. Ограничительно-определительные конструкции – обобщенная формула (без учета средств выражения лица):

$$(\overbrace{N_{1-2}}\rightarrow T_v\text{=прч})\dashrightarrow N_i^{\text{абстр.}} \ldots .$$

Круг используемых здесь имен обобщенного значения чрезвычайно широк и подлежит дальнейшему изучению. Мы сейчас рассмотрим две группы таких имен – со значением 'человек', 'предмет', 'место' с одной стороны и со значением типа 'время' – с другой.

Рассмотрим вначале примеры первой группы, со словами кижи (тув., алт.), кiзi (хак.) – 'человек'; чүве (тув.), неме (алт.), ниме (хак.) – 'предмет, вещь'; чер (тув.), jер (алт.), чир (хак.) – 'место':

Тув.: Чогум-на Куш-Кажаадан дилеп чора=ан кижи=м=ни тын алган мен (ЭТ, 117) – Действительно, в Куш-Кажаа я нашел того, кого искал (букв.: искал человека-моего нашел=я); Чайлаг школазынга өөренип ал=ган чүвелер=им=ни бир дугаарында авамга чугаалап берген мен (ЭТ, 28) – То, чему (я) научился в летней школе (букв.: научился вещи=мои), в первую очередь рассказал маме; Оон (род. п.) көстү бер=ген чер=ин=ге доктаап, ажыт кире бер=ген чер=ин=ге чортуп-ла чорааннар (КК.Ырл, 220) – Там, где он виднелся (букв.: он виднелся на=месте=его), останавливались, там, где его не видно было, ехали потихоньку; алт.: Качы болорго тур=ган кижи көп иштер керек – Тот, кто хочет стать учителем, должен много работать; Оныҥ (род. п.) энезине экел=ген неме=зи=н Света алган – То, что он принес матери, взяла Света; Алдында бир неме (неопр. п.) өс=пө=гөн jер=де эмди садтар jажарат – Там, где ничего не росло, сейчас зеленеют сады; хак.: Угренерге сарын=чатхан кiзi=лер=ге пiс полызарға кирен пiс – Тем, кто хочет учиться, мы должны помогать; Мин (неопр. п.) арыл=ған ниме=нi тасхахсар сал – То, что я принесла, положи на полку; Ол кiзi=лер (неопр. п.) от саап=чатхан чир=зер ойлап парған – Он поскакал туда, где люди косили сено.

Как видим, средства выражения субъекта здесь используются те же, что и в собственно-определительных конструкциях соответствующих языков; поэтому на них мы подробно останавливаться не будем. Имена со значением 'человек', 'предмет' могут образовывать конструкции, в которых они называют субъект определяющего действия; для имен со значением 'место' такие примеры нам не встретились.

Имена этой группы практически играют роль номинализаторов; вместе со своим определением они представляют собой единое сложное именование лица, предмета или точки пространства. Такие определительные группы используются далее как обычные имена, занимая именные позиции в предложении, где по каким-либо причинам прямое, лексическое именование использовано быть не может. Так они часто используются в предложениях идентификации (напр.: 'Тот, с кем ты столкнулся у двери, – мой брат') и т.п.

Конструкции с ОИ со значением временных и причинных отношений, которые у нас представлены в основном тувинским материалом, характеризуются несколько иными свойствами. Определительная ЗПЕ в них также ограничивает и конкретизирует широкое значение ОИ; однако как определительные мы можем рассматривать только конструкции с ОИ в актантных позициях:

Хамык тайынган чоннуң комбинат чанынга чыгл=ып тур=ган ужуру-даа ол (ЭТ, 97) – Это причина того, что весь взволнованный народ собирался около комбината; Бистиң (род. п.) экзамен дужа=ар үе=вис келген – Пришло время нам сдавать (когда мы будем сдавать) экзамены; ... хой үндүр=ер өй база келген-дир (АД.ЧК, 42) – Пришло время выводить овец; 1950 чылда малчыннар кыштаглап үнүп тур=ган үе чүве – Было время в 1950 году, когда чабаны начали кочевать на зимние стоянки.

В обстоятельственных же позициях, оформляясь показателями локальных падежей, такие имена грамматикализуются, превращаясь в служебные; конструкции в целом начинают передавать временные, причинные и т.п. значения:

Тув.: Чазын школа тарап тур=ар үеде Агылыг суурнуң эң улуг байы мен болур мен (КК.Ырл, 59) – Весной, когда школа будет расходиться, я буду самым богатым человеком деревни Агылыг; Хар эрип эгелэ=эр өйде кара-баарзыктар ужуп келирлер – Когда снег начинает таять, скворцы прилетают.

Приведем для сравнения интересный пример, где при слове үе 'время' имеется определение, что мешает интерпретировать его как полностью грамматикализованное:

Тув.: Тулчуушкунга взвод командири балыглат=кан берге үеде санитар кыс Севил атаканы баштап кирген (Кузн., 146) – В трудное время, когда в бою был ранен командир взвода, санитарка Севил возглавила атаку.

Соответственно, такие конструкции можно вывести из состава определительных, а в формулу включить ограничение на падеж ОИ (не локальный):

$$(N_{1-2} \leftrightarrow T_v\text{=прч}) \leftarrow N_i^{\text{отн.}}(\text{не лок.}).$$

Таким образом, "псевдоопределительные" конструкции с определяемыми синсемантичными именами, называющими временные и т.п. отношения, являются как бы "переходным звеном" между определительными конструкциями и конструкциями обстоятельственного значения; кроме того, они представляют собой зону формирования новых

обстоятельственных скреп аналитического характера (ср. русские сложные единицы, выступающие в союзной функции: в тот момент, когда; по причине того, что; в случае, если и т.п.).

III.2. Особую группу моделей псевдоопределительных конструкций составляют в тюркских языках изъяснительно-определительные модели, в которых определяемое имя принадлежит лексико-семантической группе 'форма существования и передачи информации' ('мысль', 'слово', 'разговор', 'письмо', 'слух', 'мнение', 'решение' и т.п.). Связь между ОИ и определяющей ЗПЕ осуществляется здесь с помощью форм глагола говорения (де=) – причастных (тув.: дэ=эн и дэ=эр, алт. де=ген) и деепричастных (тув., алт. де=п, хак. тi=п; отметим, что в хакасском возможна только деепричастная форма). Определительная ЗПЕ передает содержание информации, представленное в той или иной форме. Обобщенная формула модели –

(ПЕ) де=прч $\leftarrow N_i^{\text{ОИ}}$ ... ;

(ПЕ) деп/ тiп $\leftarrow N_i^{\text{ОИ}}$ ... .

Приведем примеры таких построений:

Алт.: Јашкан, салкын болор деген телеграмма келген (JK, A, 11) – Пришла телеграмма о том, (букв.: говорящая), что будет штормовой ветер; Оны партиядан чыгарар деген јöпти мен појаршы-байтап турум – Решение о том, что его надо исключить из партии, я поддерживаю; тув.: Моюндурукка дилги кежи тып бээр дээн силерге берген сөзүмнү сактып тур мен – Я помню данное вам слово добыть лисий мех на воротник; Ооң ыңай трактористер ыяштаар, малчыннар тудар дээр чугааңарны баштарыңар иштиден кезээ мөңгеде үндүр октаңар – Кроме того, навсегда выкиньте из своих голов ваши разговоры о том, что трактористы будут валить лес, чабаны будут строить; Ынчан оолдарның "хей ындыг, мегеленип чоруур ашак, дүлей эвес кижи" дээр чугаалары база бар – Тогда у ребят были разговоры о том, что этот неумело притворяющийся старик вовсе не глухой человек (форма дээр вносит оттенок обычности, воспроизводимости информации, о которой идет речь); Авам дурген чаныр келзин деп чагаа чоруткан – Мама отправила письмо, чтобы скорее приехал (букв.: пусть скорее приедет говоря письмо); хак.: Ол Ағбанда чуртапча тiп искiрiг читкен – Дошло сообщение о том, что он живет в Абакане; Ол городта тоғын=ар тiп письмо пастыр – Он написал письмо о том, что будет работать в городе.

Форма дээн в тувинском может принимать аффикс =эыг, который привносит в конструкцию модальный оттенок:

... адымны безин чедир адаваан чүве эвейикпе дээнзиг бодалдар уругнуң сагыжынгакирип келген – Девушке пришли в голову мысли о том, что имя(мое)не полностью произнес ведь...

В роли посредника между определяемым и определяющим предложениями могут выступать специальные послелоги – тув. дугайында, алт. керегинде; хак. =ңанар (послелог-аффикс) 'о том, что':

Тув.: Силер=ниң (род. п.) оол тып ал=ган=ыңар дугайында чугаасоот Агылыг иште сынмас, шуут=ла дыргын чүве (КК.Ырж, 16) –

Разговоров о том, что вы нашли мальчика, было полно в Агылыге; Ынчалзадаа директор кижи дүжүрер дугайында айтырыгны бөгүн мында чугаалашпайн турар улус бис (КК.Ырл, 180) – Однако мы сегодня здесь не рассматриваем вопрос о том, что надо снимать директора; хак.: Ол тың ағыр=ған=ы=наңар письмо пасхан – Он написал письмо о том, что сильно болел; Аның (род. п.) сіліг хоостап пол=чатхан=ы==наңар статьялар газеталарда пар – В газетах есть статьи о том, что он умеет красиво рисовать; алт.: Меге јаныс та ӱй улустың культуразын көдӱр=ер=и керегинде некелте эдилген эмес ... (ӰС, 50) – Мне предъявлялся иск не только относительно культурного роста среди женщин; Оноң незин јажырар, менің (род. п.) шак бу эске алын==ган=ым керегинде, бичик те кайдаң база келетен эди (БУ.С, 135) – Потом, что скрывать, откуда возьмется книга о моих воспоминаниях.

Ввиду недостатка места и немногочисленности имеющихся в нашем распоряжении примеров этого типа мы не можем остановиться на грамматических особенностях определительных конструкций с послелогами. Из примеров видно, что для них характерно подлежащее в родительном падеже и посессивное оформление причастного сказуемого; посессивное оформление определяемого имени, по-видимому, не характерно.

IV. В заключение коротко остановимся на некоторых конструкциях, которые назовем сравнительно-определительными, или соотносительно-определительными. Их содержательная особенность состоит в том, что определяющая и определяемая ситуации не имеют, в отличие от собственно-определительных конструкций, общего референта. Здесь определяемое имя подразумевает два разных предмета. Один из них участвует в ситуации, которая описывается главным предложением, а другой описывается придаточным определительным. При этом они одноименны и подобны друг другу в каком-то отношении. По-русски эти отношения можно выразить словами <u>такой</u> ... <u>какой</u> в противопоставлении <u>тот</u>, ... <u>который</u>. Эти отношения в тюркских языках Южной Сибири передаются при помощи вспомогательных слов <u>ошкош</u>, <u>ышкаш</u>, <u>ӱшкеш</u>, <u>осхас</u> 'подобный'.

Сравним два тувинских примера:

Мээң белекке бер=ген=им аржыыл-дыр – Это платок, который я подарил; Мээң (род. п.) белекке бер=ген=им ышкаш аржыыл-дыр – Это такой же платок, как тот, который я подарил. Приведем немногочисленные имеющиеся в нашем распоряжении примеры:

Тув.: Мээң чоокта номчааным ышкаш номдан ап берем – Дай мне книгу подобную той, которую я только что прочитала; Амырынның (род. п.) чугаала=ар=ы ышкаш кижилер ам-даа ажылга арай өөренгелек (ЭД, ЭХ, 113) – Люди, подобные тем, про каких говорил Амырын, еще только приучаются к работе; шор.: Мен Паслей (неопр. п.) пӱдӱрӱп ал=ган ушкаш ӱй пӱдӱрӱп аларым – Я построю такой же дом, какой построил Паслей; хак.: Ол кізі хооста=ан осхас хоосты мин пістің музейде көргем – Я видел в нашем музее картину, похожую на ту, которую рисовал тот человек; Син пазырған осхас итті пір дее чирде чібеем – Никогда не ел=я мясо подобное тому, как ты приготовил.

В некоторых случаях при помощи этих же вспомогательных слов

выражаются модально-сравнительные и сравнительные отношения:

Тув.: Уран кыстар даара=ан ышкаш Угулза дег Хандагайты (нар. песня) – Хандагайты словно узор, подобный тому, который вышили умелые девушки; Белекпен хараганнар аразы-биле чоруп орда, бир--ле черде өшкү эткен ышкаш үн дыңналырга, ол сырбаш кылгаш, дыңнаалай берген (БХ, 187) – Когда Белекпен проходил между караганниками, послышался где-то такой голос, словно блеяла коза, он встрепенулся, стал прислушиваться.

Близкие к этому значения передаются в тувинском при помощи частиц <u>дег</u> и <u>хире</u>:

Ох, бир-ле Анай-кыс-биле Хендерге ажып чорааш көр=ген=ивис дег ындыг ырак булут адаа шөл чер болза (КК.Ы, 327) – Вот было бы место, подобное тому, какое мы видели, когда впервые шли с Анай-кыс по пути в Хондергей; Хемниң ол чарыында аьттыг кижи (неопр. п.) чоруп шыда=вас хире берт черлер чок (ТД, 162) – На той стороне реки нет таких крутых мест, где бы не мог проехать всадник.

§ 3. Конструкции с причастными (определительными) ЗПЕ в бурятском языке

В бурятском языке конструкции с внепадежной формой причастия, выполняющей функцию определения при имени, примыкают слева к определяемому имени. Причастная форма замыкает определительную ЗПЕ, все относящиеся к ней слова располагаются левее, в том же порядке, что и в простом предложении. Место определительной ЗПЕ во включающей ее конструкции зависит от места определяемого имени. ОИ может занимать любую позицию в главной части, принимая соответствующее этой позиции морфологическое оформление; определительная ЗПЕ всегда располагается перед ним, хотя их могут разделять одиночные именные определения (прилагательные, числительные, существительные). Форма ОИ (падеж, число) на форму причастия-определения никакого влияния не оказывает. Примеры:

Газаа‿аа нюураа угаагаад орожо яба=‿ан Жалсарай таабай (неопр. п.) дахин хүнжэл дороо орошоод хэбтэ=‿эн намайе (вин. п.) хара‿аар: – Юу хэбтээбши? – гэбэ (Тул., 38) – Дед Жалсарай, который вошел со двора, умывшись, видя меня, снова лежавшего, нырнув под одеяло, говорит: – Ну что разлегся? Энэ жэл долоон классай ‿ургууули ‿айн дүүргээд, саашаа ‿урахаа ошожо яба=‿ан хойто зүгэй тайгын хүбүүн (неопр. п.) гээшэ (Б-78-2, 38) – Это он, сын северной тайги, стремящийся продолжить учебу, окончив в этом году отлично семь классов.

В бурятских определительных конструкциях могут употребляться все причастные формы, сохраняя свои основные значения (временные значения могут сдвигаться в относительный план). Форму причастия может принимать как простая, так и аналитическая глагольная основа, выражающая дополнительные аспектуальные характеристики действия.

Причастие на =‿ан – наиболее частотное в определительных конст-

рукциях. Действие, названное глаголом в этой форме, может либо предшествовать главному (обычно главное в этом случае выражено глаголом в финитной форме прошедшего времени), либо быть одновременным ему (в этом случае главное действие может располагаться в любом временном плане). Примеры с предшествованием:

Нэгэ тари=һан ороо=мнай хэды болооб? (Номт., 120) – Из одного зерна, которое мы посадили, сколько получилось? Энэ эсэгыншни (род. п.) абажа яба=һан бүлюу хараад, нэгэ бага сэдьхэлни уяраад абаба (Тул., 8) – Увидев это точило, которым пользовался твой отец, я немного расстроилась.

Примеры с одновременностью:

...хара тогоон соо Шара-Дулмын бэлдэ=жэ бай=һан эдеэн уурал һаб=һан поршогоносо бусалжа байба (Тул., 33) – В черном котле кипела с клокотом и паром еда, которую готовила Шара-Дулма; ...сэдьхэлэй шэнжэ шанар харуул=һан зохёолнуудые бэшэхэ дуратайб (Тул., 4) – Хочу писать повести, показывающие свойства (человеческой) души.

Закономерности появления этих временных значений подлежат еще дальнейшему исследованию.

Отрицательным аналогом причастия на =һан является форма причастия на =аа – =аа=гүй:

Һүниндөө хүдэл=ҥэн, мүнөө харуулда ош=оо=гүй нүхэдынь амарба (Номт., 143) – Его друзья, ходившие ночью (и) теперь не пошедшие в дозор, отдыхали.

Само причастие на =аа употребляется редко и, по-видимому, только с бытийным глаголом бай=; его семантика требует дополнительного исследования. Примеры:

Дугар Цыренов Москвае хамгаал=жа бай=гаа намарай алдарта үдэрнүүдтэ үшөө ротын командир ябахадаа... (Тум., ТБ, 55) – Дугар Цыренов, будучи еще ротным командиром в (те) знаменитые осенние дни, когда обороняли Москву,...; Эндэ амидар=жа бай=гаа загаһан, шубуун, энэ ондатрашье үдэхээ болишохо бшуу (Тул., 26) – Ведь живущие здесь рыбы, птицы, даже эта ондатра размножаться перестанут.

Причастие на =ха – второе по частотности употребления после причастия на =һан; оно выражает следование определяющего действия за действием, названным в главной части, а также различные модальные значения – потенциальность и т.п.:

Городһоо ерэ=хэ хүниие намайе угтаха гэжэ даалгаа – Мне поручили встречать человека, который приедет из города; ...би иибиингээ гарта хажуур хурсада=ха бүлюу харабаб (Тул., 8) – Я увидел в руке у бабушки точило, чтобы точить косу (которым точат косу); Дандарай ахай баһал дута=ха=гүй хүбүүн боложо ябана (Номт., 133) – И Дандарай ахай (в мастерстве никому) скоро не уступит (букв.: не уступающий парень становится).

Остальные причастия бурятского языка в определительных конструкциях встречаются реже:

Баабайнгаа һуу=даг шэрээдэ ташаагаа тулажа һууна бэзэ (Номт., 130) – Кажется, сидит, подбоченившись, у стола, где (обычно) сидит отец (с причастием многократным); Энэ хүбүүндэтнай туһал=маар

хүн дүтэ ойро гээшэ ха (Тул., 96) – Ведь этот человек, который может помочь вашему сыну, поблизости; хара=маар бэшэ кино 'кино, которое можно не смотреть' (с причастием возможности); аба=хаар (бэшэ) ном – 'книга, которую (не) стоит покупать' (с причастием целесообразности); суглара=нхай зон 'давно собравшийся народ' (с причастием завершенно-прошедшего времени); Энэ Нина Петровнагай урдань бай=гааша хүн... 'Этот человек, находившийся перед Ниной Петровной,...' (с причастием "постоянным"); Энэ манай амаржа һуу=гша добуун... (Тул., 13) 'Этот холм, на котором мы сидим и отдыхаем,... (с причастием однократным); уяатай морин 'привязанный конь' (с причастием страдательным на =аатай).

Вхождение определенной причастной формы признается на данном этапе исследования одним из дифференцирующих признаков модели. Сейчас мы перейдем к рассмотрению основных структурных типов конструкций с определительными ЗПЕ, выделяемых по другим признакам, но надо иметь в виду, что символ прч, используемый в их формальной записи, подразумевает возможность использования разных причастных форм из приведенного выше списка. Соответственно, присутствие в формуле этого символа показывает, что в ней отражена "архимодель" или серия моделей, различающихся формами причастий.

При дальнейшей классификации ведущим дифференциальным признаком был характер определяемого имени – его автосемантичность/синсемантичность. По этому признаку различаются собственно-определительные конструкции и "псевдоопределительные" конструкции.

В собственно-определительных конструкциях ОИ называет некоторый предмет (в широком смысле), характеризующийся по его участию в ситуации, названной в определительной ЗПЕ. Поскольку ОИ автосемантично, определительную ЗПЕ можно опустить, не нарушая при этом грамматической правильности главной части.

В псевдоопределительных конструкциях ОИ – синсемантичное слово, требующее обязательного присутствия при себе определения; в противном случае фраза будет грамматически неправильна или коммуникативно недостаточна.

Выделенные группы моделей различаются и формальными признаками: строением ЗПЕ, способом связи между ОИ и определительной ЗПЕ, а также некоторыми другими характеристиками. Рассмотрим каждую из них раздельно.

I. В собственно-определительных конструкциях, как уже говорилось, определяемое характеризуется по участию в ситуации, названной в ЗПЕ. Роль его в этой ситуации может быть любой; но для строения определительной ЗПЕ важно, какая именно это роль, поскольку способы их выражения различны.

"Центральные" роли – субъект, объекты – выражаются опущением из состава ЗПЕ той синтаксической позиции, которую должно было бы занимать ОИ; дублирующие средства, например, типа русского местоимения который, не используются. Соответственно, на первый план выходят семантические и валентностные свойства лексем, наполняющих конструкцию.

Периферийные роли – сирконстанты, атрибуты – также могут выра-

жаться этим способом, лакуной; однако имеются и специализированные модели с местоименными (притяжательными) показателями, маркирующими эти позиции в составе ЗПЕ.

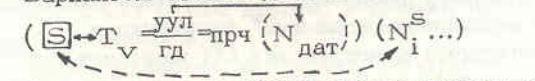
Рассмотрим вначале модели, где ОИ называет субъект и объекты определяющего действия.

I.1. Если ОИ называет субъект действия, выраженного причастием, то при причастии отсутствует позиция подлежащего; предикативный узел разрушается, сохраняется только предикатная его часть. Формула этой модели:

Способ связи между ОИ и определительной ЗПЕ здесь – примыкание; дополнительное средство, "цементирующее" конструкцию – "незаполненная валентность" в ЗПЕ. Примеры:

Хойномни мүртөө орохоёо хүлеэгээд бай=лан Сэсэг пишаганаса энеэгээд абаба (Тул., 20) – Сэсэг, ждавшая, чтобы пойти за мной по следу, звонко рассмеялась; Энэниие тухайл=лан Будаали: – Сэбэр агаар оруулая, – гэбэ (Х., 21-22) – Догадавшаяся об этом Будаали сказала: – Давайте проветрим (букв.: впустим свежий воздух); ... намайе үдэшэжэ ерэ=лэн сержантда хандаба (Тум., ТБ, 145) – Обратился к сержанту, пришедшему меня провожать.

Вариантом этой модели является модель



Здесь причастие образовано от основы страдательного или побудительного залога. Хотя в таких примерах ОИ не является субъектом действия, названного глагольным корнем, но оно является субъектом состояния, названного глагольной основой в косвенном залоге; структура же определительной ЗПЕ детерминируется семантикой зависимого сказуемого целиком, а не только его корня. Сравним:

1) Эндэ шэнэ хүүргэ бодо=гдо=нхой – Здесь построен новый мост;

2) Эндэ шэнэ бодо=гдо=лон хүүргэ заажа үгэхэбди (Тум., ТБ, 50) – Мы покажем выстроенный здесь заново мост.

Приведем еще примеры:

...ал=уул=лан хүнүүд ал=уул=лан газартаа хэбтэнэ (Тум., ТБ, 61) – Убитые люди лежат там, где их убили. ...энэ танай hонорто таби=гда=лан повесть бэшэжэ эхилэн юм (Тул., 4) – Начал писать эту повесть, представленную вашему вниманию. ...Гранатын хэлтэрхэйнүүд=тэ (дат.-м.п.) сох=юул=ша=лан байшанда ошобоб (Тум., ТБ, 111)-(Я) подошел к зданию, пробитому гранатными осколками. ...снаряд=та малта=гда=лан хонхор ёнхорнууд... (Тум., ТБ, 111) – Разрытые снарядами выбоины...

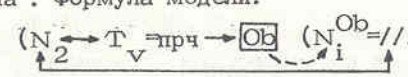
В последних двух примерах присутствует форма дательно-местного падежа, обозначающая производителя действия, названного глагольным корнем.

По этой же модели строятся фразы со страдательным причастием на =аатай; в определительных конструкциях оно часто сопровождается вспомогательным глаголом бай= в форме причастия на =лан. Конструк-

ция с причастием на =аатай обычно обозначает, что к-ту придано определенное положение:

...бригадир ханада үлг=өөтэй бай=лан фотокарточк байха зуураа... (Тул., 6) – Пока бригадир посматрива (повешенные) на стене фотокарточки,...; Тэргэ дээрэ бай=лан hарьhан гутал сооhоо улаан бүд оройлтоёо га 12) – Вытащил из кожаных сапог, засунутых на теле красной ткани.

1.2. Вторая группа моделей с предметным ОИ – называет любой другой актант, кроме субъекта, или с туации, названной в определительной ЗПЕ. Соответств имеется позиция подлежащего, но отсутствует какая- зательная или необязательная позиция – именно та, к ло бы ОИ в простом предложении. Форма зависимого родительный падеж; лицо дополнительно выражается п притяжания, оформляющими ОИ – т.е. здесь представл связи между частями, который мы называем "связью типа". Формула модели:



Об употреблении показателей притяжания для офо нужно сказать следующее. Во-первых, по общему для тетических ППК правилу они могут опускаться, если ект уже выражен формой подлежащего:

Батуев=ай (род. п.) үнинэй хүлеэ=лэн хабар орож ТБ, 129) – Когда пришла весна, которую давно жда хэдэ юундэ өөрынгөө (род. п.) ажаллажа бай=лан фер нуудай байрада гал баряад дүтэлхэ байгаабши? (Анг.) чему ты, взяв огонь, подошел к свинарнику (той) фе сам работаешь?

Во-вторых, они могут стать единственным средс субъекта, особенно в 1-м и 2-м лице, поскольку ме 2-го лица в роли подлежащего факультативны; часто ществительные, если исполнитель действия назван в тексте:

...хаяжа бай=ха хилээмэн=тнай=ш хомор байжа бо 117) – И хлеба-то, чтобы вам выбрасывать (которы выбросить), будет мало; Аягал=лан сайе=нь Янжама (Х., 17) – Чай, который она (старушка) налила, Ян спеша.

Наконец, позиция подлежащего в определительной не заполняется, если оно совпадает с подлежащим гл ределяемое имя в этом случае оформляется показате го притяжания:

Лейтенант Саханаев тухайда бэшэ=лэн тэмдэглэл (Тум., ТБ, 80) – Просматривая заметки, которые (лейтенанте Саханаеве,... Хаража бай=лан амбаар=аа хобши (ХН, I, 367) – Куда ты пойдешь, бросив амб раняешь?

Таким образом, в формальной записи конструкции этого типа нами отражен самый полный ее вариант, тогда как в речевых реализациях этой схемы один из компонентов – либо притяжательный показатель, либо подлежащее ЗПЕ – могут опускаться согласно действующим в языке закономерностям.

Относительно показателей притяжания нужно сделать еще следующий комментарий. Во фразах предыдущей модели, где определяемое имя называет субъект действия ЗПЕ, при ОИ также могут появляться притяжательные показатели, но их роль принципиально иная: они действительно выражают отношения принадлежности, притяжательности между ОИ и каким-либо участником акта коммуникации или другим именем в составе главной ПЕ или даже за пределами фразы. Примеры:

Хоо̄он сарайнуудай һанги набта һурэ=һэн хушалта=да=нь һуунги бороон шабжаганана (Тум., ТБ, 72) – По крышам пустых сараев, разлезшимся в клочья, барабанит затяжной дождь; ... һоно аляа̄ан=һаа сулеер=һэн мори=мнай худэлхээ болин зогшобо (Тул., 12) – Наша лошадь, освободившаяся от оводов и мух, перестав двигаться, встала.

Появление притяжательных аффиксов в конструкциях этого типа обусловлено только коммуникативными потребностями говорящего; структурно они не обязательны. Напротив, в конструкциях, выражающих характеристику предмета по действию, производимому над ним некоторым субъектом, позиция показателей притяжания структурно значима: с их помощью производится указание на субъект действия, описанного в определительной ЗПЕ.

Именно на материале определительных конструкций можно проверить, возможно ли понимание притяжательных показателей как выразителей отношений принадлежности: ведь только здесь определяемое имя может характеризоваться одновременно и в отношении принадлежности, и – с помощью определительной ПЕ – в отношении действия, которое производится над его референтом (ср. русск. Моя книга, которую ты взял). В текстах примеры такого рода нам не встретились, поэтому мы провели опрос носителей бурятского языка (сотрудники БИОН БФ СО АН СССР, декабрь 1983). Результаты опроса показали, что притяжательные показатели при определяемом имени в случае, когда в определительной конструкции имеется собственный субъект, могут выражать только грамматическое лицо субъекта:

Үсэгэлдэр шамһаа аба=һан ном=оо би нүгөө неделидэ үгэхэ=б – (Твою) книгу, которую (я) взял у тебя вчера, я верну на следующей неделе.

Для перевода была дана фраза-стимул "Твою книгу, которую я взял вчера,..."; информант ввел в бурятскую фразу форму шамһаа 'у тебя' для передачи значения 'твоя книга', которое в данном случае выражено быть не может (варианты ном=шни и шинии номые – соответственно, с притяжательным показателем и притяжательным местоимением – информантами отвергнуты). Аффикс субъектного притяжания =оо при слове ном 'книга' выражает лицо субъекта определительной конструкции в относительном плане, через тождество его с подлежащим главной части предложения (брал тот же, кто вернет). Ном=оо

в данном случае значит не 'свою книгу', а 'книгу, которую сам...' Ср. также:

һурангүй намһаа аба=һан ном=оо үгэ! – Верни (мою) книгу, которую (ты сам) взял (введено: у меня) без спросу!

Если же отношения принадлежности обязательно должны быть выражены, то для перевода используются другие конструкции, не определительные:

Шинии кошелек коридор соо̄ноо олоо̄ноноо асарба=б – Найдя твой кошелек в коридоре, принес (я); Би кошелегы=шни асараа=б, тэрэ=ниие=шни коридор соо олоо=б – Я принес твой кошелек, (я) его (=твоего) в коридоре нашел.

Для перевода давалась фраза: "Я принес твой кошелек, который я нашел в коридоре".

Нужно отметить, что подобная "несовместимость" в пределах определительного предложения значений принадлежности и грамматического лица проявляется особенно сильно, если субъект определяющего действия – говорящий или слушающий. В случае с третьим лицом эта несовместимость несколько ослабевает:

һамганайнгаа оло=һон шинии кошелек асараа=б – (Я) принес твой кошелек, который нашла моя жена.

Информанты отмечают некоторую искусственность фраз такого рода, но признают их возможными. Однако и в подобных случаях отношения принадлежности выражаются притяжательными формами местоимений, а не аффиксами притяжания (конструкция һамганайнгаа оло=һон кошелегы=шни признана информантами невозможной). Следовательно, аффиксы притяжания при определяемом имени, в случае, если в определительной конструкции имеется собственный субъект, могут выражать только грамматическое лицо субъекта.

Приведем теперь примеры на разные роли ОИ в ситуации, названной определительной ЗПЕ.

А. Объектная роль (прямое дополнение); если причастное сказуемое определительной ПЕ – прямопереходный глагол, но в определительной ПЕ нет прямого дополнения, то определяемое имя обозначает объект действия, названного в определительной ПЕ:

Тиихэдэ амин дээрэ хэлэ=һэн үгэ=дэ=нь булта этигэхэ! (Анг., 48) – Но словам, которые (он) сказал при смерти, все поверят! (Букв.: Но при смерти сказал словам=его...); һанажа яба=һан һанаа=е=мни хүсэлдүүлыш (Анг., 40) – Осуществи то, о чем я думаю (букв.: Думаю думу=мою...); ...Жамбал абгай энэ үнгэрһэн гурбан үдэр сабша=һан үбһэн тээш=ээ харан,... (Тул., 34) – Дядя Жамбал, взглянув в сторону сена, которое накосил(и) за последние три дня,... (букв.: эти последние три дня накосил сено в сторону=сам...).

В этих примерах определяемые имена в структуре главной части выполняют самые разнообразные роли, но по отношению к действию, названному определяющим причастием, они равно выражают объект.

Б. Объектная роль (косвенные дополнения); определяемое имя понимается как объект, если причастное сказуемое определительной ПЕ – глагол, управляющий косвенными падежами или послеложными формами, но соответствующая форма в определительной ПЕ отсутствует:

Ай=һан нохой=мнай хусахаяа болишобо – Собака, которой мы ис-

пугались, перестала лаять (глагол ай=ха 'бояться' управляет исходным падежом).

В. Обстоятельственные роли; в предложениях, где определяемое имя является обстоятельством места по отношению к действию, выраженному в определительной ПЕ, причастие–определение обычно бывает глаголом движения или состояния, а само определяемое имя имеет пространственную либо предметную семантику. Выражение характера локальных отношений затруднено тем, что показателям локализации – падежным и послеложным формам – в структуре определительной ПЕ нет места (ср. русск. под которым, возле которого и т.п.). Конкретный характер локального отношения понимается из сопоставления семантики определяемого имени и глагола–определения – как типовое соотношение данного действия и данного места (предмета как указателя места), привычное для носителей языка:

Ангуушад нохойн хусажа бай=нан отог=то хүрэжэ ерэбэ – Охотники подошли к шалашу, (возле которого) лаяла собака; Энэ манай амаржа нуу=гша добуун Ангархайн үтэг гэжэ нэрэтэй (Тул., 13) – Этот холм, (где) мы сейчас отдыхаем, называется "Ангархаев утук" (үтэг 'жилище с покосом'); ...немецүүдэй сухари=ха мүр=ые=нь хааха гэжэ шуумайба (Тум., ТБ, 81) – Бросились вперед, чтобы перекрыть путь, (по которому) будут отступать немцы.

Однако если такого "общего" локального значения недостаточно для правильной передачи и понимания смысла, то может появиться дополнительное средство – введение в состав определительной ПЕ послелогов–наречий. Это служебные слова, которые могут использоваться как послелоги с родительным падежом имени либо как наречия с показателем притяжания, например: гал=ай ойро 'у огня, к огню'; Хэншье ойро=нь ошобогүй 'Никто не пошел к нему' (букв. 'близь=его'; БРС, 352). Такие примеры в текстах нам не встретились, но были получены у информантов, хотя и не все считают их естественными для бурятского языка:

Маанадай доро=нь загана бари=даг хүүргэ=мнай эндэнээ холо бэшэ – Мост, под которым (букв.: под=ним) мы ловим рыбу, недалеко отсюда; Хойн=оо ехэ саад=тай гэр=тэ би байдагби – Я живу в (том) доме, позади, которого большой сад (букв.: Позади=себя большой сад имеющий в доме...; определение здесь выражено формой имени обладания на =тай, функционирующего аналогично причастиям); Зүргөөр хойноноо=нь яба=нан ангууша=мни гэнтэ тогтошобо – Охотник, вслед за которым я шел по тропинке, внезапно остановился (букв.: Тропинкой позади=него шел охотник=я...).

Показатели притяжания в таких примерах соотносятся с определяемым именем.

Определяемое имя по отношению к определительной ЗПЕ может быть также обстоятельством образа действия, причины и т.п. Эти значения, как и в случае с локальным обстоятельством, обычно никак не выражаются:

Тэрэ ажалнаа намнуул=нан ябадал тухай=гаа намда хөөрэбэ – Он рассказал мне о проступке, (за который) был уволен с работы (букв.: он с работы уволен проступке о=своем...); ...зүрхэн=эй=нь (род. п.)

түшэгэнэн бай=нан абяан шэхэндэнь тон элихэнээр дуулдана (ХН, I, 357) – Ему (его ушам) ясно послышался звук, (от которого) сильно забилось его сердце; ...бригадир ерэ=нэн хэрэг=ээ хэлэбэ (Тул., 6–7) – Бригадир рассказал о деле, (по которому, из–за которого) пришел (букв.: пришел дело=свое...).

В этих примерах отношение ОИ к определительной ЗПЕ выясняется только из сопоставления семантики этого имени и глагола в причастной форме. Однако имеются отдельные примеры, где оно выражено при помощи наречий в составе ЗПЕ:

Шинии орондо=нь хүдэлэ=гшэ хүн=шни наядаа больницанаа гарахань – Человек, вместо (которого) ты работаешь, скоро выйдет из больницы (букв.: Ты вместо=него работаешь человек=твой...).

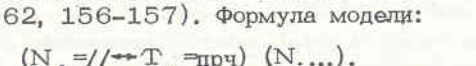
Таким образом, можно сказать, что в бурятском языке присутствует на периферии, а может быть, формируется, особая модель для определительных конструкций, где ОИ относится к определительной ЗПЕ как ее сирконстант; в этой модели имеется элемент, одновременно являющийся дополнительным средством связи, "дублирующий" ОИ в составе ЗПЕ и указывающий его синтаксическую позицию (следовательно, и семантическую роль): это показатели притяжания, соотносящиеся с ОИ и оформляющие наречие обстоятельственной семантики. Формула модели:

Г. Атрибутивная роль; мы располагаем единственным примером, в котором ОИ само является определением по отношению к одному из имен ЗПЕ:

...абым отряд=та яба=нан париизанууд... намайе аршалнан байна (Тум., ТБ, 98) – Партизаны, в отряд (которых) ушел мой отец, меня освободили (букв.: отец=мой в отряд ушел партизаны).

В этом примере в определительной ПЕ заполнена и позиция подлежащего, и позиция обстоятельства; поскольку глагол непереходный, позиции дополнения быть не может. Поэтому слово партизанууд может пониматься только как относящееся к одному из имен в составе определительной ЗПЕ, а именно, к слову отряд=та (отряд – партизан, партизанский).

I.3. В бурятском языке имеется отдельная модель для выражения атрибутивного отношения ОИ к имени в ЗПЕ; однако это последнее может быть только подлежащим ЗПЕ, причем оно имеет форму неопределенного падежа, а не родительного, как в других типах определительных конструкций, и кроме того, оформляется показателями притяжания, соотносящимися с ОИ, что является дополнительным средством связи в конструкции. Определяемое имя и подлежащее такой ЗПЕ всегда связаны отношениями "целое – часть" (ср. Бертагаев, Цыдендамбаев, 1962, 156–157). Формула модели:



Шарнир=ынь (неопр. п.) дабирхайд=аатай үүдэн зөөлэхэнөөр, нэгэшье абяагүйгөөр нээрэжэ,...(Анг., 33) – Дверь, шарниры которой

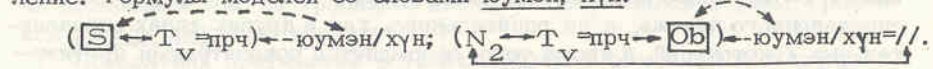
(были) смазаны, мягко, совершенно беззвучно отворилась... (букв.: шарниры=ее смазаны дверь...); ...үнөөхи аяпар=ынь (неопр. п.) бүтүүл=пэн корзинаяа асаржа: – Манай бэлэг! – гэбэ (Номт., 146) – Принеся ту самую корзину, верх которой был завязан, сказал: – Мой подарок! (букв.: отверстие=ее закрыто корзину...)

Таким образом, выявилось три типа регулярных моделей собственно-определительных конструкций с ОИ – автосемантичным словом: "субъектный" с лакуной на месте подлежащего ЗПЕ; "объектный" с лакуной на месте любой другой именной позиции, с подлежащим ЗПЕ в форме родительного падежа и показателями притяжания, оформляющими ОИ и выражающими субъект действия определительной ЗПЕ; и "атрибутивный", где ОИ и подлежащее ЗПЕ соотносятся как целое – часть, подлежащее имеет форму неопределенного падежа и оформлено показателями притяжания, соотносящимися с ОИ. Четвертый тип моделей – "обстоятельственный", с наречием-послелогом, оформленным притяжательным показателем, указывающим на роль ОИ в составе ЗПЕ, – для бурятского языка является периферийным (может быть, только формируется).

Перейдем теперь к рассмотрению псевдоопределительных моделей с синсемантичным определяемым именем.

II. Псевдоопределительные конструкции делятся на несколько групп в зависимости от типовой семантики синсемантичного ОИ. Мы сейчас рассмотрим две такие группы: 1) ограничительно-определительные конструкции, где ОИ – слово широкой семантики, требующее конкретизации своего содержания (ограничения по денотату), типа хүн 'человек', юумэ(н) 'предмет, вещь', газар 'место', саг 'время', ябадал 'поведение, поступок, положение дел' и т.п.; 2) изъяснительно-определительные конструкции, где ОИ – имя с семантикой оперирования информацией, требующее выражения при себе темы информации (бодол 'мысль', хүсэл 'желание' и т.п.).

II.1. Ограничительно-определительные конструкции по структурным характеристикам (строение ЗПЕ, форма выражения лица субъекта причастного действия) близки собственно-определительным "объектным"; конструкции со словами предметного значения, юумэ(н) 'вещь' и хүн 'человек', – "субъектным", поскольку эти два слова могут называть и субъект причастного действия (в обобщенном виде). Имеется, однако, существенное отличие, передаваемое в формуле символом –→– все синсемантичные имена имеют семантическую валентность на определение. Формулы моделей со словами юумэн, хүн:



Формула модели со всеми остальными словами этой группы:

Слова юумэн, хүн, а также газар 'место', ябадал 'положение дел' и некоторые другие практически выступают в роли номинализаторов; их переводными эквивалентами во многих случаях являются русские местоименно-отождествительные конструкции. Примеры:

Алтан гэжэ һанажа яба=һан юумэн=шни миин лэ гуулин – (Анг.,

14) – То, что (ты) считал золотом, просто медь; Баярла=һан юумые=мнай барагдажа үрдеэгүй барга байдал һэшхэлгүйгөөр залгяа юм (Мунг., Б3, 43) – То, чему мы радовались, бесповоротно поглотила темная жизнь; Эхэдээ иимэ энхэргэнээр ханда=даг хүн ямаршье сагта хирэгүй һайхан сэдьхэлтэй байгаа ёһотой (Б-78-5, 72) – Тот, кто так нежно относится к матери, должно быть, всегда имеет чистые, хорошие чувства; ...Бадма абгайн үбһэнэшэнэй (род. п.) бай=һан газар тээшэ духар-духар хатаруулшана (ХН, 5, 145) – Пустил (коня) рысью враскачку туда, где были косари дяди Бадмы; Уна=һан газар=та=нь үшөө ногоон хүдэлһөөр байба (Тум., ТБ, 49) – Там, где он упал, еще шевелилась трава.

Сравним также:

Тиимэ дээрэһээ арад зоной дунда хаанта засагта дураа гутажа бай=һан ябадал үдэрһөө үдэртэ гүнзэгыгоор ургажа байна (ХН, 5, 288) – Поэтому среди народа недовольство царской властью (то, что недовольны...) день ото дня глубже растет; Гэбэшье эндэхи большевигүүдэй хүтэлбэреэр хүдэлмэришэдэй дунда тэмсэлдэ бэлэдхэжэ бай=һан ябадал улам бүри шангарба (ХН, 5, 302) – Несмотря на это, среди трудящихся под руководством большевиков все крепла подготовка к борьбе (то, что подготавливались...).

Видимо, конструкции со словом ябадал характерны для публицистического стиля. В художественных текстах чаще используются причастно-падежные конструкции. Для конструкций со словами хүн и юумэн также имеются аналоги – причастно-падежные конструкции с предметным значением, например:

Энэ үлөө=һ=ые=шни хэн сабашаха юм? (Тул., 23) – Кто будет косить то, что ты оставил? ...машинаар ерэ=гшэ=д=ые харашаба (Дамб., 10) – Разглядывал приехавших на машине (=д – показатель множественного числа).

Особо следует отметить конструкции с ОИ – именами отношений (саг 'время', ушар 'случай; обстоятельство, причина' и др.). Определительными они являются практически лишь тогда, когда ОИ занимает в главной части позицию подлежащего или дополнения. Примеры:

Шэнэ ургасын (род. п.) хуряагда=ха саг=ынь ойртоо (Номт., 118) – Приблизилось время, (когда) будет убираться новый урожай; ...энэ мэтын юумэнһээ толгойгоо эрье=хэ, һанаагаа хубаа=ха үе=мни үнгэршоо (Анг., 53) – Кончилось время, когда (я) мог бы от таких вещей испытывать головокружение, раздваиваться мыслями (букв.: от таких вещей голову кружить, мысли делить время=мое...); Адуулжа ябаһан үхэрнүүдые Раднын Дондогто найдажа орхёод, Бааранхайн гэнтэ гэр тээшэ гүйлгэжэ ябаша=һан ушарые=нь мүнөө дээрэ хэншье мэдэхэгүй байгаа (ХН, 4, 129) – До сих пор никто не узнал бы причину, (почему) Радна, понадеявшись на Дондока, бросил пасшийся скот, (почему) Бааранхай внезапно побежал к дому.

Однако имена отношений в предложении часто занимают обстоятельственные позиции и оформляются падежными показателями обстоятельственных падежей (дательно-местного, исходного, орудного); в этом случае появляется возможность их грамматикализации, перехода в служебные слова – послелоги:

...энэ үнэн ушар буряад хүбүүдэй (род. п.) сэрэгэй арын хүдэл-

мэридэ мордожо бай=ɬан үе=дэ болоɬон юм (ХН, 1, 203) – Этот правдивый случай произошел в то время, когда бурятские парни уезжали на военные тыловые работы; ...зарим үедэ хэтэрхэй ехээр садажа, зарим үедэ хэтэрхэй ехээр үлдэжэ яба=даг ушар=ɬаа бэе махабадаа доройтожо, үлбэр үбшэндэ хэбэрэгээр дайрагдадаг ябадал үсөөн бэшэ байдагыень гомдон ɬанана ёɬотойбди (ХН, 4, 435) – Мы, должно быть, с сожалением вспоминаем, что, поскольку иногда сильно наедались, а иногда страшно голодали, нередко бывало так, что, телом ослабев, болезням легко поддавались; Арад зоной (род. п.) бай=ɬан саг==та арга шадал барагдахагүй гэдэг шуу (ХН, 5, 357) – Говорят, пока есть народ, возможности не иссякнут; ...бидэ хүбүүнэйнгээ (род. п.) ошо=ɬон саг=ɬаа хойшо мүнөө хүрэтэр нэгэшье бэшэг абаагүй (ХН, 4, 58) – С тех пор, как наш сын уехал, мы до сих пор не получили ни одного письма (саг=ɬаа хойшо 'с того времени как' – устойчивое словосочетание).

Многие такие формы уже можно считать послелогами (см. главу I в этом разделе).

II.2. Определительно-изъяснительные конструкции с определяемыми словами, соотносящимися с глаголами оперирования информацией, каузации, намерения и др. глаголами психических действий, сохраняют управление служебным глаголом говорения гэ=, свойственное этим глаголам; однако он принимает не обстоятельственную, деепричастную форму (гэ=жэ), а определительную, причастную (гэ=ɬэн и т.п.), сравним: ...эндэ ɬуухагүй ɬэн гэжэ Мэдэгмаа лаб мэдэнэ (Анг., 27) – Мэдэгма точно знает, что (он) здесь не остался бы; Немецкэ танкнууд Бела тээшэ мүлхижэ ябана гэɬэн мэдээ абаабди (Тум., ТБ, 98) – Мы получили сведения, (говорящие, что) немецкие танки ползут к Беле.

Глагол гэ= может вводить ЗПЕ, оформленную как независимое предложение, со сказуемым – финитным глаголом. Соответственно, в ЗПЕ выражается абсолютное время, что важно для конструкций изъяснительной семантики. Формула модели:

$$\left(N_1 \leftrightarrow V_{фин}\right)\ гэ=ɬэн \leftarrow N_i^{ОИ} \ldots$$

...удхаараа муу муухай байгаа ёɬотой гэ=ɬэн мэдэрэлдэ дайрагдашаба (Анг., 53) – Был охвачен ощущением, что (это) должно было иметь плохое значение (букв.: значением плохое должно было быть); "Хабар болохые бү хүлеэжэ яда" гэ=ɬэн директорэй үгэнүүдэй яашагүй зүб байɬые Дугар Батуев ... мэдээ ɬэн (Тум., ТБ, 127) – Дугар Батуев знал, насколько верны слова директора, что "не надо ждать прихода весны"; Элүүртээ иигэжэ сэдьхэжэ ябанашьегүйш, үглөөдэр тэлэрээд, энэ хэлэɬэндээ үнэншэхэгүйш гэ=ɬэн бодол нюдэн соонь манарна (Анг., 28) – В ее глазах туманится мысль, что и в здравом состоянии он так не чувствует, и назавтра, отрезвев, не поверит тому, что сам говорил; ...газартаа гарааб гэ=ɬэн тэмдэг комиссартаа ногоон ракетээр үгэбэ (Тум., ТБ, 62) – Подал комиссару зеленой ракетой знак, что вышел на место.

Для конструкций с ОИ с семантикой намерения или элементом каузации в семантике, а также ОИ, производных от перформативных

глаголов ('желание'; 'наказ'; 'клятва') формула имеет другой вид:

$$\left(\ldots T_V{=}ха\right)\ гэ=ɬэн \leftarrow N_i^{ОИ} \ldots$$

Форма причастия на =ха дает здесь необходимое в этих конструкциях значение потенциальности действия, его нацеленности в план будущего:

Нэгэтэ немецкэ эшэлониие хүмэрюул=хэ гэ=ɬэн даабари абаба (Тум., ТБ, 36) – Однажды получили задание пустить под откос немецкий эшелон; ...саньчастьда хүргэ=хэ гэ=ɬэн хүсэл дүлэн мэтэ бадарна (Тум., ТБ, 30) – Желание доставить (раненого) в санчасть разгоралось, как пламя; ...тэдэнэй түɬын тулада оролдо=хо гэ=ɬэн тангариг Будда бурханай урда үгэɬэн туладаа оролдохол ёɬотой байна гээшэ (ХН, I, 192-193) – Ведь должен постараться, раз дал перед Буддой клятву стараться для их пользы; Машада бууда=ха гэ=ɬэн тэмдэг үгэхэ мүртөө, шабхаа дараадхиба (Тум., ТБ, 31) – Подавая Маше знак стрелять, нажал на курок.

Во фразах с ОИ от глаголов намерения служебное слово гэ=ɬэн может опускаться:

...дахин туршаадшье үзэ=хэ зориг байхал даа (ХН, 5, 81) – Ведь будет стремление снова испытать.

Во всех перечисленных здесь конструкциях могут появляться сравнительные частицы, соответственно изменяя значение фразы:

Галша үбгэнэй нюур дээрэ минэр=ɬэн=шүү тэмдэг үзэгдэбэ – На лице дедушки Галши появилось подобие улыбки (букв.: выражение, будто он улыбается); Энэ дэлхэйдэ ɬанаа амарханаар, амгалан түбшөөөр ябаха аргагүй юм гү гэ=ɬэн=шүү бодол тархидань ороодхино (Анг., 19) – Ему в голову пришла мысль, будто на этой земле невозможно жить спокойно, тихо; ...хаанашье дүтэхэнэ эгээл нарай үхибүүн=эй (род. п.) бархир=ɬан шэнги абяан шэхэндэм дуулдаба (Тул., 42) – Откуда-то неподалеку мне (букв.: моим ушам) послышался звук, как будто плачет совсем маленький ребенок.

Разумеется, мы сейчас имели возможность очертить только основные типы бурятских определительных конструкций; ряд периферийных ожидает еще дополнительного изучения.

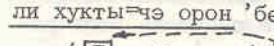
§ 4. Определительные ППК в эвенкийском языке

Основную массу определительных полипредикативных конструкций эвенкийского языка составляют собственно определительные конструкции; псевдоопределительные представляют собой изолированный, структурно однообразный тип, распространенный лишь в некоторых диалектах.

Внутри собственно определительных ППК мы выделяем три разряда: 1) конструкции, в которых определяемое имя называет субъект причастного действия; 2) конструкции, где ОИ называет объект либо сирконстант причастного зависимого сказуемого; 3) конструкции, где определяемое имя называет атрибут подлежащего определительной ЗПЕ. Предложения первого и второго типов являются наиболее рас-

пространенными в разных диалектах эвенкийского языка. Предложения третьего типа чрезвычайно редки и однообразны по структуре.

1. Собственно определительные конструкции, где ОИ называет субъект причастия-определения, мы подробно рассматривать не будем: поскольку в них отсутствует позиция подлежащего, зависимый предикативный узел является неполным и конструкция в целом – не собственно сложной. Причастные определения в этих конструкциях, как одиночные, так и распространенные, не получают личного оформления. Например, с причастием на =ча: хукты=чэ орон 'бежавший олень', мохали хукты=чэ орон 'бежавший по лесу олень'. Формула модели:



2. Конструкции, где ОИ называет объект или сирконстант сказуемого определительной ЗПЕ, представлены несколькими моделями, релевантным структурным признаком которых является структурная неполнота и семантическая несамодостаточность зависимой ПЕ. Рассмотрим пример:

Тар ичэ=нэ=н авахи турэчиттэн (ИФЭ, 23) – Авахи, (которого) тот видел, говорит.

Здесь главная часть – авахи турэчиттэн 'авахи говорит'; зависимая часть – тар ичэ=нэ=н 'тот видел=он'; форма причастия на =на с показателем лица (аффикс личного притяжания 3-го л. ед. ч. =н, соотносящийся с подлежащим ЗПЕ тар 'тот') образована от переходного глагола ичэ= 'видеть', требующего дополнения в форме винительного падежа. Однако эта позиция в ЗПЕ не заполнена: строя определительную конструкцию, говорящий опускает из состава ЗПЕ то имя, которое входит в главную часть как название предмета, участвующего и в той, и в другой ситуации. В результате ЗПЕ всегда является структурно неполной, и эта неполнота компенсируется главной частью. Приведем еще примеры:

Ленин нюӈни=нэ=н хокто=ли=н Комунистты партия, Советты биласт упкатту аява бинивэ иливдяра (ФЭЯ, 26) – Коммунистическая партия, Советская власть строят хорошую жизнь для всех, (идя) по дороге, которую указал Ленин (ср.: Ленин хокто-во нюӈничэн 'Ленин указал дорогу'); Долды=на=н турэн уйиски бихин(ИФЭ, 76) – Голос, который он слышал, раздался сверху (ср.: долдычан турэн=мэ 'услышал голос'); Хунил биде=ри=тын окошко=ли=тын саӈаркандули дэгчэ (ИФЭ, 131) – Влетел сквозь дырочку через окошко, около которого были девушки (здесь не занята позиция обстоятельства места, ср.: хунил окошко=ду бидерэ 'девушки были у окошка').

2.1. В функции сказуемого определительных ЗПЕ рассматриваемого типа употребляются причастия в спрягаемой форме. Чаще всего это причастия на =ри и =на. Лицо субъекта зависимого действия выражается показателями притяжания, оформляющими причастие: би биде=ри=в дюду 'в чуме, где я живу', си биде=ри=с дюду 'в чуме, где ты живешь', мит биде=ри=т дюду 'в чуме, где мы живем' и т.д. Аффиксы личного притяжания используются, если субъект зависимого действия не совпадает с подлежащим главной части, а в случае совпадения ставится аффикс субъектного (безличного, возвратного) притяжания: биде=ри=ви дюду 'в чуме, где сам живу (живешь, живет...)'.

Наряду с личным оформлением причастия встречается и притяжательное оформление определяемого слова, дублирующее в этом случае личное оформление зависимого сказуемого: би о=на=в дяв=ив '(моя) лодка, которую я сделал', такое явление можно рассматривать как согласование определяемого слова с зависимым сказуемым в лице субъекта. Однако эту формальную, конструктивную функцию притяжательного оформления следует отличать от его исконной семантической функции – выражения принадлежности. Между тем выделить в чистом виде долю конструктивной функции в семантике притяжательного показателя часто бывает невозможно, поскольку она слита с его посессивной семантикой, тем более что в отношение обладания предметом субъект может вступать и благодаря действию, которое он над этим предметом совершает: би балды=на=в хутэ=в 'мой сын, которого я родила'.

Подробнее о дифференциации этих двух функций в семантике притяжательного оформления определяемого слова см. у Л.М. Бродской (1982, 21-27).

Приведем примеры, в которых притяжательный аффикс свободен от собственно посессивной семантики и является организатором формальной связи:

Буды=т инэӈи=т эмэрэн (ИФЭ, 94) – Настал (букв.: мой) день, когда я умираю; Бу гунчэ=нэ=вэр буга=вар бутуннувэн гиркурав, эмэрэв (ФЭЯ, 48) – Мы обошли всю (букв.: свою) страну, о которой мечтали, и вернулись (но речь идет не о родной стране); Ичэде=нэ=л=ин бэе=ӈи=л=ин он хукулэчэтын, хукулэдерэ (хант.) – (Ее) мужчины, которых она видела, как лежали, так и лежат.

В последнем предложении аффикс =ӈи при определяемом существительном бэе=ӈи=л=ин указывает на косвенный характер выражаемой аффиксом =ин принадлежности 3-му лицу. В других предложениях косвенный характер принадлежности не маркирован. В диалектах, испытывающих влияние якутского языка, причастие в функции зависимого сказуемого не спрягается, а на субъект второстепенного действия указывает притяжательный аффикс при ОИ, присоединяемый обычно через аффикс косвенного притяжания =ӈи, указывающий на условный, косвенный характер "обладания":

Тар бэе уклэде=ри=гдэ дундэ=ӈи=н сулапча (ФЭЯ, 60) – Осталось только то место, на котором лежал тот человек. Причастная форма уклэде=ри=гдэ не имеет показателя лица; аффикс =гдэ имеет ограничительное значение 'только'. Притяжательный аффикс 3-го л. ед. ч. =н при имени дундэ=ӈи=н '(его) земля, место' указывает на субъект зависимого действия. Буквально это предложение можно было бы перевести так: 'тот человек только лежаший место=он осталось'.

Эмэксэл ӈину=вки=л мо=ӈи=тын биденӈэн (ИФЭ, 30) – Будет дерево, около которого они, придя, молятся (букв.: Придя, молящиеся дерево=они будет).

Определительные конструкции этого типа отражают влияние соответствующих якутских конструкций (см.: Убрятова, 1976, I, 238).

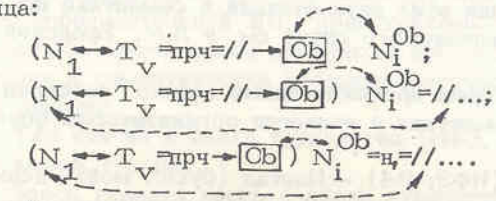
Очевидно, что роль притяжательного оформления ОИ в конструкциях, где оно является единственным способом выражения лица, гораздо более значима, чем в описанных выше случаях, где оно лишь дублирует показатель лица зависимого сказуемого.

2.2. Связь определительной ЗПЕ с определяемым именем может осуществляться примыканием и согласованием.

Примыкание определительной ПЕ к определяемому слову распространено в той или иной степени во всех диалектах. В восточных диалектах, в ареале распространения якутского языка, примыкание является единственным способом структурной организации определительных СПП:

Тавар си ңэнэдэ=ри=с буга=ла дёке дулин букатыр эдекин кейа гиркура (ФЭЯ, 52) – В ту страну, куда ты направляешься, ни один слабый, посредственный богатырь не мог ходить; Эмэ=нэ=ви удя=ли мучукал, гунэм (ИФЭ, 79) – Возвращайся по той дороге, по которой пришел.

Формулы моделей, с учетом описанных выше вариантов выражения лица:



Во многих диалектах получили преимущественное распространение определительные СПП с согласованием. Согласование является нормой структурной организации предложения этого типа и в литературном языке. Примеры:

Эмэкшэл иссатын иңа=ва аминмар биде=нэ=вэ=н (П, 31) – Придя, достигли они того камня, где был их отец (здесь зависимое сказуемое согласуется с определяемым словом иңа=ва 'камня' в форме винительного падежа); Эмэчэ, дю=ла ичэ, энинми дютадя=ри=ла=н (ИФЭ, 154) – Пришел, вошел в чум, где жила его мать (согласование в местном падеже, аффикс =ла).

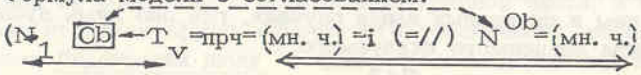
Зависимое сказуемое, хотя и не вполне последовательно, может согласовываться с определяемым именем во множественном числе (единственное не имеет формального выражения). Аффикс множественного числа =л при причастном сказуемом, таким образом, указывает на множество объектов и не связан с числом зависимых субъектов: последнее выражается аффиксом лица. Примеры:

Дайван атырканин такикшэ эдыви даркалахэм=нэ=л=вэ=н якол тэтыгэ=л=вэ=тын сурачан (П, 32) – Жена Дайвана, узнав одежды якутов, которые ковал ее муж, спросила.

У зависимого сказуемого даркалахэм=нэ=л=вэ=н аффиксы =вэ (вин. п.) и =л (множ. ч.) являются согласовательными, соотносясь с соответствующими аффиксами определяемого существительного тэтыгэ=л=вэ=тын 'одежды=их'. Таким образом, в словоформе отражено число объекта (=л) и лицо-число субъекта (=н, аффикс 3-го л. ед. ч., соотносящийся с подлежащим ЗПЕ эды=ви 'муж=свой'). Сравним также:

Гарпа=на=л=тын луки=л=тын эрдэлэн аркичэрэ (Н) – Стрелы, которые (они) выпустили, до сих пор торчат.

Формула модели с согласованием:



2.3. В эвенкийском языке существует еще одна модель построения определительных конструкций, не отмеченная, насколько нам известно, в других алтайских языках. Специфика ее состоит в том, что в ней особым образом выражается та роль, которую ОИ выполняет в ситуации, названной определительной ЗПЕ. В предыдущих моделях эта роль формально никак не выражалась – позиция, которую должно было бы занимать ОИ, просто опускалась из состава ЗПЕ (в формуле знак "лакуны" – □). В этой же модели роль ОИ маркируется падежным аффиксом, который принимает причастное сказуемое ЗПЕ; таким образом, глагол в причастной форме принимает показатель того падежа, которым сам же и управляет (т.е. который должна была бы принять форма управляемого дополнения или же обстоятельства при нем). Этот прием мы называем "расхождением", поскольку в модели использованы два разных падежа: при определяемом имени – падеж, который оно имеет по требованию главной части; при сказуемом определительной ЗПЕ – падеж, который должно было бы иметь ОИ в составе этой ЗПЕ. Такой тип организации определительных ППК возник в недавнее время и не получил еще широкого распространения. Стимулирующую роль сыграли здесь, по всей вероятности, русские определительные конструкции, где роль ОИ в ситуации ЗПЕ выражается посредством падежной формы слова который. Примеры:

...хуркэкэн сурумэчин=дулэ=н город=ту умукэмэт тунгус ачин бисин (Г, 9) – В городе, в который должен ехать парень, ни одного тунгуса нет.

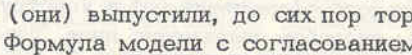
Оформление определяемого слова город аффиксом дательно-местного падежа отражает его синтаксическую роль в главной части: город=ту ачин 'в городе нет'. Оформление зависимого сказуемого аффиксом местного падежа =дулэ (сурумэчин=дулэ=н 'должен ехать=туда=он') вскрывает смысловые отношения между ним и определяемым словом.

Кэ, Питакэ, эниндулэс суруми, нуңандукин эетми мунду нимңакан=э улгучэдэн тынэвэ улугучэн=нэ=вэ=н ая бимчэ (ТД, 85) – Питакэ, хорошо бы пойти к твоей маме, попросить рассказать ту сказку, которую она вчера рассказывала.

В этом предложении форма неопределенного винительного (аффикс =э) у определяемого слова нимңакан=э 'сказку' указывает на неопределенность объекта (речь идет о сказке, которую дети еще только просят рассказать), аффикс же винительного определенного (=вэ) у зависимого сказуемого улгучэн=нэ=вэ=н 'которую вчера рассказала' указывает на определенный объект.

Эмэрэн тар дю=ла таладяри=кла=тын дамгарукка (ЭФ, 28) – Пошел к тому чуму, около которого отобрали табакерку.

Местный падеж (=ла) определяемого слова дю=ла 'к чуму' обозначает цель движения, а направительно-местный падеж (=кла) зависимого сказуемого таладяри=кла=тын 'около которого отобрали' – на приблизительное местонахождение. Формула модели:



Падежное оформление компонентов определительной конструкции

по способу "расхождения" расширяет ее выразительные возможности, способствует дифференцированному выражению таких смысловых оттенков, которые нивелируются при описанных выше способах связи.

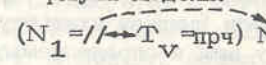
Впрочем, конструкции с расхождением еще мало распространены и судить о том, какое место они могут занять в синтаксической системе, пока преждевременно.

3. Определительные ППК, где ОИ называет атрибут имени в составе ЗПЕ, аналогичны русским конструкциям типа человек, голова которого..., однако отличаются более узкой сферой употребления: это имя может быть только подлежащим ЗПЕ и связано с ОИ отношениями части и целого, так что его характеристика (в наших примерах всегда по размеру) является одновременно и характеристикой ОИ.

Важнейшим компонентом структуры таких предложений является аффикс 3-го л. при зависимом подлежащем, указывающий на отношения принадлежности (части и целого) между зависимым подлежащим и ОИ – и одновременно на атрибутивные отношения между ОИ и зависимым подлежащим. Сравним: морапчанак баргума=н 'противоположная сторона моря (моря противоположная сторона=его)' – и, с другой стороны, Таду баргума=н эхи ичэв=рэ морапчанак бихин=ивит (ФЭЯ, 163) 'Там море, противоположная сторона которого не видна'. Еще примеры:

Эвгидэ=н баргида=н эхи ичэв=рэ дю бичэ (ИФЭ, 27) – Это был чум, ближняя и противоположная сторона которого не видны (букв.: эта сторона=его, та сторона=его не видны чум был); Амаргуптын дюлэ=н амар=ин эхи сав=ра улгур огин (ФЭЯ) – Потом пусть будет рассказ без конца и края (начало=его, конец=его не видны).

Формула модели:



Лексическое однообразие приведенных примеров, встреченных в опубликованных фольклорных текстах, и отсутствие их в наших материалах не позволяют сделать достаточно обоснованные выводы об их значении и функционировании. Несомненными представляются лишь чужеродность данных конструкций для эвенкийского языка, их якутское или бурятское происхождение (Убрятова, 1976, I, 237).

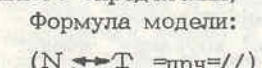
II. Псевдоопределительные конструкции, в которых ОИ – оценочное имя, имя отношения и т.п., строятся по способу отражения. Механизм образования такого комплекса в сложном предложении тот же, что и в простом: определяемое существительное посредством своего притяжательного оформления (аффикс 3-го лица) связано с определением, которое в нашем случае представляет собой предикативное именование ситуации, "синтаксическое имя"; так, если определение в простом предложении представляет собой имя существительное, в большинстве случаев конкретной семантики (орон дыл=ин 'голова оленя' – 'олень голова=его'), то в сложном оно выражается целой предикативной единицей (орон туктыхин=нэ=н ая=н 'красота (того, как) олень побежал' – 'олень побежал красота=этого').

Внутри предложения, простого или сложного, атрибутивный комп-

лекс занимает позицию единого члена предложения благо… спаянности своих компонентов, которая обеспечивается, в… описанным типом притяжательного оформления, а во-втор… формой определяемого, маркирующей позицию в предложе… комплекса.

Притяжательное оформление определяемого слова огр… аффиксом 3-го лица единственного (не множественного!) … поскольку предикативное название действия, ситуация осм… как имя, согласование с которым должно проводиться по… (ср. существительные в форме единственного числа). Чис… же лицо) реальных производителей действия значения не… ним: омолги энин=ин 'мать парня', омолги=л энин=тын 'м… где число определения выражается в оформлении определ… 3-е л. ед. ч., =тын – 3-е л. мн. ч.), с одной стороны; с … роны – ахи буссэде=ри=н со=н 'интенсивность, сила (букв… того, как болеет женщина' и аха=л буссэде=ри=тын со=н … как болеют женщины', где число субъектов действия отра… жательным показателем в составе причастной формы, а а… определяемом имени отражает только факт наличия при н… тивного определения, "синтаксического имени".

Формула модели:



По этой модели строятся предложения, где ОИ – наз…

Ахиптын сивайвадукпун боголов=но=с аваккаду=н эр б… вуксэл, эр=ты ариврав (ФЭЯ) – В огорчении от того, что… ло на свадьбе, привезли тебя сюда и воскресили; Тавар … хиду=н эр=ты кэңтырэс угуктаван унякачандиви урихинди… В досаде за такое твое отношение (ты так себя вел – в… го) сейчас же своим указательным пальцем вырву твою …

Определяемое имя в таких конструкциях может также … какую-либо характеристику зависимого действия: это оце… (со 'сила, интенсивность', ая 'добро, "хорошесть"', эмнэ… вие', уха 'зло', буруй 'неправильность, вина' и т.п.), сло… венной оценки (таңу 'число, множество', устан 'протяже… слова со значением отношения (тэкэн 'основание, причина… фазовым значением (мудан 'конец'):

Улгуми=де=ри=с=тэ ая=н, эмнэ=н со (ФЭЯ, 197) – И… ешь ты хорошо, спокойно (красота и спокойствие (того, … шиваешь, велики); Де би эвиривэс ичэчимдэк эёт=ты=в тэ… (ФЭЯ, 124) – Есть причина (того, что) я хочу посмотр… играешь; Синэвэ некэйэ=ри=с таңу=ду=н=ңэн модуларэ эх… бэе бихим (ИФЭ, 44) – Я не тот человек, который отста… живает тебя на протяжении твоего пути (ты идешь – на … этого).

Из приведенных примеров, особенно последнего, видн… ное оформление, отражающее синтаксическую позицию все… ного комплекса, берет на себя определяемое; в последне…

существительное таңу= оформлено аффиксом датива =ду. Синтаксическая активность определяемого в сочетании с отвлеченностью его семантики создает почву для формализации и перехода его в служебное слово типа послелога (см.: Бродская, 1982, 21-38; Предикативное склонение..., 1984, 167-168). Однако мы не располагаем пока достаточными данными для выводов на этот счет.

§ 5. Конструкции с причастной определительной ЗПЕ в самодийских языках

1. Нганасанский язык

Причастиями в самодистике называют инфинитные глагольные формы, ведущая функция которых – определение к имени.

В нганасанском языке выделяются пять причастных форм: это причастие совершающегося действия с суффиксом =то/=туо: Сырай дубыта=туо быэ мэрута кулару 'Вода, выбрасывающая лед на берег, бурлит'; причастие совершающегося действия с суффиксом =де: Ны"-кирбидуо=де нербы" ңунутэгатачун, нуо" 'Шерсть, которую нарезали женщины, собирают дети'; причастие еще не совершившегося действия с суффиксом =мэтума"а: Дикара"а боңкуряти" коуканду" дöане= =мэтума"а сӱрӱ" 'В ущельях гор остается еще не растаявший снег'; причастие действия, которое должно совершиться (будущего времени) с суффиксом =сузэ/=сутэ: Доане=сутэ сӱрӱ доану" 'Снег, который должен растаять, тает'; причастие страдательное с суффиксом =мэ: Эмты кэзи=мэ колы хири" 'Эту очищенную рыбу свари' (ср.: Терещенко, 1979, 262).

Из этих пяти форм особо обращает на себя внимание причастие совершившегося действия на =де; дело в том, что этот аффикс присоединяется не к основе глагола, как остальные четыре, а к финитной форме прошедшего времени на =сӱо/=дӱо: Тай хутар=сӱо=де ңэнаса би"э 'Оленей запрягший человек ушел'; Тэндахо бэнтизэ саңир=сӱо=де нӱо" матэ чи"э дӧрэдя 'Тогда на улице игравшие дети в дом вошли плача'.

Таким образом, если такие причастные аффиксы, как =то/=туо, =мэтума"а, а отчасти и =мэ, одновременно выражают временные значения и указание на атрибутивную функцию данной глагольной формы, то аффикс =де – чистый "адъективизатор", позволяющий финитной временной форме на =дуо выступать в определительной функции.

Форму на =сузэ также следует оговорить особо: она способна употребляться не только в роли определения, но и в роли финитного сказуемого со значением абсолютного будущего времени. Однако эти роли четко различаются парадигмами личного оформления: в роли финитного сказуемого она принимает личные окончания глагола по субъектно-объектному типу, а в роли вершины определительной ЗПЕ – личными притяжательными аффиксами 2-го типа. Примеры:

Мың ту=сузэ=му" туркудя – Мы пойдем к озеру (=му" – аффикс 1-го л. мн. ч. субъектно-объектного спряжения); Лянде хоала=сузу=ну" бикакадеману ичӱо – Кусты, которыми растопим, на берегу реки находятся (=ну" – аффикс личного притяжания 2-го типа 1-го л. мн.ч.).

Употребление этой формы в определительной функции имеет следующие ограничения: как определение к имени используются только формы от основ переходных глаголов; непереходные глаголы используются в определительных конструкциях другой структуры, где ЗПЕ имеет форму имени действия и значение предстоящего действия.

Причастная форма на =то/=туо способна субстантивироваться, обозначая исполнителя действия: нӧча=то 'роженица', хылыгай=чӱо 'храбрец' ('страха=не=имеющий') и т.п., однако эти случаи выходят за пределы нашего исследования.

Конструктивным центром определительных конструкций является сочетание причастной формы с определяемым именем (ОИ). Причастные ЗПЕ, как правило, предшествуют ОИ, однако отмечены случаи постпозиции определения:

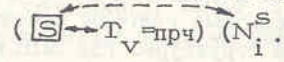
Кинтэ дякэ=то сеймине тасагимтузэ – Дым поднимавшийся глаза ел; Мэнэ нягэ ңазусӱом басутуой хиезы=тэ=й – Я хорошо видел охотников идущих.

Постпозиция определения служит особому его выделению. Н.М. Терещенко пишет в этой связи: "Такого рода обособление причастного определения является особым синтактико-стилистическим способом, используемым в целях акцентирования процессуального признака того или другого предмета, усиливает заключающийся в нем элемент предикативности" (1979, 123).

В нганасанских определительных конструкциях используются два основных способа связи – примыкание и согласование; изредка встречается третий способ – оформление определяемого имени притяжательными аффиксами 1-го типа, выражающими лицо субъекта действия определительной ЗПЕ. Выбор способа связи прямо зависит от роли, которую определяемое имя выполняет в ситуации, названной ЗПЕ, а также от некоторых других признаков конструкции. Поэтому рассмотрим вначале структурные типы моделей, обусловленные ролью ОИ по отношению к ЗПЕ.

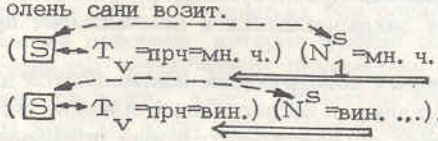
Во всех примерах, которыми мы располагаем, ОИ – предметное существительное, референт которого является участником одновременно двух ситуаций, названных в главной части и в определительной ПЕ. Роль его в главной части выражена его падежным оформлением. Роль его в определительной ЗПЕ выражается, как и в других описанных здесь агглютинативных (алтайских) языках, способом "незаполненной валентности", т.е. лакуной на месте соответствующей синтаксической позиции. Если ОИ называет субъект причастного действия, отсутствует позиция подлежащего, в предикативном узле определяющей конструкции сохраняется только предикативная часть, соответственно конструкция в целом не является собственно сложной. Если ОИ называет другой актант причастного сказуемого – в наших примерах представлен только объект – то определительная ПЕ имеет позицию подлежащего, но лакуну на месте позиции прямого дополнения. Соответственно выделяются два структурных типа моделей, различающихся по способу связи между главной частью и определительной ЗПЕ и ряду других признаков.

В первом структурном типе объединяются модели, в которых ОИ называет субъект определяющего действия и соответственно в ЗПЕ отсутствует позиция подлежащего. Способы связи здесь – примыкание и согласование. Рассмотрим каждую модель раздельно.



В этой модели связь осуществляется по способу примыкания; причастие никаких дополнительных показателей не принимает. Примеры:

Кэнар=сӱо=де быэ ӈэмлаиэ – Загустевший суп съели; Нуому тазу=сутэ ӈэнапсэ талуо тусӱо – Человек, который должен привезти нашего ребенка, вчера приехал; Мэнэ някэлиэм столэ нитэ туоптэ=мэзума″а книгэм – Я взял со стола нечитанную книгу; Лучи косарусуо==де ны дянурудя бӱӱдиэ – Одежду высушившая женщина в тундру уехала; Мули сочела=суо=де ны кундаиэ – Узор вышившая женщина спать легла; Эмны нилы=дие=де куодуму кэндучу койэ – Живший здесь мужчина санки оставил; Эмты декала=мэ кирибэ, декала=мэ колы ичуо″ – Здесь резаный хлеб и резаная рыба лежат; Сайэ=мэ курухэ сылы сылы ӈэмсаӈуту? – Подгоревшую кашу кто есть будет? Немыэ мокининту коптамту ӈозуса сӱрӱни ӈомта=туо би″э дязату – Мать сзади видя дочь свою, на снегу сидящую, подошла к ней; Ченым=тыэ нягэмэнэ баӈ, тамантэ кэндэй нимяты – Хорошо обученная собака как олень сани возит.



Здесь связь осуществляется по способу согласования в числе и падеже. Существенно при этом, что согласование проводится только в винительном падеже (аффиксы =м в ед. ч. и =й во мн. ч.), т.е. ОИ должно занимать в главной части позицию дополнения. Согласование во множественном числе (аффикс =″) проводится только тогда, когда ОИ имеет форму именительного падежа (является подлежащим главной части).

Примеры согласования в числе:

Эмэ кэлкосэтэну нилыты″ та=й камя=туо″ басутуо=″ – В этом колхозе живут оленей имеющие охотники; Хоалэтини байбӱтур=сӱо==де=″ куодему нуо=″ мэругэта биаиндэ – Камни кидавшие мальчики с берега ушли; Ӈуомэну туйхя=то=″ чири=″ мындыбяты сорэ, сӱрӱ – По небу плывущие облака несут дождь и снег; Дяӈуртини буоза=то=″ хоаразя=″ биегали ичӱо″ – Растущие в тундре травы запаха не имеют.

Примеры согласования в числе и падеже:

Дярэзэ=тэ=м та=м танирсуо=де=″ ӈулязэ=″ кадяту ту″о – Болеющего оленя гонящие волки близко подошли; Дигэ нилядя хиезыты=тыэ=й соду=го=й качемиэм – С горы идущие аргиши увидел я; Мэнэ дилситиэм радиэ манэ кэйӈэ=туэ=й нуо=й – Я слушал по радио поющих детей.

В наших материалах есть небольшое количество примеров, где в форме причастного сказуемого выражено лицо исполнителя действия: в словоформу включены притяжательные показатели 1-го типа, соотносящиеся соответственно с определяемым именем:

Кодя=сутэ=зэ″ хоа=″ кодятэсуо куодя – Дрова, котор высохнуть, лежали на солнце (=зэ – притяжательный аффпа 3-го л. мн. ч.).

Такого рода оформление можно считать дополнительвом связи между определяющей ЗПЕ и главной частью, в торой входит ОИ, однако у нас недостаточно материала, лать на этот счет какие-либо окончательные выводы.

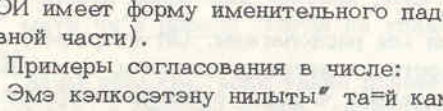
Второй структурный тип объединяет модели, где ОИ роль объекта по отношению к ситуации ЗПЕ; соответстве имеется позиция подлежащего, причастное сказуемое – п ный глагол, но отсутствует позиция прямого дополнения.

Подлежащее ЗПЕ имеет ту же форму, что и в незавиложении, – именительного падежа, однако зависимость е редаваться следующим способом. Если говорящему необхзить притяжательные отношения между некоторым имене жении и говорящим, слушающим или 3-м лицом, то подлной части оформляется притяжательными показателями 1 подлежащее зависимой ПЕ – притяжательными показател па. Примеры:

Немы=мэ хиритэ ӈэмсу депту нягэ – Мать-моя вкус Немы=нэ хиритэ=то ӈэмсу нягэманэ би″э – Мясо, к ла моя мать, вкусно пахнет.

Как видим, в первом случае используются аффиксы (=мэ – 1-е л. ед.ч.), а в зависимой позиции – 2-го тип 1-е л. ед. ч.).

Субъект действия в определительной ЗПЕ выражаетс ным словом – подлежащим, либо притяжательными показ типа в составе причастного сказуемого. Способ связи в рукциях – обычно примыкание. Соответственно модель варианта: 1) субъект выражен подлежащим и 2) субъект тяжательными аффиксами. Формулы моделей:



Мэнэ ныантым имиди=нэ сочела=суо=де дембя=не – ду мою, которую шила бабушка=моя; Някали″э нинын=ты кахолэ=мэзума″а – Она взяла заготовку, которую ее=бр еще не выстругал.

Здесь в составе ЗПЕ имеется собственное подлежащ иметь притяжательное оформление 2-го типа).

Примеры с выражением субъекта ЗПЕ притяжательн 2-го типа при причастном сказуемом ЗПЕ:

Лянде хоала=сӱэӱ=нӱ бикэкадеману ичӱо – Кусты, к пим, на берегу растут; Хиндя кэма=дуо=де=й=нэ колы б ичуо – Ночью наловленная мной рыба на берегу реки ле

Имеются также примеры, в которых ЗПЕ с собстве

присоединяются к ОИ посредством согласования с ним в винительном падеже:

Суси=дие=де=й=не букурэ=й козуркуса – Сеть, которую я снял, ставлю сушить.

Здесь в составе причастной словоформы имеются притяжательный показатель 2-го типа 1-го л. ед. ч. =не, выражающий лицо субъекта причастного действия, и аффикс винительного падежа мн. ч. =й, согласующийся с аналогичным аффиксом у определяемого имени.

Однако нужно сказать, что во многих случаях ОИ в роли прямого дополнения показателей винительного падежа не принимает (если ЗПЕ имеет собственный субъект); для выяснения, какие же здесь действуют закономерности, нужен дополнительный сбор материала и исследования.

Наконец, имеются отдельные примеры, в которых лицо субъекта действия определительной ЗПЕ выражено притяжательными показателями 1-го типа, оформляющими ОИ, что является дополнительным средством связи между зависимой и главной частями. Мы располагаем примерами, в которых лицо субъекта выражено только при ОИ или же и при ОИ – показателями 1-го типа, и в составе причастного сказуемого – показателями 2-го типа:

Сӱрӱни мелызы=сыэ=де ма=мэ нэңхуа исӱо – Зимой сделанный чум мой плохой был; Ңэмсутуо=му" быэ=мы сине=мэтума"а ичӱо – Суп, который мы едим, еще не остыл.

К сожалению, примеры, которыми мы сейчас располагаем, не позволяют наметить правила выбора между всеми перечисленными моделями. Вопрос остается открытым для дальнейшего исследования.

2. Энецкий язык

Причастием в энецком языке называют полифункциональные глагольные формы, которые могут использоваться в функции конечного сказуемого и определения при существительном, а некоторые также в роли зависимого сказуемого в соответствующем падежном и послеложном оформлении (см. главу I в настоящем разделе); сейчас мы будем рассматривать только определительную функцию.

Причастия образуются как от непроизводных, так и от производных основ с сохранением глагольных валентностей; в энецком выделяется шесть причастных форм.

1. Причастие настоящего времени I образуется только от глаголов несовершенного вида при помощи суффикса =да/=та: секту=да бунык 'кусающаяся собака', мосра=да нэ 'работающая женщина'; в отрицательной форме суффикс =да оформляет одновременно отрицательный глагол (частицу) и= и основу полнозначного глагола: и=да битура=да энчи 'не думающий человек', и=да пи=да энчи 'не боящийся человек'. Формы часто субстантивируются: паги=да 'рыбак', мосра=да 'работа' и т.п. С падежными аффиксами и послелогами это причастие может использоваться как зависимое сказуемое.

2. Причастие настоящего времени II образуется при помощи суффикса =за, более древнего, чем =да. В диахронии он имел значение причастия настоящего времени от глаголов несовершенного вида, но в силу постоянного атрибутивного употребления стал аффиксом прилагательных, а причастные его функции перешли к суффиксу =да. В некоторых словоформах эти суффиксы встречаются одновременно: пол=зе=да 'черный' (от поль 'густой' через 'быть густым'), нар=зе=да 'красный' (от нара 'медь' через нара=сь 'быть медным' → нара=за → нара=за=да). Древность этих форм подтверждается и фонетикой (изменился согласный л на стыке в первом примере, отпал гласный а во втором, видоизменился гласный аффикса: =за→=зе). Целый ряд образований на =за перешел окончательно в разряд прилагательных: дичи=за ңу 'горькая трава' (от *дичи=сь 'быть горьким'), депи=за дери 'жаркий день' и т.д.

Причастные образования с суффиксом =за в современном языке довольно немногочисленны, но они еще функционируют и используются в тех же функциях, что и форма на =да: могут быть определением, главным и зависимым сказуемым.

Эта форма часто образуется от глагольных основ с аффиксом несовершенного вида =гу: тота=гу=за не 'читающий ребенок'; Пазуруxиз каяхуз эбад тор=гу=за сойзуд седа 'Из бумаги сделай шапку, закрывающую голову от солнца'.

Форма на =за может также субстантивироваться: дене=ку=за 'шутник' (от денеку=сь 'шутить'), течи=за 'холод' (тэчи=сь 'быть холодным') и т.п.

3. Причастие прошедшего времени образуется при помощи суффикса =дуй/=туй от основ совершенного вида: Мота=дуй пя нин мой" ока 'На спиленном дереве сучьев много'.

Сочетания этого причастия с определяемым именем имеют интересное свойство: если нужно выразить принадлежность того, что названо ОИ, некоторому лицу, лично-притяжательный показатель прямого субъектного ряда оформляет не определяемое имя, а причастие: ихту=дуй=бь нэ 'моя курящая женщина', ихту=дуй=р нэ 'твоя курящая женщина', ихту=дуй=р=за нэ 'его курящая женщина' и т.д.

Формы причастия ıа =дуй с притяжательными показателями прямого субъектного ряда вне определительной конструкции имеют значение 'тот, кто', 'то, что, кто', 'то, что', т.е. выступают центром конструкции типа русской местоименно-отождествительной:

Паз=дуй=за сизна декета – То, что она написала, нас удивило; Отэ=дуй нись ту – Тот, кого я жду, не пришел; Отэ=дуй=р нись ту – Тот, кого ты ждешь, не пришел; ср. миде=тай 'то, что я несу', миде=тай=р 'то, что ты несешь', миде=тай=за 'то, что он несет'.

4. Причастие прошедшего времени II образуется при помощи суффикса =й:

Энчу бит покру=й энчи со дез нэбруйз – Люди на голос утопающего (букв.: человека, скрывшегося в воду) побежали.

Этот показатель более древний, чем =дуй; многие формы с его участием перешли в разряд прилагательных: коди=й би 'холодная вода', касу=й деха 'сухая река'.

5. Дебитивное причастие (суффикс =уда) обозначает действие, которое должно совершиться:

Кани=уда энчи обуру нодара – Человеку, который должен уйти, соберите вещи.

6. Каритивное причастие (суффикс =узай) обозначает действие, которое еще не совершилось:

Пири=узай буй пячу нин мокчи – Еще не сварившийся суп стоит на печке.

Определительная ЗПЕ с причастным сказуемым в энецком языке обычно предшествует определяемому имени, но может и следовать за ним:

Энчи дяэ=дуй нона нэ кеод кани – Человек, шедший к нам, в другую сторону свернул.

В энецком используются три способа связи между определительной ПЕ и ОИ: 1) примыкание, 2) согласование в притяжательном оформлении по прямому субъектному ряду, 3) оформление ОИ притяжательными показателями косвенного ряда, выражающими лицо субъекта действия определительной ЗПЕ. Выбор между этими способами определяется той ролью, которую ОИ играет по отношению к ситуации, названной определительной ПЕ.

Во всех имеющихся у нас примерах ОИ – имя предметного значения, называющее либо субъект, либо объект, редко – сирконстант определяющего действия. И субъектная, и объектная роли выражаются только способом "незаполненной валентности": в первом случае в определительной ЗПЕ отсутствует позиция подлежащего, во втором – позиция прямого дополнения при переходном глаголе. Рассмотрим модели этих типов по отдельности.

$(\boxed{S} \leftarrow\!\!\rightarrow T_v$=прч$)\ (N_i^S \ldots)$.

Это модель, где ОИ называет субъект определительного действия и связь осуществляется по способу примыкания:

Сойза седа=гу=за энчи сойза – Человек, делающий добро (хорошее), хороший; Код мугу=за каса Потабуд канта – Нарту беруший мужчина в Потапово едет; Нэр=дуй не эхуда пислыйз – Проснувшийся ребенок улыбался матери; Дяго=дуй энчи сойзась – Умерший человек хорошим был; Эки дерихон пячи мɛ=уда энчи ни ту – Человек, который должен сделать печь, сегодня не пришел;

Коди=за не из нэтагу – Спящего ребенка не буди.

$(N_1 \leftarrow\!\!\rightarrow T_v$=прч$\rightarrow \boxed{Ob})\ (N_i^{Ob} \ldots)$.

Это модель, где ОИ обозначает объект или сирконстант действия определительной ПЕ; связь осуществляется по способу примыкания, субъект ЗПЕ выражен именем в форме именительного падежа:

Модь каба (им. п.) бярта=дуй дедаз модыэз – Я увидел щуку, (которую) выбросила волна; Нита ару=дуй энчи Потабуд каайз – Человек, (у которого) выросли дети, приехал в Потапово;

Чики одод седа=дуй каба кудаха биз барод каноо – Волны, (которые) подняла эта лодка, далеко к берегу уносятся.

Модель, где определительная ЗПЕ имеет собственный субъект, имеет еще несколько вариантов. Если субъект действия определительной ЗПЕ выражается притяжательными показателями косвенного ряда (в 1-м–2-м лице местоимение-подлежащее при этом отсутствует), то

их местоположение может быть различным. Мы располагаем примерами трех типов.

1. Показатель притяжания косвенного ряда может располагаться на причастии; способ связи – примыкание:

$(N_1 \leftarrow\!\!\rightarrow T_v$=прч=/косв. р./$\rightarrow \boxed{Ob})\ (N_i^{Ob} \ldots)$.

Соседкад тоза=дуй=д палток=раха палтокзуй тыдынид – Привези мне такой платок, какой купил соседке (Соседке привез=ты платок= =похожий платок=мне купи=ты); Нызку=за=нь книга модь книгай ни ӈа – Книга, которую я рву, не моя; Стенка кехон пи=дуй=нь пе эу тоза – Принеси дрова, которые я сложил у стенки; Мез кеохон седа= =дуй=нь энчи комаза – Около чума, построенного мной, собрались люди; Колта=уды=нь лубаха, код нин мости – Тряпки, которые я буду стирать, лежат на карте.

2. Показатель косвенного ряда может располагаться на определяемом имени, выступая тем самым в качестве дополнительного средства связи между частями:

$(N_1 \leftarrow\!\!\rightarrow T_v$=прч$\rightarrow \boxed{Ob})\ N_i^{Ob}$=/косв. р./...$)$.

Богля (им. п.) седа=дуй мяри=хуэ=у=да буя сехеза – Из раны, которую ему нанес медведь, хлынула кровь.

3. Наконец, показателями косвенного ряда могут быть оформлены одновременно и причастие, и определяемое имя:

$(N_1 \leftarrow\!\!\rightarrow T_v$=прч=/косв. р./$\rightarrow \boxed{Ob})\ (N_i^{Ob}$=/косв. р./...$)$.

Пири=дуй=д кари=д очь неу пирис – Рыбу, которую ты сварил, я есть не могу; Модь бэси=д маре нэнынь дюр=дуй=д тоза – Я принес кошелек, который ты забыл у меня дома (пример с постпозицией определительной ЗПЕ).

Мы располагаем еще группой примеров, где причастие и определяемое имя одновременно оформлены показателями притяжания прямого субъектного ряда:

$(N_1 \leftarrow\!\!\rightarrow T_v$=прч=/прям. р./$\rightarrow \boxed{Ob})\ (N_i^{Ob}$=/прям. р./...$)$.

Оты=да=р энчи=р ни ту – Ожидаемый тобой человек не пришел (букв.: ожидаешь=ты человек=твой...); Кой=дуй=р пайзи=р сырахун муйзаз – Отмороженную щеку снегом потри (букв.: обморозил=ты щеку=твою...); ср. также: У комита=да=р не=р 'Твоя любимая жена'.

Такого рода случаи мы интерпретируем как согласование в притяжательном оформлении. Показатель притяжания при причастии выражает одновременно и лицо субъекта определительного действия, однако выбор притяжательной парадигмы – прямого ряда вместо косвенного – обусловлен, как нам кажется, наличием показателя прямого ряда с притяжательным значением при определяемом имени. Возможно, здесь играет роль различие в тесноте притяжательных отношений – ср. выше примеры третьей группы, где налицо также двойное оформление, но показателями косвенного ряда: с одной стороны,

'щека', 'жена', 'человек', с другой – 'кошелек', 'рыба'. Однако для окончательных выводов на этот счет, а также для формулирования правил выбора между всеми перечисленными моделями с притяжательным оформлением необходим еще дополнительный сбор материала и дальнейшее исследование.

§ 6. Некоторые итоги сопоставительного анализа

Подведем итоги анализа основных типов определительных конструкций в рассматриваемых здесь языках.

Исследования показали, что в сфере определительных конструкций действуют в принципе те же закономерности, которым подчиняются полипредикативные конструкции обстоятельственные и управляемые, хотя, конечно, каждый функциональный тип характеризуется и специфическими, свойственными только ему закономерностями.

На материале определительных конструкций также прослеживается существование особых средств выражения зависимой предикации, основным из которых является особая система личной аффиксации (притяжательные показатели); в некоторых языках особым образом оформляется и подлежащее зависимой части (родительный падеж и некоторые другие средства).

Установлено, что во всех рассматриваемых языках основные типы определительных конструкций обнаруживают большую типологическую близость друг к другу; периферийные же типы, более редкие и передающие более сложные отношения между определительной ЗПЕ и определяемым именем, оказываются более специфическими, более индивидуальными и поэтому менее сопоставимыми.

Предложенное в § 1 данной главы разделение определительных конструкций на собственно-определительные, где ОИ – автосемантичное слово, и "псевдоопределительные", где ОИ – синсемантичное слово, подтвердилось на материале алтайских языков расхождением в структурных характеристиках соответствующих групп моделей. Наиболее четко противопоставлены собственно-определительные модели, где ОИ – имена, соотносящиеся с глаголами оперирования информацией и обозначающие форму передачи или существования информации ('мысль', 'слова', 'письмо' и т.п.). В таких конструкциях определительная ЗПЕ имеет изъяснительное значение и вводится причастными формами служебного глагола говорения (напр., тув. дэ=эр, дэ=эн, бур. гэ=нэн и т.д.). По самодийским языкам мы располагаем слишком ограниченным материалом; дальнейшее исследование покажет, означает ли отсутствие примеров на данном этапе изучения отсутствие в языке соответствующих конструкций, или просто необходим дополнительный целенаправленный сбор материала.

Еще один тип "псевдоопределительных" конструкций, прослеживаемых в алтайских языках, интересен тем, что открывает возможность для перехода определительных конструкций в другие структурно-функциональные типы ППК. На базе конструкций, где ОИ – имена отношений ('время', 'причина' и т.п.), формируются конструкции с послелогами (служебными именами). Конструкции с ОИ-номинализаторами ('человек', 'предмет', отчасти и 'место'), передают значения 'тот, кто', 'то, что' и 'там, где'. Местоименные ОИ прономинализованного типа в алтайских языках нередко опускаются (в тюркских и бурятском это слова со значением 'человек' и 'вещь', в эвенкийском также 'место'); в этих случаях падежное оформление актанта принимает причастие. Такие причастно-падежные конструкции имеют предметно-отождествительное значение.

Во всех рассматриваемых языках обнаружились следующие закономерности построения собственно-определительных конструкций.

1. Ведущим признаком, характеризующим структуру определительной конструкции, оказывается роль определяемого имени по отношению к ситуации, названной в ЗПЕ. Самый распространенный способ выражения этой роли – лакуна на месте той синтаксической позиции, которую ОИ заполняло бы в простом предложении. Использование других средств представлено только в отдельных языках и только на периферии (например, в тюркских и в бурятском так используются лично-притяжательные показатели, в эвенкийском – падежное оформление причастного зависимого сказуемого).

2. Между способом присоединения определительной ЗПЕ к определяемому имени и ролью этого имени в ситуации ЗПЕ существует закономерная связь. ОИ может называть любого из участников ситуации ЗПЕ; но эти участники неравноправны. Их иерархия отражается в структурных типах определительных конструкций. Обычно выделяется, как минимум, два таких структурных типа, что соответствует противопоставлению "субъект – не субъект". В некоторых языках имеются и более частные типы определительных конструкций, т.е. "не субъект" разбивается на "объект – сирконстант – атрибут".

Во всех рассмотренных языках представлены модели со следующей обобщенной формулой:

$$(\boxed{S} \leftrightarrow T_V = \text{прч})\ (N_i^S \ldots).$$

Здесь определяемое имя называет субъект причастного действия, причастное сказуемое не несет никакого дополнительного оформления, способом связи является примыкание, дополнительным способом – лакуна в позиции подлежащего. Это модели полипредикативного, но не сложного предложения: определение не содержит предикативного узла, поскольку в нем сохраняется только состав сказуемого. Лицо субъекта в ней не выражается. Примеры:

Тув.: Ааараан соонда ажылдап олур=ар сене көргеш, чүрээм аарыыр-дыр – Увидев тебя, работающего после болезни, я расстроился (букв.: сердце=мое болит); бур.: дахин хүнжэл дороо орошоод хэбтэшэ=нэн намайе харанаар, ... (Тул., 38) – Видя меня, снова лежащего, нырнув под одеяло,...; эвенк.: мохали хукты=чэ орон 'бежавший по лесу олень'; нган.: доане=мэтума"а суру" 'еще не растаявший снег'; энецк.: мосра=да нэ 'работающая женщина'.

Кроме этих моделей в отдельных языках в эту группу входят и некоторые другие – с согласованием в падеже и числе (эвенкийский, нганасанский); имеются также единичные нганасанские примеры с

выражением лица – однако притяжательными показателями 1-го типа, и семантику их еще нужно исследовать дополнительно. Тем не менее центральное место в этой группе занимает модель с формулой, приведенной выше, – именно ей принадлежит ведущая роль при выражении характеристики предмета или лица по совершаемому им самим действию.

Во второй группе моделей собственно-определительных конструкций ОИ называет не субъект, а объект, сирконстант или атрибут ситуации ЗПЕ. Соответственно в ЗПЕ имеется позиция подлежащего, но отсутствует та именная позиция, которую должно было бы заполнять определяемое имя. Так как в моделях этой группы может выражаться лицо субъекта ЗПЕ, далее они классифицируются по этому структурному признаку.

Лицо субъекта ЗПЕ может выражаться при помощи показателей, оформляющих причастное сказуемое; формула модели:

$$(N_{1(2)} \leftrightarrow T_v = \text{прч} = // \rightarrow \boxed{Ob}) \; (N_i^{Ob} \ldots)$$

Использование ее характерно для эвенкийского, а также для тувинского и алтайского; для хакасского и шорского такие фразы нетипичны. О распространенности их в самодийских языках мы судить пока не можем, но они представлены и здесь. Примеры:

Алт.: Мен (неопр. п.) санан=га=м табышкакты олор билип болбоды – Загадку, которую я придумал, они не смогли отгадать; эвенк.: Тар ичэ=нэ=н авахи турэчиттэн (ИФЭ, 23) – Авахи, которого тот видел, говорит; нган.: Лянде хоала=сӱзӱ=нӱ бикэкадеману ичӱо – Кусты, которыми растопим, на берегу растут; энецк.: Нызку=за=нь книга модь книгай ни ӈа – Книга, которую я рву, не моя; тув.: Силерниӈ (род. п.) айтыр=ган=ыӈар суурну Шушенское деп адаап (СТ, I, 121) – Деревню, про которую вы спрашивали, называют Шушенское.

В бурятском языке притяжательное оформление причастия в определительной функции невозможно.

Для всех описываемых языков характерна – в той или иной мере – еще одна возможность выражения лица зависимого сказуемого: при помощи притяжательных аффиксов, оформляющих не причастное сказуемое, а определяемое имя; формула модели:

$$(N_{1(2)} \leftrightarrow T_v = \text{прч} \rightarrow \boxed{Ob}) \; N_i^{Ob} = //.$$

Примеры: Бур.: Тиихэдэ амин дээрэ хэлэ=нэн үгэдэ=нь булта этигэхэ! (Анг., 48) – Но словам, которые (он) сказал при смерти, все поверят! Эвенк.: Тар бэе уклэдери=гдэ дундэ=ӈи=н сулапча (ФЭЯ, 60) – Осталось только то место, на котором лежал тот человек (притяжательный аффикс 3-го л. =н присоединяется к ОИ через показатель косвенной принадлежности =ӈ=); хак.: Мин көзёнӧк алына сал=ган тор=ым=ны кем алып? – Кто взял шишку, которую я положил на окно? Шорск.: Меең (род. п.) ат=кан козан=ым чӱгӱрӱбисти – Заяц, в которого я стрелял, убежал; тув.: Сээң (род. п.) кед==ер платье=ӈ бо=дур (АД, ЧК, 7) – Вот это и есть платье, которое ты должна надеть; нган.: Сӱрӱни мелызы=сыэ=де ма=мэ нэӈхуа исӱо –

Чум, который я сделал зимой, плохой был; энецк.: Богля (им. п.) седа=дуй мяри=хуэ=у=да буя сехеза – Из раны, которую ему нанес медведь, хлынула кровь.

Такое оформление является дополнительным средством связи между определительной ЗПЕ и главной частью, членом которой является ОИ. Притяжательные аффиксы в разных языках могут оформлять только ОИ, или же одновременно и ОИ, и причастное сказуемое; в самодийских языках возможны варианты с разными рядами притяжательных аффиксов (прямого и косвенного ряда – энецкий язык). Однако тот факт, что при ОИ могут появиться притяжательные аффиксы, выражающие лицо субъекта определительной ЗПЕ, типологически сближает изучаемые нами языки.

Особый вопрос – о семантике показателей притяжания в этой модели. Видимо, в разных языках представлены разные варианты, укладывающиеся в определенную шкалу. Один полюс представлен в бурятском – притяжательное оформление ОИ в конструкции с собственным субъектом определительной ЗПЕ выражает только лицо этого субъекта. В других языках представлены комбинации "собственно-притяжательного" и "личного" значений с разным их удельным весом. Однако чисто притяжательное значение у аффиксов, оформляющих ОИ, по-видимому, нетипично. Мы располагаем только единичными примерами из тувинского языка, где ОИ оформлено аффиксами с притяжательным значением, а причастие – аффиксами с личным значением:

Тув.: ...аныяк шаавыста даарап бер=ген=им шодак=шуудаа=ӈ, бодур – Вот твой борцовский костюм, который я сшила в пору нашей молодости.

Как видно из примеров, серия моделей с собственным субъектом и лакуной в определительной ЗПЕ выражает по преимуществу характеристику предмета, который по отношению к ситуации ЗПЕ является объектом (причастное сказуемое – глагол прямопереходный или управляющий другим косвенным падежом, но управляемая именная позиция отсутствует). Однако в них могут передаваться и другие роли – например, роль сирконстанта:

Тув.: Мүн хайнып тур=ган оттуӈ кээээн чүшкүре каапкаш,... (СС.КН, 269) – Пошуровав головёшки огня, (на котором) варился суп,...; алт.: Кожо алып андап јур=ге=м бычаг=ым=ды бӱгӱн кирнестеде ундып салдам – Я сегодня забыл на крыльце нож, (с которым) всегда хожу на охоту; бур.: ...зүрхэн=эй=нь (род. п.) түшэгэнэн бай==нан абяан шэхэндэнь дуулдана (ХН, I, 357) – Ему (его ушам) ясно послышался звук, (от которого) сильно забилось его сердце.

Роль атрибута одного из актантов:

Алт.: Мен фотокарточкады көр=гӧн ӱй кижи бисте иштеер – Женщина, фотографию (которой) я видел, будет работать у нас; бур.: ... абым отрядта яба=нан партизанууд ... намайе аршалнан байна (Тум., ТБ, 98) – Партизаны, в отряд (которых) ушел мой отец, меня освободили; энецк.: Нита ару=дуй энчи Потабуд каайз – Человек, дети (которого) выросли, приехал в Потапово.

Однако в некоторых языках существуют и специализированные модели для передачи этих ролей. Так, в алтайских языках фразы, где

ОИ называет атрибут одного из актантов ЗПЕ, обычно субъекта, могут строиться по особой модели:

$(N_1 = // \leftarrow T_V$ =прч) N_i...

Подлежащее ЗПЕ в ней всегда – даже в бурятском, где нормой является родительный – имеет форму прямого падежа и оформлено притяжательными показателями, катафорически соотносящимися с определяемым именем. Далее, подлежащее ЗПЕ и ОИ в этой модели связывают отношения "часть – целое". Примеры:

Бур.: Намаа=нь газарта хүрэ=мэ модоной доро орожо хоробди (ГБЯ-2, 156) – Мы спрятались под деревом, ветви которого почти достигали земли; эвенк.: Амаргуптын дюлэ=н амар=ин э=хи савра улгур огин – Потом пусть будет рассказ без конца и края (букв.: начало=его, конец=его не видны – рассказ); тув.: Арн=ы ах тос апар==ган Сандып Белековичивистин угааны дедир чаныш келген дивеспе! – Душа вернулась к нашему Сандыпу Белековичу, лицо которого побелело, как береста; шорск.: Иче=зи өл=ган кысчан эмде алда найнекинде чатчыр – Девочка, мать которой умерла, живет теперь в деревне у бабушки.

Показатели притяжания при подлежащем ЗПЕ в таких конструкциях несут двойную нагрузку: они, наподобие русского относительного местоимения который, во-первых, маркируют синтаксическую позицию ОИ в ЗПЕ (приименную позицию), "представляя" в ЗПЕ определяемое имя благодаря катафорическому соотнесению с ним; во-вторых, они служат связующим средством между главной и зависимой частями.

Подобные модели подлежат еще дальнейшему изучению; в частности, пока остается открытым вопрос, может ли ОИ обозначать атрибут к другому актанту, помимо субъекта. Пока мы располагаем примерами такого рода только для тувинского языка:

Ачавыс чугааланмышаан, тараа=зы=н (вин. п.) улус (неопр. п.) кезип каап=кан хоорзунче көре берди (ТД, 163) – Разговаривая, наш отец посмотрел на стерню, хлеб которой (хлеб=ее) люди убрали.

Аналогичным образом строится другая модель, специализированная для таких отношений между ОИ и ситуацией ЗПЕ, когда ОИ выступает в качестве сирконстанта. Такие примеры обнаруживаются в тувинском и алтайском; имеются единичные примеры из бурятского языка, однако информанты признают их несколько искусственными. Формула модели:

$(N_{2(1)} \rightarrow T_V$ =прч $N^{служ} = //)$ N_i... .

В ней также используются показатели притяжания, катафорически соотносящиеся с определяемым именем; они оформляют послелог-наречие, показатель синтаксической позиции ОИ в ЗПЕ и смысловой ее конкретизатор, и служат одновременно средством связи и средством выражения роли ОИ по отношению к ЗПЕ. Примеры:

Тув.: Дашт=ын=да хой ыяштар=лыг бажыңда бичии уруглер сады кылып каан – В доме, около которого (около=него) много деревьев, открыли детский сад; бур.: Шинии орондо=нь хүдэлэ=гшэ хүн=шни һаядаа больницаһаа гарахань – Человек, вместо которого ты работаешь, скоро выйдет из больницы (букв.: Ты (род. п.) вместо=него работаешь человек=твой...)

Таким образом, при анализе определительных конструкций рассматриваемых здесь языков выявилась следующая картина. Во всех изучаемых языках ведущей моделью для определительных конструкций, где ОИ называет субъект действия определяющего причастия, является модель с неоформленным примыкающим причастием и лакуной на месте позиции подлежащего при нем. В моделях, где ОИ называет не субъект, а других участников ситуации ЗПЕ (объект, сирконстант, атрибут), имеется позиция подлежащего и лакуна на месте соответствующей управляемой (в случае ОИ-объекта) или неуправляемой (в остальных случаях) именной позиции. Такие модели классифицируются далее по способу выражения лица зависимого субъекта и по способу связи (согласование, примыкание, связь "изафетного типа"). Наконец, имеются периферийные специализированные модели, где ОИ называют атрибут некоторого актанта или сирконстант ситуации ЗПЕ; в них появляется дополнительное средство связи – притяжательные аффиксы, оформляющие имя или послелог в составе ЗПЕ, катафорически соотносящиеся с ОИ и тем самым являющиеся дополнительным средством связи и маркерами синтаксической позиции ОИ в составе определительной предикативной единицы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В итоге исследования мы получили ответы на значительную часть вопросов, которые ставили перед собой. Одновременно в более четкой постановке возникли новые вопросы, требующие дальнейших исследований.

Главный вывод, к которому привел нас систематический анализ эмпирического материала разных алтайских языков, – он подтверждается и данными самодийских языков, – заключается в том, что все эти языки обнаруживают далеко идущее типологическое сходство во всем строе гипотаксиса. Это сходство пронизывает весь массив эмпирического материала, касаясь не только общих типов ППК, их подтипов и разновидностей, но в далеко не единичных случаях доходит до отдельных моделей. Выяснилось, что большинство формул, будучи представлено в развернутой, конкретизированной, но терминологической записи, т.е. не так, как мы делали в описании конкретных языков, когда вводили в формулы сами аффиксы этого языка, например ($N_1 \leftrightarrow T_V$=ган=//=да) (ПЕ), а в более общей форме: ($N_1 \leftrightarrow T_V$ = =прч. прош. вр.=//=местн. пад) (ПЕ) – оказывается либо идентичным с соответствующими формулами других языков, либо совпадает с ними с точностью "до специфики данного языка". Например, в бурятском нет взаимно противопоставленных дательного и местного падежей, которые в тувинском дают разные временные конструкции; эвенкийские местный, дательный и исходный падежи не соответствуют одноименным тюркским и т.п.

Разумеется, этот вывод является лингвистически значимым постольку, поскольку наряду со сходствами, которые в силу их системного характера нельзя назвать совпадениями (они не случайны, а закономерны), в процессе исследования обнаружились и индивидуальные особенности отдельных языков, и группировки языков по каким-то отдельным признакам. Довольно часто эти группировки совпадают с границами семьи, противопоставляя три тюркских языка бурятскому и эвенкийскому. Но в других случаях некоторые тюркские, например тувинский, объединяются с эвенкийским, алтайский с бурятским, противопоставляясь друг другу. По более общему признаку эти четыре языка оказываются в оппозиции третьему тюркскому языку – хакасскому. Мы сейчас имеем в виду общие закономерности личного оформления ЗПЕ: обязательный или факультативный характер аффиксов на первом шаге, использование/избегание аффиксации на втором. Но это, конечно, не единственный случай, когда типологические сближения не совпадают с отношениями языков "по родству".

Настоящая монография еще не ставила своей непосредственной целью выносить заключение о типологических отношениях между алтайскими языками в сфере полипредикативных конструкций. Нами пока изучены еще далеко не все типы таких конструкций: ожидают изучения в сопоставительном плане разнообразные конструкции с формами глаголов говорения в роли аналитических средств, конструкции с союзами разного типа и разного происхождения. Для аргументированных выводов явно недостаточно данных только по одному языку из монгольской и тунгусской семей – система данных обязательно должна быть расширена за счет монгольских (халха-монгольского), маньчжурских данных (работа в этом направлении уже начинается), а также за счет нанайских и некоторых других тунгусских языков (может быть, эвенского, орочского). Для выводов нужны знания и в отношении языков, не входящих в алтайскую общность или включаемых в нее с оговорками. Мы начинаем работу с японским языком, продолжаем работу с самодийскими, приступаем к работе с угорскими языками Сибири. Так что на этом этапе наши типологические заключения остаются еще предварительными. Однако мы ожидаем не столько существенных изменений выводов, сколько их уточнения, углубления и ограничения.

Главная цель этой работы состояла в том, чтобы выявить и единообразно описать полипредикативные конструкции изучаемых языков, опираясь на заранее намеченные признаки, которые мы считали способными дифференцировать модели ППК. В ходе описания состав этих признаков и их дифференцирующая способность подлежали проверке. Мы считаем, что эта задача в основном решена; модели ППК изучаемых языков выявлены и легко могут быть представлены в виде "инвентарных списков". Эти списки для каждого языка, кроме моделей, в явной форме представленных в монографии, включили бы в себя некоторый дополнительный материал, не вошедший в монографию из-за недостатка места.

Проверка дифференцирующей значимости признаков, с помощью которых описывались ППК и которые символически отражались в формулах моделей, показала следующее.

I. В обобщенных формулах, с которых мы начинаем анализ конструкций в рамках выделенных общих типов, мы указываем именно тип инфинитной формы, то есть ставим символ прч, подразумевающий именные (склоняемые предикативно) и определительные (в большинстве языков несклоняемые) формы глагола, или дпр, подразумевающий формы деепричастного типа. Указывая затем падежи, наличие/отсутствие послелога (и его конкретную форму), характер и позицию личного оформления сказуемого, форму подлежащего, мы получаем конкретизации базовой формулы, на материале которых можно конкретно обсуждать дифференциальную значимость такого признака, как выбор определенного причастия (=именной формы глагола). Последовательная замена символа прч символами, т.е. аффиксами конкретных форм данного класса каждого конкретного языка, позволяет выяснить, как

влияет на функционально-семантическую, т.е. содержательную сторону модели замена одной формы другой.

I.1. Если синтаксический смысл модели остается неизменным, а те конкретные сдвиги смысла, которые наблюдаются, закономерно следуют из семантической специфики самих данных именных инфинитных форм, то в формальной записи модели-инварианта следует сохранить типовой символ прч, конкретизация которого может дать лишь закономерный ряд вариантов. Так обстоит дело с моделью ППК с управляемым винительным падежом ЗПЕ, которого требует финитный глагол с семантикой оперирования информацией: 'знаю' ('ты идешь/шел/пойдешь/ходишь обычно/должен идти/можешь - не можешь идти' и т.д.)=вин. п.

Такой результат проверочной операции означает, что в данном случае для данной конструкции (или для конструкций данного класса) конкретный характер причастия не релевантен. В наших материалах этот признак оказался нерелевантным для присловных конструкций (для ППК с присловной ЗПЕ), т.е. для ППК с управляемой частью - с одной стороны, и с определительной ЗПЕ - с другой. В конструкциях обоих этих типов индивидуальный аффикс каждой формы сохраняет присущую ему модально-временную семантику, несколько модифицируя ее закономерным образом применительно к своей роли в ППК: эта семантика ориентируется не на момент речи, а на действие главной части.

1.2. Существенно другую картину дают модели с ЗПЕ обстоятельственной семантики. В моделях этого типа, как правило, замена одной конкретной формы в некотором падеже или с некоторым послелогом влечет за собой либо четкое и притом специфическое изменение смысла, либо вообще разрушает модель, если такое сочетание "прч+ +падеж (+послелог)" в данном языке невозможно. Например, послелог соңында в алтайском языке всегда сочетается с причастием прошедшего времени, послелог озо - с причастием будущего времени на =р в форме исходного падежа. Модель с зависимым сказуемым T_V=р= =дан озо существует, наряду с ней существует другая, синонимичная ей модель T_V=галак=тан озо. Но моделей T_V=ган=дан озо и T_V= =атан=нан озо по нашим данным не существует.

В бурятских конструкциях с неуправляемым дательным падежом зависимого сказуемого участвуют разные, но не все причастия. При этом модель с причастием на =лан (прош. вр.) выражает причинное значение, с причастием на =ха (буд. вр.) - значение общей временной соотнесенности; абсолютный временной план конструкции с зависимым сказуемым в форме T_V=ха=да=// значения не имеет. Понятно, что операция T_V=ха=да=// → T_V=лан=да в составе ППК влечет за собой резкую смену семантики модели, что сигнализирует о релевантности для модели именно данной инфинитной формы.

В алтайском языке конструкции ЗПЕ с местным падежом образуют причастия не только прошедшего и настояще-будущего времени, T_V= =ган и T_V=р, но и причастие еще не совершившегося действия T_V= =галак. Но это три разные темпоральные конструкции, в которых замена данного причастия никаким другим невозможна.

I.3. Сопоставление изучаемых языков по этому признаку показывает, что выявленные закономерности едины для всех алтайских языков. Во всех этих языках отдельная модель с управляемой ЗПЕ должна фиксироваться с помощью общего символа прч, а разные модели этого класса различаются, во-первых, падежными формами ЗПЕ, во-вторых - типовой семантикой управляющего глагола, его залоговой формой и некоторыми другими характеристиками конечного сказуемого, причем эти характеристики для разных алтайских языков тоже едины.

Обстоятельственные конструкции (ППК с обстоятельственными ЗПЕ) тоже обнаруживают глубокий параллелизм в разных изучаемых языках, причем это касается как формальной организации, так и семантики. Местный падеж в тюркских, дательный в бурятском и эвенкийском (где он, а не падеж, называемый местным, соответствует тюркскому местному предикативному падежу) во всех языках используются для выражения самых общих, недифференцированных временных отношений между событиями; лишь иногда он используется для выражения причинных отношений. В этом смысле бурятская причинная конструкция со сказуемым в форме T_V=лан=да=// - это самый "крайний" пример экспансии "местного-дательного неуправляемого" за рамки временной сферы. Во всех алтайских языках формы исходного (отложительного) падежа именных ("причастных") форм сказуемых ЗПЕ используются для выражения отношений следования во времени. Материал наглядно свидетельствует о том, что отношения причинной обусловленности, т.е. логического, закономерного, внутренне обусловленного следования одного события из другого, формировались во всех алтайских языках на базе гораздо более простого, поверхностного представления о следовании одного события за другим во времени. Это подтверждает и бурятская конструкция с формой T_V=лан=да=//, которая в силу временной семантики формы на =лан могла изначально противопоставляться форме на =ха как форма выражения следования во времени форме выражения приблизительной одновременности.

В бурятском и во всех тюркских языках формы исходного падежа, когда-то постепенно расширившего свою семантику за счет разных видов разновременности, каузальности и некоторых других отношений, в силу чего эта форма оказалась семантически перегруженной, вступают в устойчивые сочетания с широким кругом послелогов. Такие сочетания фиксируют разные аспекты базового "диффузного" значения формы падежа и противопоставляют их друг другу как разные значения. Эти значения можно представить соответствующими русскими союзами: после того как/с тех пор как/из-за того что (так как, потому что)/кроме того что/перед тем как. Некоторые из этих значений выражаются в одном языке сочетаниями одной и той же причастно-падежной формы с несколькими послелогами; например, для выражения ограничительного следования (русск. с тех пор как) в алтайском используются ППК с зависимым сказуемым в форме T_V=ган=//= =исх. п.+послелоги бери/ала/бейин; в хакасском - T_V=ган=исх. п.+ + послелоги пеер/сыгара; в тувинском - та же форма с послелогами бээр/соңгаар. В бурятском это значение передается с помощью форм исходного падежа причастия прошедшего же времени - T_V=лан=исх. п.= =// с послелогом хойшо.

Четкая аналогия прослеживается и между формами творительного падежа, которую принимают причастия настояще-будущего времени, сочетаясь с послелогами совместности (или восходящими к ним падежными аффиксами) в тюркских языках, а в бурятских – принимая показатель особого совместного падежа =тай в сочетании с послелогами определенной группы. Перечень подобных аналогий можно продолжать и продолжать, но вряд ли в этом есть необходимость, поскольку соответствующий материал представлен в основной части работы.

I.4. Необходимым условием тождества модели самой себе является тождество синтаксического смысла, передаваемого ее вариантами. Понятно, что речь идет об относительном тождестве. О варьировании формы и смысла мы можем говорить тогда и постольку, когда и поскольку за определенным изменением формы следует закономерное, прогнозируемое изменение смысла. Именно исходя из этого постулата мы делаем вывод о том, что в моделях ППК с присловной зависимой частью символ прч выступает как свободная переменная, а в моделях детерминантного (обстоятельственного) типа каждая причастная форма оказывается такой же константой, как падеж и послелог, если он входит в структуру модели. О значимости падежа достаточно говорилось в предыдущей монографии, а значимость послелога представляется нам очевидной и не требующей специального комментария. Модели с одной и той же базовой глагольно-именной формой, но с разными послелогами в нашем понимании являются безусловно разными моделями, даже если они абсолютно синонимичны, – точно так же как модели союзных конструкций с разными союзами могут быть синонимичны, но не тождественны: $ПЕ_1$ потому что $ПЕ_2 \neq ПЕ_1$ так как $ПЕ_2$; $ПЕ_1$ точно $ПЕ_2 \neq ПЕ_1$ словно $ПЕ_2$ и др.). И союзы, и послелоги суть показатели связи, поэтому их релевантность с точки зрения выделения отдельных моделей, как и релевантность падежных форм или конкретных деепричастных аффиксов, остается вне обсуждения.

I.5. Каждая модель допускает и предполагает определенный диапазон варьирования, более широкий в одних случаях, узкий в других. Так, даже в детерминантных (обстоятельственных) ЗПЕ иногда оказывается возможной замена основной модельной формы причастия на некоторую другую. Возможно, такие формы следует указывать в формуле рядом с основной формой – например, в скобках, или как-то иначе. Так, в бурятском языке замена формы на =ха формой на =ɬан или на =аа=гүй ведет к нарушению тождества модели; замена формами на =аа, на =нхай и др. – к нарушению правильности, грамматичности: таких сочетаний, как =аа=да в языке нет, они "запрещены". Но замена формы на =ɬан формой на =даг, не имеющей абсолютного временного значения, выражающей повторяющиеся, обычные события, к изменению синтаксического смысла модели не ведет: такие фразы выражают причинную соотнесенность регулярно повторяющихся событий.

В той мере, в какой это позволяет данный этап работы, мы старались проводить разграничение инвариантов и вариантов конструкций. Однако пока еще многое остается неясным.

I.6. Одним из таких вопросов, требующих специального исследования, остается вопрос о значимости (дифференцирующей потенции) показателей отрицания. Является ли категория отрицания синтаксической категорией, которая способна дифференцировать модели ППК? Этот вопрос имеет прямое отношение ко всем типам моделей – и к деепричастным, и к причастно-определительным. Вклад показателей отрицания в общую семантику моделей нередко бывает весьма заметным. Мы часто наблюдаем, как вхождение отрицательного аффикса и в тюркских, и в бурятском языке влечет за собой появление причинного, иногда условного значения при базовом значении временном. Но в некоторых фразах временное значение сохраняется, и это не позволяет сделать окончательный вывод.

По нашим данным, которые мы сами считаем пока предварительными, значимость отрицания оказывается разной в присловных ЗПЕ, где она минимальна, поскольку отрицание вносит в общий смысл ППК именно свой грамматический смысл, и в ЗПЕ детерминантного типа.

Моделям детерминантного (обстоятельственного) типа максимально соответствуют деепричастные зависимые сказуемые. Именные глагольные формы с падежными аффиксами и/или послелогами в конструкциях этого типа тоже подвергаются деепричастизации. Аффикс деепричастия представляет собою одно "морфологическое целое", один показатель, выражающий данное, более или менее широкое, более или менее определенное, специфическое синтаксическое отношение. Именная форма глагола (прч), выступая в аналогичной функции, принимает целый ряд показателей, в числе которых, кроме собственного показателя данной формы – аффикса =ган, =р (тюрк.) или =ха, =ɬан (бур.) и показателя падежа могут быть и показатель отрицания, и послелог, и частица. Но все они призваны выполнять одну, общую для них функцию – в то время как в изъяснительных конструкциях аффикс данной формы передает модально-временное значение, отрицание вносит свой аффирмативный смысл, падежный аффикс "подчиняет" построение финитному глаголу, т.е. каждый формант играет свою роль.

Не случайно поэтому значительная часть тюркских и бурятских деепричастий не имеет отрицательных форм, но зато в общем списке деепричастий представлены отрицательные – не формы, а сами деепричастия. В тюркских языках это деепричастия на =бай (=байн), в монгольских на =нгүй. Но некоторые деепричастия, подобно причастиям, имеют отрицательные – формы? Или, может быть, пары? Например, деепричастие предела на =ганча в алтайском, на =тыже в тувинском имеют формы на =баганча и на =бааже, которые появляются во фразах при условии наличия отрицания в главной части. Следует ли считать эту конструкцию негативным вариантом основной модели – или особой моделью?

Очевидно, что бурятская модель с негативной формой причастия на =аа – $Т_V$=аа=гүй=дэ=// 'пока не' и 'поскольку не' – не является вариантом какой бы то ни было положительной формы, поскольку формы $Т_V$=аа=да не существует; с другой стороны, модель $Т_V$=ɬанда=// не имеет отрицательного варианта. Специфично и положение модели с зависимым сказуемым в отрицательной форме, алт. $Т_V$=ба=(г)ан=//=

=да (тув. T_V=баан=//=да). Она семантически соотносительна, синонимична модели на T_V=галак=//=та и в гораздо меньшей мере коррес-пондирует с моделью на T_V=ган=//=да (без отрицания).

В полном объеме проблема значимости отрицания в системе поли-предикативных конструкций, дифференцирующая сила этого признака пока еще нами не исследовалась, мы только ставим этот вопрос.

II.1. В наших формулах получает отражение и субъектный аспект предикативных отношений. В формуле модели потенциально присутствует позиция подлежащего, которая лишь в определенных случаях заменяется значимым нулем (символ $\emptyset$). В формулах моносубъектных поли-предикативных конструкций эта позиция просто отсутствует; символ $\emptyset$ мы ставим лишь тогда, когда зависимая часть в составе данной конструкции принципиально односоставна. Этот признак оказывается значимым при выделении одной из моделей определительных конструкций в тюркских языках. Эту модель с неопределенно-личной односоставной определяющей частью – ($\emptyset \leftrightarrow T_V$=прч) N_i... – необходимо отличать и от внешне сходной с нею конструкции причастно-именного определительного словосочетания, в котором определяемое имя есть субъект определяющего действия, ($\boxed{S} \leftrightarrow T_V$=прч) N_i^S..., и от конструкции, где определяющее действие приписывается другому определенному лицу, которое должно быть выражено либо подлежащим, либо каким-то формальным способом.

II.2. В подавляющем большинстве моделей с именными формами позиция подлежащего в структуре ЗПЕ есть и отражается в специальном символе N^S. Этот символ получает индексы 1' 2' 2-1 или 1-2, которые символизируют прямой (1) и родительный (2) падежи. Вопросу о генитивной форме имени или местоимения, представляющего субъект зависимого действия, в специальной литературе, посвященной изучаемым нами конструкциям и в тюркских, и в монгольских языках, придавалось большое теоретическое значение. Именно с этим моментом была связана концепция, отрицавшая за этими конструкциями право именоваться сложными, а тем самым почти полностью отрицавшая существование в этих языках уровня сложного предложения. В теоретическом плане мы уже многократно обсуждали этот вопрос – в частности, в монографии "Предикативное склонение..." (1984), – поэтому вновь возвращаться к нему мы не видим смысла. Это, однако, никаким образом не означает, что мы вообще не придаем значения форме представления субъектного компонента ЗПЕ, ее подлежащего. Мы считаем этот признак важной характеристикой любой синтаксической полипредикативной конструкции – хотя он по нашим данным почти никогда не выступает как дифференцирующий модели, или, точнее, как единственный признак, дифференцирующий модели. Так, в тувинском языке, где в сферу выражения темпоральных отношений средствами ППК оказался вовлеченным дательный падеж, сложилась специфическая, отсутствующая в других тюркских языках Южной Сибири оппозиция между ППК с дательным падежом формы на =р в ЗПЕ, управляемой финитным глаголом эмоциональной семантики, и ППК с формой того же падежа той же именной формы в неуправляемой ЗПЕ

темпоральной семантики. Одно из важнейших формальных различий между этими конструкциями состоит в том, что первая предполагает субъект зависимого действия N^S_{2-1}, т.е. преимущественно в родительном падеже, а вторая N^S_1, т.е. только в именительном (неопределенном). Правда, нужно иметь в виду, что подлежащего в этих ПЕ может вообще не быть. Тогда в 1-м и 2-м лицах эти конструкции ЗПЕ будут омонимичны, а в 3-м лице они будут различаться тем, что в управляемой глагольно-именная форма будет маркирована посессивным показателем, а в обстоятельственной будет нулевой показатель 3-го лица. Таким образом, признак, по которому формально дифференцируются эти конструкции, принадлежащие к совершенно различным функциональным типам, – это способ выражения грамматического лица зависимого действия. Но способ выражения лица не сводится к падежной форме подлежащего, он включает в себя и характер личного оформления сказуемого.

Еще более четкий пример дифференцирующей роли этого признака дают алтайские определительные конструкции. В тюркских и монгольских языках, где определения (прилагательные и причастия) примыкают к определяемым именам, они не принимают аффиксов падежей, не участвуют ни в предикативном, ни в адъективном склонении (в отличие от эвенкийского, где возможно согласовательное падежное оформление). Определительные ЗПЕ противостоят простым предложениям по двум формальным параметрам: во-первых, это специфический, не финитный тип личных аффиксов, во-вторых, падеж подлежащего – родительный, а не прямой. Например, в тувинском простом предложении Мен тонуң берген мен – 'Я принес твою шубу' показатель 1-го лица – постклитика мен, показатели принадлежности – тон=ум 'моя шуба', тон=уң 'твоя шуба' – материально другие. В зависимом определительном – Мээң берген=им тон(=ум) 'шуба, которую я принес' – подлежащее в родительном падеже, показатель лица сказуемого изменился и совпал с посессивным. Но в алтайском языке, как мы уже говорили, этой оппозиции аффиксов нет. Здесь сказуемые простого предложения и определительной ЗПЕ выглядят одинаково: Мен атты экел=ге=м 'Я лошадь привел', Менин экел=ге=м ат 'Лошадь (которую) я привел'. Таким образом, родительный падеж подлежащего оказывается в таких случаях единственным дифференциальным признаком, опираясь на который можно уверенно говорить, что первое предикативное звено фразы – зависимая определительная конструкция. Но так как эта форма в алтайских конструкциях факультативна и часто мы видим на ее месте прямой падеж: Мен экелгем акчы 'Деньги (которые) я принес', возникает естественный вопрос: не финитная ли это конструкция?

II.3. Форма родительного падежа, обязательная, предпочтительная или желательная, как выяснилось, может быть хорошей приметой, отличающей присловные ЗПЕ, т.е. изъяснительно-дополнительные (прилагательные) и определительные (присубстантивные), от детерминантных, обстоятельственных, относящихся к главной части в целом. Но эта примета, очень существенная для тюркских языков, не распространяется ни на бурятский, ни на эвенкийские языки.

II.4. Кроме грамматической формы подлежащего с выражением субъекта действия зависимой ПЕ связаны, как мы уже видели, и другие грамматические признаки структурной организации этой конструкции. Это признаки, отражающие характер и закономерности личного оформления зависимого сказуемого. Как показало исследование, все привлеченные к изучению языки, включая и самодийские, которых мы коснулись пока лишь в небольшой мере, обнаруживают в этом отношении фундаментальную, глубинную общность. Эта общность, типологическую значимость которой мы не боимся переоценить, связана с использованием в сфере зависимой предикации личных показателей, отличных от тех, с помощью которых обычно выражаются личные значения сказуемых в простом предложении, т.е. от так называемых "личностно-предикативных показателей", но материально совпадающих – полностью или только для 1-го и 2-го лица – с посессивными показателями, главное назначение которых усматривается в выражении принадлежности предмета какому-либо лицу или другому предмету. В самодийских языках, где различаются два "ряда" посессивных показателей, для выражения лица сказуемого ЗПЕ используются показатели "косвенного ряда" (или "родительного падежа" по Н.М. Терещенко). Мы не склонны использовать этот термин, тем более что родительного падежа в самодийских языках нет. Однако тот факт, что Н.М. Терещенко связала этот ряд с понятием родительного падежа, представляется нам знаменательным.

Мы убеждены в том, что "материальное совпадение" личных показателей зависимого сказуемого в составе зависимых ПЕ самых разнообразных структурно-функциональных типов (но только в синтетических и аналитико-синтетических ППК) с посессивными аффиксами имен, наблюдаемое в большом числе языков, относящихся к разным семьям, отнюдь не является случайным. Несомненно, это явление характеризуется глубокой древностью. По-видимому, посессивные аффиксы могли выражать и выражали "личную принадлежность" действия задолго до того, как сформировались иные способы предицирования, позже закрепившиеся в сфере конечной, независимой предикации, т.е. в простом предложении и в главной части сложного. В современных алтайских языках именно появление такой формы – финитной формы – сигнализирует о структурном и семантическом завершении предложения, о том, что сказано все то, что должно составить данное предложение. И с точки зрения грамматической целостности предложения, его существования "как такового" совершенно неважно, предшествуют ли данной финитной форме какие-то инфинитные с их субъектами и подлежащими, есть ли в предложении другие – не окончательные, инфинитные предикативные звенья.

Без финитного сказуемого (не обязательно глагольного) предложение существовать не может. Без зависимых предикативных звеньев оно, естественно, существует легко. Но если в нем есть такое зависимое предикативное звено, выполняющее свое коммуникативное и грамматическое назначение, оно не может, не должно быть организовано по тому же самому принципу, по которому строится конечный предикативный узел. Эти предикативные конструкции подчиняются каждая своим правилам или закономерностям, строятся с помощью своих специфических формальных средств.

При этом, однако, использование показателей посессивного типа в сфере конечной предикации в большей или меньшей степени имеет место во всех изучаемых нами алтайских языках; использование же лично-предикативных показателей в сфере зависимой предикации – явление исключительно редкое. Оно зафиксировано Е.И. Убрятовой на материале якутских деепричастий (Убрятова, 1976, 1, 45). Перед нами этот вопрос, хотя и в существенно ином повороте, возникает в связи со специфической грамматической ситуацией, сложившейся в отношении категории лица и ее выражения в современном алтайском языке.

В алтайском литературном языке личные показатели "первого лично-предикативного типа" совершенно отсутствуют как особая подсистема, противопоставленная показателям "второго типа", а показатели "второго типа" отличаются от посессивных лишь в 3-м лице: нулевому показателю 3-го лица в спряжении формы на -ды (а также целого ряда инфинитных форм) в системе посессивных показателей соответствует показатель -ы/-и, с помощью которого может выражаться и принадлежность предмета "3-му лицу", и 3-е лицо субъекта зависимого действия в целом ряде полипредикативных конструкций. Отсюда и возникает вопрос о том, не является ли объектом предикативного склонения в алтайском языке, кроме именных инфинитных форм, также и сам финитный глагол, который теряет свой финитный характер лишь тогда и постольку, когда и поскольку он сочетается с падежным аффиксом, выражающим синтаксическую роль данного предикативного комплекса в более крупном полипредикативном целом, или с послелогом, выполняющим ту же самую роль.

II.5. Этот общий принцип организации подсистемы зависимой предикации, о которой под разными углами зрения нам уже не раз приходилось говорить во многих ранее опубликованных работах, действительно объединяет широкое множество языков – не только алтайских – в некоторую типологическую общность. Но конкретные способы реализации этого принципа в разных языках весьма разнообразны, и поэтому они способны разводить в разные стороны не только языки, принадлежащие разным семьям, но даже близкородственные языки, какими являются, например, тюркские языки Южной Сибири.

Возможность строить различные группировки языков, опираясь на конкретные закономерности личного оформления зависимых сказуемых, действующие как в разных языках, так и в одном языке по отношению к разным конструкциям, а иногда и возможность вариативного личного оформления одних и тех же конструкций, базируется на ряде общих свойств этого личного оформления.

1. Личный показатель (аффикс) может занимать разные позиции в форме зависимого сказуемого. Во-первых, это может быть позиция в синтетической словоформе, во-вторых, в аналитической; тогда личный аффикс может принимать в одних случаях глагольная форма, в других – служебный компонент аналитической формы: послелог, частица-союз.

В этом аспекте все тюркские языки отличаются от монгольских и тунгусских тем, что здесь личные показатели локализуются перед падежными, тогда как в монгольских и тунгусских они занимают финальную позицию. При отсутствии у спрягаемой формы падежных аффиксов во всех изучаемых языках личный показатель занимает финальную позицию (например, у спрягаемых деепричастий). Специфика спряжения тувинских "косвенных наклонений" – с внешним аффиксом – отличает эти формы от всех остальных; особенно это относится к условной форме на =са.

2. Существенное различие между языками, которое именно в силу этого не может дифференцировать модели внутри одного языка, связано со строением парадигмы спряжения, с количеством составляющих ее грамматических мест. В этом отношении монгольские и тунгусские языки объединяются и противопоставляются тюркским по наличию показателей не только личного, но и субъектного притяжания, выражающих в системе зависимой предикации тождество или нетождество субъекта зависимого и главного действия. Но они и различаются между собою тем, что в монгольских языках имеется один показатель для всех лиц и чисел, в тунгусских – один для единственного, другой для множественного числа. В тюркских языках показателя субъектного притяжания (тождества субъектов двух действий) нет, поэтому моносубъектность ППК или не получает формального выражения, или выражается более сложными способами.

3. Изучаемые нами языки различаются также в зависимости от того, обязательным или факультативным является в них личное оформление определенных типов ППК. В этом отношении эвенкийский отличается от бурятского обязательностью личного оформления предикативных форм в зависимых ПЕ. В бурятском же при наличии подлежащего личное оформление становится факультативным. Тюркские языки Южной Сибири по этому признаку значительно расходятся между собой. Так, в тувинском языке личное оформление ЗПЕ можно считать обязательным, если не иметь в виду собственно-деепричастных конструкций (с неспрягаемыми деепричастиями на =п, =а, =байн, =гаш, =пышаан) и помнить, что 3-е лицо обычно маркируется нулевым показателем. В отличие от бурятского, наличие во фразе подлежащего ЗПЕ не делает личные аффиксы сказуемого факультативными. Это сближает тувинский с эвенкийским. В алтайском языке есть конструкции, где личное оформление так же строго обязательно, как в тувинском, – например, временные модели с формами местного падежа: T_V=ган=//==да, T_V=р=//=да, T_V=галак=//=та. Но здесь немало моделей, как синтетических, так и аналитико-синтетических, с факультативными личными показателями: это модели T_V=ганча=//, T_V=гажын=// и многие модели с послеложными аналитическими формами зависимых сказуемых. Хакасский же язык в целом склонен избегать личного оформления ЗПЕ: оно является обязательным только для управляемых падежно-именных предикативных форм, а в обстоятельственных его нельзя даже назвать факультативным, – наверное, правильнее было бы сказать, что оно здесь потенциально и в определенных условиях эта потенция может реализоваться.

4. Можно, по-видимому, считать типологически значимым признаком диапазон структурных типов конструкций, получающих в данном языке личное оформление. Так, в эвенкийском языке спрягаются деепричастия, выделяемые в особый разряд "притяжательных"; их довольно много, и это все деепричастия, имеющие субъектно-подлежащую валентность. В бурятском спрягаемых деепричастий меньше, и не все из сочетающихся с собственным подлежащим способны принимать личное оформление. В тюркских языках деепричастия, кроме форм, часто интерпретируемых как наклонения, обычно вообще не спрягаются, хотя деепричастия на =кала часто, а некоторые другие реже, но сочетаются со своим подлежащим. Под этим углом зрения алтайский язык выделяется из других тюркских наличием факультативно спрягаемых деепричастий предела на =ганча и условно-временного на =гажын. И, разумеется, резко выделяется якутский с его деепричастиями, спрягаемыми по лично-предикативному типу, – но этот язык сейчас остается за рамками нашего исследования.

5. Существенные различия и между языками, и между разными конструкциями одного языка связываются с грамматической спецификой лексического выражения субъекта, т.е. с формой подлежащего ЗПЕ. Субъект (подлежащее) зависимой части в бурятском языке выражается в подавляющем большинстве моделей формами родительного падежа; формы прямого (именительного, неопределенного) падежа, если не говорить о специфических конструкциях с "истинными деепричастиями", появляются крайне редко и условия, разрешающие его, еще требуют специального изучения. В эвенкийском, как и в других тунгусских, родительного падежа нет и форма неопределенного падежа оказывается единственной формой представления субъекта зависимой части. В баргузинском диалекте мы выявили возможность использования в этой роли притяжательных форм личных местоимений и личных имен (Черемисина, 1983); но в какой мере эта возможность существует в других диалектах, не испытавших такого сильного бурятского влияния, как баргузинский, – неясно.

В тюркских языках закономерности, регулирующие выбор падежной формы субъекта, оказываются много сложнее; с выбором падежа подлежащего тесно связываются специфика личного оформления сказуемого, и прежде всего – выбор, точнее предпочтение посессивной системы аффиксов с не-нулевым маркером 3-го лица. Поэтому говорить отдельно только о форме подлежащего ЗПЕ в тюркских языках нет смысла.

Общие закономерности личного оформления зависимого предикативного узла в тюркских языках существенно различны для разных структурно-функциональных типов ППК. При этом общие типы конструкций, которые четко выявляются как взаимно противопоставленные по признаку "характер выражения субъекта ЗПЕ", если отвлечься от частностей, оказываются единообразными для всех тюркских языков Южной Сибири. Но вместе с тем разные тюркские языки очень существенно различаются между собой в том, как именно выражается лицо в конкретных конструкциях того или иного типа.

Наибольшее единство тюркские языки обнаруживают в оформлении

синтетических ППК изъяснительного типа с зависимой частью, сильно управляемой финитным глаголом модусной семантики. Не повторяя сказанного в монографии "Предикативное склонение..." и в I главе второго раздела этой работы, сейчас ограничимся воспроизведением единой для всех этих языков обобщенной формулы этих конструкций:

$$(N^{S}_{2-1} \leftrightarrow T_{V}{=}\text{прч/пос/}{=}\overbrace{\text{пад}}) \; (N_{1} \leftrightarrow \overbrace{V^{\text{сем. тип}}_{\text{фин}}}).$$

На втором месте мы поставили бы причастно-определительные ППК. В соответствующей главе мы попытались показать, что существует теоретически выводимый общий набор возможностей выразить грамматическое лицо "определяющего действия"; эти возможности в принципе можно представить как исчисление, но на данном этапе это еще не имеет смысла. У определительных конструкций эти возможности богаче, разнообразнее, чем в ППК других типов. Разницу между отдельными тюркскими языками можно было бы свести к предпочтениям, которые отдаются одним типам выражения субъекта перед другими. Однако предпочтения эти различаются между собой настолько значительно, что этот признак приобретает значимость типологически релевантного. Так, хакасский язык отдает четкое, последовательное предпочтение конструкциям безо всяких личных показателей; субъект ЗПЕ выражается в ней только подлежащим, которое всегда стоит в прямом падеже. Эта конструкция есть и в алтайском, но встречается гораздо реже. Тувинский язык, наоборот, не терпит конструкций, в которых грамматическое лицо оставалось бы невыраженным – с учетом того обстоятельства, что 3-е лицо может маркироваться нулевым показателем. Это существенно, потому что использование модели не посессивного личного оформления определительной ЗПЕ закономерно в 3-м лице дает фразы с глагольной формой без личного аффикса и с подлежащим в прямом падеже. Эти фразы воспринимаются как прямой аналог тех хакасской и алтайской моделей, о которых мы только что говорили, – но в хакасском и алтайском по этой схеме проходят все лица, а в тувинском только 3-е лицо. 1-е и 2-е лица обоих чисел всегда получают выражение через аффиксы, независимо от наличия или отсутствия подлежащего, а подлежащее, когда оно налицо, регулярно принимает форму родительного падежа. В алтайском форма родительного падежа подлежащего также гораздо более типична для определительных конструкций, чем форма прямого падежа. В этом отношении тувинский и алтайский четко противостоят хакасскому и шорскому, для которых характерно лично не оформленное сказуемое, связанное с подлежащим в прямом падеже: при такой форме сказуемого родительный падеж подлежащего был бы неправомерен.

Здесь, однако, вступает в действие другой принцип формального выражения субъекта действия, специфический именно для определительных ЗПЕ. С этой целью в изучаемых нами языках могут использоваться не только аффиксы, оформляющие глагольную форму, но и посессивные аффиксы, оформляющие определяемое имя. Тем самым отношения принадлежности, связывающие субъект и производимое им действие,

распространяются на объект этого действия, подчиняя и его "посессивному влиянию" действующего субъекта, по схеме: "яблоко, которое я ем" – тем самым есть "мое яблоко".

Этот способ выражения грамматического лица субъекта определительной ЗПЕ был показан и исследован на материале якутского языка Е.И. Убрятовой (1950, с. 45), которой принадлежит и термин "причастный изафет". Подобные отношения на материале эвенкийского языка были описаны Л.М. Бродской (1982), которая вслед за В.А. Аврориным называла их "отражением" (Аврорин, 1960). Те же структуры мы обнаруживаем и на материале бурятского языка. Они наблюдаются и во многих других языках, в том числе и не принадлежащих к алтайской типологической общности. Диапазон действия этой структурной схемы еще предстоит выявлять.

Эта схема ставит перед нами и другую проблему, которую тоже еще предстоит исследовать. В какой мере остаются живыми посессивные отношения, отношения принадлежности предмета тому или другому лицу, если на этот предмет воздействует это же самое или другое лицо? Какие языки и в какой мере разрешают или запрещают использование этой изафетной схемы для описания определительных отношений с такого рода "разрывами"? Мы имеем в виду следующее. "Мое платье" является моим потому, что принадлежит мне, безотносительному к тому, что с ним делаю я или кто-то другой. Это реальные отношения принадлежности. Отношения между платьем и мною в ситуации, если я шью платье, существенно иные: я могу шить платье и себе и другому лицу. Однако в некотором смысле платье, которое я шью, все-таки оказывается "моим". Разные языки допускают в разных случаях использование изафетной конструкции, прибегая, когда она невозможна, к другим формальным средствам. Бурятские материалы свидетельствуют о том, что в этом языке посессивные показатели определяемого имени определенно ведут нас к субъекту действия, а не к владельцу вещи (если это разные лица). В тувинском языке возможно и то, и другое. Но в подавляющем большинстве случаев причастный изафет используется тогда, когда субъект действия и субъект обладания совпадают в одном референте (обычно человеке).

Проведенное исследование обнаружило стройную системную организацию множества синтетических полипредикативных конструкций во всех привлеченных к исследованию алтайских языках. Оно показало также, что многие черты, присущие изучаемой подсистеме полипредикативных конструкций, получают продолжение в других агглютинативных языках Сибири. Судя по грамматическим описаниям многих не сибирских агглютинативных языков – горских языков Кавказа, японского, корейского, некоторых древних языков Передней Азии и др., основные принципы системной организации изучаемой стороны языка могут оказаться едиными для очень широкого круга языков мира. Однако выявление этих общих, предположительно единых принципов ни в какой мере не снимает задачи детального, конкретного исследования соответствующих подсистем в каждом языке.

Приложение I

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИЗУЧАЕМЫХ ЯЗЫКОВ

Мы должны сообщить читателю в самой компактной форме необходимые сведения о грамматических категориях изучаемых нами языков и о конкретных материальных показателях грамматических значений, чтобы он мог следить за логикой исследования и при желании разобраться в приводимых примерах. В число этих сведений мы сочли целесообразным включить следующие: 1) склонение: состав падежей, парадигма склонения; безличное склонение, аффиксы падежей; специфика притяжательного склонения; категория принадлежности, выражающие ее аффиксы; 2) спряжение глагола: формальные типы спряжения; предикативные аффиксы; формы времени; аспектуальные формы; залоговые формы; причастия; 3) строение синтетического сложного предложения.

Говоря о трех тюркских языках, мы постарались уплотнить информацию и представить ее, по мере возможности, в форме сводных таблиц. Остальным языкам будут посвящены короткие очерки.

1. Тюркские языки Южной Сибири (тувинский, хакасский, алтайский)

Категория падежа представлена шестью падежами, общими для всех трех языков. Это неопределенный (casus indefinitus), притяжательный (или родительный), дательный, винительный, местный и исходный. В хакасском и тувинском имеются направительные падежи с материально различными маркерами. Творительный падеж (орудный), маркер которого восходит к послелогу, представлен во всех языках генетически родственными формами, но в хакасском его маркер признается падежным аффиксом, в алтайском – "послелогом-аффиксом" (Дыренкова, 1940, 219); в тувинском послелог =биле не гармонирует и его сочетание с именем не признается падежной формой.

Парадигму безличного (простого) склонения в трех языках с указанием фонетических вариантов аффиксов представим данными табл. 1.

Притяжательное склонение отличается от безличного тем, что его объектом является существительное или причастие, включенные в отношения принадлежности и маркированные соответствующими показателями грамматической категории принадлежности, – притяжательными, или посессивными, аффиксами.

Таблица 1

Аффиксы безличного склонения тюркских языков Южной Сибири

Падеж	Позиция аффикса	Алтайский	Тувинский	Хакасский
Неопределенный	–	∅	∅	∅
Родительный	После гласных и сон. согл. зв. согл. гл. согл.	=ныҥ/=ниҥ =дыҥ/=диҥ =тыҥ/=тиҥ	=ныӈ/=ниӈ/=нуӈ/=нүӈ, =дыӈ/=диӈ/=дуӈ/=дүӈ, =тыӈ/=тиӈ/=туӈ/=түӈ,	=ныӈ/=ніӈ, =тыӈ/=тіӈ
Дательный	После гласных, сон. и зв. согл. гл. согл.	=га/=ге/=го/=гӧ =ка/=ке/=ко/=кӧ	=га/=ге/=а/=е =ка/=ке	=га/=ге =ха/=хе
Винительный	После гласных и сон. согл. зв. согл. гл. согл.	=ны/=ни =ды/=ди =ты/=ти	=ны/=ни =ды/=ди =ты/=ти	=ны/=ні =ты/=ті
Местный	После гласных, сон. и зв. согл. гл. согл.	=да/=де/=до/=дӧ =та/=те/=то/=тӧ	=да/=де =та/=те	=да/=де =та/=те
Исходный	После гласных и зв. согл. сон. согл. гл. согл.	=дан/=ден/=дон/=дӧн =нан/=нен/=нон/=нӧн =тан/=тен/=тон/=тӧн	=дан/=ден =тан/=тен	=даӈ/=деӈ, =наӈ/=неӈ, =таӈ/=теӈ
Направительный	После гласных, сон. согл. и зв. согл. гл. согл.	–	=же, =дыва/=диве =че, =тыва/=тиве	=зар/=зер =сар/=сер
Творительный	–	=ла/=ле	=биле	=наӈ/=неӈ

Таблица 2

Аффиксы категории принадлежности тюркских языков Южной Сибири

Грам. лицо	Позиция аффикса	Алтайский	Хакасский	Тувинский
1-е л. ед. ч.	После гласных	=м	=м	=м
	согл.	=ым/=им	=ым/=ім	=ым/=им
2-е л. ед. ч.	После гласных	=ң	=ң	=ң
	согл.	=ың/=иң	=ың/=ің	=ың/=иң
3-е л. ед. ч.	После гласных	=зы/=зи	=зы/=зі	=зы/=зи, =зу/=зү
	согл.	=ы/=и	=ы/=і	=ы/=и, =у/=ү
1-е л. мн. ч.	После гласных	=быс/=бис	=быс/=біс	=выс/=вис, =вус/=вүс
	согл.	=ыбыс/=ибис	=ыбыс/=ібіс	=ивис/=ывыс
2-е л. мн. ч.	После гласных	=гар/=гер	=ңар/=ңер	=ңар/=ңер
	согл.	=ыгар/=игер	=ыңар/=іңер	=ыңар/=ыңер
3-е л. мн. ч.	После гласных	=зы/=зи	=зы/=зі	=зы/=зи, =зу/=зү
	согл.	=ы/=и	=ы/=і	=ы/=и, =у/=ү

Содержанием категории принадлежности во всех алтайских языках является выражение принадлежности в широком смысле слова, т.е. предмета обладания к обладателю, части к целому, единицы измерения к измеряемому, предметно мыслимого свойства к его носителю, действия к его исполнителю, лиц по родству, свойству, подчиненности и т.п. (Аврорин, 1959, I, 141). В тюркских языках грамматическая категория принадлежности представлена пятью грамматическими значениями, которые соответствуют грамматическим лицам: 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч. и 3-го л. без различия ед. и мн. числа. Эти значения выражаются аффиксами (табл. 2).

Притяжательные аффиксы в тюркских языках присоединяются непосредственно к основе имени или к основе причастия (после причастного аффикса). Становясь объектом притяжательного склонения, эти формы принимают далее падежные аффиксы в тех фонетических вариантах, которые диктуются огласовкой основы и конечным звуком притяжательного аффикса. Например: тув. аът 'лошадь', аъд=ым 'моя лошадь', аъдымның – род. п., аъдымга – дат. п., аъдывыс – наша лошадь, аъдывыстың – род. п., аъдывыска – дат. п. и т.д.

Парадигму притяжательного склонения ввиду ее громоздкости и элементарности правил образования форм приводить не будем.

Комментария требуют две падежные формы.

1. Винительный падеж 3-го л. притяжательного склонения маркируется аффиксом =ын/=ин. Этот аффикс не может быть объяснен фонетически, как вариант аффикса =ны/=ды/=ты/=ни/=ди/=ти, который представлен и в безличном склонении, и в формах 1-го – 2-го л. обоих чисел притяжательного склонения. В тюркологии известно несколько толкований этой ситуации, сводку которых см. в работе Г.Ф. Благовой (1982, 33-36). Нам ближе других трактовка Э.В. Севортяна (1956, 54); ср. также описанную Г.Ф. Благовой со ссылкой на Е.И. Убрятову ситуацию в якутском языке (Благова, 1982, 36; Убрятова, 1976, II, 119 и далее). Нам представляется существенным, что аффикс =ын/=ин (возможно, аффиксальная цепочка: =ы/=и+н) материально тождествен притяжательному аффиксу 3-го л., вычленяемому в составе разных падежных форм 3-го л., напр. тув. аъд=ын=га, аъд=ын=да, аъд=ын=дан; родительный, при традиционном членении – аъд=ы=нан (но нельзя исключить упрощения геминаты: =ын=нан→=ы=нан). Если так, то винительный в 3 л. собственного падежного аффикса не имеет; он маркируется только аффиксом принадлежности для 3-го л. косвенных падежей; форма на =ын/=ин предстает как притяжательная основа косвенных падежей для 3-го л. Она выполняет функцию формы винительного падежа, подобно тому как "чистая основа" выполняет функцию прямого (неопределенного) падежа.

2. Дательный падеж в системе притяжательного склонения хакасского и алтайского языков имеет аффикс не =га, а =а. В тувинском он сохраняет полную форму.

Категория времени в тюркских языках Сибири выражается аффиксами, которые непосредственно предшествуют показателям лица и являются общими для финитных и причастных форм. Аффикс =ган передает прошедшее время, =р – настоящее и будущее. Значение прошедшего времени передается также формой на =ды, которая в современных языках причастной уже не является.

Кроме названных, основных форм времени, каждый тюркский язык располагает богатой системой возможностей для выражения различных характеристик действия, локализованного в определенном времени. Например, в тувинском настоящее конкретное (длительное) передается аналитической формой T_V=п тур (мен); ср. алт.: T_V=п jад=ым, T_V=п тур=ум. В алтайском употребляется также форма на =ат (=ад=ым, =ад=ың, =ат=Ø), стяжение на базе формы T_V=а тур=. Существенно, что подавляющее большинство причастий может быть использовано в качестве финитных форм с определенными временными значениями.

Залоговые формы глагола в тюркских языках единообразны, поэтому представим эту систему в целом. Исходной, безаффиксной форме глагола противостоят в этих языках четыре группы форм со своими аффиксальными маркерами: каузативный залог маркируется аффиксами =тыр=, =т=, =кыр=, =р=, =гыс= (с фонетическими вариантами) и некоторыми другими (редко). Остальные залоги маркируются консонантными показателями (с гармоническим гласным: страдательный =л=, возвратный =н= и взаимно-совместный тув. =ш=, =ж=, алт. =ш=, хак. =с=). Форма взаимно-совместного залога выражает либо сов-

местное участие нескольких лиц в действии, либо взаимный характер действия, например, хак.: Чар хазында сегір=іс=ке=біс 'Мы прыгали на берегу'. Возвратный залог обозначает направленность действия на его субъект или в интересах субъекта: хак.: Оолғыбыс ӱгр=ен=че 'Наш сын учится'; Тура пӱдӱр=ін=че=м 'Я строю себе дом'. Страдательный залог означает, что лицо или предмет, названный подлежащим, не производит данное действие, а испытывает его: хак.: Тура пӱдӱр=іл=че 'Дом строится'; Јнегібіс саа=л=ча 'Корова наша доится'. Форма страдательного залога в тюркских языках не имеет сильной валентности какого-либо косвенного падежа "источника действия".

Семантически наиболее нагруженной, а потому и наиболее употребительной является форма каузативного залога. В разных грамматических и лексико-грамматических окружениях она способна передавать разные залоговые значения. Мы понимаем залог как синтаксическую категорию предложения, которая выражает отношения между действием, его субъектом и его объектом; поэтому морфологическая категория глагола, называемая залогом, в выражении синтаксического залога принимает участие наряду с категорией падежа. Залоговые отношения могут быть выражены полностью в конструкции из трех компонентов: N^S – субъект (источник) действия, N^{Ob} – объект приложения действия и V – действие; этим ролям по-разному соответствуют синтаксические функции членов предложения. В первичной, прямой залоговой конструкции субъект-источник действия принимает форму прямого (неопр., имен.) падежа и является подлежащим, а объект в форме косвенного падежа (вин., дат.) является дополнением. Конструкция, в которых сказуемое – глагол, маркированный залоговыми аффиксами, а отношения между семантическими ролями и функциями членов предложения (соответственно, падежными формами) смещены, будем называть косвенно-залоговыми конструкциями. Сравним, например:

I. 1) Тув.: Суг тараа=ны шып=кан – Вода залила посевы.

2) Тараа суг=биле шып=тыр=ган болган – Посевы затоплены водой.

Структура фразы 2) в оригинале: глагол в каузативной форме, объект действия тараа 'посевы' в неопределенном падеже (подлежащее), источник действия суг 'вода' в творительном падеже. Букв.: 'посевы дали=затопить водой'. Отсутствие прямого дополнения (кого-что затопить?) сообщает фразе страдательное значение: действие, не направленное на объект, "возвращается" на свой источник. Источник действия в данном случае представлен формой творительного падежа; в принципе в таких конструкциях возможен и дательный падеж источника действия.

3) Тараа суг=биле шыв=ыл=ган болган – Посевы были залиты водой.

Здесь использована форма страдательного залога. Смысл почти тот же, но форма дательного падежа источника действия (суг=га вместо суг=биле) исключается; семантическая специфика фразы видится в том, что суг=биле шывылган предстает как единое действие, в котором субъект-источник не вычленяется (ср.: "кто-то облил меня водой").

II. 1) Хак.: Чил салаа=ны ода сап=хан – Ветер сломал ветку.

2) Салаа чил=ге ода сап=тыр=т=хан (или сап=тыр=ған) – Ветка сломана ветром (букв.: Ветка дала=сломать (себя) ветру).

III. 1) Мин сағаа өрін=ге=м – Я тебе обрадовался.

2) Син мині өрін=дір=ге=зін – Ты меня обрадовал.

IV. 1) Мин аны тоғын=дыр=ғам – Я заставил его работать.

2) Мин аны азыран=дыр=ғам – Я его накормил.

Последние примеры иллюстрируют самые типичные случаи употребления каузативной формы, которая передает либо понуждение, либо содействие, поощрение, представление возможности совершить действие. Это значение проявляется особенно рельефно, когда каузативную форму принимает переходный глагол. Непереходный глагол в этой форме становится переходным (субъект № 1 воздействует на активный субъект № 2, который исполняет действие, обозначенное исходной основой глагола: 'Я кормил его' – 'Я сделал так, что он ел').

Аспектуальные, модальные и другие характеристики действий в тюркских языках Южной Сибири передаются как с помощью определенных аффиксов, которые занимают в словоформе позицию, предшествующую собственно-грамматическим аффиксам (отрицание, причастно-временные аффиксы), так и с помощью специальных аналитических форм.

В хакасском имеется специфическая аффиксальная форма на =ыбыс=/=ібіс=, передающая значение совершенного вида (Грамматика хакасского..., 184).

Относительная бедность аффиксальных способов выражения значений этого типа компенсируется широким использованием аналитических форм, которые образуются с помощью вспомогательных глаголов, сочетающихся либо с одной из деепричастных форм смыслового глагола (на =п или на =а), либо с чистой основой глагола (последнее типично для хакасского языка). Важнейшие из них, с указанием основной семантики, приводим в табл. 3.

Причастные формы в языках Южной Сибири многочисленны (10 и более), но не все они одинаково употребительны и одинаково важны в контексте нашего исследования. Термин "причастие" в алтаистике не определяется однозначно, и разные исследователи понимают его по-разному. Критерием причастной формы является ее способность быть определением. Формы глаголов, способные быть определениями, могут обладать или не обладать способностью быть конечным сказуемым и сказуемым зависимой части, что для нас особенно важно. Глагольные формы, выполняющие эту функцию, могут не функционировать в роли определений и потому не попадать в списки причастий. Их называют обычно именами действия, реже – причастиями. Таковы формы на =гу, =мак, =иш/=ис и =у. Но в языках Южной Сибири нет регулярных образований причастного типа с аффиксами =мак, =ш/=с, =у. Рефлексы формы на =гу прослеживаются во всех трех языках: это формы будущего возможного, тув. =гу дег., алт. =гадый, хак. =ғадар. В роли определений и зависимых сказуемых они нами не встречены.

Общее ядро причастных систем в изучаемых языках составляют

Таблица 3

Основные аналитические формы глаголов в тюркских языках Южной Сибири*

Характеристики действий	Семантическая функция		Тувинский	Хакасский	Алтайский
Аспектуальные	Протяженность действия, длительность, незавершенность		T_V=п тур= чыт= олур= чор= кел=	T_V=п тур= одыр= чӧр=	T_V=п тур= ат= олур= jур
	Завершенность, краткость	Приступ к действию, начало или конец, завершенность	T_V=а бер= T_V=а баар= T_V=п каг= кал= кир= үн=	T_V=п пир= пар= хал= кил= сал= сых=	T_V=п кал= T_V=п кел= T_V=п кир= T_V=п сал=
		Стремительность, интенсивность	T_V=п тырт= халы= хон= дүш=	T_V=а тарт= хон= тус= таста=	T_V=п чык=
Модальные	Пробный характер действий		T_V=п көр= T_V=п бол= T_V=п ал=	T_V=п көр=	T_V=п кор=
Векторные	Направленность действий: для себя, для других, от себя, к себе		T_V=п ал= T_V=п бер=	T_V=п ал= T_V=п пир T_V=п кил=	T_V=п ал= T_V=п бер= T_V=п бар= T_V=п кел=

*Отсутствие параллелизма форм в трех языках может в каких-то случаях объясняться и недостатком сведений в тех описаниях, на которые мы опираемся.

три причастия: прошедшего времени на =ган, настояще-будущего на =р и еще не совершившегося действия на =галак. Они выполняют все три функции: конечного и зависимого сказуемого и определения. В предикативном склонении максимально полно участвует причастие на =ган; его падежные (и падежно-послеложные) формы конституируют в каждом из языков десятки полипредикативных конструкций. Активно употребляется и причастие на =р, которое тоже образует разнообразные падежные формы. Менее употребительно, особенно в тувинском языке, причастие на =галак.

В тувинском языке других причастий, участвующих в предикативном склонении, нет. Даже причастие на =галак образует здесь только одну форму местного падежа с временным значением ('когда еще не...') (подробнее см.: Шамина, Черемисина, 1982). Однако в предикативное склонение втягивается форма, оцениваемая как деепричастие – T_V=бышаан, которая способна принимать по крайней мере форму винительного падежа (Монгуш, 1963, 148).

Причастий, выполняющих только определительную функцию, в тувинском несколько: T_V=ыган, T_V=кчы, T_V=кчы, T_V=аачы. Но все эти формы оторвались от системы глагола и представляют собою либо отглагольные прилагательные, либо существительные (nomina agentis): бижээчи 'писарь', номчукчу 'читатель, чтец' и т.п.

В алтайском языке кроме трех названных представлено причастие на =атан (по Н.П. Дыренковой "глагольное имя"). Н.П. Дыренкова (1940, 149-151) и Н.А. Баскаков (1966, 514) называют эту форму "настояще-будущей"; правда, Н.П. Дыренкова пишет, что она передает процесс, часто повторяющийся, происходящий в настоящем или прошлом, а также в будущем. В наших материалах эта форма широко употребляется для представления обычного, регулярного действия в прошлом. Причастие на =атан выполняет все три причастные функции и участвует в предикативном склонении. Н.П. Дыренкова и Н.А. Баскаков называют также причастием форму на =гадый (=гыдый), но мы встречали её почти всегда в финитном употреблении.

В хакасском языке морфологическим аналогом алтайской формы на =атан является причастие на =чатхан (обе эти формы восходят к аналитическим сочетаниям: T_V=а+турған и T_V=п+чатхан. Форма на =чатхан имеет значение настоящего времени.

От трех глаголов образуется особая причастная форма на =иған/=иген: пар=иған, кел=иген и апар=иған, тоже имеющая значение настоящего времени с оттенком очевидности; аналитические причастные формы вида T_V=п пар=иған означают, что действие смыслового глагола только приближается к завершению: үзіл париған арғамчы – 'веревка, которая вот-вот порвется'.

Причастие настояще-будущее, передающее постоянный процессуальный признак или, реже, действие в будущем, образуется аффиксом =чан. Причастий будущего времени считается два: на =р и на =ғадаг/=гедег, но последняя форма в предикативном склонении не участвует.

Таким образом, самая богатая система причастий, способных быть сказуемыми зависимой части ППК и участвовать в предикативном склонении, представлена в хакасском языке и насчитывает шесть форм; в алтайском таких форм четыре, в тувинском, с учетом формы на =пышаан, тоже четыре.

В синтетических полипредикативных конструкциях тюркских языков зависимая часть (ЗПЕ) предшествует главной, инверсия практически не наблюдается. Сказуемое в каждой части занимает конечную позицию, инверсия редка, а в зависимой части невозможна. Сказуе-

мое ЗПЕ получает личное оформление с помощью притяжательных аффиксов. Оно во всех трех языках строго обязательно в составе предикативных актантов: здесь аффиксами снабжаются все личные формы, включая 3-е л. В составе обстоятельственных ЗПЕ тувинского и алтайского языков личное оформление причастных сказуемых в косвенно-падежных формах также является обязательным, но 3-е лицо, как и в финитном спряжении, выражается нулевым показателем. В хакасском языке причастные сказуемые в обстоятельственных ЗПЕ обычно личного формления не получают, но в принципе оно возможно во всех лицах. Субъект обстоятельственных ЗПЕ имеет, как правило, форму прямого (неопределенного) падежа, родительный возможен здесь только в особых случаях. Субъект в составе предикативных актантов закономерно и нормативно принимает форму родительного падежа. Но в разговорной речи нередко употребляется в этой позиции и прямой падеж.

2. Бурятский язык

В бурятском языке семь падежей: неопределенный (именительный), родительный, дательно-местный, винительный, орудный, совместный, исходный. Т.А. Бертагаев добавляет направительный падеж на =руу; Ц.Б. Цыдендамбаев исключает неопределенный (Бертагаев, 1968, 17-19; Цыдендамбаев, 1979, 36-44). Аффиксы падежей представлены в табл. 4.

Категория притяжания (принадлежности) в бурятском охватывает личное притяжание, т.е. принадлежность предмета или действия одному из абсолютных грамматических лиц, и субъектное притяжание, т.е. принадлежность предмета или действия референту подлежащего предложения. Личное притяжание представлено пятью грамматическими значениями (1-е и 2-е л. с различением ед. и мн. ч., 3-е л. без различения числа), субъектное притяжание - одним. Аффиксы притяжания приведены в табл. 5.

При одновременном оформлении существительного аффиксами падежа и притяжания притяжательный аффикс следует в словоформе после падежного. Аффикс винительного падежа перед аффиксом субъектного притяжания выпадает.

Спряжение осуществляется почти исключительно с помощью лично-предикативных аффиксов, которые оформляют и глагольное, и именное сказуемое, например: ...ши арбан хоёр нанатай эрэ хүн=ши (Б-78-6, 22) - ...ты двенадцатилетний мужчина=ты. В системе финитного спряжения аффиксы личного притяжания задействованы слабо; с ними спрягается только одна из двух форм будущего времени.

Система времен в бурятском языке представлена двумя финитными формами (форма прошедшего времени на =ба и настоящего на =на) и серией форм, оцениваемых как причастные: на =аа, =ха, =даг и =нхай. Систему времен мы представили схемой 2.

=даг (постоянное, "надвременное" действие)

=ба
прошедшее общее

=нхай
давнопрошедшее результативное

Схема 2. Система времен бурятского языка.

Таблица 4
Падежные аффиксы бурятского языка

Падеж	Позиция аффикса	Вариант аффикса
Неопределенный	-	∅
Родительный	После мягк. согл. и и кратк. а, э, о и стечения согл. тв. согл. долг. гласного дифтонга, ы, ии	=иин =ын =ай, =эй, =ой =гай, =гэй, =гой =н
Дательно-местный	После гласного, сон. согл. и ж, з прочих согл.	=да, =дэ, =до =та, =тэ, =то
Винительный	После мягк. согл. и и тв. согл. и кратк. гласных, кроме и долг. гласного, дифтонга	=иие =ые =е
Орудный	После мягк. согл. и и тв. согл. и кратк. гласного, кроме и долг. гласного, дифтонга	=яар, =еэр, =ёор =аар, =ээр, =оор, =өөр =гаар, =гээр, =гоор, =гөөр
Совместный	-	=тай, =тэй, =той
Исходный	-	=ɲаа, =ɲээ, =ɲоо, =ɲөө

Таблица 5

Притяжательные и предикативные аффиксы бурятского языка

Притяжание	Грам. лицо	Позиция аффикса	Притяжательные аффиксы	Предикативные аффиксы
Личное	1 л. ед. ч.	После гласного согл.	=мни, =м =ни	=б
	2 л. ед. ч.	–	=шни, =ш	=ши, =ш
	1 л. мн. ч.	После гласного согл.	=мнай =най	=бди
	2 л. мн. ч.	–	=тнай	=та, =т
	3 л. ед. ч. мн. ч.	После гласного согл.	=нь =ынь, =иинь	=д (для мн. ч. факультативно)
Субъектное		После тв. согл. мягк. согл. долг. гласного или дифтонга	=аа, =ээ, =оо, =өө =ая, =еэ, =ёо =гаа, =гээ, =гоо, =гөө	–

Примечание. После аффикса исходного падежа используется уникальная форма аффикса субъектного притяжания =н. В совместном падеже возможны формы =тай=гаа и =таяа (=тај=аа).

В подсистеме прошедших времен формы на =аа и =аа һэн противопоставлены по близости к моменту речи (=аа һэн – отдаленное, =аа – ближайшее, сохраняющее непосредственную значимость для говорящего). Обе они вместе противопоставлены форме прошедшего общего на =ба. Наконец, все эти три формы вместе, нейтральные в отношении результативности, противопоставлены форме прошедшего результативного на =нхай. Две формы будущего времени – на =ха с лично-притяжательными аффиксами и на =ха с лично-предикативными аффиксами – противопоставлены друг другу как будущее ближайшее и будущее общее. Форма на =на обозначает настоящее конкретное время. Все временные формы вместе противопоставлены форме на =даг как вневременной, обозначающей постоянное действие.

Финитные формы могут сопровождаться различными частицами с модальным и временным значением, но мы учли только форму =аа һэн как самую частотную.

Аспектуальные и некоторые другие характеристики действия в бурятском языке, как и в тюркских, передаются аналитическими глагольными формами, построенными по формуле "соединительное деепричастие на =жа+вспомогательный глагол"; реже – аффиксальными формами.

Краткость и интенсивность действия передают формы с аффиксами =ша и =жархи: яба= 'ходить', яба=ша= 'вдруг уйти'; бууда= 'стрелять', бууда=жархи= 'выстрелить, выпалить'. Основные аналитические формы, передающие аспектуальные значения: T_V=жа бай= – длительность действия; T_V=жа яба= – длительность, незавершенность действия; T_V=жа һуу=, T_V=жа хэбтэ= – длительность действия. Формы с глаголами һуу= 'сидеть' и хэбтэ= 'лежать' обычно используются, когда длительное действие совершается в сидячем или лежачем положении. T_V=д гэ= – сверхкраткость или прерванность действия; T_V=жа орхи= – сверхкраткость, завершенность действия; T_V=аад аба= – краткость и интенсивность действия.

В современном бурятском языке насчитывается 10 причастных форм (Цыдыпов, 1972, 48). В наших примерах регулярно встречаются следующие причастия: временные – будущего времени (аф.=ха, =хэ, =хо), прошедшего времени (=һан, =һэн, =һон), "настояще-прошедшего времени" (=аа, =ээ, =оо, =өө); завершенно-прошедшего времени (=нхай, =нхэй, =нхой); видовые – "многократное" (=даг, =дэг, =дог), "однократное" (гша, =гшэ, =гшо), "постоянное" (=ааша, =ээшэ, =оошо).

Отрицательная форма у этих причастий образуется с помощью аффикса =гүй (=ха=гүй, =даг=гүй и т.п.). Причастие на =һан отрицательной формы не имеет, вместо него используется отрицательная форма причастия на =аа (=аа=гүй).

Порядок аффиксов в падежно оформленной причастной словоформе: T_V + аф. причастия + (аф. отрицания) + аф. падежа + (аф. притяжания). Особо отметим формы винительного падежа от причастия на =һан: =һан+=ые → =н=ые. В субъектно-притяжательном склонении аффикс винительного падежа выпадает; ср.: =һан=д=аа (дат. -местн. п.), но =һан=аа (вин. п.), =даг=т=аа (дат. -местн. п.), но =даг=аа (вин. п.); =х=ые, но =хаяа (эта форма оценивается как целевое деепричастие).

Система залоговых форм бурятского глагола базируется на противопоставлении исходной форме без залоговых аффиксов четырех косвенно-залоговых форм. Побудительный залог маркируется аффиксами =уул и =лга, страдательный – аффиксами =гда, =да, =та, совместный – =лса, взаимный – =лда (все с фонетическими вариантами).

Совместный залог обозначает "действие, совершенное при участии субъекта-содействователя" (Цыдендамбаев, 1979, 109): Зай, Тугар Будаевич, нам=тай яба=лса=ха=тнай гү? (Дамб., 84) – 'Ну, Тугар Будаевич, со мной поедете?' Взаимный залог обозначает "действие, направленное действователями друг на друга" (Цыдендамбаев, 1979, 111): Цэрэн Цэбээн хоёр удаан бари=лда=ба – 'Цырен и Цыбен (группа подлежащего) боролись очень долго'. Страдательный залог обозначает действие, которое испытывает референт подлежащего: Шэнэ гэр бари=гда=жа байна – 'Строится новый дом'. Возможно субъектное дополнение в дательно-местном падеже: Доржо=до Са-

шын букварь Ɲана=гда=ба – 'Доржи (дат.-местн. п.) вспомнился Сашин букварь'.

Побудительный залог имеет самый широкий спектр значений: основное из них – побуждение, разрешение, принуждение к действию. Реальный субъект действия выражается дополнением в винительном или дательно-местном падеже: хүгшэн... Жамбал=да уу=лга=ба (Б-76-2, 77) – 'Старушка... Жамбала (букв.: Жамбалу, дат.-местн. п.) напоила'; Энэ ушар... газетын түлөөлэгш=ые ер=үүл=бэ (Б-76-6, 19) – 'Этот случай заставил приехать представителя газеты'.

В полипредикативных конструкциях бурятского языка зависимая часть предшествует главной; случаи инверсии редки. Сказуемое главной и зависимой частей всегда занимает конечную позицию в возглавляемой ими ПЕ. Сказуемое зависимой части, выраженное причастной формой (деепричастное и другие виды зависимых сказуемых мы сейчас не рассматриваем), для выражения лица оформляется притяжательными показателями (зависимо-личное оформление); лично-притяжательные показатели выражают абсолютные личные значения; субъектно-притяжательные показатели – относительное личное значение (тождество грамматических субъектов главной и зависимой частей). Имя субъекта зависимой части (зависимое подлежащее) в норме оформляется аффиксом родительного падежа; при его наличии лично-притяжательное оформление становится факультативным (подробнее см.: Скрибник, 1980а).

3. Эвенкийский язык

В современном эвенкийском языке имена и глаголы, как правило, четко противопоставлены друг другу.

Имена (существительные, местоимения, числительные, прилагательные) характеризуются наличием склонения. Эвенкийский язык имеет сложную систему падежей, обеспечивающую дифференцированное выражение разнообразных синтаксических отношений.

Данные табл. 6 не отражают гармонических вариантов аффиксов, так как это сделало бы таблицу чрезвычайно громоздкой (ср., напр.: дяв=ва 'лодку', бэе=вэ 'человека', орон=мо 'оленя').

Категория притяжания в эвенкийском языке выражает отношение субъекта обладания (обладателя) к субъекту предложения. При их несовпадении употребляются лично-притяжательные аффиксы, конкретно обозначающие лицо обладателя (табл. 7).

Тождество обладателя и субъекта предложения передается возвратно-притяжательными аффиксами, которые дифференцируют обладателя только по числу: пурта=ви хокоррон 'свой нож потерял', пурта=вар хокорро 'свой нож потеряли'.

Категория числа представлена оппозицией немаркированного единственного и маркированного аффиксом =л множественного: дяв 'лодка', дяв=ил 'лодки'.

Порядок следования морфем в словоформе имени следующий: T_N + аф. числа + аф. падежа + аф. притяжания: дю=л=дула=тын 'к их чумам', бэе=л=дук=пэр 'от своих людей'.

Таблица 6
Падежные аффиксы эвенкийского языка

Падеж	Аффикс	Пример
Неопределенный	–	дяв 'лодка'
Винительный	=ва(=па, =ма, =ка, =ӈа)	дяв=ва 'лодку'
Винительно-неопределенный	=я, =а	дявъ=я 'лодку'
Дательный	=ду (=ту)	дяв=ду 'в лодке'
Местный	=ла(=дула, =тула)	дяв=дула 'в лодку'
Направительный	=тки (=тыки)	дяв=тыки 'к лодке'
Продольный	=ли (=дули)	дяв=дули 'по лодке'
Отложительный	=дук (=тук)	дяв=дук 'из лодки'
Творительный	=т (=ди)	дяв=ит 'лодкой'
Исходный	=гит (=кит, =ӈит)	дяв=гит 'со стороны лодки'
Направительно-местный	=кла	дяв=икла 'около лодки'
Направительно-продольный	=кли	дяви=кли 'вокруг лодки'

Таблица 7
Лично-притяжательные аффиксы эвенкийского языка

Лицо	Единственное число	Множественное число
1-е	дю=в 'мой чум'	дю=т 'наш (всех) чум' (вкл.) дю=вун 'наш чум' (искл.)
2-е	дю=с 'твой чум'	дю=сун 'ваш чум'
3-е	дю=н 'его (ее) чум'	дю=тын 'их чум'

Подлежащее не может оформляться возвратно-притяжательными аффиксами: это означало бы принадлежность субъекта себе самому. Следствием этого факта явилось нулевое оформление винительного падежа при возвратном притяжании – одно из многих проявлений принципа экономии языковых средств: дю=ви 'свой чум', аси=ви 'свою жену'.

Система глагола представлена независимыми предикативными формами (эмэ=де=рэ=н 'приходит', эмэ=чэ=н 'пришел') и зависимыми глагольными формами: причастиями и деепричастиями, из которых одни, спрягаемые, являются предикативными, т.е. выполняют функцию сказуемого в ЗПЕ, а другие, неспрягаемые, являются в нашем понимании непредикативными (может быть, полупредикативными), т.е. выполняют определительную и различные обстоятельственные функции. Ср.: а) хавалдя=ри=ва=н садем 'знаю, что он работает'; б) хавалдя=рак=ин эвидечэс 'когда он работал, ты играл'; в) хавалдя=ри бэе 'работающий человек'; г) хавалдя=на икэдерэн 'работая, поет'.

Таблица 8
Спряжение глаголов с личными аффиксами первой группы

Лицо	Форма на (=дя)=ра, настоящее время	
	Единственное число	Множественное число
1-е	асадя=м 'гоню'	асадя=ра=п, асадя=ра=в 'гоним
2-е	асадя=нни 'гонишь'	асадя=ра=с 'гоните'
3-е	асадя=ра=н 'гонит'	асадя=ра 'гонят'

Таблица 9
Спряжение глаголов с личными аффиксами второй группы

Лицо	Форма на =ча, прошедшее время	
	Единственное число	Множественное число
1-е	аса=ча=в '(я) прогнал'	аса=ча=т, аса=ча=вун '(мы) прогнали'
2-е	аса=ча=с '(ты) прогнал'	аса=ча=сун '(вы) прогнали'
3-е	аса=ча=н '(он) прогнал'	аса=ча=тын '(они) прогнали'

Финитные формы глагола, синтетические и аналитические, образуют формы разных времен и наклонений. Спряжение осуществляется прибавлением к основе личных суффиксов двух групп. Суффиксы первой группы (табл. 8) образуют формы настоящего, прошедшего только что совершенного и будущего времени (аф. =ра, =дя, =дял), утратившие связь с исходными причастиями.

Личные суффиксы второй группы (табл. 9) тождественны личнопритяжательным. Они оформляют глагольные формы, не утратившие сопоставимости с исходными причастиями: прошедшего времени (аф. =ча, =ӈки), будущего времени (=дяӈа), долженствовательного наклонения (=мачин, =ӈат), сослагательного наклонения (=мча).

Лично-притяжательными аффиксами второй группы оформляются также зависимые предикативные формы-причастия и деепричастия.

Залоговая система в эвенкийском строится на противопоставлении форм, отражающих различные отношения участников ситуации к действию и друг к другу. Кроме немаркированного действительного залога (ва=рэн 'убил') она включает страдательный (аф. =в, =п, =му: ва=в=чан 'убит'), побудительный (аф. =вкан, =вкэн, =вкон, =пкан, =пкэн, =пкон, =мукан, =мукэн, =мукон: ва=вкан=эн 'он заставил убить'), совместный (=лды: ва=лды=рэ 'они вместе убивают'), взаимный (=мат, =мэт, =мот: ва=мат=тэ 'они убили друг друга').

Основные причастия эвенкийского языка следующие: настоящего времени (=ри), прошедшего времени (=ча), возможного действия (=дяӈа), долженствовательные (=ӈат, =мачин): гадя=ри 'берущий', га=ча 'взявший', га=дяӈа 'могущий взять', га=ӈат, га=мачин 'долженствующий взять'. Эти же причастия в функции зависимых предикатов

спрягаются: гадя=ри=ва=н 'то, что берет (он)', га=дяӈа=ва=в 'то, что (я) могут взять' и т.д. Исключение - причастия на =ча, которые почти утратили спряжение и замещаются в функции зависимого предиката коррелятивным причастием на =на, которому в свою очередь не свойственны атрибутивная функция и безличное употребление; ср.: эмэчэ 'пришедший', но эмэ=нэ=н '(то, что) он пришел'.

Наряду со спряжением, основная функция которого - организация структурно замкнутых ЗПЕ, предикативным причастиям свойственно и склонение, функция которого - конкретизация синтаксической позиции ЗПЕ внутри ППК. Заметим, что склонение безличных причастий способствует их уподоблению в падеже определяемому слову и в большинстве диалектов не реализуется; ср.: эмэчэ=вэ бэе-вэ 'пришедшего человека', бэе эмэ=нэ=вэ=н '(то, что) человек пришел'.

Класс деепричастий представлен спрягаемыми и неспрягаемыми формами.

В отличие от других языков, сопоставляемых в настоящем исследовании, эвенкийский характеризуется относительно свободным порядком слов внутри предикативной единицы, как зависимой, так и независимой. В ППК взаимное расположение частей также является свободным.

Зависимое сказуемое всегда имеет материально выраженный показатель лица. При разносубъектности зависимого и главного действий зависимое сказуемое оформляется личными аффиксами второй группы (см. табл. 9), при моносубъектности - возвратными аффиксами (=ви для ед. ч., =вар для множ. ч.).

Подлежащее ЗПЕ, как и независимого предложения, оформляется неопределенным падежом; ср.: бэе ва=ча=н 'человек убил', бэе ва=нэ=н '(то, что) человек убил'.

4. Энецкий язык

Современная самодийская группа включает четыре языка: ненецкий, энецкий, нганасанский и селькупский. Первые три представляют собой северную ветвь, последний - южную, которая раньше была более многочисленной. Самодийские языки близкородственны, обладают однотипной структурой. Но вместе с тем в процессе исторического развития каждый из них приобрел ряд специфических черт и особенностей.

Энецкий язык относится к числу наименее изученных. Долгое время его считали (также как нганасанский и селькупский) не самостоятельным языком, а диалектом ненецкого языка. Эту точку зрения впервые высказал М.А. Кастрен, который все самодийские языки охарактеризовал как диалекты (Castren, 1854). За ним Г.Н. Прокофьев в своей статье "Энецкий (енисейско-самоедский) диалект" подчеркнул его несамостоятельность (1937б). Видимо, на первом этапе изучения северных, в том числе самодийских языков, неизбежно приходилось ограничиваться выяснением лишь наиболее об-

щих особенностей. Мнение о самостоятельном положении энецкого языка впервые высказала Н.М. Терещенко (1966). В самом энецком языке она выделила два диалекта – бай и маду, которые, в свою очередь, значительно отличаются друг от друга. Но все-таки в ее статье многие аспекты грамматики энецкого языка рассматриваются на базе ненецкого, наиболее полно изученного и описанного из самодийских языков. Кроме названных выше трех небольших статей, общих описаний энецкого языка больше нет.

Энецкий язык агглютинативный, со сложной морфологической структурой. Преобладающим способом морфологического конструирования в нем является способ аффиксации. Разнообразные аффиксы присоединяются к корню справа (префиксов в энецком языке нет) и представляют собой легко членимую последовательную цепочку.

Падежная система энецкого языка включает шесть падежей: номинатив (основной; нулевой аффикс), бенефактив-партитив (частично-назначительный; аффикс =ʒ), датив (дательный; =д), локатив (местно-творительный; =хан), аблатив (отложительный; =хаʒ), прозекутив (продольный; =он).

Н.М. Терещенко не выделяет назначительного падежа, рассматривая данный аффикс в системе отдельной дезидеративной парадигмы. Но она включает в падежную систему энецкого языка родительный и винительный падежи. Более детальный анализ энецкого материала показал, что аффикс дезидеративной парадигмы (форманты которой ничем не отличаются от лично-притяжательной) вычленяется из лично-притяжательного окружения, как и любой падежный аффикс, занимает тот же порядок относительно корня, что и все другие падежные аффиксы и встает в парадигматический ряд основной парадигмы. Генитив и аккузатив не имеют в энецком языке морфологического показателя (выделяются по аналогии с ненецким), в силу чего мы не считаем возможным включать их в падежную систему энецкого языка.

Кроме основной, в энецком языке имеется лично-притяжательная парадигма склонения. Она содержит три ряда форм для единственного числа и два ряда форм для двойственного и множественного числа существительного – объекта обладания. В каждом ряду по 9 форм для лица-числа обладателя (см. табл. 10-12).

Парадигма личного притяжания объектного ряда имеется только для единственного числа субъекта обладания.

Субъектный ряд суффиксов сочетается с именами существительными или другими субстантивированными частями речи, если они используются в предложении в качестве подлежащего.

Объектный ряд суффиксов сочетается с именами существительными, если они выступают в предложении в качестве прямого дополнения.

Косвенный ряд полифункционален: эти суффиксы используются при всех локативных падежах (например, с дательным: мɛ=ку=нь 'в мой дом'), они выступают в конструкциях с послелогами: мɛ=нь кеохон 'около дома моего', они оформляют имена в атрибутивной позиции: эси=нь сой 'шапка моего отца'; в конструкциях с формой на =з они

Таблица 10
Показатели личного притяжания субъектного ряда (основного падежа по Н.М. Терещенко)

Ед. число объекта обладания				Дв. и мн. число объекта обладания			
Лицо и число субъекта обладания	ед.	дв.	мн.	Лицо и число субъекта обладания	ед.	дв.	мн.
1-е л.	=бь, =й	=би, =й	=ба″, =а″	1-е л.	=нь	=нь	=на″
2-е л.	=р	=ри	=ра″	2-е л.	=з	=зи	=за″
3-е л.	=за	=зи	=зу″	3-е л.	=за	=зи	=зу″

Тэ=р 'твой олень', тэ=ри 'олень вас=двоих', тэ=ра″ 'олень вас=многих', тэ=з 'твои олени', тэ=зи 'олени вас=двоих', тэ=за 'олени вас=многих' и т.д.

Таблица 11
Показатели личного притяжания косвенного ряда (родительного падежа по Н.М. Терешенко)

Ед. число объекта обладания				Дв. и мн. число объекта обладания			
Лицо и число субъекта обладания	ед.	дв.	мн.	Лицо и число субъекта обладания	ед.	дв.	мн.
1-е л.	=нь	=нь	=на″	1-е л.	=нь	=нь	=на″
2-е л.	=д	=ди	=да″	2-е л.	=т	=ти	=та″
3-е л.	=да	=ди	=ду″	3-е л.	=та	=ти	=ту″

Тэ=д наду 'рога твоего оленя', тэ=т наду 'рога твоих оленей', тэ=та″ наду 'рога ваших оленей' и т.д.

Таблица 12
Показатели личного притяжания объектного ряда (винительного падежа по Н.М. Терещенко)

Лицо субъекта обладания	Число субъекта обладания		
	ед.	дв.	мн.
1-е л.	=бь, =й	=бь, =й	=ба″, =а″
2-е л.	=д	=ди	=да″
3-е л.	=да	=ди	=ду″

Тэ=д 'твоего оленя', тэ=да″ 'оленя вас-многих' и т.д.

Таблиц а 13
Субъектный тип спряжения

Лицо	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1-е	=э	=й, би	=а", =ба"
2-е	=д	=ри	=ра
3-е	=д, ∅	=ри, =хи	–"

Модь мосра=э 'я работаю', у мосра=д 'ты работаешь', буди мосра=хи 'они-двое работают'.

Таблица 14
Аффиксы субъектно-объектного спряжения для единственного числа субъекта

Лицо субъекта	Аффикс	Пример
	Единственное число объекта	
1-е	∅=у	позра=у 'я запрягаю одного'
2-е	∅=р	позра=р 'ты запрягаешь одного'
3-е	∅=за	позра=за 'он запрягает одного'
	Двойственное число объекта	
1-е	=ху=н	позра=ху=н 'я запрягаю их-двоих'
2-е	=ху=э	позра=ху=э 'ты запрягаешь их-двоих'
3-е	=ху=за	позра=ху=за 'он запрягает их-двоих'
	Множественное число объекта	
1-е	=ы=н	но=ы=н 'я поймал их-многих'
2-е	=ы=э	но=ы=э 'ты поймал их-многих'
3-е	=ы=за	но=ы=за 'он поймал их-многих'

присоединяются к именам с бенефактивным значением: э=нь палто-ку=э 'платок для моей матери'; они оформляют также зависимые предикаты.

В энецком языке выделяются три типа спряжения финитного глагола: субъектный, субъектно-объектный и безобъектный.

По субъектному типу изменяются как переходные, так и непереходные глаголы (это зависит от маркировки объекта – выделен он или не выделен) (табл. 13). По субъектно-объектному типу изменяются только переходные глаголы. По субъектно-безобъектному типу изменяются глаголы, близкие к русским рефлексивным глаголам, а также группа глаголов, характеризующая начальный и конечный момент действия (фазовые).

Субъектно-объектный ряд содержит 27 личных форм: 9 для единственного числа объекта, 9 для двойственного числа объекта и 9 для множественного числа объекта. В целях экономии места приведем только аффиксы для единственного числа субъекта (табл. 14).

Следует отметить, что личные показатели единственного числа объекта для всех трех чисел субъекта полностью совпадают с лично-притяжательной парадигмой имен существительных прямого ряда.

Все инфинитные формы глагола оформляются притяжательными показателями косвенного ряда. Их описание приведено в соответствующих главах книги.

5. Нганасанский язык

Нганасанский язык является одним из наименее изученных языков самодийской группы. Первыми исследователями его (как и других самодийских языков) были М.А. Кастрен (Castren, 1854) и, почти сто лет спустя, Г.Н. Прокофьев (1937). В настоящее время крупнейшим исследователем нганасанского языка является Н.М. Терещенко. Ее монография "Нганасанский язык" (1969) является пока единственной крупной работой в области описания малоизученных языков северосамодийской ветви. Родство нганасанского с другими самодийскими языками не вызывало сомнения, однако в нем имеются отличительные особенности, связанные с тем, что на язык самодийцев, в древности заселивших Таймыр, оказал влияние, по всей видимости, язык коренного населения, жившего на Таймыре до прихода туда самодийских племен. Вопрос этот недостаточно изучен, однако в области фонетики, лексики и грамматики нганасанский отличается от двух других северосамодийских языков – ненецкого и энецкого.

Как и все самодийские языки, нганасанский является агглютинативным, постфигирующим. Построение форм осуществляется путем присоединения аффиксов справа к корню. Имена существительные способны изменяться по шести падежам, присоединяя к основе соответствующие падежные показатели. Н.М. Терещенко выделяет также и родительный падеж, однако в современном нганасанском нет показателя для этого падежа, он, по всей вероятности, утрачен (табл. 15).

Структурно существительные в нганасанском делятся на два класса: с основой на гласный (первый класс) и с основой на согласный (второй класс). Кроме того имеются существительные, обладающие двумя основами – номинативной и так называемой генитивной, например: бахи 'дикий олень' – баби (мн. ч. – 'олени').

В нганасанском языке взаимно противопоставляются друг другу два типа лично-притяжательных аффиксов, причем аффиксы 1-го типа совпадают с личными аффиксами глагола в субъектно-обектном спряжении в индикативе, а аффиксы 2-го типа "обслуживают" преимущественно зависимую часть ППК, оформляя ее предикатный узел:

1-й тип (ед. ч.)

	ед. ч. лица	дв. ч лица	мн. ч. лица
1-е л.	=мэ	=ми	=мы″
2-е л.	=рэ	=ри	=ры″
3-е л.	=зы	=зи	=зыӈ

2-й тип (ед. ч.)

1-е л.	=нэ	=ни	=ны″
2-е л.	=тэ	=ти	=ты″
3-е л.	=ты	=ти	=тыӈ

1-й тип (мн. ч.)

1-е л.	=не/=ня	=ни	=ну″
2-е л.	=те/=че	=ти	=ту″/=чу″
3-е л.	=ту/=чу	=ти	=туӈ/=чуӈ

2-й тип (мн. ч.)

1-е л.	=нэ	=ни	=ну″
2-е л.	=тэ	=ти	=ту″
3-е л.	=ту	=ти	=туӈ

Как и в энецком (а по всей вероятности и в других самодийских языках), в нганасанском имеется ряд лично-притяжательных аффиксов для прямого объекта (по Н.М. Терешенко – для винительного падежа; см. табл. 16).

Нганасанский глагол обладает категориями лица, числа, времени, наклонения и залога. Существуют особые отрицательные формы спряжения. Образование глагольных форм внутри категории происходит путем аффиксации, лишь некоторые формы образуются аналитически. Глагольные основы в нганасанском делятся на два класса: глаголы с основой на гласный и с основой на согласный. При этом основы могут не совпадать с личной формой глагола.

Таблица 15
Падежные суффиксы имен существительных

Падеж	Единственное число		Множественное число	
	1-й класс	2-й класс	1-й класс	2-й класс
Именит.	–	–	=″	=″
Родит.	–	–	=″	=″
Дат.-направит.	=тэ/=нда =дя	=че, =дя	=ти″, =нди″ =нти″, =дя	=ти″, =дя
Винительный	(=м)	(=м)	=й	=й
Местно-твор.	=тэну/=нтэну	=тэну	=тини/=ндини/	=тини
Отложит.	=гэтэ	=кэтэ	=гиʔэ	=китэ
Продольный	=мэну	=мэну	=мэну	=мэну

Таблица 16
Лично-притяжательные аффиксы прямого объекта

Лицо	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
1-е	=мэ	=ми	=мы″
2-е	=мтэ	=мти	=мты″
3-е	=мты	=мти	=мтыӈ

Предыдущие исследователи описывали в нганасанском три времени глагола: неопределенное, прошедшее и будущее. Н.М. Терещенко отмечает, что в нганасанском языке обозначение различных временных категорий получило несколько большее развитие, чем в ненецком и энецком языках. Отличается в нем и морфологическая структура глагольной формы: в ненецком и энецком временной показатель ставится после личного форманта, в нганасанском же временной показатель предшествует личному: ӈатэ=дуо=мэ 'я ждал' или ӈэзу=с у т э= =мэ 'я буду ждать'.

В нганасанском существует три типа глагольного спряжения (это характерно для многих уральских языков): субъектный, субъектно-объектный и субъектно-безобъектный. По субъектному типу спрягаются непереходные глаголы, включающие в свою форму указание только на субъект действия; по субъектно-объектному типу спрягаются переходные глаголы; по субъектно-безобъектному типу глаголы спрягаются в том случае, если обозначаемое ими действие субъект совершает над самим собой (табл. 17).

Таблица 17
Личные суффиксы глагола

Субъектное спряжение	Субъектно-объектное спряжение		Субъектно-безобъектное спряжение
	ед. ч. объекта	дв. и мн. ч. объекта	
Ед. ч. 1-е л. =м	=мэ	=не/=ня	=нэ
2-е л. =ӈ	=рэ	=те/=че	=ӈ
3-е =∅	=ту	=ту/=чу	=″, =зэ
Дв. ч. 1-е л. =ми	=ми	=ни	=ни
2-е л. =ри	=ри	=ти/=чи	=ти/=чи
3-е л. =гэй	=зи	=ти/=чи	=ти/=чи
Мн. ч. 1-е л. =му″	=му″	=ну″	=ну″
2-е л. =ру″	=ру″	=ту″/=чу″	=ту″/=чу″
3-е л. =″	=зуӈ	=туӈ/=чуӈ	=тэ″

Приложение II

ОБ ИСПОЛЬЗУЕМОМ В РАБОТЕ ФОРМАЛЬНОМ АППАРАТЕ

Поскольку в работе используется формальный аппарат описания моделей ППК, на нем необходимо остановиться подробнее. Мы используем для записи формул символы разных степеней обобщения. Крупные составляющие моделей заключаются в скобки; в более сложных моделях используются также квадратные скобки, например, ( ) ( ) и [( ) ( )] ( ). В пунктирные скобки заключается символ подлежащего при обобщенной записи модели, имеющей и разносубъектный вариант с собственным подлежащим в зависимой части, и моносубъектный вариант с единым подлежащим для двух частей (( ) ...) ( ).

Структура блока внутри скобок может раскрываться с разной степенью детализации: (ПЕ) и (ЗПЕ), если внутренняя организация соответствующих единиц в данный момент незначима. Однако обычно структура ЗПЕ расписывается подробно; особое внимание уделяется форме зависимого сказуемого, являющегося конструктивным центром модели. Символ Т обозначает основу слова ("тема"), далее следует частеречные конкретизаторы: $Т_V$ – основа глагола, $Т_N$ – основа существительного и т.д. Символы инфинитных форм: прч – причастие, дпр – деепричастие; фин – финитная форма глагола, при необходимости уточнения также имп. – императив, опт. – оптатив и т.п. Может использоваться и просто символ V, если форма глагола, финитная или инфинитная, для модели незначима.

Символ пад обозначает падежный показатель, // – позицию притяжательных показателей. Запись $Т_V$=прч=пад=// обозначает, таким образом, причастную словоформу с показателем падежа и притяжательными показателями.

При описании моделей в отдельных языках символы могут заменяться на конкретные: прч ~ =ха (бурятское причастие будущего времени), пад. ~ =да (бурятский аффикс дательно-местного падежа). Для представления аффиксов выбираются твердорядные варианты в сильной позиции после гласных. Таким образом, запись $Т_V$=ха=да=// обозначает определенную причастно-падежную форму бурятского языка, способную присоединять притяжательные аффиксы.

Знак = используется для морфемного разбиения словоформ в тех случаях, когда это необходимо для целей анализа; нерасчлененность начальной части словоформы не означает ее нечленимость.

Символом □ обозначается закономерно опускаемая по требованиям конструкции синтаксическая позиция.

Падежные формы имен мы обозначаем цифрами только в случае неопределенного (именительного) и родительного падежа; соответственно, N_1 и N_2 Остальные падежи обозначаются буквенными сокращениями, поскольку количество падежей и порядок их следования в грамматиках разных языков не совпадают (вин. – винительный, дат.-местн. – дательно-местный и т.д.). Вариативность падежных форм в рамках модели выражается дефисом: N_{1-2} – допустимость форм родительного падежа при обычности неопределенного, N_{2-1} – наоборот. Символ i обозначает форму любого падежа, если в рамках данной модели существенно наличие падежной формы, но не конкретный падеж.

Падежные формы причастий обозначаются только буквенными сокращениями за исключением неопределенного падежа с нулевым аффиксом, символ которого – ∅.

Связи между словоформами или ПЕ передаются следующими символами: ⟷ – координация, ← или ⌐ – управление, ⌙ – изафет, ⟹ – согласование; знак примыкания ~ ставится лишь в тех случаях, когда мы хотим обратить особое внимание на этот способ связи, в остальных случаях используется простое соположение единиц. Символ ←– – обозначает семантическую валентность.

Референционные отношения различного рода например, между показателями притяжания и именем, к которому они относятся, и т.д. обозначаются знаком ⌒.

Во многих случаях при описании модели необходимы семантические уточнители ее компонентов, например, $N^{S}_{вин.}$ – имя в винительном падеже со значением субъекта действия, $V^{ОИ}$ – глагол оперирования информацией, $L^{оц}$ – лексема с оценочным значением, независимо от частеречной принадлежности (ср. 'грех', 'трудно', 'улучшаться'). Семантические символы пишутся надстрочно в отличие от подстрочных грамматических; ср. $V^{кауз}$ – глагол с элементом каузативности в семантике, $V_{=кауз}$ – глагол в форме каузативного (побудительного) залога.

Полный список всех компонентов формул дан в конце работы.

Приведем для примера формальную запись одной из моделей: $(\{N_2 \leftrightarrow\} Т_V$=прч=вин=//$)V^{ОИ}$... Здесь ЗПЕ имеет форму винительного падежа, которой управляет глагол оперирования информацией в главной части (он может иметь финитную форму, если фраза состоит из двух частей, или инфинитную, если фраза имеет более сложную структуру, поэтому использован символ V, а не $Т_V$=фин.). Форма зависимого сказуемого – любое из причастий данного языка с показателем винительного падежа и аффиксом притяжания (порядок следования морфем дан для бурятского языка). В модели возможно собственное подлежащее в форме родительного падежа, что обусловлено его зависимым статусом; однако действие ЗПЕ может принадлежать и субъекту управляющего глагола (ср. Я помню, что он был

здесь – Я помню, что был здесь), поэтому символ подлежащего – имя в определенной падежной форме, связанное с глагольной формой отношениями координации – взят в пунктирные скобки, обозначающие, что в данной формуле обобщены моносубъектный и разносубъектный варианты модели.

Еще пример – модель определительной конструкции с формулой $(N_{2} — T_{V} =прч \rightarrow \boxed{Ob})\ N_{i}^{Cb=}//$. В составе причастной ЗПЕ имеется позиция подлежащего в форме родительного падежа. Причастное сказуемое – глагол, управляющий некоторой именной позицией, которая закономерно остается незаполненной, поскольку ее должно было бы заполнять имя, являющееся определяемым (отношение между этим именем и незаполненной именной позицией обозначается знаком ; семантика этого отношения раскрыта символом Ob – объект). Определяемое имя несет падежное оформление согласно своей синтаксической позиции в главной части; однако конкретное значение падежа для строения определительной конструкции не существенно. Далее, определяемое имя оформлено притяжательными показателями, соотносящимися с подлежащим зависимой ПЕ и выражающими лицо субъекта причастного действия; тем самым связь между определяемым именем и определительной ЗПЕ осуществляется по изафетному типу.

Отметим еще, что обычно мы стремимся сохранить в формуле тот порядок следования элементов, который типичен для большинства фраз этой модели. Однако в некоторых случаях этот порядок приходилось слегка изменять из соображений компактности формальной записи.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абакумов С.И. Современный русский литературный язык. – М., 1942.

Абдуллаев З.Г. Очерки по синтаксису даргинского языка. – М., 1971.

Абдуллаев С.Н. Причастие еще не совершившегося действия в роли зависимого предиката. – В кн.: Структурные и функциональные типы сложных предложений (на материале языков народов Сибири). Новосибирск, 1982, с. 96–109.

Абдуллаев С.Н. Сложные предложения аналитико-синтетического типа со значением времени в тюркских языках. – В кн.: Тюркские языки Сибири. Новосибирск, 1983, с. 108–122.

Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. I. М.–Л., 1959.

Аврорин В.А. Особый способ синтаксической связи. – В кн.: Вопросы грамматики. (Сборник статей к 75-летию академика И.И. Мещанинова). М.–Л., 1960, с. 41–43.

Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка, т. II. М.–Л., 1961.

Аврорин В.А. Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л., 1981.

Адмони В.Г. Исторический синтаксис немецкого языка. – М., 1963.

Адмони В.Г. Основы теории грамматики. – М.–Л., 1964.

Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. –Л., 1973.

Адмони В.Г. Сложноспаянное предложение в тюркских языках. – Сов. тюркология, 1982, № 3, с. 30–36.

Азимов П.А., Амансарыев Дж., Сарыев К. Туркменский язык. – В кн.: Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966, с. 91–112.

Алатырев В.И. "Субъектная деепричастная конструкция" и ее происхождение. – В кн.: Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV. Ижевск, 1967, с. 53–68.

Алексеев Д.А. Деепричастия в сложноподчиненном предложении в бурятском языке. – Уч. зап. ЛГУ, 1959, № 282. Серия востоковедческих наук, вып.II, с. 170–184.

Алексеев Д.А. Причастие прошедшего времени и его функции в бурятском языке. – Вестник ЛГУ, 1967, № 8. История, язык, литература, вып. 2.

Алексеев Д.А. Функции причастия будущего времени в бурятском языке. – В кн.: Вопросы филологии стран Азии и Африки. Л., 1971, с. 39–45.

Алиев У.Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. – М., 1972.

Алимова М.Х. Грамматический каузатив в узбекском, таджикском и английском языках (сопоставительно-типологический анализ). Автореф. канд. дис. – М., 1980.

Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. – М., 1971.

Алпатов В.М. Структура грамматических единиц в современном японском языке. – М., 1979.

Амоголонов Д.Д. Деепричастие в бурятском языке. – Улан-Удэ, 1948.

Амоголонов Д.Д. Современный бурятский язык. – Улан-Удэ, 1958.

Апресян Ю.Д. Опыт экспериментального исследования семантики русского глагола. – М., 1967.

Арутюнова Н.Д. Синтаксис. – В кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972, с. 259–339.
Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М., 1976.
Аскарова М.А. Сложные предложения с придаточным дополнительным в узбекском языке. – В кн.: Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961, с. 160–165.
Аскарова М.А. Способы подчинения и типы придаточных в современном узбекском языке. Автореф. докт. дис. – Ташкент, 1963.
Аскарова М.А. К критериям придаточных предложений в современном узбекском языке. – В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971, с. 148–155.
Ахманова О.А. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966.
Бабалова Л.Л. Семантическая разновидность причинных и условных предложений в современном русском языке. Автореф. канд. дис. – М., 1974.
Бабушкин Г.Ф. О значениях и синтаксических функциях деепричастий в тувинском языке. – Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ, Кызыл, 1959, вып. 7, с. 93.
Бабушкин Г.Ф. О структуре придаточных предложений в тувинском языке. – Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ, вып. 8. Кызыл, 1960, с. 127–138.
Балакаев М.Б. Основные вопросы синтаксиса простого предложения в казахском языке. Автореф. докт. дис. – Алма-Ата, 1950.
Балакаев М.Б. Современный казахский язык. Синтаксис. – Алма=Ата, 1959.
Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языкознания. М., 1950.
Балтабаева Ж.К. Семантико-стилистические функции неоформленного родительного и винительного падежей в казахском языке. Автореф. канд. дис. – Алма=Ата, 1984.
Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. – М., 1975.
Баскаков Н.А. Алтайский язык. – М., 1958.
Баскаков Н.А. Предложения с развернутыми членами в каракалпакском языке. – В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. III. Синтаксис. М., 1961, с. 111–121.
Баскаков Н.А. Алтайский язык. – В кн.: Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966, с. 506–522.
Батманов И.А. Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке. – Фрунзе, 1940.
Батманов И.А. Тюркологические заметки (для дальнейших поисков). – В кн.: Материалы по общей тюркологии и дунгановедению. Фрунзе, 1964, с. 3–11.
Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М., 1977.
Белошапкова В.А. Синтаксис. – В кн.: Современный русский язык. М., 1981, с. 363–552.
Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974.
Бертагаев Т.А. К проблеме сложных предложений (на материале монгольских языков). – Вопр. языкознания, 1953, № 4, с. 43–59.
Бертагаев Т.А. О спорных вопросах грамматики (на материале монгольских языков). – В кн.: Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961, с. 86–100.
Бертагаев Т.А. Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Глагол. – М., 1964.
Бертагаев Т.А. Бурятский язык. – В кн.: Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1968. с. 13–33.
Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. – М., 1962.
Биренбаум Я.Г. Сложноподчиненное предложение в современном английском языке. Автореф. докт. дис. – Магнитогорск, 1980.

Благова Г.Ф. Имена действия в тюркских языках средне-азиатского региона. – В кн.: Тюркологические исследования. М., 1976, с. 51–76.
Благова Г.Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении. – М., 1982.
Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. – Казань, 1849.
Бокарев А.А. Синтаксис аварского языка. – М.-Л., 1949.
Бондаренко И.В. О типах полипредикативных конструкций с инфинитивом в функции предиката зависимой части. – В кн.: Инфинитные формы глагола. Новосибирск, 1980, с. 134–142.
Бондаренко И.В. Союзные инфинитные конструкции со специфической зависимой частью в современном русском языке. Автореф. канд. дис. – Томск, 1982.
Боргоякова Т.Н. Полипредикативные конструкции с причастно-послеложной зависимой частью (на материале хакасского языка). – В кн.: Структурные и функциональные типы сложных предложений (на материале языков народов Сибири). Новосибирск, 1982, с. 80–95.
Боргоякова Т.Н. Падежные формы предикативных причастий как средство выражения связи частей в темпоральных полипредикативных конструкциях. – В кн.: Тюркские языки Сибири. Новосибирск, 1983, с. 63–77.
Бродская Л.М. Синтаксические функции причастий в эвенкийском языке. Автореф. канд. дис. – Новосибирск, 1967.
Бродская Л.М. К вопросу о дифференциации именных глагольных форм в эвенкийском языке. – В кн.: Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1972, с. 19–33.
Бродская Л.М. Вспомогательные глаголы в структуре сложноподчиненного предложения эвенкийского языка. – В кн.: Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977, с. 36–54.
Бродская Л.М. Придаточное как член парадигмы предложения. – В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980а, с. 181–184.
Бродская Л.М. Об относительности временных форм в сложноподчиненном предложении в эвенкийском языке. – В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980б, с. 49–60.
Бродская Л.М. Причастные и деепричастные конструкции в составе сложноподчиненного предложения. – В кн.: Инфинитные формы глагола. Новосибирск, 1980 в, с. 32–43.
Бродская Л.М. Значение склоняемых предикативных единиц в эвенкийском языке. – В кн.: Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках Сибири. Новосибирск, 1981, с. 39–65.
Бродская Л.М. Классификация глагольных форм в эвенкийском языке. – В кн.: Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982а, с. 20–39.
Бродская Л.М. Притяжательное оформление определяемого слова как средство связи в определительных сложноподчиненных предложениях эвенкийского языка. – В кн.: Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982б, с. 21–37.
Бурятско-русский словарь /под ред. К.М. Черемисова. – М., 1973.
Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М., 1959.
Вардуль И.Ф. Очерки потенциального синтаксиса японского языка. – М., 1964.
Вардуль И.Ф. Основы описательной лингвистики (синтаксис и супрасинтаксис). – М., 1977.
Василевич Г.М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. – М.-Л., 1940.
Виноградов В.В. Русский язык. – М., 1972.

Володин А.П. Падеж: форма и значение или значение и форма. – В кн.: Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974, с. 261–291.
Вольф Е.М., Никонов Б.А. Португальский язык. – М., 1965.
Гаджиев М.М. Синтаксис лезгинского языка. Ч. I–II. Махачкала, 1963.
Гаджиева Н.З. Критерии выделения придаточных предложений в тюркских языках. – Вопр. языкознания, 1957, № 3, с. 112–118.
Гаджиева Н.З. Типы придаточных в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дис. – М., 1961.
Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. – М., 1973.
Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. – М., 1975.
Гак В.Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта. – В кн.: Синтаксис и стилистика. М., 1976, с. 85–102.
Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. – М., 1981.
Головин И.В. Введение в синтаксис современного японского языка. – М., 1979.
Гордлевский В.А. Грамматика турецкого языка. – М., 1928.
Горелова Л.М. О специфике аналитических форм эвенкийского глагола. – В кн.: Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977, с. 55–75.
Горелова Л.М. Категория вида в эвенкийском языке. – Новосибирск, 1979а.
Горелова Л.М. Функции эвенкийских причастий в их отношении к деепричастиям. – В кн.: Инфинитные формы глагола. Новосибирск, 1979б, с. 3–31.
Горелова Л.М. Модели полипредикативных конструкций в эвенкийском языке. – В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980, с. 83–96.
Горелова Л.М. О семантических соответствиях между простыми и сложными деепричастиями в эвенкийском языке. – В кн.: Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980а, с. 77–114.
Горелова Л.М. Условно-временные формы в эвенкийском языке. – В кн.: Народы и языки Сибири. Новосибирск, 1980б, с. 72–83.
Горелова Л.М. Способы выражения подчинения в полипредикативных конструкциях в маньчжурском языке. – В кн.: Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982, с. 40–56.
Грамматика алтайского языка (составленная членами алтайской миссии). – Казань, 1869.
Грамматика русского языка. Т. I, Т. II (ч. 1 и 2). – М., 1960.
Грамматика современного башкирского литературного языка. – М., 1981.
Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М., 1982.
Грамматика хакасского языка. – М., 1975.
Гришина Н.М. Падежные показатели и служебные слова в структуре сложного предложения кетского языка. Автореф. канд. дис. – Л., 1979.
Грунина Э.А. Сложноподчиненное предложение в современном узбекском языке. Автореф. канд. дис. – М., 1952.
Грунина Э.А. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке. – В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ш. Синтаксис. М., 1962, с. 134–163.
Гулыга Е.В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. – М., 1971.
Демесинова Н.Х. Развитие синтаксиса современного казахского языка. – Алма-Ата, 1974а.
Демесинова Н.Х. Синтаксические конструкции с объектно-изъяснительными отношениями в системе сложного предложения современного казахского языка. – Изв. АН КазССР. Сер. филол., 1974б, № 2, с. 3–12.

Демесинова Н.Х. Типы сложноподчиненного предложения и вопросы синтаксической синонимии. – В кн.: Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977, с. 84–91.
Демесинова Н.Х. Развитие синтаксической системы казахского языка в советскую эпоху. Автореф. докт. дис. – Алма-Ата, 1981.
Джевлет-заде Х., Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка. – Л., 1943.
Дмитриев Н.К. Строй турецкого языка. – Л., 1939.
Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. – М.–Л., 1940.
Дмитриев Н.К. Сложноподчиненное предложение. – В кн.: Строй тюркских языков. М., 1962, с. 388–392.
Дондуков У.-Ж.Ш. О союзах и союзных словах современного бурятского литературного языка. – Краткие сообщения Бурятского комплексного НИИ. Улан-Удэ, 1962, вып. IV, с. 106–116.
Дубровина З.М. Инфинитив и причастие как дополнительное ядро предикации в финском предложении. – В кн.: Вопросы финноугорской филологии. Л., 1977, с. 34–74.
Дульзон А.П. Кетские послелоги. – В кн.: Кетский сборник. М., 1968, с. 247–250.
Дьяконов И.М. Эргативная конструкция и субъектно-объектные отношения. – В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967, с. 95–115.
Дьяконов И.М. Шумерский язык. – В кн.: Языки Азии и Африки. III. М., 1979, с. 7–36.
Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. – М.–Л., 1940.
Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. – М., 1941.
Есенов Х.М. Основные средства связи компонентов сложноподчиненных предложений. – Сов. тюркология, 1972, № 4, с. 17–22.
Есенов Х.М. Сложноподчиненные предложения с падежно-послеложными формами причастий в казахском языке. – В кн.: Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981, с. 89–97.
Есенов Х.М. Осложненные предложения со смыкающими оборотами в казахском языке. – В кн.: Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982, с. 38–47.
Есенов Х.М. Основные вопросы синтаксиса осложненного предложения в современном казахском языке. Автореф. докт. дис. – Алма-Ата, 1983.
Есипова А.В. Способы выражения подчинительной связи зависимого определительного и главного предложений в шорском языке. – В кн.: Способы выражения полипредикативности. Новосибирск, 1978, с. 65–68.
Есипова А.В. Зависимые определительные предложения с причастным сказуемым (на материале шорского языка). – В кн.: Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980а, с. 140–153.
Есипова А.В. Распространенное определение в шорском языке. – В кн.: Инфинитные формы глагола. Новосибирск, 1980б, с. 75–94.
Есипова А.В. Употребление причастий первого семантического типа в простом и распространенном определении (на материале шорского языка). – В кн.: Синтаксис алтайских и европейских языков. Новосибирск, 1981, с. 71–81.
Есипова А.В. Определительная функция причастия в шорском языке. Автореф. канд. дис. – Алма-Ата, 1982.
Ефремов Н.Н. Структурные модели временных полипредикативных конструкций в якутском языке. – В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980а, с. 62–82.
Ефремов Н.Н. Синтаксическая семантика якутских полипредикативных моделей недифференцированного темпорального значения. – В кн.: Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980б, с. 124–139.

Ефремов Н.Н. О парности моносубъектных и разносубъектных якутских темпоральных полипредикативных конструкций. – В кн.: Инфинитные формы глагола. Новосибирск, 1980в, с. 59–74.
Ефремов Н.Н. Сложноподчиненные предложения якутского языка, выражающие простую одновременность. – В кн.: Синтаксис алтайских и европейских языков. – Новосибирск, 1981, с. 51–59.
Ефремов Н.Н. Якутские полипредикативные предложения с формой на =тағына. – В кн.: Тюркские языки Сибири. Новосибирск, 1983, с. 165–169.
Ефремов Н.Н. Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке. – М., 1984.
Закиев М.З. О наличии придаточных предложений в татарском языке. Уч. зап. Казанск. ун-та. Казань, 1961, т. 119, кн. 5, с. 312–320.
Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка. – Казань, 1963.
Зализняк А.А., Падучева Е.В. К типологии относительного предложения. – В кн.: Семиотика и информатика. Вып. 6. М., 1975, с. 51–101.
Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982.
Иванов С.Н. Тюркские атрибутивные конструкции с показателем относительной связи. – Уч. зап. ЛГУ, 1959, № 282. Сер. востоковедческих наук, вып. 11, с. 189–196.
Иванов С.Н. К истолкованию категории принадлежности. – Сов. тюркология, 1973, № 1, с. 26–32.
Иванов С.Н. К проблеме придаточных предложений в тюркских языках. (Изъяснительные причастные конструкции в узбекском языке и вопрос о трансформах). – В кн.: Тюркологический сборник–1977. М., 1981, с. 109–116.
Изысканный дар тюркскому языку. Грамматический трактат XIV в. на арабском языке/Пер. Э.И. Фазылова, М.Т. Зияевой. – Ташкент, 1978.
Ильенко С.Г. Вопросы теории сложноподчиненного предложения в современном русском языке. Автореф. докт. дис. – Л., 1964.
Иоффик Л.Л. Сложное предложение в новоанглийском языке. – Л., 1968.
Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. – М., 1961.
Казем-Бек А. Общая грамматика турецко-татарского языка. – Казань, 1846.
Карабаева Л.А. Придаточные дополнительные предложения со сказуемым-причастием в винительном падеже в современном монгольском языке. – В кн.: Лингвистические исследования 1978. Проблемы грамматического строя языка. М., 1978а, с. 31–37.
Карабаева Л.А. Причастие в дательном-местном падеже в современном монгольском языке. – В кн.: Лингвистические исследования 1978. Синтаксис и морфология языков различных типов. М., 1978б, с. 96–102.
Касьяненко З.К. Об именительном падеже в современном монгольском языке. – В кн.: Вопросы грамматики языков стран Азии. Л., 1964, с. 3–8.
Касьяненко З.К. Придаточное предложение и оборот в монгольском языке. – В кн.: Проблемы филологии стран Азии и Африки. Л., 1966, с. 3–10.
Касьяненко З.К. Подлежащее в придаточных предложениях в монгольском языке. – В кн.: Вопросы филологии стран Азии и Африки. Л., 1971, с. 57–65.
Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. – Казань, 1903.
Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972.
Кенесбаев С.К., Карашева Н.Б. Казахский язык. – В кн.: Языки народов СССР. Т. II. Тюркские языки. М., 1966, с. 320–339.
Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. Предв. публикации Ин-та РЯ АН СССР. – М., 1979.
Климов Г.А. Типология языков активного строя. – М., 1977.
Климов Г.А. Картвельские языки. – В кн.: Языки Азии и Африки. III. М., 1979, с. 102–132.

Коваленко Н.Н. Выражение субъекта зависимой части полипредикативного временного предложения в нганасанском языке. – В кн.: Структурные и функциональные типы сложных предложений (на материале языков народов Сибири). Новосибирск, 1982, с. 110–114.
Козырев М.Ф. Относительно "уступительного деепричастия" в монгольском языке. – В кн.: Вопросы языка и литературы стран Востока. М., 1958, с. 175–182.
Колесникова В.Д. Синтаксис эвенкийского языка. – М.–Л. 1966.
Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. – Воронеж, 1980.
Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка. – М.–Л., 1941.
Кононов А.Н. Грамматика узбекского языка. – Ташкент, 1948.
Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. – Л., 1980.
Константинова О.А. Эвенкийский язык. – М.–Л., 1964.
Константинова О.А. Эвенкийский язык. – В кн.: Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1968, с. 68–87.
Константинова О.А., Лебедева Е.П. Эвенкийский язык. Учебное пособие для педагогических училищ. – М.–Л., 1953.
Копыленко М.М. Теория сложноподчиненного предложения в русском языкознании. – Одесса, 1954.
Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. – М., 1971.
Крейдлин Г.Е. Служебные слова в русском языке (семантические и синтаксические аспекты их изучения). Автореф. канд. дис. – М., 1979.
Крейдлин Г.Е., Падучева Е.В. Значения и синтаксические свойства союза а. – Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. М., 1974, № 9, с. 31–37.
Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис. Сложное предложение. – М., 1977.
Кузнецов П.И. Условное наклонение в турецком языке. – В кн.: Академику В.А. Гордлевскому к его 75-летию. М., 1953.
Кюннап А.Ю. Самодийские послелоги *jV и *jVt(V). – Сов. финноугроведение. 1976, № 4, с. 53–56.
Лебедева Е.П. Предложения с причастными и деепричастными оборотами в эвенкийском и маньчжурском языках. – Научная сессия ЛГУ, 1951–1952 гг. Тезисы докладов по секции фак. народов Севера. Л., 1952, с. 26–28.
Лебедева Е.П., Константинова О.А., Монахова И.В. Эвенкийский язык. – Л., 1979.
Липеровский В.П. Сложные предложения в хинди. Опыт структурно-семантического описания. – М., 1972.
Майзель С.С. Изафет в турецком языке. – М.–Л., 1957.
Мартынов В.В. Категории языка. Семиологический аспект. – М., 1982.
Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М., 1960.
Мелиоранский П.М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. II Синтаксис. – СПб., 1897.
Меновщиков Г.А. Грамматика языка азиатских эскимосов. Ч. II. – Л., 1967.
Меновщиков Г.А., Вахтин Н.Б. Эскимосский язык. – Л., 1983.
Мещанинов И.И. Глагол. – М.–Л., 1949.
Мещанинов И.И. Структура предложения. – М.–Л., 1963.
Мещанинов И.И. Проблемы развития языка. – Л., 1975.
Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – М., 1978.
Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. – М., 1981.
Монгуш Д.А. О временных формах в тувинском языке. – Уч. зап. Тув. НИИЯЛИ Кызыл, 1959, вып. VII, с. 85–92.

Монгуш Д.А. Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке. – Кызыл, 1963.
Монгуш Д.А. О служебных функциях слов кижи, улус и чуве в тувинском языке. – В кн.: Тюркские языки Сибири. Новосибирск, 1983, с. 12–35.
Морозова А.Г. Учебник финского языка. – Петрозаводск, 1982.
Мараталиев М. Придаточные предложения времени в киргизском языке. Автореф. канд. дис. – Алма-Ата, 1953.
Наделяев В.М. Программы по современному монгольскому языку. – Л., 1954.
Оралбаева Н., Балтабаева Ж. Дифференциация функций аффиксальной и нулевой формы винительного падежа. – В кн.: Тюркские языки Сибири. Новосибирск, 1983, с. 3–11.
Оюн М.В. Придаточные определительные предложения, вводимые служебными словами деп, дээр, дээш в тувинском языке. – В кн.: Тюркские языки Сибири. Новосибирск, 1983, с. 46–55.
Павлов И.П. К вопросу о происхождении двух деепричастных аффиксов в чувашском языке. – Уч. зап. НИИЯЛИ при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары, 1956, вып. XIV.
Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. – М., 1974.
Пашков Б.К. Маньчжурский язык. – М., 1963.
Перцовская И.В. Способы выражения причинно-следственных отношений в алтайском языке. – В кн.: Аналитические средства связи в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980, с. 31–45.
Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1938.
Плоткин В.Я. Грамматические системы в английском языке. – Кишинев, 1975.
Попова Н.И. Атрибутивная функция причастных форм якутского языка. – В кн.: Исследования по грамматике якутского языка. Якутск, 1983, с. 104–109.
Поппе Н.Н. Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. – М., 1927.
Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. – М.-Л., 1938.
Поцелуевский А.П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. – Ашхабад, 1943.
Поцелуевский Е.А. Тюркский трехчлен. – М., 1967.
Предикативное склонение причастий в алтайских языках. – Новосибирск, 1984.
Прокофьев Г.Н. Нганасанский (тавгийский) диалект. – В кн.: Языки и письменность народов Севера. М.-Л., 1937а, с. 53–74.
Прокофьев Г.Н. Энецкий (енисейско-самоедский) диалект. – В кн.: Языки и письменность народов Севера. – М.-Л., 1937б, с. 75–90.
Пюрбеев Г.Ц. Типы сложных предложений в монгольских языках. – М., 1979.
Пюрбеев Г.Ц. Специфика падежного оформления субъекта в инфинитных конструкциях монгольских языков. – В кн.: Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981, с. 80–88.
Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. – М., 1959.
Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса. – Воронеж, 1973.
Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка. – М., 1978.
Ревзин И.И. Модели языка. – М., 1962.
Реферовская Е.А. Синтаксис современного французского языка. Сложное предложение. – Л., 1969.
Рифтин А.П. О двух путях развития сложного предложения в аккадском языке. – В кн.: Советское языкознание. Т. 3. Л., 1937.
Рогова В.Н. К вопросу о подчинительных союзах в простом предложении. – В кн.: Уч. зап. Красноярского пед. ин-та, Красноярск, 1956, вып. 7, с. 270–293.
Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1976.

Русская грамматика. Т. I–II. М., 1980.
Русский язык. Энциклопедия. – М., 1979.
Рыжова Е.Ю. Система причастий в северном диалекте энецкого языка. – Сов. финноугроведение, 1982, № 3, с. 205–209.
Рябова А.И. Условия и способы реализации субъектной валентности деепричастия в простых двусоставных предложениях с глагольным и причастным сказуемым. Канд. дис. – М., 1982.
Савченко А.Н. Эргативная конструкция предложения в индоевропейском праязыке. – В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967, с. 74–90.
Сайнахова А.И. Служебные слова в мансийском языке. Автореф. канд. дис. – Л., 1966.
Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. – М., 1963.
Сат Ш.Ч. Тувинско-русский словарь. – М., 1955.
Сат Ш.Ч. Синтаксические функции причастий в тувинском языке. – Кызыл, 1960.
Сат Ш.Ч. Роль служебных слов деп, дээш в сложноподчиненном предложении тувинского языка. – В кн.: Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981, с. 112–115.
Сат Ш.Ч. Придаточные предикативные единицы в тувинском языке. – В кн.: Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982, с. 48–60.
Сауранбаев Н.Т. Семантика и функции деепричастий в казахском языке. – Алма-Ата, 1944.
Севортян Э.В. Категория падежа. – В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. II. Морфология. М., 1956.
Семантические типы предикатов. – М., 1982.
Серебренников Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. – М., 1964.
Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – Баку, 1979.
Скаличка В. Типология и тождественность языков. – В кн.: Исследования по структурной типологии. М., 1963, с. 32–34.
Скорик П.Я. Грамматика чукотского языка, ч. II. – Л., 1977.
Скрибник Е.К. Способы выражения субъекта в системе зависимой предикации (на материале бурятского языка). Автореф. канд. дис. – М., 1980а.
Скрибник Е.К. Падежные аффиксы причастий как показатели связи в полипредикативном предложении (на материале современного бурятского языка). – В кн.: Инфинитные формы глагола. Новосибирск, 1980б, с. 44–58.
Скрибник Е.К. Подлежащные конструкции в бурятском языке. – В кн.: Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981а, с. 123–137.
Скрибник Е.К. Морфологические типы предикативных прилагательных, формирующих подлежащные конструкции (на материале алтайских языков). – В кн.: Морфология имени в сибирских языках. Новосибирск, 1981б, с. 3–14.
Скрибник Е.К. Эмотивные конструкции в бурятском языке. – В кн.: Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982, с. 83–89.
Слепцова А.М. Инфинитные конструкции с изъяснительными союзами в русском литературном языке. Автореф. канд. дис. – Воронеж, 1967.
Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М., 1957.
Соколов С.А. К вопросу о классификации сложных предложений в современном литературном турецком языке. – В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971.

Сорокина И.П. Морфология глагола энецкого языка. Автореф. канд. дис. – Л., 1975.
Сорокина И.П. Морфологическая структура глагола энецкого языка. – Сов. финноугроведение, 1973, № 3, с. 202-207.
Сорокина И.П. Зависимые предикаты с падежными формантами в энецком языке. – В кн.: Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981, с. 138-148.
Сорокина И.П. Послелоги энецкого языка. – Сов. финноугроведение, 1984, № 2, с. 118-124.
Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. – М., 1981.
Субракова О.В. Средства выражения синтаксической связи в сложноподчиненных предложениях. – В кн.: Исследования по современному хакасскому языку. Абакан, 1980, с. 22-39.
Суник О.П. О языке нанайцев на реке Куре. – Изв. АН СССР, отделение лит. и языка, 1948, т. VII, вып. 6, с. 537-550.
Суник О.П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. – М.-Л., 1962.
Суник О.П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. – Л., 1982.
Сыромятников Н.А. Система времен в новояпонском языке. – М., 1971.
Сыромятников Н.А. Развитие новояпонского языка. – М., 1978.
Тадыкин В.Н. Причастия в алтайском языке. – Горно-Алтайск, 1971.
Терещенко Н.М. Энецкий язык. – В кн.: Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские языки. М., 1966, с. 438-456.
Терещенко Н.М. Синтаксис самодийских языков. Простое предложение. –Л., 1973.
Терещенко Н.М. Нганасанский язык. – Л., 1979.
Тощакова Т.М. Послелоги в алтайском языке. – Уч. зап. ГАНИИЯЛИ. Горно-Алтайск, 1956, вып. I, с. 19-50.
Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М., 1960.
Тыбыкова А.Т. Сложные глаголы в алтайском языке. – Горно-Алтайск, 1966.
Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Ч. I. Простое предложение. – М.-Л., 1950.
Убрятова Е.И. О вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских и якутском языке. – В кн.: Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958, с. 221-225.
Убрятова Е.И. Согласование в якутском языке. – В кн.: Исследования по синтаксису тюркских языков. М., 1962, с. 101-188.
Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Кн. 1-2. – Новосибирск, 1976.
Умаров А. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени в русском языке и способы их перевода на каракалпакский язык. Автореф. канд. дис. – Ташкент, 1965.
Усова Н.В. Опыт анализа бессоюзных противительных предложений (на материале изданий XVIII в.). – В кн.: Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980, с. 222-234.
Фельдман Н.И. О реальном и фиктивном склонении предложений в современном японском языке. – Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР. М., 1952, т. IV, с. 230-276.
Филистович Т.П. Падежные формы причастия на -галак в роли зависимого сказуемого в алтайском языке. – В кн.: Тюркские языки Сибири. Новосибирск, 1983, с. 78-89.
Хамгушкеев И.С. Окказиональное выражение субъектов. – Уч. зап. Бур. ГПИ им. Д. Банзарова. Улан-Удэ, 1959, вып. XVIII, с. 241-248.
Ханмагомедов Б.Г.-К. Очерки по синтаксису табасаранского языка. – Махачкала, 1970.

Ханмурзаева Э.А. Полипредикативные конструкции в кумыкском и немецком языках. Принцип сравнения. – В кн.: Структурные и функциональные типы сложных предложений (на материале языков народов Сибири). Новосибирск, 1982, с. 143-147.
Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. – М., 1979.
Цыдыпов Ц.-Ж.Ц. Морфологический состав бурятского слова. – Сборник трудов по филологии. Вып. III. Улан-Удэ, 1958, с. 132-141.
Цыдыпов Ц.-Ж.Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. –Улан-Удэ, 1972.
Чередниченко И.Г. Подчинительные союзы в системе простого предложения. – В кн.: Вопросы славянского языкознания. Кн. 2. Львов, 1949, с. 191-198.
Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. – Новосибирск, 1976.
Черемисина М.И. К вопросу о грамматической структуре глагольной лексемы. – В кн.: Вопросы лексикологии. Новосибирск, 1977а, с. 6-50.
Черемисина М.И. Деепричастия как класс форм глагола в языках разных систем. – В кн.: Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск, 1977б, с. 3-28.
Черемисина М.И. Некоторые вопросы теории сложного предложения. – Новосибирск, 1979.
Черемисина М.И. Моносубъектная конструкция. Понятие и типология. – В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980, с. 6-34.
Черемисина М.И. Сложное предложение как знак языка (об отдельных моделях сложного предложения). – В кн.: Синтаксис алтайских и европейских языков. Новосибирск, 1981а, с. 3-36.
Черемисина М.И. К вопросу о системных отношениях между финитными, причастными и деепричастными формами глагольного слова (на материале алтайских языков). – В кн.: Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов СССР. Новосибирск, 1981б, с. 3-18.
Черемисина М.И. Об изъяснительной конструкции с факультативным управляемым местоимением то. – В кн.: Функциональный анализ синтаксических структур. Иркутск, 1982а, с. 3-21.
Черемисина М.И. Структурно-функциональные типы конструкций с падежными формами зависимых предикатов. – В кн.: Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск, 1982б, с. 3-20.
Черемисина М.И. Притяжательные формы личных местоимений в роли подлежащего зависимой части сложного предложения в бергузинском говоре эвенкийского языка. – В кн.: Семантико-синтаксические связи в языках разных систем. Кемерово, 1983, с. 3-36.
Черемисина М.И. Теоретические итоги исследования сложных предложений в алтайских языках Сибири. – Изв. СО АН СССР, 1984, № 14. Серия истории, филол. и филос., вып. 3, с. 15-20.
Черемисина М.И., Боргоякова Т.Н. О хакасском причастии на -галах/-гелек в роли зависимого предиката. – В кн.: Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982, с. 70-82.
Черемисина М.И., Скрибник Е.К. Опыт формального описания причастно-послеложных конструкций бурятского языка. – В кн.: Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980, с. 38-76.
Чиликина Н.Г. Синтаксическая роль инфинитива в современном русском языке. Автореф. канд. дис. – Львов, 1955.
Чонбашев К.С. Сложные предложения в русском и киргизском языках. – Фрунзе, 1968.

Шамина Л.А. Способы выражения причинных отношений в тувинском языке. – В кн.: Аналитические средства связи в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980, с. 12-30.
Шамина Л.А. Служебные имена в тувинском языке. – В кн.: Морфология имени в сибирских языках. Новосибирск, 1981а, с. 15-25.
Шамина Л.А. Причастно-послеложные конструкции зависимой части тувинских сложноподчиненных предложений времени. – В кн.: Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск, 1981б, с. 98-111.
Шамина Л.А., Черемисина М.И. Причастие на -галак/-калак в тувинском языке. – В кн.: Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск, 1982, с. 57-69.
Шамина Л.А. О моделях тувинских сложных предложений с формой на -гыже в зависимой части. – В кн.: Тюркские языки Сибири. Новосибирск, 1983, с. 36-45.
Шамина Л.А. Использование структурной схемы изафетной конструкции в организации сложного предложения тувинского языка. – В кн.: Теоретические аспекты лингвистических исследований. Новосибирск, 1984, с. 94-109.
Шапиро А.Б. Основы русской пунктуации. – М., 1955.
Шарху А. Деепричастия и деепричастные конструкции в современном монгольском языке. Автореф. канд. дис. – М., 1971.
Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941.
Ширалиев М.Ш. Сложноподчиненное предложение в азербайджанском языке. – Вопр. языкознания, 1956, № 1, с. 93-99.
Ширалиев М.Ш. Проблема сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке. – В кн.: Вопросы составления описательных грамматик. М., 1961, с. 153-159.
Шубина Т.П. Основные виды условных конструкций современного алтайского языка с формой на -сағ-зе в зависимой части. – В кн.: Тюркские языки Сибири. Новосибирск, 1983, с. 99-107.
Щербак А.М. О происхождении формы условного наклонения в тюркских языках. – Сов. тюркология, 1976, № 2, с. 13-22.
Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол.– Л., 1981.
Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов в X – XIII вв. из Восточного Туркестана. – М.–Л., 1961.
Эсхаджиев Я.Ц. Способы выражения сложноподчиненного предложения в чеченском литературном языке. Автореф. канд. дис. – Грозный, 1971.
Юлдашев А.А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. – М., 1977.
Юркасова Л.Е. Употребление инфинитивных предложений в составе сложноподчиненного предложения. Автореф. канд. дис. – Куйбышев, 1970.
Яковлев Н.Ф. (при участии А.Х. Хумпарова, М.С. Сандова и А.С. Бекоева). Синтаксис чеченского литературного языка. – М.–Л., 1940.
Böhtlingk O. Über die Sprache der Jakuten. Jakutische Grammatik.– SPb., 1851.
Castren M.A. Grammatik der samojedischen Sprachen. – SPb., 1854.
Die deutsche Sprachbau. – М.–Л., 1966.
Menges K.H. Das Sojonische und Karagassische. – Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden, 1959, S. 640-670.
Nicolskaya E.K., Goldenberg M.J. Grammaire française. – M., 1977.
Ramstedt G.J. Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen.– Helsingfors, 1903.

СОКРАЩЕНИЯ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Обозначения синтаксических конструкций

ППК – полипредикативная конструкция
ПЕ – предикативная единица
ГПЕ – главная предикативная единица
ЗПЕ – зависимая предикативная единица

Формальные символы

N – существительное
$N^{служ}$ – служебное имя
V – глагол
A – прилагательное
T – основа слова (соответственно: T_N, T_V, T_A ...)
L – лексема
фин. – финитная форма глагола ($V_{фин.}$). Может уточняться названиями финитных подклассов: имп. – императив, опт. – оптатив и т.п. ($V_{имп.}$).
дпр – деепричастный показатель (T_V =дпр)
прч – причастный показатель (T_V =прч)

Семантические символы

S – субъект
Ob – объект
цель – целевое значение
движ. – семантика движения у глагола
ОИ – оперирование информацией
ЭМ – эмотивная семантика
ОЦ – оценочная семантика

Знаки отношений и связей

$\longleftrightarrow$ – предикативная связь (между подлежащим и сказуемым в независимом предложении, субъектным именем и зависимым сказуемым в ЗПЕ); $N_1 \longleftrightarrow V_{фин.}$

$\longrightarrow$ – любые подчинительные отношения, релевантные для данного исследования, в частности, между глаголом и зависящим от него именем ($V_{фин.} \longrightarrow N_4$), оборотом ($V_{фин.} \longrightarrow T_V$=дпр) и ПЕ ($V^{ОИ}_{фин.} \longrightarrow (N_1 \longleftrightarrow T_V$=дпр=вин.п.))

 – согласование

 – изафет

 – семантическая валентность

 – примыкание (знак ставится в случае необходимости подчеркнуть этот способ связи; в остальных случаях используется простое соположение элементов).

 – ориентация (напр.: субъектная – оборота на подлежащее главной части: $N_1 \leftarrow\!\!- V_{фин.} \dashrightarrow T_V$ =дпр – и т.д.).

Знаки синтаксических позиций

( ) – позиция предикативного компонента (ПЕ или оборот)

[ ] – границы крупного структурного объединения

( ) – факультативная позиция

// – позиция зависимо-личного притяжательного оформления

□ – закономерно элиминируемая позиция

ОБОЗНАЧЕНИЯ ТЕКСТОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

Бурятский язык

Анг. – А. Ангархаев. Мүнхэ ногоон хасуури. Улаан-Үдэ, 1982.
Б – ж. "Байгал".
Бат. – Б.-Д. Батоев. Хээрын нүхэнэй нюуса. Улаан-Үдэ, 1968.
БРС – Бурятско-русский словарь /под ред. К.М. Черемисова. М., 1972.
Вор. – Л. Воронкова. Городой басаган. Улаан-Үдэ, 1975.
ГБЯ-2 – Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962.
Дамб. – Г.Д. Дамбаев. Гүнсэмаа. Улаан-Үдэ, 1973.
Дорж. – Ц. Доржиев. Эрэ хүн уйладаггүй. Улаан-Үдэ, 1973.
Жигж. – М. Жигжитов. Далай шадарай дайда. Улаан-Үдэ, 1976.
Лубс. – Вл. Лубсанов. Дагба таабайн хөөрөөн. Улаан-Үдэ, 1976.
Мунг. – Б. Мунгонов. Хара һалхин. Улаан-Үдэ, 1974.
Мунг.,БЗ – Б. Мунгонов. Баян зүрхэн. Улаан-Үдэ, 1974.
Номт. – Ц. Номтоев. Шэлэгдэмэл зохёолнууд. Улаан-Үдэ, 1969.
Тул. – В. Тулаев. Алтан хараасгай. Улаан-Үдэ, 1979.
Тум. – Ж. Тумунов. Нойрһоо һэриһэн тала. Улаан-Үдэ, 1973.
Тум., ТБ – Ж. Тумунов. Талын бүргэд. Улаан-Үдэ, 1975.
Шагд. – Шагдаров Л.Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ, 1974.
Шойд. – Б. Шойдоков. Дархан соло. Улаан-Үдэ, 1971.
Х. – Ц.-Д. Хамаев. Үүрээр ерэһэн үер. Улаан-Үдэ, 1975.
ХГ – газета "Хурамхаанай галнууд".
ХН, 1-5 – Х. Намсараев. Суглуулагдамал зохёолнууд. Тт. 1-5. Улаан-Үдэ, 1957-1959.
Хр. – Буряад литература. 10 класста үзэхэ хрестомати. Улаан-Үдэ, 1976.
Цыб. – Р. Цыбиков. Уулзалга. Улаан-Үдэ, 1973.
Цыд. – Ц.-Ж. Ц. Цыдыпов. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972.
Цыр. – С. Цырендоржиев. Үүрэй солбоной гоё гээшэнь. Улаан-Үдэ, 1975.
Ябж. – Б.Н. Ябжанов. Майтагсаан. Улаан-Удэ, 1971.

Тувинский язык

АД.ЧК – Александр Даржай. Чуртаарын күзезиңзе. Кызыл, 1984.
БХ – Б. Хевенмей. Чогаалдар чыындызы. Кызыл, 1976.
ГТЯ – Пальмбах А.А., Исхаков Ф.Г. Грамматика тувинского языка. М., 1961.
Д.С. – Дандар-оол Сарыкай. Бүстүнмаан үүже. Кызыл, 1978.
ДЧ – Э.Л. Донгак. Чолдак-аңчының чугаалары. Кызыл, 1982.
КК.2 – К.Кудажы. Чогаалдар чыындызы. Т.2. Кызыл, 1980.
КК.Ырж. – К. Кудажы. Ыржым булуң. Кызыл, 1965.

КК. Ырл. – К. Кудажы. Ырлыг булак. Кызыл, 1982.
КК.У – К. Кудажы. Уйгу чок Улуг-Хем. Кызыл, 1973.
КЛ – Монгуш Кенин-Лопсан. Чогаалдар чыындызы. Т.2. Кызыл, 1975.
Кузн. – И. Кузнецов. Саяндан Ровно чедир. Кызыл, 1983.
ЛЧ – Л. Чадамба. Чогаалдар чыындызы. Кызыл, 1978.
ОС.П – О. Саган-оол. Чогаалдар чыындызы. Т.П. Кызыл, 1975.
СС.А – С. Сарыг-оол. Аңгыр-оолдуң тоожузу. Кызыл, 1978.
СТ – Салчак Тока. Араттың сөзү. Кызыл, 1980.
СТ, 1 – С. Тока. Чогаалдар чыындызы. Т. 1. Кызыл, 1976.
СТ, 4 – С. Тока. Чогаалдар чыындызы. Т. 4. Кызыл, 1980.
Сүр. – О.С. Сүрүн-оол. Чогаалдар чыындызы проза чогаалдары. Кызыл, 1975.
С. КН – С. Сүрүн-оол. Кижиниң намдары. Кызыл, 1968.
ТД – Д.А. Монгуш, М.Д. Биче-оол. Тыва дыл. 6-7 класстарга. Кызыл, 1968.
ЭД. ЭХ – Э. Донгак. Эрги хоһаштар. Кызыл, 1983.
ЭТ – Эки турачылар. Кызыл, 1980.
УТЯ – Салзынмаа Е.Б. Учебник тувинского языка. Кызыл, 1980.
УХ – Альманах "Улуг-Хем", № 49, Кызыл, 1982.
ХО – Хөвенмей Ойдан-оол. Чайык соонда. Кызыл, 1978.
Ш.С. – Ш.Ч. Сат. Амгы тыва литературлуг дыл. Кызыл, 1983.

Алтайский язык

АТ – А. Тыбыкова, В. Сатлаева, Н. Тепуков, Алтай тил. Синтаксис. 7-8 класстарга. Горно-Алтайск, 1981.
АТ. 4 – Н. Суразакова, З. Суразакова. Алтай тил. 4 класска. Горно-Алтайск, 1976.
БУ.С – Б. Укачин. Сӱӱш ле öштöжӱ. Горно-Алтайск, 1981.
ВТ.К – В. Тоёнов. Кайғаш. Горно-Алтайск, 1984.
Гр. – Н.П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М., 1940.
ЈК.А – Ј. Каинчин. Айлыбыс јаңғы öзöктö. Горно-Алтайск, 1984.
Ј К.ОЈ – Ј. Каинчин. Ол јараттаң. Горно-Алтайск, 1980.
ЈМ.ТТ – Ј. Маскина. Туулардың тымыгында. Горно-Алтайск, 1983.
КТ.Т – К. Төлöсöв. Таңыбаган. Горно-Алтайск, 1980.
ЛК.АК – Л. Кокышев. Алтайдың кыстары. Горно-Алтайск, 1980.
М.ТК – С. Манитов. Туулардың кыстары. Горно-Алтайск, 1980.
Мет. – 4-чи класста Алтай тилле иштеер методический јакылталар. Горно-Алтайск, 1975.
Сур. – З. Суразакова. Изложениетер. 4-8 класстарга. Горно-Алтайск, 1975.
Тад. – В. Тадыкин. Причастие в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1971.
ТЈ – Туулар јылдызы. Литературно-художественный јуунты. Горно-Алтайск, 1969.
ӲС – Ӳч сӱмер. Горно-Алтайск, 1982.
Хр. – З. Казагачева, С. Суразакова. Алтай литература. Хрестоматия. 9-10 класстарга. Горно-Алтайск, 1975, 1977, 1978.
Ш. АК – Т. Шинжин. Ак кулун. Горно-Алтайск, 1981.

Хакасский язык

АХ.Х – А. Халларов. Хоң ыроҷыхтар. Абакан, 1981.
ИК. ЧХ – И. Костяков. Чӧбек хур, Абакан, 1966.

ГК. АХ.Т – Г. Казачинова, А. Халларов. Той. Абакан, 1979.
ГХЯ – Грамматика хакасского языка. М., 1975.
ИК.МН – И. Костяков. Минің нанҷыларым. Абакан, 1971.
КН.ХХ – К. Нербышев. Хорлаңа Харасуғ. Абакан, 1972.
МП – Микеңең поко. Абакан, 1972.
МТ.ПТ – М. Туран. Пай тирек. Абакан, 1981.
МТ.СС – М. Туран. Саялбаан сӱрместер. Абакан, 1972.
НД.ЫА – Н.Г. Доможаков. Ырахҳы аалда. Абакан, 1960.
НТ.КК – Н. Тиников. Кавристің көглері. Абакан, 1977.
НТ.ТКӦ – Н. Тинижеков. Тіріг кізі өлбеҷең. Абакан, 198
НТ.Х – Н. Тюпиеков. Хыстағда. Абакан, 1977.
НТ.Ч – Н. Тюпиеков. Чайлағда. Абакан, 1972.
ТБ.ХС – Т. Балтыжаков. Хапхыс саасхан. Абакан, 1979.
ФБ.ТО – Ф. Бурнаков. Тигір оды. Абакан, 1977.
ХЧЧ – Хакас чоохтарының чыындызы. Абакан, 1969.

Шорский язык

АТ – Ф. Кусургашев. Алтын таг. Новосибирск, 1934.
Дыр. – Н.П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.–L 41.
Радл. – Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркски мен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Спб, 1
Чисп. – Горький А.М. Избранные произведения (перевод Ф спиякова). Новосибирск, 1936.
ШФ – Н.П. Дыренкова. Шорский фольклор. М.–Л., 1940.

Эвенкийский язык

Г – Гольдберг И. Баркауль хэгды нулгин. Красноярск, 1
ИФЭ – Исторический фольклор эвенков (сказания и преда запись тек- стов, перевод и комментарии Г.М. Василевич. М.– 966.
К. – В. Катаев. Іола хутэн /Пер. М.С. Савина. Л., 19
Н. – Н. Носов. Витя Малеев школаду, людуви-да. /Пер. Монахо- вой. Л., 1954.
П. – Поппе Н.Н. Материалы для исследования тунгусско ыка. Наре- чие баргузинских тунгусов. М., 1927.
ЛКМ – Е.П. Лебедева, О.А. Константинова, И.В. Монахов нкийский язык. – Л., 1979.
ТД – З.И. Ковалева, Е.М. Ялогир. Таңин дярин книга. 61.
Торг. – Торганэй. Эвенкийские сказки в записи Г.М. Васи Л., 1939.
ФЭЯ – А.В. Романова, А.Н. Мыреева. Фольклор эвенков . Л., 1971.
Эф – М.Г. Воскобойников. Эвенкийский фольклор. Л., 19
Хант. – Материалы экспедиции в пос. Хантайское озеро.
Нак. – Материалы экспедиции в пос. Наканно.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

РАЗДЕЛ I. Теоретическая концепция и основные понятия исследования 9

Глава первая. Общий подход к структурной типологии ППК . . . .
§ 1. Основные проблемы типологического исследования ППК . . . . –
§ 2. Полипредикативные конструкции как объект анализа 18
§ 3. Понятия "сложное предложение" и "полипредикативная конструкция": содержание, границы, типология 27

Глава вторая. Общее представление о типах инфинитных предикатов 33

§ 1. Инфинитные формы глагола и инфинитные предикаты . . . . . –
§ 2. Причастие 35
§ 3. Именные формы глагола (имена действия) как предикаты ЗПЕ 47
§ 4. Формы деепричастного типа 52
1. Деепричастие . . . . . –
2. Формы косвенных наклонений 59
3. Инфинитивы 60

РАЗДЕЛ II. Основные структурные типы ППК в алтайских и самодийских языках 67

Глава первая. Полипредикативные конструкции с именными формами глагола в падежной и послеложной форме –
§ 1. Предварительные замечания . . . . . –
§ 2. Конструкции с именными формами глагола в роли сказуемых ЗПЕ в тюркских языках Южной Сибири 73
§ 3. Конструкции с ЗПЕ, возглавляемыми именными формами глагола, в бурятском языке 88
§ 4. Конструкции с именными формами зависимых сказуемых в эвенкийском языке 111
§ 5. ППК с именами действия в нганасанском языке 118
§ 6. Конструкции с именными формами глагола (именами действия и причастиями) в энецком языке 123
§ 7. Некоторые итоги сопоставительного анализа 132

Глава вторая. Полипредикативные конструкции с деепричастной формой зависимого сказуемого 142

§ 1. Предварительные замечания . . . . . –
§ 2. Конструкции с деепричастной зависимой частью в тюркских языках Южной Сибири 144
§ 3. Конструкции с деепричастной зависимой частью в бурятском языке 159
§ 4. Конструкции с деепричастной зависимой частью в эвенкийском языке 170
§ 5. Нганасанские конструкции с деепричастной зависимой частью 187
§ 6. Энецкие конструкции с деепричастной ЗПЕ 192
§ 7. Некоторые итоги сопоставительного анализа 197

Глава третья. Полипредикативные конструкции с собственно причастной (определительной) ЗПЕ 203

§ 1. Предварительные замечания . . . . . –
§ 2. Причастные определительные конструкции в тюркских языках Южной Сибири 207
§ 3. Конструкции с причастными (определительными) ЗПЕ в бурятском языке 229
§ 4. Определительные ППК в эвенкийском языке 241
§ 5. Конструкции с причастной определительной ЗПЕ в самодийских языках 248
1. Нганасанский язык . . . . . –
2. Энецкий язык 252
§ 6. Некоторые итоги сопоставительного анализа 256

Заключение 262

Приложение I. Краткая характеристика изучаемых языков 276

1. Тюркские языки Южной Сибири (тувинский, хакасский, алтайский) . . . . . –
2. Бурятский язык 284
3. Эвенкийский язык 288
4. Энецкий язык 291
5. Нганасанский язык 295

Приложение II. Об используемом в работе формальном аппарате 298

Библиография 301

Сокращение и символические обозначения 313

Обозначения текстовых источников 315

Майя Ивановна Черемисина,
Лариса Мейеровна Бродская,
Елена Константиновна Скрибник и др.

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ СИНТЕТИЧЕСКИХ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЯЗЫКАХ РАЗНЫХ СИСТЕМ

Утверждено к печати
Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР

Редакторы издательства Н.М. Гришина, Т.М. Назарянц

Технический редактор Н.М. Остроумова

Корректоры С.В. Блинова, О.А. Жмака

ИБ № 30311

Сдано в набор 17.04.86. Подписано в печать 06.08.86.
МН-01243. Формат 60 x 90 1/16. Офсетная печать.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 20. Усл. кр.-отт. 20.
Уч.-изд. л. 25. Тираж 700 экз. Заказ № 128.
Цена 4р. 10к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука", Сибирское отделение.
630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.

4-я типография издательства "Наука".
630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.